К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

ПО СЕВЕРУ РОССИИ

По Сѣверу Россіи.

К. Случевскій.

ПО СѢВЕРУ РОССІИ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

Ихъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ Высочествъ

Великаго Князя

ВЛАДИМІРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

и Великой Княгини

МАРІИ ПАВЛОВНЫ

въ 1884 и 1885 годахъ.

ТОМЪ II.

Съ 67 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія ЭДУАРДА ГОППЕ

1886.

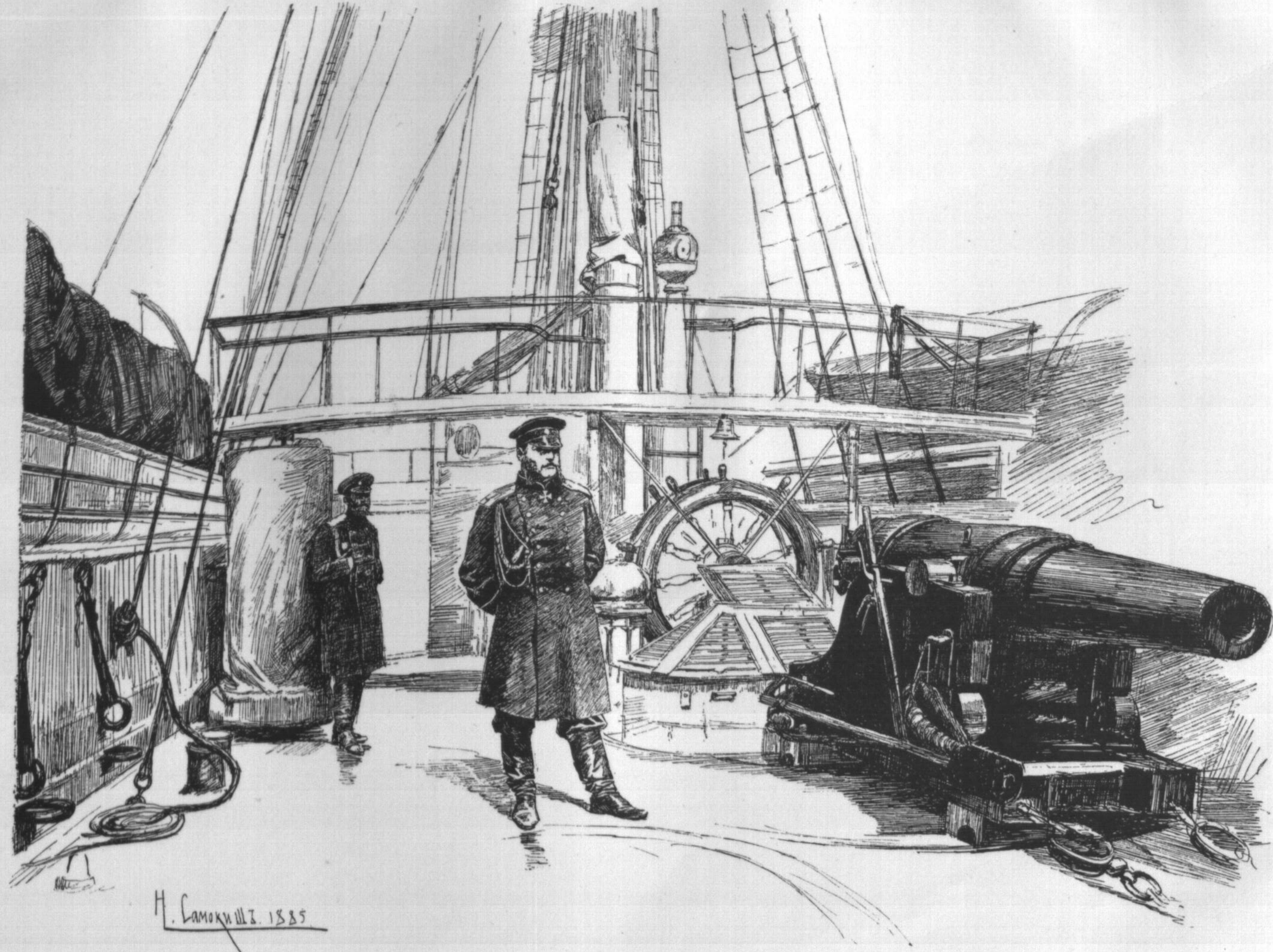
91

Съ соизволенія Его ИМПЕРАТОРСКАГО Высочества
Государя Великаго Князя ВЛАДИМІРА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

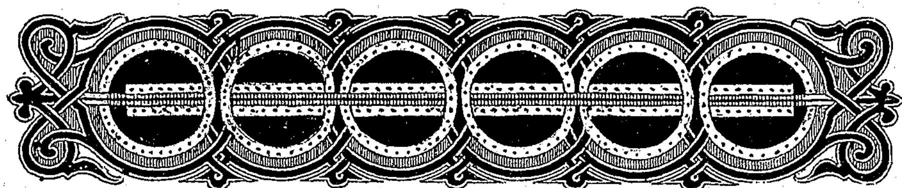
Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій просп., № 53.

НИКОЛАЕВСКАГО
БИБЛІОТЕКА
КОРПУСА.

БИБЛИОТЕКА
22-й советской школы

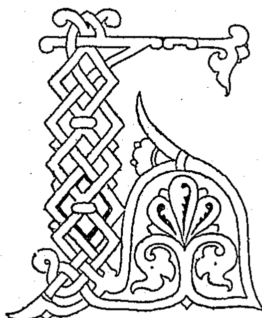
На клиперѣ »Забіяка«.

СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Знакомство съ »Забіякою«. Описаніе клипера. Встрѣча въ Соловкахъ. Исторія возникновенія обители. Связь съ древнимъ Новгородомъ. Петръ I. Монастырская стѣна. Чайки. Святыня. Ризница. Пекарня. Рухлядня. Другія учрежденія. Иконы. Усыпальницы. Митрополитъ Филиппъ. Авраамій Палицынъ. Нападеніе англичанъ въ 1854 году. Возмущеніе раскольничествовавшихъ монаховъ въ XVII вѣкѣ. Путь богомольцевъ. Нашъ отъѣздъ.

Блистая чистотой и очень большимъ персоналомъ офицеровъ и команды, »Забіяка« ожидалъ прибытія Великаго Князя; немедленно по прибытіи Его Высочества былъ поднятъ великокняжескій брейдъ-вымпелъ. Командиръ клипера, Капитанъ 2 ранга Сильверсванъ, представилъ Великому Князю офицеровъ, и Его Высочество обошелъ караулъ и вытянутую вдоль палубы въ двѣ шеренги команду, которая тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ принялась за перегрузку прибывшаго съ нами багажа.

Клиперъ »Забіяка«, судно 2-го ранга, построенъ въ Филадельфіи, на заводѣ Крампа, и вышелъ на рейдъ въ февралѣ 1879 года. На немъ около двадцати офицеровъ и полутораста человѣкъ команды. Длина его по палубѣ 233′, ширина 30′; корпусъ желѣзный, вѣсъ корпуса 335 тонъ. Наибольшій ходъ далъ клиперъ при пробѣ въ Кронштадтѣ: 15½ миль въ часъ; подъ однимъ котломъ ходитъ 8—9 миль, слѣдовательно онъ быстроходный; угля у него достаточно; имѣются два опрѣснителя, опрѣсняющіе воды въ сутки 1.584 ведра. Трюмъ клипера раздѣленъ на девять непроницаемыхъ отдѣленій: девять шансовъ не пойти ко дну въ случаѣ пробоины.

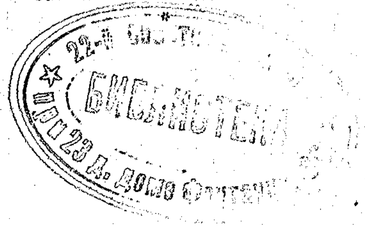
Не смотря на свою миловидность, клиперъ нашъ можетъ

преобразиться въ очень сердитаго, рычащаго: на немъ два орудія 6-ти-дюймоваго калибра, пять 9-ти-фунтовыхъ дальнобойныхъ, на станкахъ Барановскаго, одно горное орудіе 2½ дюйма и четыре пушки Гочкиса, скромно прижавшіяся на палубѣ, подлѣ бортовъ; для дѣйствія онѣ выставляются на мостикъ. Ядеръ, гранатъ, шрапнелей, картечи, всякихъ патроновъ, берданокъ, револьверовъ множество; кромѣ того мы несемъ на себѣ разныя мины самыхъ пріятныхъ особенностей; у насъ есть фальшфейеры, ракеты, динамо-электрическія машины, благодаря которымъ пользуемся электрическимъ освѣщеніемъ. Если бы встрѣтилась надобность, то мы имѣемъ возможность стрѣлять гальваническимъ способомъ. Количествомъ боевыхъ припасовъ »Забіяка« вполнѣ удовлетворяетъ своему имени. Ходить по палубѣ надо очень осторожно, рискуя зацѣпиться то за мѣдныя погоны, по-просту рельсы для орудій, то за какіе-нибудь кольца или крюки, такъ-называемыя рымы, за которые что-либо привязывается. Согласно существующему закону курить на палубѣ нельзя, и для тѣхъ, кто любитъ это невинное занятіе, предвидится большое лишеніе. Законъ запрещаетъ даже сидѣть на палубѣ, и все это имѣетъ свои основанія. Спичекъ при себѣ имѣть тоже нельзя. На »Забіякѣ« высятся вдоль бортовъ его: паровой катеръ, вель-ботъ и пять шлюпокъ. Борта очень высоки, такъ что, гуляя по палубѣ, вы, если не обладаете большимъ ростомъ, ничего по сторонамъ не видите; всякій рѣшительно кругозоръ съ палубы прекращенъ днемъ, когда матросскія койки, связанныя мѣшками, ставятся поверхъ бортовъ; для того, чтобы видѣть что-либо, надобно пройти или на носъ судна, на бакъ, нѣчто въ родѣ салона или гостиной матросовъ, гдѣ имъ позволено курить, или на ютъ, на кормовой части, гдѣ стоитъ подъ ружьемъ вѣчный часовой, или, наконецъ, на одинъ изъ двухъ поперечныхъ мостиковъ; на одномъ изъ нихъ компасъ, на другомъ имѣется постоянный вахтенный офицеръ, и отсюда идетъ всякая команда. Подъ этимъ мостикомъ — рубка, царство штурманскаго офицера; здѣсь лежатъ угломѣрные инструменты и карты, на которыхъ отмѣчается путь судна, такъ что въ каждую минуту вы можете знать мѣсто, на которомъ находитесь. Четыре рулевые матроса стоятъ подъ другимъ мостикомъ у колеса; одинъ изъ нихъ немедленно отвѣчаетъ на всякую команду, и если сказано, напримѣръ: »право

руля«, онъ, совершивъ указанное, немедленно говоритъ: »есть право руля«! Этотъ глаголъ »есть« играетъ на клиперѣ весьма видную роль, и если вы въ каютъ-компаніи говорите вѣстовому: »подай стаканъ воды«, онъ, отправляясь по порученію, отвѣчаетъ вамъ немедленно: »есть стаканъ воды« или просто: »есть«.

Характеръ военнаго судна настолько типиченъ, такъ разнообразенъ въ разные моменты дня и ночи, что описывать его можно только отдѣльными чертами, по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ сказываться въ пути.

Къ 10½ часамъ вечера погрузка клипера окончилась, и раздались одна за другою обычныя при подъемѣ якоря команды: »канатъ на шпиль! пошелъ шпиль! всталъ якорь! чистъ якорь!« и мы двинулись впередъ на NW, по направленію къ Соловецкимъ островамъ. Вечеръ и ночь были совершенно тихи, безмятежны. Ровно черезъ двѣнадцать часовъ, 16-го іюня, утромъ, подходили мы къ нашему сѣверному Аѳону. Утро было очень хорошее и море едва-едва подергивалось легкою зыбью. Раньше другихъ, вправо отъ насъ, показался Анзерскій островъ, затѣмъ Муксалма и, наконецъ, прямо противъ насъ большой Соловецкій и на немъ обитель. Ближайшими островами, справа отъ насъ, поднимаясь очень невысоко надъ водой своими гранитными глыбами, поросшими мелкимъ кустарникомъ и мхами, лежали въ розовомъ сіяніи утра небольшіе Заячьи; между ними есть и Бабій островъ, тотъ именно, на которомъ когда-то должны были останавливаться женщины, посѣщавшія монастырь; теперь поселяются онѣ въ монастырскихъ гостиницахъ. Влѣво отъ клипера, верстахъ въ тридцати, виднѣлись нѣмецкіе и русскіе Кузова и другіе островки, совершенно измѣнявшіе свои очертанія благодаря сильному миражу. Эти миражи въ тихую погоду здѣсь удивительны; всѣ верхушки острововъ были приподняты на воздухъ и обрѣзаны точно столы, и напоминали какъ нельзя лучше горы саксонской Швейцаріи. Иногда выплываютъ вдругъ несуществующіе острова, и тогда поморъ говоритъ: »надысь на эвтомъ самомъ мѣстѣ острова намъ блазнили«; миражъ приближаетъ предметы, и тогда говорится: »берегъ завременился, острова временятъ«. Мы бросили якорь у Песьей-Луды, въ 3½ верстахъ отъ монастыря, пройдя большой Заячій островъ, обставленный значительнымъ количествомъ крестовъ всякой величины. Великій Князь

пересѣлъ на катеръ Соловецкаго монастыря, немедленно подошедшій къ клиперу; на веслахъ сидѣло 12 гребцовъ-монаховъ; на рулѣ — монахъ съ медалью за спасеніе погибавшихъ; отецъ-намѣстникъ пріѣхалъ встрѣтить Его Высочество отъ имени архимандрита. Едва катеръ отвалилъ отъ клипера, какъ послышались изъ монастыря пушечные салюты: то заговорили архи-древнія пушки монастырскихъ стѣнъ; палили тоже монахи. Нашъ »Забіяка« отвѣчалъ издали голосами болѣе свѣжими, болѣе могучими. Испуганные непривычною пальбой, кругомъ насъ суетливо носились чайки, утки, всякія гафки и крифки и, какъ совершенная противоположность ихъ подвижности, глядѣли съ окрестныхъ гранитовъ многіе, очень многіе кресты; значительная часть крестовъ стояла на колодахъ. Обогнувъ послѣдній мысокъ ближайшаго островка, мы пошли прямо къ пристани, лицомъ къ лицу къ Святымъ Вратамъ обители. Надъ гранитною набережной, въ недалекомъ разстояніи отъ берега, высились циклопическія монастырскія стѣны и три выходящія на эту сторону башни: флагъ-мачтовая, арсенальная и предѣльная; между нихъ, четко выдѣляясь высокою аркой, прикрывающею образъ Нерукотвореннаго Спаса, обозначались Святыя Ворота. За стѣнами, вплотную одна къ другой, тѣснились церкви монастырскія: Успенія или Трапезная, Никольская, Троицкая — Зосимы и Савватія, Преображенскій соборъ и крайнею вправо, немного всторонѣ, Больничная. Золоченныхъ маковокъ нѣтъ,— всѣ онѣ зеленые; съ наружной стороны Святыхъ Воротъ пестрѣли тремя красками, расположенными шахматами, два массивные столба весьма сложной профили, напоминающіе древне-индійскіе храмы Эллоры; пестрыя фрески глядѣли на насъ поверхъ каменной монастырской ограды со стѣны собора. Вся набережная маленькой гавани была обрамлена народомъ, большею частію богомольцами; виднѣлись у берега два монастырскіе парохода »Вѣра« и »Соловецкій«, имѣющіе, какъ и крѣпость, свой утвержденный флагъ. Архимандритъ Мелетій, въ полномъ облаченіи, окруженный орнатами и архіерейскими регаліями, присвоенными соловецкому настоятелю, съ монашествомъ, хоругвями, пѣвчими, встрѣтилъ Великаго Князя при самомъ выходѣ на берегъ. Его Высочество прослѣдовалъ, вслѣдъ за духовенствомъ, сквозь длинные ряды богомольцевъ-годовиковъ, одѣтыхъ въ бѣлыя полотняныя, опоясанныя ремнями

рубахи, въ Преображенскій соборъ, гдѣ, отслушавъ многолѣтіе и поклонившись святынѣ, перешелъ немедленно въ смежную съ нимъ Троицкую церковь Зосимы и Савватія.

Здѣсь, подлѣ мощей обоихъ Преподобныхъ, лежащихъ въ богатыхъ ракахъ, подъ роскошною двойною сѣнью, обвѣшенною поверхъ ярко-пунцовою шелковою матеріей, подобранною фестонами, въ свѣтѣ многихъ разноцвѣтныхъ лампадъ, Его Высочество отслушалъ литію, а затѣмъ перешелъ на приготовленное ему мѣсто вправо отъ алтаря, гдѣ и отстоялъ литургію. Это архимандритское служеніе литургіи, въ воскресный день, подлѣ мощей соловецкихъ Преподобныхъ, въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи, при двухъ хорахъ пѣвчихъ, было особенно торжественно. Оно совершено соборнѣ архимандритомъ Мелетіемъ со всею пышностію, установленною еще царемъ Алексіемъ Михайловичемъ въ 1651 году, то-есть въ шапкѣ съ палицею, ручнымъ сулкомъ, рипидами, осѣняльными свѣчами и ковромъ. Петромъ I въ 1702 году прибавлены были мантія съ поматами — скрижалями и посохъ, какъ у архимандрита Чудова монастыря.

По окончаніи литургіи Его Высочество зашелъ въ помѣщеніе архимандрита и послѣ краткаго отдыха началъ обозрѣніе монастырскихъ древностей и достопримѣчательностей, сопровождаемый повсюду отцомъ настоятелемъ. Обитель полна такихъ почтенныхъ и поучительныхъ воспоминаній, что волей-неволей приходится говорить о нихъ подробнѣе.

Вся святыня, вся древность монастыря сосредоточена вокругъ внутренняго двора обители, обращеннаго въ садъ; густо насаженныя и обрѣзанныя березки и рябины образуютъ куртины, окруженныя деревяннымъ заборчикомъ; дорожки между нихъ уложены плитнякомъ, и тутъ, на этихъ дорожкахъ, гдѣ и день, и ночь топчутся богомольцы, имѣетъ мѣсто нѣчто исключительно рѣдкое, характерное. Это — монастырскія чайки. Онѣ очень велики, съ гуся, и почти совершенно бѣлы. Онѣ налетаютъ съ весной, съ Благовѣщенія, и разселяются по монастырю. Ко времени нашего пріѣзда онѣ только что вывели дѣтенышей, называемыхъ здѣсь чебары; гнѣзда ихъ расположены вдоль дорожекъ, устланныхъ плитнякомъ; онѣ видны и въ зелени куртинъ, и внѣ монастыря по холмикамъ и кочкамъ на самыхъ торныхъ мѣстахъ, на крышахъ, подлѣ стѣнъ. Гнѣзда эти въ полномъ смыслѣ слова

лежатъ подъ ногами проходящихъ, вѣчно толкущихся тутъ людей, и ихъ старательно обходятъ; намъ довелось видѣть не только что птенцовъ, но и самое появленіе ихъ на свѣтъ изъ яицъ, и чайка, увѣренная въ своей безопасности, только покрикиваетъ сидя въ гнѣздѣ, и, поднявъ голову, любуется людьми, ее обступившими. Чайки, по отзыву монаховъ, отлетаютъ по осени на сѣверъ. Куда? Едва ли найдется гдѣ-либо на свѣтѣ что-нибудь похожее на соловецкихъ чаекъ. Крикъ ихъ рѣзокъ и непріятенъ, не умолкаетъ ни днемъ, ни ночью; говорятъ, что онѣ очень мстительны, и человѣку, ихъ обидѣвшему, приходится страдать очень оригинальнымъ, но дѣйствительно непріятнымъ способомъ. Каждая изъ чаекъ имѣетъ свое гнѣздо и весной возвращается непремѣнно къ нему. Отъ монастыря онѣ корму не получаютъ, но обиліе прѣсныхъ озеръ и морской воды съ ихъ фауной даетъ имъ полное обезпеченіе. На многихъ изъ монастырскихъ деревянныхъ подѣлокъ, на ложечкахъ, перечницахъ и т. п., фигурируетъ изображеніе бѣлой чайки съ ея сѣренькими крыльями желтымъ клювомъ и темноватымъ хвостомъ.

Соловецкіе острова были когда-то необитаемы. »Богоизбранная двоица« — блаженные Германъ и Савватій перенеслись чрезъ морскія глубины въ 1429 году и водрузили крестъ близъ горы Сѣкирной, отстоящей нынѣ отъ монастыря на 12 верстъ, имѣющей на самой вершинѣ, высшей точкѣ островов̀ъ, церковь, а на колокольнѣ ея маякъ. Шесть лѣтъ жили они тутъ. Жена одного корелянина, покусившагося завладѣть островами, назначенными Богомъ подъ монастырь, была жестоко наказана прутьями Ангелами во образѣ двухъ благообразныхъ юношей, и мужъ съ женой были удалены съ острова. На мѣстѣ наказанія поставлена часовня и въ ней соотвѣтствующее факту изображеніе: Ангелы съ розгами въ рукахъ приближаются къ сидящей на землѣ женщинѣ для исполненія наказанія.

Во время отлучки съ острова Германа Савватій, почувствовавъ приближеніе смерти, переѣхалъ на матерую землю, гдѣ принялъ причащеніе и, »совлекшись бреннаго тѣла«, скончался. Скоро вслѣдъ затѣмъ Преподобный Зосима, третій и главнѣйшій изъ соловецкихъ подвижниковъ, будучи еще юнымъ, раздалъ свое имѣніе нищимъ и, провѣдавъ отъ бывшаго въ то время въ Сумахъ Германа о мѣстоположеніи Соловокъ, способствовавшемъ

уединенію, достигъ съ Германомъ вдвоемъ, въ 1436 году, острова и соорудилъ первую келью въ двухъ верстахъ отъ нынѣшняго монастыря; въ полуверстѣ отъ него поселился Германъ и только позже и уже вмѣстѣ явились они основателями первой церкви монастырской на томъ именно мѣстѣ, гдѣ обитель стоитъ.

Когда обитель возникла, то Преподобный Зосима послалъ въ Великій Новгородъ одного изъ братій за антиминсомъ и получилъ его. Отсюда завязались первыя связи монастыря съ древнимъ Новгородомъ, и усердіе богатыхъ новгородцевъ не замедлило жертвовать монастырю участки земли съ рыбными ловлями. При третьемъ настоятелѣ Іонѣ исходатайствована была отъ правителей Великаго Новгорода, ото всѣхъ пяти концовъ его, грамота на вѣчное владѣніе островами Соловецкими; безцѣнный документъ этотъ, писанный полууставомъ и снабженный восемью вислыми свинцовыми печатями, хранится въ монастырской ризницѣ. На документѣ, какъ это водилось, нѣтъ ни года, ни мѣсяца, ни числа, но онъ совершенно свѣжъ и нерушимъ на видъ.

Только въ 1452 году посвященъ былъ въ игумены Преподобный Зосима; для этого ѣздилъ онъ самъ опять-таки въ Новгородъ; въ 1465 году, въ тринадцатый годъ настоятельства, перенесъ онъ съ берега нетлѣнныя мощи Преподобнаго Германа. Новгородская вольница, не разъ наносившая ущербы обители, вынудила Зосиму еще разъ поѣхать въ Новгородъ. Всѣ рѣшительно были милостивы къ нему, кромѣ самой Мареы Борецкой. Она велѣла отогнать его отъ дома; »затворятся двери дома этого и пустъ будетъ дворъ его«, отвѣтилъ Зосима. Позванный обратно раскаявшеюся въ своей поспѣшности Мареой, Преподобный былъ угощенъ на богатомъ пиру. Молча сидѣлъ онъ и видитъ страшное видѣніе: знатные посадники — Борецкій, Селуневъ, Арзубьевъ и другіе трое сидѣли безъ головъ. По окончаніи пира Мареа вручила Зосимѣ вкладную крѣпость на владѣніе участкомъ земли на Корельскомъ берегу. Представшее Преподобному видѣніе и предсказаніе его о запустѣніи двора Мареы Борецкой скоро исполнились: Іоаннъ III, взявъ Новгородъ, сослалъ Мареу, а шестерыхъ названныхъ бояръ казнилъ. Дарственная запись на Корельское побережье тоже хранится въ монастырѣ. Скончался Зосима въ 1478 году. Соляныя варницы обители заведены имъ.

Особенно покровительствовалъ обители Іоаннъ Грозный во

время игуменства Св. Филиппа, впослѣдствіи знаменитаго митрополита Московскаго. Василій Іоанновичъ пожаловалъ монастырю несудимую грамоту. Михаилъ Өеодоровичъ далъ ему право по всѣмъ исковымъ дѣламъ обращаться прямо въ приказъ большаго дворца и освободилъ всѣ монастырскія подворья по всей русской землѣ отъ постоя и повинностей. Въ 1765 году монастырь сдѣланъ ставропигіальнымъ и состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Св. Синода, а не мѣстнаго епархіальнаго начальства. Въ 1865 году кончилось единоличное управленіе настоятеля и учрежденъ »соборъ« изъ шести человѣкъ. Настоятельствуетъ въ настоящее время архимандритъ Мелетій; счетомъ это пятьдесятъ-восьмое настоятельство.

Петръ I былъ въ монастырѣ дважды. Въ 1694 году, послѣ опаснаго шторма у Унскихъ-Роговъ, посѣтивъ Портоминскій монастырь, прибылъ онъ 7-го іюня и оставался три дня; въ 1702 году прибылъ онъ 10-го августа на тринадцати корабляхъ съ Царевичемъ Алексіемъ и остановился между Анзерскимъ и Муксаломскимъ островами. 11-го августа читалъ самъ Апостолъ и обѣдалъ за братскимъ столомъ, 12-го ѣздилъ по острову на конѣ, 15-го пѣлъ на клиросѣ и того же числа съ флотомъ отправился къ Нюхотской волости, чтобъ идти на Повѣнецъ.

Въ 1844 году посѣтилъ монастырь Великій Князь Константинъ Николаевичъ, въ 1858 году Императоръ Александръ II и въ 1870 году Великій Князь Алексій Александровичъ.

Монастырь расположенъ на большомъ Бѣломорскомъ островѣ, имѣющемъ около ста верстъ въ окружности. Кругомъ него раскинуто пять малыхъ острововъ и разсѣяно много мелкихъ, безыменныхъ. Островъ Муксалма соединенъ съ Бѣломорскимъ длинною гатью, сложенною изъ громадныхъ валуновъ; по нимъ вьется дорога, словно лента по морю, по синему морю; въ двухъ мѣстахъ гати перекинуты небольшіе деревянные мосты, подъ которыми рѣзко обозначаются теченіями, смотря по времени дня, приливы и отливы моря. Разстояніе Соловокъ отъ Кеми 60 верстъ, отъ Сумы — 120, отъ Онеги — 180, отъ Архангельска — 306 верстъ. Острова очень обильны прѣсною водой, на нихъ считаютъ до 300 озеръ.

Каналы и канавки, пересѣкающіе островъ, дѣло рукъ Филипповыхъ, этого великаго человѣка русской исторіи, вышедшаго изъ Соловокъ. Они соединяютъ многія озера и осушаютъ

мѣстность. Почти весь островъ оброс лѣсомъ, при чемъ характеръ лѣса неодинаковъ: въ сѣверной части, къ Муксалмѣ, онъ приземистъ, елочки мелки или безвременно сохнутъ и вымерзаютъ, и обильно проступаетъ карликовая береза-сланецъ съ ея мелкими, жесткими, круглыми листиками и постоянною готовностью стлаться по землѣ; въ южной части, къ Сѣкирной горѣ, лѣсъ рослый, строевой и трава пестрѣетъ различными цвѣтами. Чтобъ убѣдиться въ томъ, что значитъ »дыханіе сѣвера«, стоитъ видѣть сѣверъ и югъ небольшаго Соловецкаго острова.

Центральныя зданія монастыря, представляющіяся внушительною громадою, окружены, какъ извѣстно, знаменитою стѣной, сложенною въ 1584 году монахомъ Трифономъ, »довольно искуснымъ въ военномъ дѣлѣ«. Стѣнѣ этой какъ-разъ 300 лѣтъ отъ роду и она непоколебима своими 10-ти-аршинными камнями и 8 башнями; длина ея одна верста; въ воротахъ помѣщены модели тѣхъ кораблей, на которыхъ пріѣзжалъ въ монастырь Петръ Великій. Его Высочество обошелъ кругомъ всю стѣну; она покрыта дощаною крышею; мѣстами приходилось подниматься и опускаться; сквозь амбразуры и стрѣльницы блистало море съ зеленѣющими островами; въ башняхъ стоятъ старыя пушки, голосъ которыхъ мы слыхали.

Въ стѣнахъ этихъ заключены, какъ въ каменномъ кольцѣ, святыни обители, десять храмовъ, главнымъ изъ которыхъ является, конечно, соборъ Преображенія Господня, построенный Св. Филиппомъ въ 1558—1566 годахъ. Иконостасъ его пятиярусный, съ древними иконами, нижній рядъ которыхъ въ богатыхъ ризахъ, и надъ нимъ длиннымъ поясомъ тянутся раскрытые створни. Фрески по стѣнамъ новые, незнаменитые. Кромѣ храмовъ стѣны монастырскія обнимаютъ пятнадцать отдѣльныхъ корпусовъ: жилыхъ, образовательныхъ и хозяйственныхъ; тутъ же нѣсколько часовень, и вся эта сплоченная масса оживляется и денно и нощно православными молитвами иноковъ и богомольцевъ. Вѣчно шумитъ и бьется о твердыни монастырскія Бѣлое море, но черные иноки въ храмахъ Благовѣщенія, на Голгоѳѣ и на Сѣкирной, совершаютъ такое же неусыпное, какъ шумъ моря, безконечное, неустанное чтеніе псалтири. Черными и бѣлыми являются тутъ и безконечныя стаи пернатыхъ, тоже чередующихся съ точностью удивительною: едва прилетаютъ въ мартѣ

мѣсяцѣ чайки, вороны, обитавшіе всю зиму, почти всѣ исчезаютъ куда-то безслѣдно, можно бы сказать непостижимо. И все это изъ году въ годъ, безъ измѣненія.

Звонъ монастырскихъ колоколовъ разносится далеко по морю, постоянно примѣшиваясь къ его неумолкающему прибою; всѣхъ колоколовъ въ центральной обители 42, на прочихъ островахъ и скитахъ еще 43. На особой низенькой колокольнѣ, почему-то называемой здѣсь готическою, въ центрѣ садика виситъ колоколъ въ 72 пуда вѣсомъ, называемый »Благовѣстникъ«; онъ подаетъ свой почтенный голосъ только въ особыхъ случаяхъ, пожалованъ обители въ 1860 году покойнымъ Императоромъ Александромъ II и отлитъ изъ украшеній, которыя имѣлись налицо при погребеніи Императора Николая I. На немъ, кромѣ изображеній, три очень длинныя надписи, повѣствующія о бомбардированіи обители англичанами въ 1854 году.

Чрезвычайно богата и отлично устроена просторная ризница монастырская. Цѣлый рядъ различныхъ грамать видѣнъ былъ на столѣ къ приходу Великаго Князя; тутъ были и новгородскія — Марѳы Борецкой, и почти всѣхъ Царей нашихъ, начиная отъ Василія Шуйскаго и Годунова. Богатѣйшихъ ризъ и стихарей не оглядѣть; самая дорогая — Царя Михаила Ѳеодоровича; подарковъ Іоанна Грознаго очень много; роскошны мечи Скопина Шуйскаго и князя Пожарскаго; замѣчательна книга »Садъ Спасенія« (1811 года), въ которой описано житіе Зосимы и Савватія »зуграфнымъ мастерствомъ«, и число изображеній въ ней, пестрѣющихъ водяными красками, неисчислимо. Очень богаты многіе шитые образа, Евангелія, ладоницы, кубки. Тутъ же хранятся различныя подвижническія вериги, ризы Филиппа и Зосимы и деревянные сосуды, служившіе послѣднему при богослуженіи. Его Высочество очень долго и подробно осматривалъ всѣ замѣчательности этой почти не имѣющей соперницы ризницы.

Помимо святыни и жилыхъ помѣщеній иноковъ и богомольцевъ и трехъ большихъ гостиницъ, стѣны обнимаютъ замѣчательный циклъ различныхъ учрежденій и заведеній, подобныхъ которымъ въ ихъ совокупности и устройствѣ нѣтъ нигдѣ. Они свидѣтельствуютъ о цѣломъ рядѣ столѣтій труда и выдержки и показываютъ нагляднѣе, чѣмъ что бы то ни было и гдѣ бы то ни было, чѣмъ и какъ шло наше монашество въ дебри и пу-

стыни, проповѣдуя и слово Божіе, и развитіе человѣка. Мѣстные люди наглядно видѣли упорядоченіе, улучшеніе жизни и обращались къ вѣрѣ. Окруженный непривѣтнымъ моремъ, открытый дыханію сѣвера, на голыхъ скалахъ, при чахлой растительности, на краю тѣхъ странъ, гдѣ царитъ двухмѣсячная ночь, а лѣто является только проблесками, монастырь создалъ жизнь и распространилъ ее. Поднимались и поднимаются голоса въ пользу того, чтобы монастырь устроилъ монашеское общежитіе на Новой Землѣ. Несомнѣнно, что эта задача была бы очень трудна, но не невозможна при почтенныхъ качествахъ монаховъ соловецкихъ, отличающихъ ихъ по сегодня отъ временъ новгородскихъ. Что зимою на Новой Землѣ жить можно — доказательство въ опытѣ, произведенномъ въ 1878 году, когда былъ камандированъ туда на зиму штабсъ-капитанъ Тягинъ и съ семьею своею прозимовалъ. Задача была бы и подъ силу, и подъ стать Соловецкому монастырю. Въ настоящее время на Новой Землѣ, въ становищѣ Малые Кармакулы, на средства казны построена спасательная станція; тамъ же съ 1879 года поселены семь семействъ самоѣдовъ, а 19-го іюня 1881 года состоялось Высочайшее повелѣніе о заселеніи Новой Земли съ пособіемъ отъ правительства деньгами 350 р., лѣсомъ на обзаведеніе и правомъ возвратиться на родину черезъ пять лѣтъ, но желающихъ не явилось.

Его Высочество обошелъ двѣ гостиницы и подробно разспрашивалъ богомольцевъ, откуда они, какъ и почему? Большинство приходитъ сюда по обѣту, иногда цѣлыми семьями, и могутъ оставаться на монастырскомъ иждивеніи три дня; чтобы гостить больше, надо спросить разрѣшенія, которое обыкновенно и дается. Значительная часть странниковъ изъ нашихъ четырехъ сѣверныхъ губерній, но были и самарскіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были богомольцы алеутскіе. Характерны такъ называемые годовики, или вкладчики, взрослые и дѣти, остающіеся въ монастырѣ на годъ по обѣту и справляющіе всѣ работы; дѣти отдаются сюда родителями по обѣту же, и для нихъ это пребываніе очень полезно: это цѣлая школа грамотности и мастерства. Надо замѣтить, что въ Соловкахъ вся жизнь этихъ пришлыхъ людей, вся обстановка, совершенно приспособлена къ народному быту, и если не элегантна, за то сыта, тепла и совершенно по сердцу народу. Монаховъ въ обители 300, послушниковъ 100, годовиковъ 400,

*

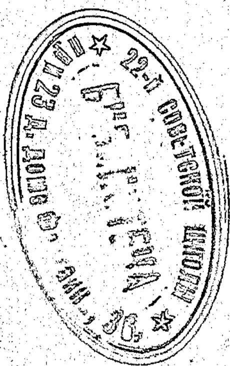
богомольцевъ было свыше 1.500 человѣкъ, и все это питается монастыремъ. Подъ Успенскимъ соборомъ помѣщается пекарня съ чудовищными двумя печами, изъ которыхъ въ каждой испекается сразу до 60 пудовъ, въ одной 180 хлѣбовъ, въ другой 150. Просфоръ выходитъ въ день отъ 1.500 до 2.000. Въ кельяхъ монаховъ, вѣдающихъ пекарню, температура превышаетъ 20° и они постоянно живутъ тутъ и совершенно довольны. Квасу готовится соотвѣтствующее хлѣбамъ количество.

Обитель, отрѣзываемая отъ материка зимними льдами почти на десять мѣсяцевъ, должна была имѣть въ себѣ все необходимое для существованія, и она это все имѣетъ. Вотъ простой перечень ея устройствъ и учрежденій: училище, школы — живописная, сѣтная, каменотесная, слесарная, малярная, бондарная, переплетная, портная, чеботарная, мастерская глиняной посуды, кожевня, лѣсопильня, кирпичный заводъ, чугуннолитейная мастерская, кузница, доки. Въ Макарьевской пустыни бѣлятъ воскъ; имѣется 9 зданій при рыбныхъ тоняхъ и 8 избъ при сѣнокосныхъ пожняхъ, назначенныхъ для породистаго монастырскаго скота. На Анзерскомъ островѣ устроена спасательная станція, въ которую посылается атаманъ и 12 послушниковъ. Монастырю принадлежатъ два парохода: »Вѣра« и »Соловецкій«. По мысли профессора Вагнера думаютъ устроить рыборазводный отдѣлъ и предполагаютъ разводить стерлядь, треску и мойву. Монастырскій скотъ рослый и красивый, головъ около 100, обитаетъ въ 7 верстахъ отъ обители, въ Сергіевой пустыни на Муксалмѣ, посѣщенной Его Высочествомъ на второй день его пребыванія. Замѣчательно и совершенно необъяснимо, почему въ зимнемъ помѣщеніи скотъ стоитъ безъ подстилки; недостатокъ соломы могъ бы быть легко замѣненъ верескомъ и мхами, какъ это дѣлается мѣстами въ Швейцаріи и Германіи, и монастырь не лишался бы значительной части удобренія.

Помимо святыни и строеній, находящихся въ стѣнахъ монастыря, есть еще 6 церквей, 2 скита и 18 часовень, разсѣянныхъ по островамъ. Изъ часовень слѣдуетъ упомянуть о двухъ. Одна »Чудопросфорная«, находится въ 20 саженяхъ отъ воротъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ пріѣзжіе купцы обронили просфору, собака хотѣла схватить ее, но пламя, исходившее изъ просфоры, мѣшало ей прикоснуться. Другая часовня, »Предтеченская«, въ 400 са-

Соловецкій монастырь. Муксалма. Монастырскій скотъ.

женяхъ отъ монастыря, поставлена надъ воинами Царя Алексѣя Михайловича, погибшими во время семилѣтней борьбы съ мятежными монахами-раскольниками во время знаменитаго соловецкаго сидѣнія.

Дольше чѣмъ въ другихъ помѣщеніяхъ оставался Великій Князь въ живописной мастерской и въ »рухляднѣ«. Въ мастерской обратилъ Его Высочество свое вниманіе на молодаго послушника, стоявшаго надъ работой; самоучка, онъ несомнѣнно обладаетъ хорошимъ пошибомъ руки. »Рухлядня« — это необозримое собраніе всякихъ предметовъ одежды, пополняющаяся постоянно какъ изъ монастырской швальни, такъ и отъ добровольныхъ пожертвованій. Она расположена въ четырехъ ярусахъ, соединенныхъ деревянными крутыми лѣстницами, и Великій Князь обошелъ ихъ всѣ. Чего, чего только нѣтъ въ этомъ пестромъ сборѣ одѣяній и сколько продрогшихъ и промокшихъ покроютъ они! Здѣсь есть овчины и кожи собственной монастырской выдѣлки. Моржевые ремни безупречны по достоинствамъ; ими опоясываются монахи, послушники и годовики.

Если въ живописной мастерской было не особенно много работъ, то очень характерною эпопеей монастырской живописи являются галлереи, соединяющія церкви съ жилищемъ архимандрита, и парадная лѣстница, ведущая къ нему со двора. На лѣстницѣ въ натуральную величину написанъ цѣлый звѣринецъ: слонъ большой и малый, бурый и бѣлый медвѣди, левъ, тигръ, олень; яблонь, лимонное и апельсинное деревья, отягченныя очень крупными плодами. Въ галлереѣ вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ изображеній Архангеловъ и Преподобныхъ слѣдуютъ иллюстраціи къ преданіямъ и бытописаніямъ церкви. Много мѣста занимаютъ изображенія странствій Ѳеодоры въ преисподнюю; вы видите: Лазаря и богатаго, человѣка съ бревномъ въ глазу и другаго со спицей, гору Аѳонскую, Тріипостась, бичеваніе, несеніе Креста; вы видите явленіе игуменьи Аѳанасіи, по смерти ея, въ сопровожденіи двухъ Ангеловъ: она посѣтила свой монастырь, который вѣдала при жизни, чтобы уличить монахинь въ томъ, что онѣ вмѣсто сорокадневнаго поминовенія учинили только девятидневное; предъ вами видѣніе Пахалія, которому предсталъ огромный глубокій ровъ, наполненный преступными монахами; тутъ же сказаніе о послѣднихъ монахахъ, ставшихъ плотолюбцами, славолюбцами и

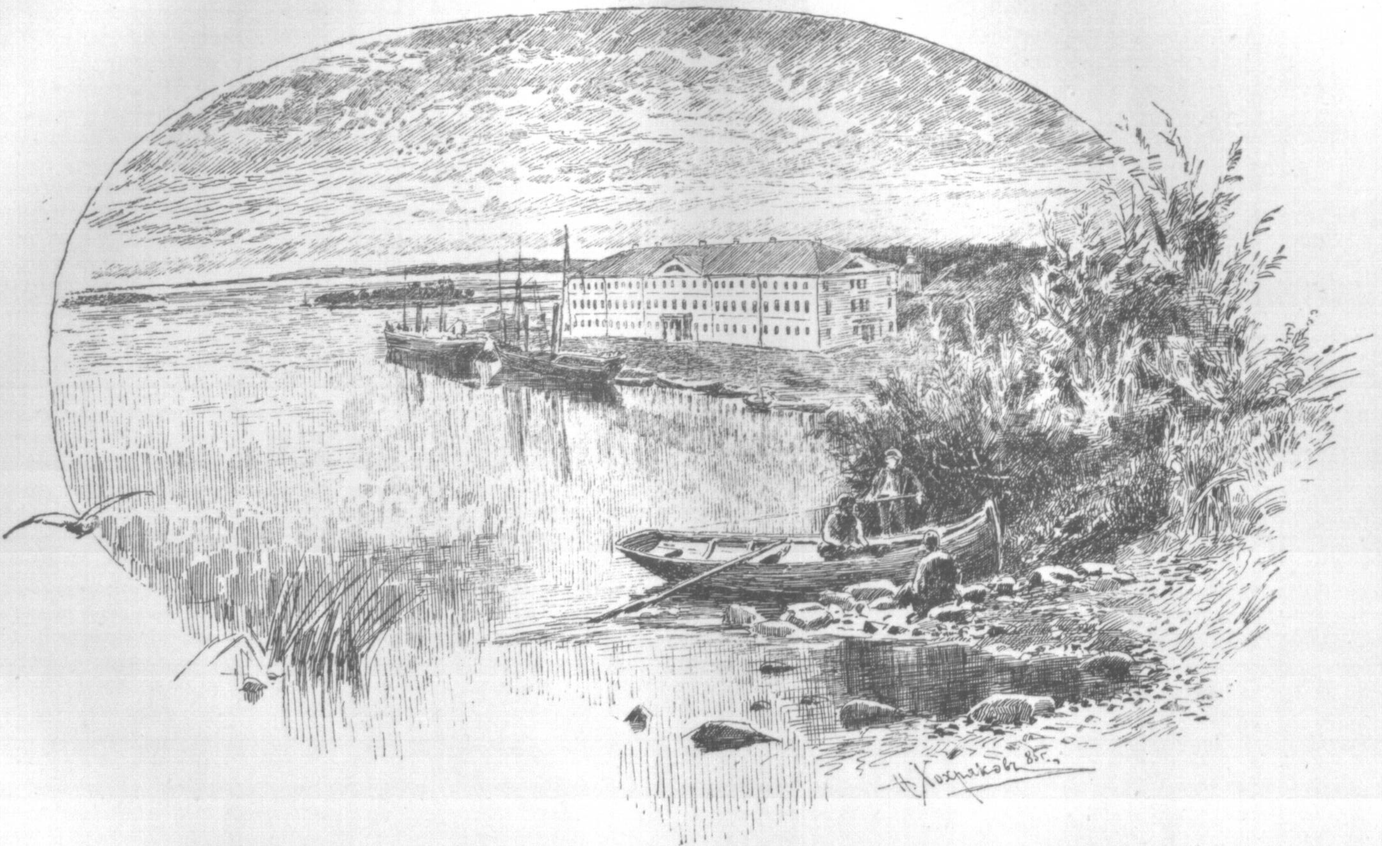
сребролюбцами; предъ вами крестъ съ распятымъ на немъ инокомъ, изображающій подвиги и искушеніе монастырской жизни: слѣва отъ инока—въ розовой юбкѣ и соломенной шляпкѣ какая-то красавица, старающаяся соблазнить, но монахъ не смотритъ на нее, такъ какъ онъ »съ Христомъ сроспяхся«. Очень типичны слѣдующія изображенія: въ одномъ олицетворено »любите другъ друга«: два ангела вѣнчаютъ одинъ другаго вѣнцами и подаютъ другъ дружкѣ руку; въ другомъ изображеніе »духа христіанина«: къ одной ногѣ его привязана громадная бомба, притягивающая его къ землѣ; въ рукѣ сердце, тянущее его къ небу; въ другой рукѣ мечъ. Есть въ галлереѣ Іоаннъ Лѣствичникъ, Антоній, видящій, какъ діаволы оплетаютъ сѣтями землю, и т. д. Живопись исполнена въ 30-хъ годахъ, никакой критики не выдерживаетъ, но обильно снабжена подписями, и предъ ними цѣлый день толкутся богомольцы, странницы, идутъ объясненія, соображенія и сказывается великая набожность.

Полтора дня пробылъ Великій Князь въ Соловкахъ. Трудно было осмотрѣть все, что слѣдовало, но еще труднѣе описать все видѣнное.

Главныя святыни Соловецкаго монастыря — это святыя, явленныя, чудотворныя иконы; мощи Св. Угодниковъ и внушительныя воспоминанія о главныхъ представителяхъ монастырскаго подвига и благочестія, здѣсь почивающихъ и почивавшихъ, такъ или иначе связанныхъ съ судьбами монастыря.

Церкви монастырскія изобилуютъ потемнѣвшими отъ времени иконами, и многоярусные иконостасы ихъ, въ особенности пятиярусный Преображенскаго собора, даръ Петра I, и придѣлы, и часовеньки — все это щедро обвѣшано затуманивающимися отъ долгихъ годовъ ликами Святыхъ. Цѣнныя ризы изъ золота и серебра, многія осыпанныя каменьями, обрамляютъ пожелтѣвшія и потемнѣвшія изображенія и трепетно искрятся въ свѣтѣ негасающихъ никогда лампадъ и вѣчно возобновляющихся, тоже никогда не погасающихъ, дешевенькихъ свѣчъ, поставленныхъ на трудовую копѣйку, идущую сюда со всѣхъ концовъ Россіи. Кто не знаетъ Соловокъ, »святой островъ Соловецъ«, и откуда не шествуютъ къ нему?

Главныя иконы монастыря слѣдующія: нерукотворенный образъ Спасителя въ святыхъ вратахъ, висящій въ нихъ съ

Соловки. Одна изъ гостинницъ.

начала XVII вѣка, недоступный дѣйствію соленаго воздуха; чудотворная икона Знаменія Божіей Матери надъ западнымъ входомъ въ Преображенскій соборъ, дважды пораненная англійскими бомбами въ 1854 году; на ризахъ маленькихъ образковъ, продаваемыхъ въ монастырской лавкѣ, тщательно прорѣзываются два кругленькія отверстія, обозначающія мѣста пораненія иконы; чудотворная икона »Сосновская«, явившаяся Св. Филиппу во время его молитвы за печкой монастырской хлѣбопекарни.

Центральною усыпальницей главнѣйшихъ представителей монастырскаго подвига, полною самыхъ внушительныхъ воспоминаній, должно считать непосредственно прислоненную къ собору Троицко-Зосимо-Савватіевскую церковь и находящуюся подъ нею церковь Преподобнаго Германа. Въ богатыхъ серебряныхъ ракахъ почиваютъ Преподобные Зосима и Савватій, одинъ подлѣ другаго. Изъ простыхъ людей, приходящихъ сюда помолиться Угодникамъ, мало кто вспомнитъ, мало кто знаетъ, какимъ выдающимся человѣкомъ былъ Преподобный Зосима, сдѣлавшій изъ Соловецкаго монастыря то, что онъ есть, прожившій въ Соловкахъ 42 года и имѣвшій когда-то въ Великомъ Новгородѣ встрѣчи и разговоры съ могущественною Мароой Борецкой и другими вѣчевыми людьми. Отъ раки Святителя вѣетъ далекою исторіей нашею съ 400-лѣтняго разстоянія. Рѣзная деревянная сѣнь отѣняетъ серебряные рельефные лики обоихъ подвижниковъ; оба Преподобные въ поясныхъ писанныхъ изображеніяхъ сами созерцаютъ эти металлическіе лики изъ двухъ сосѣднихъ арокъ; три массивныя древнія лампады неугасаемо горятъ надъ ними; на большихъ подсвѣчникахъ пылаютъ десятки постоянно возобновляемыхъ свѣчей.

Въ находящейся подъ этою нижней церкви Св. Германа почиваютъ подъ спудомъ святыя мощи его. Собственно говоря, Св. Германъ былъ первымъ въ дѣлѣ основанія Соловокъ, такъ какъ онъ направился сюда съ Преподобнымъ Савватіемъ, онъ направилъ Зосиму. Подлѣ него, тоже подъ спудомъ, покоятся мощи Преподобнаго Иринарха; тутъ же подлѣ почивали мощи Св. Филиппа до перенесенія ихъ въ соборъ. Надгробныя надписи, замѣтныя кое-гдѣ, гласятъ о другихъ почившихъ въ безмятежномъ спокойствіи.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ длинномъ ряду памятей соловецкихъ Святитель Филиппъ въ его заслугахъ, страданіяхъ, въ его великой и безстрастной стойкости предъ Іоанномъ Грознымъ занимаетъ первое мѣсто. Не монастырю только, но всей православной Россіи знакомъ и дорогъ этотъ величавый, страдальческій обликъ. Филиппъ происходилъ изъ знатнаго боярскаго рода Колычевыхъ и воспитывался въ царскомъ дворцѣ въ Москвѣ. По тридцатому году оставилъ онъ царскій дворъ и удалился, въ 1539 году, въ Соловки; черезъ десять лѣтъ былъ онъ игуменомъ. Во всей исторіи русскаго монашества нѣтъ другаго лица ему подобнаго. Онъ былъ образцовымъ хозяиномъ; дикіе острова сдѣлались благоустроенными; пользуясь своимъ богатствомъ, Филиппъ рылъ канавы, засыпалъ болота, создалъ пастбища, развелъ скотъ, устроилъ кожевенный заводъ и ввелъ выборное управленіе между монастырскими крестьянами. Если на Муксалмѣ богатъ и обиленъ скотный дворъ, если по острову гуляютъ стадами лапландскіе олени, если созданы соляныя варницы — всему этому причиной Филиппъ.

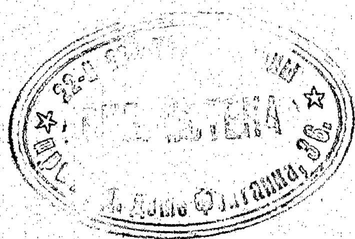
Шелъ восемнадцатый годъ игуменства Филиппа, когда Царь Іоаннъ Грозный, обуянный всѣми страстями, больной, жестокій, кровожадный, подозрительный, окруженный лютою опричиной, вспомнилъ о сверстникѣ своего дѣтства Филиппѣ и призвалъ его на московскую митрополію. Слыхалъ соловецкій настоятель о томъ, кто такое Іоаннъ и противъ какой воли придется ему бороться, но, повинуясь царскому слову, прибылъ въ Москву и сталъ на митрополію. Кто не знаетъ этихъ яркихъ страницъ исторіи нашей, гдѣ противостояли другъ другу лицомъ къ лицу Іоаннъ и Филиппъ? Много ли подобныхъ страницъ въ любой исторіи? »Благослови насъ по нашему изволенію«, говоритъ митрополиту Царь; Филиппъ не даетъ ему благословенія. »Не я просилъ тебя о санѣ«, отвѣчаетъ митрополитъ, »постыдись своей багряницы! Не могу повиноваться твоему велѣнію, паче Божьяго«. И кому говоритъ эти слова митрополитъ? Іоанну, въ періодъ злѣйшаго развитія его душевной болѣзни, говоритъ въ церкви предъ лицомъ всѣхъ опричниковъ, изъ которыхъ каждый — злодѣй!

Царь долгое время щадилъ смѣлаго іерарха, но наконецъ назначилъ судъ. Обвиненіе повели изъ далекихъ Соловокъ, потому

Соловки.

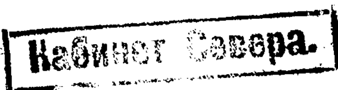
Внутренній дворъ монастыря. Колокольня »Благовѣстника«.

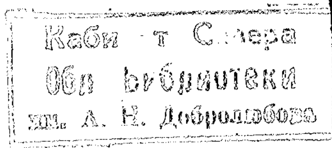

что въ Москвѣ поводовъ не было; подкупили соловецкаго игумна Паисія. Филиппъ былъ обвиненъ въ волшебствѣ, разоблаченъ изъ святительства и, приговоренный къ вѣчному заточенію, поносно изгнанъ въ Тверской Отрочъ монастырь. Здѣсь, 23-го декабря 1569 года, былъ онъ задушенъ Малютой Скуратовымъ. Царь переказнилъ въ отместку Филиппу многихъ Колычевыхъ, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что величавый Святитель былъ ему страшнѣе Курбскаго, говорившаго далеко не правду, и ту только издалека.

Въ 1591 году, послѣ того что наслѣдникъ Іоанновъ сослалъ лжесвидѣтельствовавшаго на Филиппа игумна Паисія на Валаамъ, мощи Филипповы были перевезены въ Соловецкій монастырь и положены въ землю. Трогательнымъ пѣніемъ гимна, на этотъ случай сочиненнаго, привѣтствовали монахи изможденное тѣло мученика; гимнъ начинается словами: »Не надо было бы тебѣ, о Святителю Филиппе, оставлять твое отечество!« Въ 1646 году, повелѣніемъ Царя Алексѣя Михайловича, мощи вскрыты и перенесены въ Соловецкій соборъ; въ 1652 году торжественно вынесены въ Москву, а въ Соловкахъ оставлены только ихъ части, лежащія въ соборномъ храмѣ, въ серебряной ракѣ, вправо отъ алтаря.

Хотя память митрополита Филиппа и опустѣвшая усыпальница его имѣютъ для посѣтителя преобладающее значеніе, но слѣдуетъ вспомнить и о другомъ дѣятелѣ, почивающемъ въ оградѣ монастырской во дворѣ, подлѣ собора. Это Авраамій Палицынъ, келарь Троицкой лавры, одинъ изъ самыхъ выдающихся людей въ годину лихолѣтія. Онъ былъ членомъ посольства, отправленнаго въ Смоленскъ къ Сигизмунду; во время движенія къ Москвѣ Пожарскаго и Минина онъ съ Діонисіемъ, архимандритомъ Троицкой лавры, писалъ имъ граматы и торопилъ придти; Авраамій ѣздилъ въ Ярославль для уничтоженія раздоровъ и безпорядковъ въ рати Пожарскаго, шедшей къ Москвѣ; онъ, наконецъ, былъ членомъ посольства, отправленнаго просить на престолъ молодаго Царя Михаила Ѳеодоровича. Авраамій умеръ въ 1647 году въ Соловкахъ, въ которыхъ недобровольно прожилъ семь лѣтъ. Отъ Палицына осталось сочиненіе: »Лѣтопись о многихъ мятежахъ«, за время обладанія столицею поляками, одинъ изъ любопытнѣйшихъ источниковъ для

изслѣдованія смутнаго времени. Палицыны происходили отъ знатнаго рода новгородскихъ выходцевъ, прибывшихъ въ Москву въ XIV вѣкѣ и носившихъ имя отъ родоначальника своего, прозваннаго Палицей.

Слѣдуетъ упомянуть, что будущій патріархъ Никонъ принялъ здѣсь въ Соловкахъ иночество и прожилъ нѣсколько лѣтъ. Также принялъ здѣсь постриженіе и бывшій Царь Казанскій Эдигеръ. Одна изъ надгробныхъ надписей на монастырскомъ дворѣ гласитъ, что тутъ покоится кошевой атаманъ сѣчи, Кольнишевскій, сосланный сюда »на смиреніе« въ 1776 году.

Въ одной изъ башень монастырской стѣны, называемой Успенскою, помѣщается очень любопытный арсеналъ монастыря, съ большимъ количествомъ деревянныхъ стрѣлъ, копій, алебардъ, бердышей, кольчугъ, пищалей и пушекъ. Посѣщающій этотъ арсеналъ, вспоминаетъ историческіе факты, въ которыхъ монастырская жизнь принимала военную окраску. Этими бердышами и алебардами вооружались монахи въ XV и XVI столѣтіяхъ противъ шведовъ; изъ этого арсенала взято было оружіе во время раскольничьяго мятежа въ XVII столѣтіи, противъ царскихъ войскъ. Когда, въ 1854 году, бомбардировали обитель англичане и монастырь вооружался противъ нихъ, то въ арсеналѣ оказалось 20 пушекъ разнаго калибра, 381 пика, 648 бердышей, и все это пошло въ ходъ и послужило для вооруженія. Главный начальникъ края поручилъ тогда одному изъ офицеровъ, Бруннеру, осмотрѣть побережье Бѣлаго моря и Мурмана, строить и вооружать батареи, но только мѣстными средствами. Такимъ образомъ, при помощи монаховъ и богомольцевъ, построено было нѣсколько батарей и въ Соловкахъ; для защиты скотнаго двора на Муксалмѣ, на который зарились англичане, устроено было для дѣйствій противъ десанта нѣчто въ родѣ конной артиллеріи въ три орудія, ѣздовыми которой были богомольцы, прислужники, а командованіе поручено монаху, бывшему фейерверкеру; командиръ этотъ, въ монашеской одеждѣ, командовалъ молодецки. Орудія изъ за монастырской стѣны глядѣли грозно, но взяты они были съ бору да съ сосенки. Одна пушка, отлитая при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, найдена была въ банѣ, гдѣ замѣняла каменку для полученія пара; въ другихъ орудіяхъ была масса свищей и раковинъ; пришлось просверливать стволы. Вооруже-

нію монастыря помогали отставной коллежскій ассессоръ Соколовъ и отставной гвардіи унтеръ-офицеръ Крыловъ. Слѣды бомбардировки имѣются на лицо въ грудахъ бомбъ и ядеръ, въ знакахъ на стѣнахъ и на иконахъ. Стрѣляли англичане плохо; лѣсистый островокъ заслонялъ монастырь, и большая часть бомбъ перелетала черезъ и ложилась за нимъ въ Святое озеро. Въ озерѣ этомъ лѣтніе богомольцы считаютъ долгомъ своимъ искупаться.

Слѣдуетъ напомнить нѣсколько подробнѣе о раскольничьемъ мятежѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Соловкахъ, такъ какъ это одна изъ любопытныхъ страницъ нашего сѣвера.

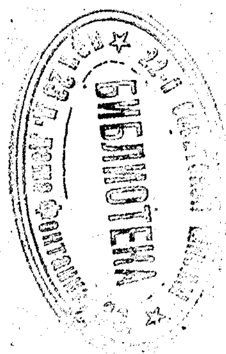
Явное возмущеніе раскольничествовавшихъ монаховъ началось при настоятелѣ Варѳоломеѣ и длилось ровно десять лѣтъ. Личное недовольство патріархомъ Никономъ, множество братіи и приливъ ссыльныхъ способствовали смутамъ. Много было тутъ военныхъ и мірскихъ людей. Уже давно шло пьянство по келіямъ, о чемъ игуменъ Илія и доносилъ Царю; доносилъ онъ, что слишкомъ часто мѣняютъ игумновъ и что много времени проходитъ безъ нихъ. Въ отвѣтъ на это царская грамата 1647 года возбранила приносъ по келіямъ питья. Когда Никонъ управлялъ Новгородскою епархіей, онъ тоже замѣтилъ многіе безпорядки въ Соловкахъ, а именно: что просфоры пекутъ не изъ одной пшеничной муки, а съ примѣсью ржаной; что поютъ въ два, три и четыре голоса, вмѣсто того чтобы пѣть единогласно; питаются въ постѣ рыбой, допускаютъ жить мірскихъ людей, вводятъ хмѣльное и нарушаютъ преданіе объ откровеніи главъ. Объ этомъ писалъ сюда Никонъ въ 1651 году.

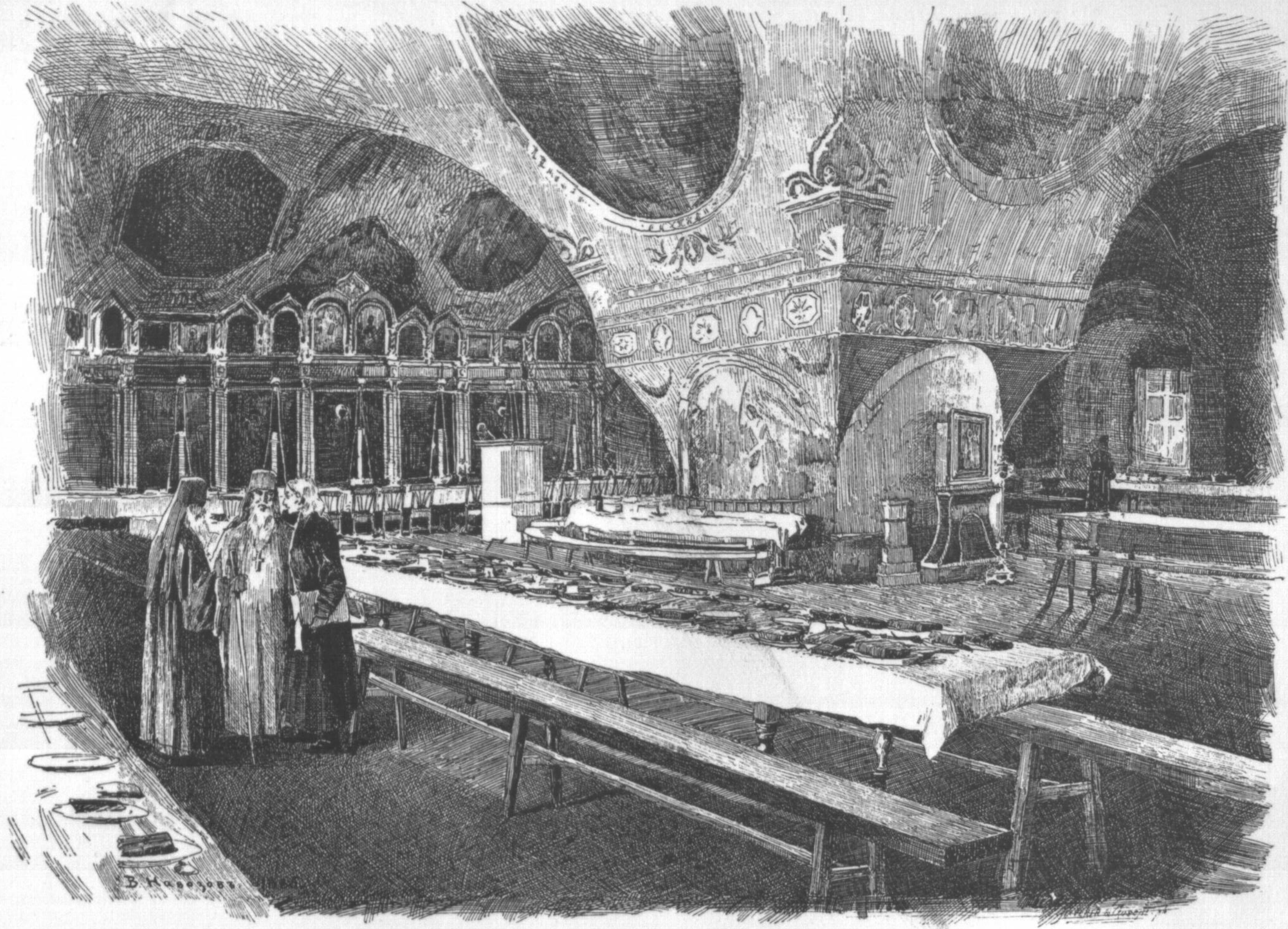
Особенно противились Никону соловецкіе ссыльные, и между ними велъ главенство князь Львовъ, бывшій главный начальникъ печатнаго двора въ Москвѣ. Въ 1655 году вызванъ былъ изъ Соловокъ въ Москву для исправленія книгъ грекъ Арсеній; когда онъ вернулся, то жилъ двусмысленно и одобрялъ мнѣнія раскольниковъ. Противъ исправленія книгъ былъ и самъ архимандритъ Илія. Въ 1657 году прибылъ въ Холмогоры съ новыми книгами боярскій сынъ; книгъ этихъ не приняли въ монастырѣ, и начали монахи писать свои знаменитыя челобитныя въ Москву. Число недовольныхъ росло; такимъ былъ и Никаноръ, архимандритъ Саввина-Сторожевскаго монастыря, тоже удалившійся въ Соловки. Самъ соловецкій архимандридъ Варѳоломей исключилъ изъ Симво

ла Вѣры слово »истиннаго«, и онъ же ѣздилъ въ Москву со своими объясненіями. Тогда послана была отъ Царя въ Соловки коммиссія, подъ начальствомъ архимандрита Старо-Ярославскаго монастыря Сергія. Это былъ »мужъ гордый, якоже древній фараонъ и велерѣчивый«, то-есть совсѣмъ непригодный къ роли умиротворителя. 4-го октября 1666 года прибылъ онъ и, собравъ монаховъ, прочелъ имъ царскій указъ. Раздались крики: »Указу послушны во всемъ, но повелѣнія о Символѣ Вѣры, сложеніи перстовъ, аллилуія и новоизданныхъ книгъ не пріемлемъ...«! »Горе намъ! отнимаютъ у насъ сына Божія! Гдѣ вы дѣвали сына Божія«? кричали монахи. Они хотѣли даже потопить присланныхъ стрѣльцовъ, и самъ Сергій поторопился отбыть въ Москву съ келаремъ Савватіемъ; онъ взялъ съ собою также князя Львова и другихъ непокорныхъ. По отъѣздѣ его избранъ былъ монахами новый келарь Азарій, открытый врагъ новоисправленныхъ книгъ; монахи послали Царю челобитную, въ которой изложили, что за вѣру Чудотворцевъ готовы смерть принять; многіе приняли схиму; »позволь намъ, Государь«, писали они, »въ томъ же преданіи быть, чтобы намъ врозь не разбрестись и твоему богомолью, украйному и порубежному мѣсту, отъ безлюдства не запустѣть«.

Настоятель за это время отсутствовалъ и мятежъ усиливался. Притекали въ Соловки, прослышавъ о немъ, разные люди, »даже и грабители изъ шайки Стеньки Разина«? Когда изъ Москвы отправленъ былъ новый архимандритъ Іосифъ и съ нимъ прежній Варѳоломей, то допущенъ былъ въ поѣздку—что было уже совершенно некстати—и заявившій свои раскольничьи воззрѣнія Никаноръ. Онъ предпослалъ своему возвращенію въ Соловки лживое письмо, слѣдствіемъ котораго быто то, что Іосифа не приняли, а у Варѳоломея разорвали клобукъ и выдрали волосы.

22-го сентября 1668 года отправлена была Царю еще одна, самая знаменитая челобитная. Царь рѣшился тогда прибѣгнуть къ строгости: онъ отписалъ на себя всѣ земли монастырскія, не велѣлъ пропускать запасовъ и послалъ въ Соловки сотника стрѣльцовъ Чадуева. Это было полумѣрой и не помогло; монахи писали: »и повели, Государь, прислать на насъ свой царскій мечъ, и переселить насъ отъ сего мятежнаго житія на безмятежное и вѣчное«. Въ отвѣтъ на это Царь послалъ въ Соловки стряпчаго Волохова съ сотней двинскихъ стрѣльцовъ, съ прика-

БИБЛИОТЕКА

Соловецкій монастырь. Братская трапеза.

зомъ подчинить монаховъ оружіемъ и ввести законнаго настоятеля архимандрита Іосифа. Это распоряженіе, какъ мѣра запоздалая, тоже не принесло ожидаемой пользы: царское войско встрѣчено было пушками. Главными дѣятелями въ монастырѣ были: келарь Азарій, архимандритъ Никаноръ и послушникъ Бородинъ; первый и послѣдній скоро захвачены въ плѣнъ царскими стрѣльцами, стоявшими передъ запертыми воротами монастырскими. Въ монастырѣ въ это время, въ 1674 году, было 200 братій, 300 бѣльцовъ, 90 пушекъ, пороху 500 пудовъ и хлѣба лѣтъ на десять. Почти семь лѣтъ стояли стрѣльцы подъ стѣнами соловецкими; въ 1674 году назначенъ начальствовать надъ ними воевода Мещериновъ, человѣкъ болѣе энергическій. Но и со стороны осажденныхъ росла дерзость, въ которой не было больше и помину о прежнемъ послушаніи Царю, изображенномъ въ челобитныхъ. На сходкѣ 28-го декабря рѣшено было не молиться болѣе за Царя; въ сентябрѣ 1675 года монахи не ходили болѣе къ священникамъ, говоря: »и безъ нихъ проживемъ«; явились, словно изъ-подъ земли выросли, люди, о которыхъ прежде не было слышно: сотники, невѣдомо кѣмъ такъ названные, Исачка и Сашка, подстрекавшіе ко всему; самъ Никаноръ, бывшій архимандритъ, въ ожиданіи приступа, ходилъ по стѣнамъ и кропилъ святою водой пушки, нѣжно величая ихъ: »О, матушки мои, голаночки«!

Приступъ былъ сдѣланъ 23-го декабря 1676 года, но отбитъ. Только 8-го ноября 1677 года перебѣжчикъ Ѳеоктистъ сообщилъ Мещеринову, что въ крѣпость можно проникнуть изъ рва Онуфріевой церкви; ночью на 22-е января съ 50 стрѣльцами Мещериновъ самъ или лицо, имъ посланное, дѣйствительно пробрались въ монастырь, и началась немедленная расправа. Никаноръ, Сашка и многіе другіе люто казнены, многіе разосланы. Описаніе расправы оставлено намъ въ свидѣтельствѣ Семена Денисова, который въ своемъ Выгорѣцкомъ раскольничьемъ скитѣ написалъ »Исторію о запорѣ и взятіи Соловецкаго монастыря«, конечно, съ точки зрѣнія раскольнической. Значительная часть монаховъ побѣжала на берега Олонецкой рѣки Выга, въ такъ называвшуюся Выгорѣцію, гдѣ быстро росли объемомъ, значеніемъ и богатствомъ раскольничьи монастыри Даниловъ и Лекса. Такъ кончился соловецкій раскольничій мятежъ, и память его

служитъ часовня Предтеченская, гдѣ покоятся царскіе воины, погибшіе и умершіе во время осады монастыря. Намъ показывали мѣсто, сквозь которое стрѣльцы вошли; оно находится у сушильни, близъ Бѣлыхъ воротъ, съ южной стороны.

Огромное количество богомольцевъ посѣщаютъ монастырь который уже вѣкъ. Дней за десять до Троицына дня въ Петербургѣ, на Калашниковой пристани, можно видѣть отправленіе соловецкихъ паломниковъ. Пестрый народъ этотъ помѣщается въ одну, а нѣтъ такъ и двѣ соймы и двигается, буксируемый пароходомъ, вверхъ по Невѣ. Путь ихъ разсчитанъ такъ, чтобы быть къ Троицыну дню въ Свирскомъ монастырѣ, ко времени ежегоднаго перенесенія мощей Св. Александра Свирскаго изъ одного храма въ другой. Оттуда Свирью и Онежскимъ озеромъ двигаются они на Повѣнецъ, чрезъ Олонецкій горный кряжъ, Масельгу, кто пѣшкомъ, верхомъ, въ телѣгѣ, а иногда по пескамъ на саняхъ, приходятъ они къ Сумскому посаду на Бѣломъ морѣ, гдѣ ожидаютъ ихъ карбасы или пароходы Соловецкаго монастыря.

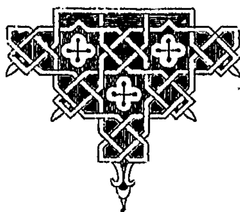
120 верстъ, остающіяся имъ до обители, въ сравненіи съ пройденнымъ путемъ кажутся имъ, конечно, недалекими. Едва только завидятъ они въ морѣ мелькающую точкой святыню монастырскую, какъ привѣтствуютъ ее общимъ колѣнопреклоненіемъ и молитвой. Эта минута могла бы дать богатѣйшій сюжетъ картинѣ живописца.

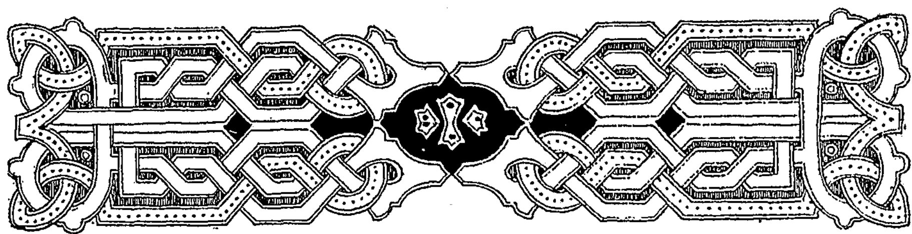
Когда-то еще недавно Соловецкая обитель служила мѣстомъ ссылки; сюда ежегодно командировалась особенная военная команда въ составѣ одного офицера и 20 рядовыхъ изъ архангелогородскаго мѣстнаго баталіона для различныхъ служебныхъ нарядовъ. Великій Князь произвелъ этой командѣ смотръ и остался доволенъ молодецкою выправкой и удовлетворительнымъ снаряженіемъ и обмундированіемъ. Такъ какъ цѣль командированія ея для содержанія караула при тюрьмѣ утратила всякое значеніе, за упраздненіемъ тюрьмы, то Его Высочество призналъ безцѣльнымъ дальнѣйшее пребываніе команды на островѣ, и она возвращается къ своему баталіону. Архимандритъ Мелетій, какъ комендантъ крѣпости, сопровождая Великаго Князя къ командѣ, подалъ Его Высочеству почетный рапортъ.

Первый день пребыванія нашего въ Соловкахъ былъ посвященъ замѣчательностямъ центральной обители, при чемъ Великій

Князь побывалъ рѣшительно вездѣ: въ рухляднѣ, школѣ, въ больницѣ, въ мастерскихъ, даже въ тѣхъ келіяхъ пекарей, въ которыхъ дышать жарко, даже въ тѣхъ гостиницахъ, гдѣ неэлегантно; второй день былъ назначенъ на объѣздъ и посѣщены: Живоносный источникъ, Сергіева пустынь на Муксалмѣ, Сѣкирная гора, Савватіева и Макаріевская пустыни и часовни. Дороги на островѣ очень хороши, и быстроходныя монастырскія лошадки мчали насъ по нимъ очень весело. Лѣсъ южной части острова такъ зеленъ и красивъ, травы такъ густы и сочны, день былъ такъ теплъ и ясенъ, что рѣшительно не вѣрилось близости Ледовитаго океана. Но пройдетъ это короткое лѣто, и обитель покроется глубокими снѣгами, и отгородится она ото всего міра неприступными, навороченными осеннимъ взводнемъ волнъ льдинами, станетъ тогда застывшая поверхность моря »ропáчиста«, и нѣтъ тогда съ обителю сообщенія, и отдѣлена она отъ живыхъ людей не меньше, чѣмъ умершіе. Но прилетаетъ въ Благовѣщеніе чайка, часъ воскресенія настаетъ, и умершіе возвращаются къ жизни.

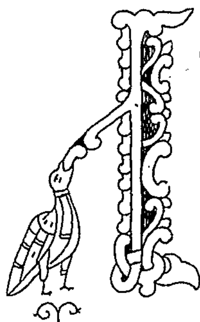
Глубоко свѣтелъ и спокоенъ былъ вечеръ 17-го іюня, когда Его Высочество, отслушавъ у мощей Преподобныхъ Зосимы и Савватія молебенъ, отслуженный соборнѣ архимандритомъ Мелетіемъ, и поклонившись со своими спутниками Святымъ Угодникамъ, подъ звуки всѣхъ колоколовъ монастырскихъ, сквозь длинные ряды годовиковъ и народа, предшествуемый иконами и хоругвями, вдоль сыпавшихся цвѣтовъ, ложившихся подъ ноги живымъ ковромъ, при духовномъ пѣніи и кликахъ »ура«, сошелъ къ пристани и отбылъ на »Забіяку«. Всѣмъ чинамъ »Забіяки« розданы были отъ архимандрита образки; утромъ на Клиперѣ монастырскою братіею отслужена была литургія. Мы снялись съ якоря немедленно и взяли курсъ на западъ, къ городу Кеми.

Отъ Соловокъ до Кеми. Кемь.

Ночевка у Якъ-Острова. Таможенный постъ. Видъ на Кемь и кемлянокъ. Переправа черезъ порогъ. Два собора. Женскій городъ. Жемчугъ и его добыча. Историческое о Кеми. Легенда о 40 рукавицахъ. Осмотръ „Забіяки“ кемлянками. Отъѣздъ.

Ловко и быстро снялся съ якоря »Забіяка«, покидая Соловки; онъ давно уже вспѣнивалъ винтомъ своимъ за кормой тяжелую бѣломорскую волну; давно уже замерли салютаціонные выстрѣлы, съ него раздававшіеся въ отвѣтъ на выстрѣлы монастырскихъ пушекъ, а послѣднія все еще продолжали гудѣть вслѣдъ Великому Князю и наконецъ замолкли, стихли за отдаленьемъ. Въ полнѣйшей ясности сѣверной полуночи на 18-е іюня скрылись, задвинулись мало-по-малу долго умалявшіяся очертанія Соловецкихъ острововъ и все ближе выяснялись влѣво отъ насъ острые, темные профили непривѣтливыхъ острововъ Кузова. Они лежатъ почти на полпути между Соловками и Кемью, совершенно остры, мрачны, голы, угрюмы и дали предвкусить своимъ очертаніемъ то, что предстояло намъ видѣть на безконечномъ Мурманскомъ берегу. Вслѣдъ за ними, будто декораціи, шествовали въ свѣтлой ночи, выплывая изъ свѣтлой воды, другія очертанія, другіе острова, тоже голые, скалистые, необитаемые, большіе и маленькіе, острова съ названіями и безъ названій, и наконецъ около 2 часовъ ночи близъ Якъ-Острова бросили мы якорь для ночевки. Тутъ окружилъ насъ темнѣвшій по свѣтившемуся полуночнымъ свѣтомъ морю цѣлый архипелагъ и виднѣлись: Дальній Кузовъ, Нѣмецкій Кузовъ, ближе и гораздо ниже ихъ Ольховый, Топоруха и еще многіе. Здѣшнее море никогда не спокойно, оно вѣчно терзается

Соловецкій монастырь. Экипажъ спасательной лодки Анзерскаго острова.

приливами и отливами, чрезвычайно разнящимися своею вышиной въ той или другой губѣ его. Эти четырехкратныя перемѣны дня и ночи слѣдуютъ одна за другою по пятамъ, непосредственно, и вызываютъ видимую простымъ глазомъ борьбу теченій: споръ прилива съ отливомъ, обозначающійся видимо, называется »сулоемъ«. Отъ мѣста якорной стоянки, Якъ-Острова, до Кеми оставалось верстъ 30, и мы сдѣлали ихъ съ утра очень быстро и бросили якорь вторично. Для съѣзда съ »Забіяки« на берегъ надо было воспользоваться приливомъ, и для перваго же знакомства съ характеромъ бѣломорскихъ портовъ намъ приходилось сдѣлать девять верстъ, отдѣлявшія насъ отъ Кеми, сначала на нашемъ паровомъ катерѣ, а дальше, ближе къ городу, въ порогахъ рѣки Кеми, на мѣстныхъ лодченкахъ. »Забіяка« сидитъ 14′ и долженъ былъ стать далеко, но пароходы Общества Мурманскаго Пароходства »Кемь« и »Онега«, сидящіе 6′, могутъ подходить почти къ самому городу; первый изъ этихъ пароходовъ видѣли мы на якорѣ недалеко отъ насъ.

День, какъ и ночь, былъ очень теплый и свѣтлый, и глазамъ было больно смотрѣть на яркое серебро моря, еле колеблемое вѣтромъ. Влѣво отъ клипера виднѣлись на берегу: бездѣйствующій казенный лѣсопильный заводъ и зданіе Ягостровскаго таможеннаго поста, одинъ изъ карбасовъ котораго подъѣхалъ къ намъ; таможенные солдатики въ матросскихъ курткахъ, съ зелеными воротниками и такими же околышами фуражекъ, большею частью люди мѣстные, очень отважные и ловкіе моряки. Всѣхъ таможенныхъ карбасовъ въ Бѣломъ морѣ 43; имѣется еще и паровой карбасъ. Въ 1869 году простой карбасъ стоилъ 135 руб., въ 1870 — 250 руб., въ нынѣшнемъ году обходится онъ постройкой 400 руб.; сравненіе цѣнъ этихъ можетъ служить очень нагляднымъ доказательствомъ возрастанія стоимости лѣса. Береговая линія Ягостровскаго поста, подлѣ котораго мы стояли на якорѣ, составляетъ 130 верстъ; отсюда же наблюдаютъ таможенные и за Соловецкими островами. Контрабанды вообще мало, но, не будь этихъ зеленыхъ людей, ея несомнѣнно было бы достаточно.

Паровой катеръ, не смотря на встрѣчный юго-восточный вѣтерокъ, или — какъ его здѣсь называютъ — »обѣдникъ«, отваливъ отъ клипера, шелъ быстро. Прежде всего обозначилась на при-

ближавшемся берегу сосновая роща съ часовней Ильи Пророка, отстоящею на три версты отъ Кеми; роща эта — любимое мѣсто прогулокъ кемлянъ и единственная представительница зелени на голыхъ скалистыхъ окрестностяхъ. Почти одновременно съ нею глянула вдали и сама Кемь и яснѣе другихъ обозначились на плоскомъ берегу едва виднаго изъ волнъ городка двѣ церкви — старый, закрытый по ветхости, и новый, неоконченный соборы; есть еще небольшая третья церковь — кладбищенская, такъ что въ городѣ церквей двѣ или три, какъ считать. Яснѣе и яснѣе поднимались изъ воды мелкія строенія; выросталъ какъ будто и берегъ, замкнутый вдали по кругу довольно высокими холмами; вправо отъ насъ просунулся въ морѣ каменистый мысокъ и невдалекѣ отъ него, на зелени прибрежнаго луга, шло, направляясь къ городу, довольно большое стадо. По нѣкоторымъ изъ печатныхъ источниковъ мурманскія и бѣломорскія коровы питаются рыбой, треской, вслѣдствіе безусловнаго недостатка травы. Можетъ быть, такія коровы и существуютъ гдѣ-нибудь дальше, но тутъ, въ Кеми, нѣтъ достаточной причины этому оригинальному развитію коровьяго вкуса.

Около 2-хъ часовъ времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули »Забіяку« и, идя противъ вѣтра, но по приливу, оставивъ влѣво полуразрушенную батарею, построенную противъ англичанъ въ 1855 году, въѣхали въ довольно широкій бассейнъ, образуемый рѣкой Кемью; на берегу, вправо, лежали, накренившись, нѣсколько судовъ, прибитыхъ весеннимъ ледоходомъ; невысокіе, голые, скалистые холмы вырисовывались за ними и будто выростали. Отсюда увидѣли мы очень ясно: новый соборъ съ его тремя шатровыми шапками, мостъ на колодахъ черезъ рѣку Кемь, сильно пострадавшій въ послѣдній ледоходъ, такъ какъ третью часть его снесло, небольшіе домики, островокъ съ часовенькой, благополучно существующій въ самой стремнинѣ порога. Мы могли любоваться на разостлавшуюся по берегу громадную радугу горожанокъ-кемлянокъ, разубравшихся наилучшимъ и наипестрѣйшимъ образомъ для встрѣчи Великаго Князя. До берега казалось такъ близко, рукой-подать, можно было отличить черты каждаго лица, чуть ли не рисунки сарафана и кацавейки, а между тѣмъ самое трудное предстояло: рядомъ съ нами клокоталъ порогъ, покрывая своимъ вѣчнымъ голосомъ

Его Высочество въ порогахъ Кеми.

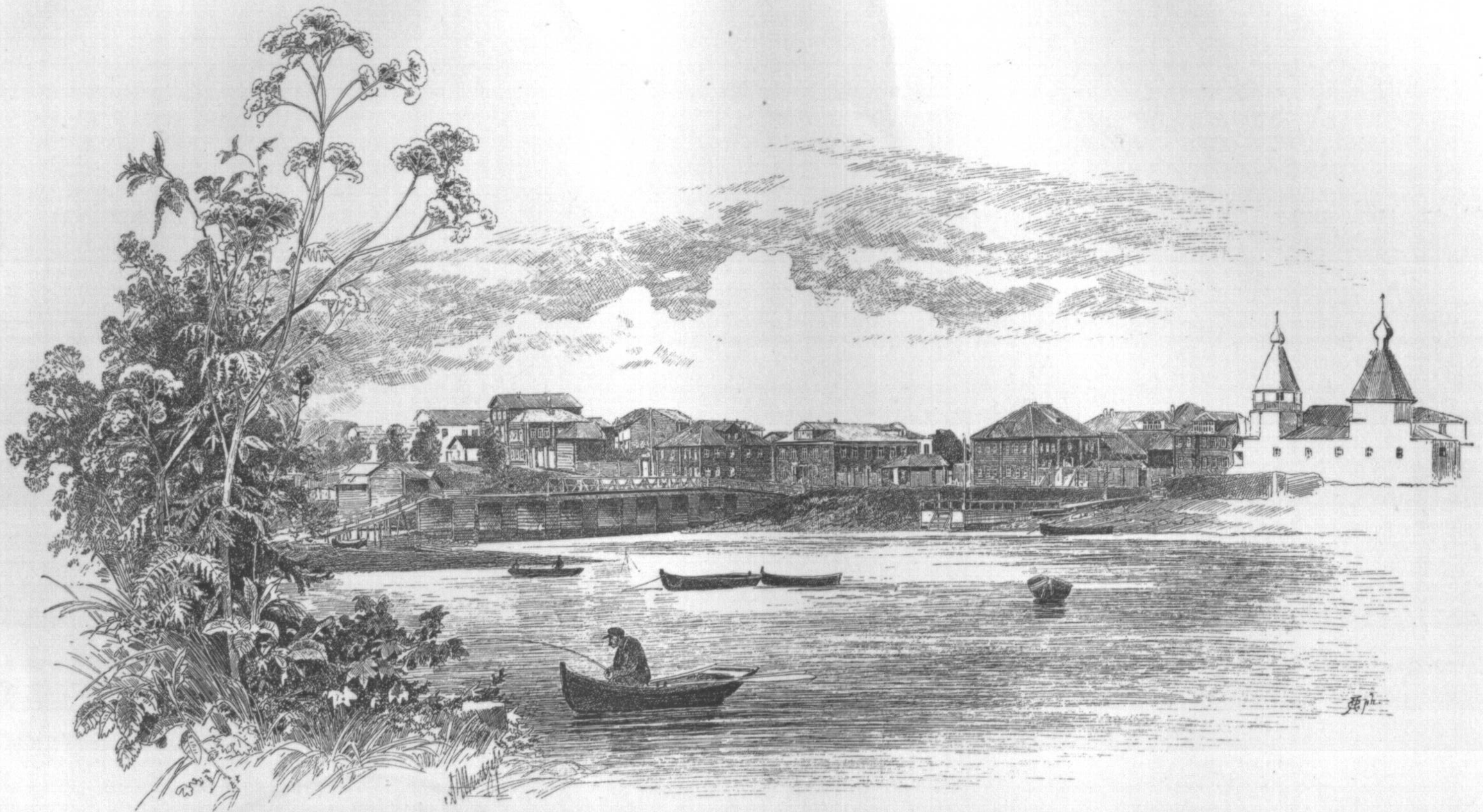
временное »ура!«, несшееся съ берега. Между островкомъ съ часовенькой и городомъ рѣка Кемь перекидываетъ свои крупныя сердитыя волны черезъ крутой и высокій гребень скалъ и направляетъ ихъ дугой, образуя сильную круговую стремнину. Паровой катеръ могъ двигаться только до этого мѣста, а тутъ предстояла пересадка на маленькія лодочки, легкія, быстрыя, доски которыхъ связаны сосновыми корнями или тростникомъ. Порогъ ревѣлъ невообразимо, заглушая людскіе голоса, когда у самаго края его къ катеру подскочили расцвѣченныя флагами лодочки съ гребцами женскаго пола. Съ лентами на лбахъ, въ золототканыхъ повойничкахъ, съ цвѣтными платочками на шеѣ и груди, быстро и ловко подгребли кемлянки къ катеру, и на первую ближайшую лодку пересѣлъ Великій Князь. Любопытно было видѣть со стороны, какъ кричавшія »ура!« и махавшія платками лодочницы находились, такъ сказать, между двухъ огней: хотѣлось имъ смотрѣть на Великаго Князя, а между тѣмъ нельзя было терять секунды, чтобы не быть снесенными стремниной. Нечего было дѣлать, принялись кемлянки за работу: разъ, два, три, и утлая лодочка, подчиняясь могучимъ ударамъ веселъ нашихъ плечистыхъ сѣверянокъ, скользнула по направленію къ берегу по безумно прыгавшимъ бѣлымъ волнамъ порога. Минутъ черезъ пять Его Высочество былъ на берегу, а скоро вслѣдъ за нимъ и мы остальные. »Ура!« заглушило на нѣкоторое время шумъ порога, и двинулась людская радуга, женская фаланга, въ пестрѣйшихъ, зачастую златотканыхъ одѣяніяхъ, вся залитая свѣтомъ самаго яркаго солнца, вслѣдъ за Его Высочествомъ, въ соборъ. Лошадей въ Кеми нѣтъ, — пришлось идти пѣшкомъ.

Въ Кеми встрѣтились мы, такимъ образомъ, въ первый разъ съ типомъ обычнаго на нашемъ сѣверѣ въ лѣтнюю пору въ высшей степени характернаго женскаго города. Весь мужской персоналъ, способный работать, отправляется въ мартѣ или апрѣлѣ на Мурманъ и возвращаются они не ранѣе сентября или октября. Матери, жены и дочери остаются на мѣстахъ, что̀ нисколько не мѣшаетъ имъ отваживаться въ открытое море, когда и на чемъ угодно, и прибрежное дитя еще въ люлькѣ готовится быть морякомъ, не знающимъ страха и вскормленнымъ непривѣтливымъ моремъ, такъ какъ матери-кормилицы берутъ съ собою ребятокъ

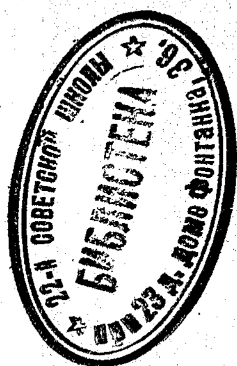
*

въ лодки и укладываютъ спать на носу или на кормѣ. Смѣлы кемлянки до безумія и нерѣдко тонутъ онѣ даже въ городскомъ порогѣ, но эти безвременныя жертвы не вліяютъ ни на общій строй жизни, ни на личные характеры. Тонуть такъ тонуть, кричать такъ кричать, и кричатъ же кемлянки невообразимо, потому что говорить попросту въ Кеми нельзя, и обыкновенная рѣчь заглушается вѣчнымъ голосомъ вѣчнаго порога.

Его Высочество прослушалъ въ соборѣ многолѣтіе. Соборъ этотъ какъ-то очень давно строится, на деньги (кажется, 60.000 рублей), пожертвованныя частнымъ лицомъ, и все не достраивается. Говорятъ тутъ о томъ, будто и въ самой постройкѣ этой не было необходимости, такъ какъ старый соборъ вовсе не ветхъ; говорятъ, что большинство населенія Кеми, и въ особенности заправилы, раскольники, что поддерживать собора они не хотѣли. Вѣрно то, что старый вовсе не такъ ветхъ, какъ о немъ толковали; хотя онъ строенъ 175 лѣтъ тому назадъ, но лѣсъ его проченъ и при нѣкоторой поддержкѣ могъ бы служить еще очень долго; въ немъ трехъ-ярусный иконостасъ и очень древнія иконы, несомнѣнно старѣйшія, чѣмъ самъ соборъ, пожалуй даже новгородскія, изъ какихъ-нибудь прежнихъ исчезнувшихъ церквей; имѣются два придѣла, въ каждомъ по иконостасу рѣзному, деревянному, съ очень характерными царскими дверями: краска съ нихъ лупится, позолота потерта. Великій Князь посѣтилъ и этотъ храмъ и заявилъ начальнику губерніи свое желаніе, чтобы древность этого собора, которая, будучи перенесена, уже отчасти украшаетъ строящійся новый соборъ, въ случаѣ если бы она оказалась ненужною и неоцѣненною по достоинству, была доставлена въ музей христіанскихъ древностей при академіи художествъ. Благодѣтельное желаніе Его Высочества, распространенное болѣе широкимъ примѣненіемъ къ другимъ мѣстностямъ Россіи, невѣроятно легкомысленно уничтожающимъ древности, можетъ принести своимъ осуществленіемъ громадную пользу, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что это такъ и будетъ. Новый, недостроенный соборъ не можетъ выдержать сравненія со старымъ: это заурядная небольшая церковь, скорѣе комната чѣмъ церковь, имѣющая сѣни, отдѣленныя перегородкой, и украшенная очень немногими иконами; въ старомъ соборѣ ихъ много, и если не озаботиться о перенесеніи ихъ или починкѣ крыши, то пред-

Кемь. Видъ на соборъ и мостъ.

22-й СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ
БИБЛИОТЕКА

стоитъ неминуемое и скорое разрушеніе, такъ какъ дождевые потоки уже разрисовали сиротѣющія стѣны храма своими сталактитными изображеніями. Отъ стѣнъ вѣетъ сыростью, не смотря на погулы вѣтра по храму.

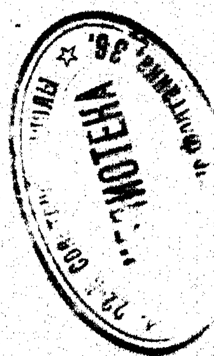
Смотръ кемской мѣстной командѣ ограничился повѣркой строя, потому что — это можетъ показаться оригинальнымъ — производству гимнастики и фехтованія помѣшали кемлянки, буквально наводнявшія мѣсто построенія. Воинскіе чины живутъ здѣсь по обывателямъ, впредь до ожидаемаго въ скоромъ времени возобновленія сгорѣвшихъ казармъ; они пользуются временно отведенною имъ сборною, удовлетворяющею возможнымъ отъ учебной залы требованіямъ. Посѣтивъ острогъ и городскую больницу, Великій Князь интересовался, по имѣющимся въ канцеляріи начальника команды даннымъ, состояніемъ въ командѣ грамотности и какъ числомъ, такъ и родами совершенныхъ нижними чинами преступленій и проступковъ; въ заключеніе ознакомился съ расходомъ людей на службу.

Временно остановился Его Высочество въ лучшемъ домѣ города, принадлежащемъ сыну городскаго головы Водохлебова, находившемуся ко времени пріѣзда Великаго Князя въ морѣ на промыслахъ. Это одинъ изъ богатыхъ хозяевъ-поморовъ; у него семь шнякъ, три шхуны и двѣ промысловыя яхточки; домъ убранъ чисто, совсѣмъ комфортабельно; вообще поморскіе дома могутъ похвастать обстановкой: гардины, зеркала и мягкая мебель не рѣдкость у такихъ хозяевъ промысловъ. Живутъ поморы обыкновенно въ нижнемъ этажѣ, по праздникамъ переходятъ въ верхній и тутъ принимаютъ гостей; однимъ изъ существенныхъ украшеній является гладко вычищенный, зачастую накаливаемый самоваръ; онъ ставится на почетномъ мѣстѣ и играетъ, если угодно, роль статуи; наряжаться любятъ не только жены и дочери хозяевъ, но и простыхъ работниковъ-»покручниковъ«, такъ что если вѣрить разсказамъ, то почти все, что остается свободнымъ отъ заработковъ, идетъ на одѣяніе. Яркость цвѣтовъ дѣйствительно поразительна; какъ и во многихъ мѣстахъ сѣвера, мѣстный жемчугъ, вылавливаемый въ рѣкѣ Понькѣ, въ 50-ти верстахъ отсюда, составляетъ одно изъ любимыхъ украшеній; шелковъ и золотой ткани тоже очень много. Здѣсь, какъ и вездѣ, любятъ

»пѣсни играть«, и во все наше пребываніе на берегу, подъ рокотанье порога, съ разныхъ сторонъ слышалась пѣсня.

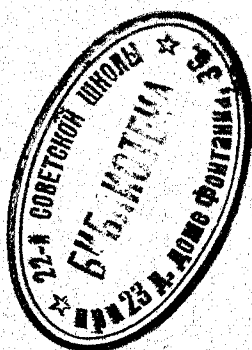
Жемчужница, Unio margaritiferus, по словамъ профессора Гримма, очень распространена въ прозрачныхъ, свѣтлыхъ водахъ рѣчекъ нашего сѣвернаго края, и подтвержденіе этому имѣется дѣйствительно въ нарядахъ женщинъ олонецкихъ и архангельскихъ; особенно славятся жемчужницами рѣчки Сюзьма, Сума и Повѣнчанка; добыча же его наиболѣе развита въ Колѣ. Ловятъ жемчужницу или »ракушницей«, деревянной рамой, снабженной ножемъ, помощью которой сцарапываютъ ракушку съ каменистаго дна, или просто руками, обходя извѣстныя мѣста и пользуясь свѣтомъ полуденнаго солнца. У промышленниковъ сложилось даже нѣчто въ родѣ особаго одѣянія съ принадлежностями лова; надо имѣть много опытности, чтобы по наружному виду раковины судить о томъ, есть-ли въ ней жемчугъ, и не вскрывать понапрасну; попадаются жемчужины до 100 рублей цѣною, но рѣдко; сбытъ жемчуга обезпеченъ всегда.

Жителей въ Кеми около 1.000 человѣкъ. Какъ и значительная часть побережья Бѣлаго моря, Кемь въ свое время была помѣстьемъ Марѳы Борецкой, и въ 1450 году отдана ею Соловецкому монастырю, о чемъ и свидѣтельствуетъ хранящаяся въ монастырѣ »вкладная крѣпость« съ вислыми свинцовыми печатями. На этихъ древнихъ документахъ зачастую не обозначалось ни числа, ни года; не болѣе точны были и межевые знаки; опредѣлялось, напримѣръ, что уступаются тѣ »два лука (или двѣ обжи, каждая длиннику 126, а поперечнику 32 сажени) земли, гдѣ Парѳенка да Першица живутъ«. Слѣдовательно эти згинувшіе Парѳенки да Першицы — тоже историческія данныя. Въ 1597 году вторглись сюда »коянскіе нѣмцы«, то-есть финляндцы изъ города Кояна, причемъ были побиты соловецкій воевода Озеровъ и бывшіе съ нимъ стрѣльцы. Новое нападеніе послѣдовало годъ спустя, но воевода Аничковъ отбился; въ 1657 году Соловецкій монастырь, повидимому сильно интересовавшійся Кемью, поставилъ здѣсь острогъ и снабдилъ его пушками, пищалями и припасами. Есть свѣдѣніе, что острогъ этотъ напоромъ льда снесенъ въ 1763 году. Съ 1785 года Кемь уѣздный городъ, и открывалъ его бывшій въ то время олонецкимъ губернаторомъ Державинъ, едва не потонувшій при этомъ случаѣ.

Ловецъ жемчужинъ.

22-й СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

Хотя Кемь считается однимъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи, тѣмъ не менѣе лѣтомъ нѣтъ въ него въѣзда, нѣтъ выѣзда въ экипажѣ. Г. Михайловъ, пробывшій здѣсь цѣлое лѣто, утверждаетъ, что онъ видѣлъ одну только лошадь, занятую развозомъ водки на саняхъ. Онъ былъ счастливѣе насъ: мы не видѣли ни одной. По его словамъ, гористая мѣстность Кемскаго уѣзда, дальше, вглубь страны, выработала даже особый типъ архангельскихъ горцевъ, а близость моря, опаснаго моря, вынянчила замѣчательныхъ моряковъ. Отъ Кеми до Онеги и по всему Кандалажскому заливу на протяженіи 500 верстъ нѣтъ вовсе сухопутныхъ дорогъ и все сообщеніе происходитъ на карбасахъ, для чего приблизительно на 40 верстахъ разстоянія устраиваются почтовые пункты; гребутъ опять-таки только женщины, и могутъ сдѣлать 120 верстъ, работая въ двѣ смѣны. По окраинамъ города есть кое-гдѣ огороды, гдѣ растетъ морковь, рѣдька, рѣпа и брюква; повидимому картофель — корнеплодъ слишкомъ нѣжный для этихъ широтъ; капусту тоже привозятъ, и цѣна ей 5 р. за 100 кочней. Но и Кемь нѣкоторымъ образомъ югъ относительно недалекаго Мурмана, потому что въ одномъ изъ становищъ морскаго побережья Ура, которое мы посѣтимъ, морковь уже не растетъ, и люди ограничиваются только тремя остальными овощами. Говорятъ впрочемъ, что въ этой далекой Урѣ въ 1873 году пробовали сѣять ячмень и какъ будто что-то получили.

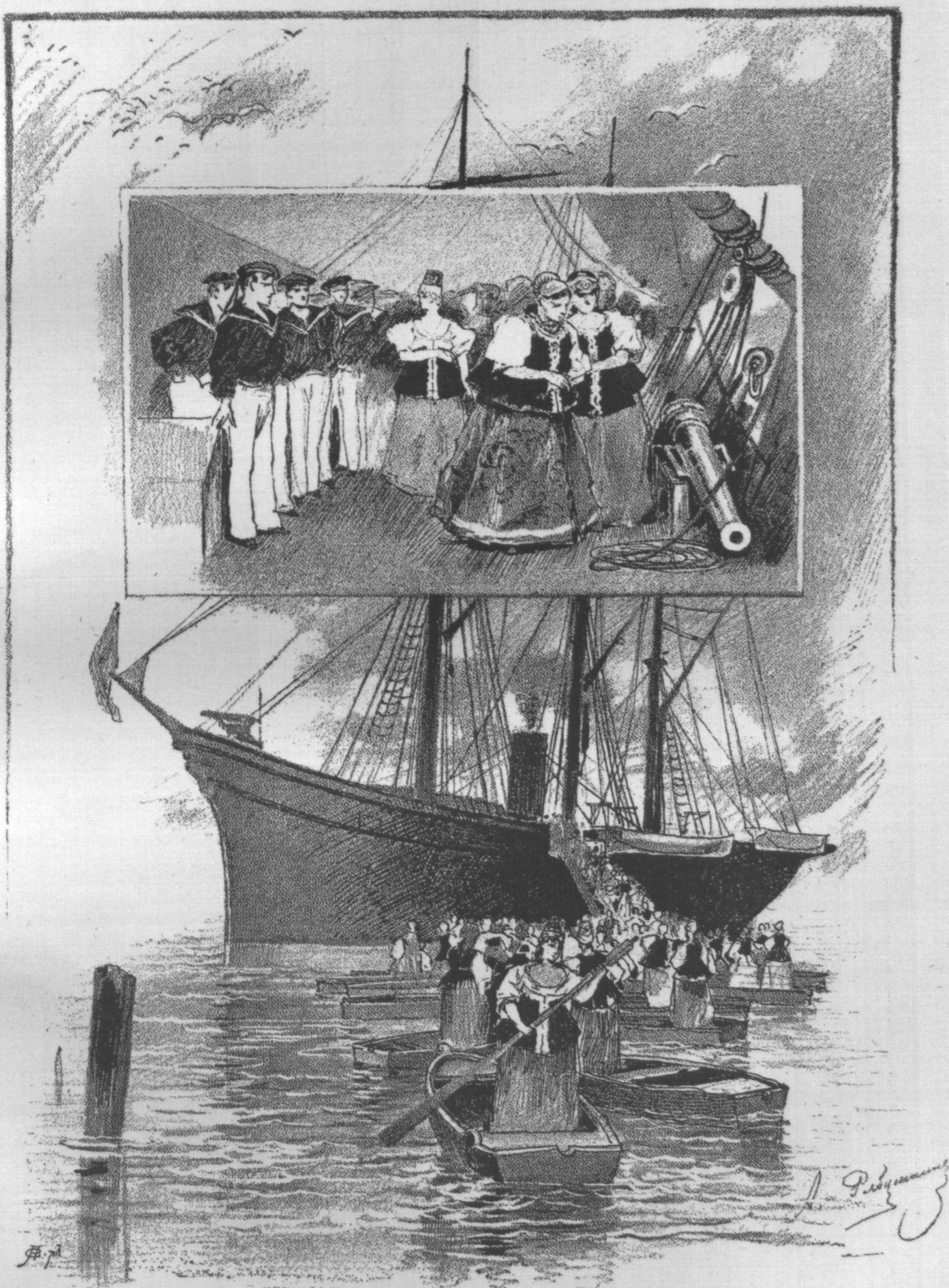
Легко, конечно, относиться саркастически къ этой скудости и угрюмости страны двухмѣсячной ночи; легко намъ, наѣзжающимъ, судить о томъ, что измаянный работой, часто становящійся лицомъ къ лицу со смертью въ океанѣ, со смертью въ становищѣ въ образѣ цинги или скорбута, поморъ лишнее выпьетъ. Но, что за сила воли обитаетъ въ этихъ людяхъ, какихъ только подвиговъ нельзя ожидать отъ нихъ! Въ 1850 году въ »Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ« опубликовано было, что кемскій мѣщанинъ Михаилъ Никитинъ вдвоемъ съ женой ходилъ на шнякѣ своей на Новую Землю. Спрошенные о немъ старожилы отвѣтили намъ однако, что никакого такого Никитина они не помнятъ. Въ тридцатыхъ годахъ умеръ тотъ Старостинъ, что проживалъ зимы на Шпицбергенѣ въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ. Это ли не люди, это ли не характеры, это ли не моряки?

Существуетъ любопытное мѣстное преданіе, напоминающее отчасти легенду Вильгельма Телля, это разсказъ »О сорока рукавицахъ«. Дѣло въ томъ, что шведы пришли по обыкновенію на рѣку Ковду грабить; чтобы добраться имъ до села, нужно было пройти порогъ и нуженъ былъ человѣкъ способный провести лодку. Нашелся такой человѣкъ, но на самой быстринѣ соскочилъ онъ съ лодки на берегъ, оттолкнулъ ее, и всѣ находившіеся въ ней погибли; выплыло только сорокъ рукавицъ.

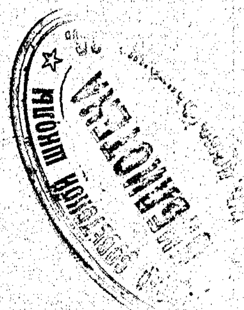
Какъ уѣздный городъ, Кемь обставлена и всѣми соотвѣтствующими аттрибутами власти; здѣсь есть шкиперское училище, но лѣтнихъ занятій въ немъ нѣтъ. Въ рѣкахъ Кемскаго уѣзда одною изъ важныхъ статей дохода является семга и ея промыселъ; городъ Кемь отъ семужьихъ заколовъ получаетъ 700 р., Сорока — 500 р., Ковда и Умба по 2.000 р., Поной — 5.000 р., доходы Кузомени достигаютъ крупной цифры 10.000 р.

Полуденное солнце было очень ярко и жарко, когда Великій Князь направился къ пристани, опять-таки пѣшкомъ, окружаемый вплотную амазонскимъ населеніемъ Кеми. Не смотря на густую толпу, пыли почти не было, такъ какъ »проѣзжихъ« улицъ нѣтъ и городскіе домики расположены, словно разсыпаны, на зеленой муравѣ; да и, вообще говоря, подлежитъ сомнѣнію, существуютъ ли въ Кеми улицы? Если онѣ есть, то весьма схожи съ деревенскими проулочками, съ тою разницей, что по совершенному отсутствію лошадей и колесныхъ экипажей свободно обросли приземистою, но сочною травой. Во время прохожденія Его Высочества по мосткамъ, устланнымъ гдѣ ситцемъ, гдѣ сукномъ, гдѣ каленкоромъ, Великому Князю то и дѣло подбрасывались подъ ноги всякіе платки и полотенца; надо было имѣть великое искусство и большую силу, чтобы по проходѣ Его Высочества выдернуть положенную матерію изъ-подъ ногъ вплотную надвигавшейся толпы; очень трудно было и намъ, слѣдовавшимъ за Великимъ Княземъ, не путаться въ этихъ комкавшихся ситцахъ и полотенцахъ и поспѣвать за нимъ.

Сѣвъ въ лодочку, Его Высочество былъ быстро переправленъ черезъ порогъ къ паровому катеру; нельзя было терять ни минуты, такъ какъ начинался отливъ. Не успѣли мы тронуться съ мѣста, какъ ото всѣхъ выступовъ обмытыхъ волнами скалъ, изо всѣхъ щелей побережья, въ которыхъ гнѣздились ло-

Посѣщеніе »Забіяки« кемлянками.

дочки, вслѣдъ Великому Князю въ стремнину порога двинулась цѣлая флотилія нашихъ морскихъ амазонокъ, толкаясь однѣ о другихъ такъ, что страшно было глядѣть. На расцвѣченныхъ флагами лодочкахъ по четыре и шести гребцовъ на веслахъ, кое-гдѣ уткнувъ въ носы и кормы лодочекъ ребятишекъ, двинулись кемлянки вслѣдъ великокняжескому катеру: кто подъ парусомъ, кто и безъ него; со всѣхъ сторонъ подъ взмахи веселъ и повертыванія рулей »игрались пѣсни«. Понятно, что гребцы отставали отъ катера, но немного. Вышли мы по отливу изъ рѣки въ заливъ и направились къ виднѣвшемуся верхушками своихъ мачтъ »Забіякѣ«. Только что причалили мы къ нему и взошли по трапу на палубу, какъ приблизились къ высокимъ темнымъ бокамъ его и лодочки кемлянокъ и окружили вплотную, образовавъ подлѣ обоихъ траповъ какъ будто живой, трепетавшій на глубокихъ синихъ волнахъ помостъ.

Никогда не видали кемлянки военнаго судна; существуетъ у поморовъ шуточное прозвище парохода вообще — »жбра«; едва ли нашъ щедро вооруженный клиперъ могъ имъ показаться шуточнымъ; хотѣлось имъ его видѣть, и Великій Князь далъ разрѣшеніе пустить женщинъ на палубу. Какъ цвѣтныя бабочки, полѣзли онѣ по крутымъ трапамъ на »Забіяку«; никого не осталось въ лодочкахъ, никого, кромѣ самыхъ маленькихъ ребятишекъ, уткнутыхъ въ носы и кормы, и клиперъ населился женщинами вплотную, такъ что въ полномъ смыслѣ слова на немъ не было прохода. Все осмотрѣли кемлянки: и великокняжескія каюты, и каютъ-компанію, и ютъ, и бакъ. Сторонились онѣ съ уваженіемъ отъ громоздкихъ орудій, изслѣдовали якорь и его цѣпи, заглянули въ машину, въ трюмы, ощупали снасти. Пестрые сарафаны, яркіе платки и кокошники мелькали повсюду, оттѣняемые темносиними воротниками матросовъ, пораженныхъ и очень довольныхъ неожиданнымъ посѣщеніемъ. По яркимъ краскамъ одѣяній бросалъ подвижную, волновавшуюся тѣнь свою дымъ трубы клипера и глубокое голубое небо спорило съ блескомъ любопытствовавшихъ женскихъ глазъ.

Прошло около получаса времени, когда посѣтительницъ начали приглашать удалиться. Поползли онѣ обратно по трапамъ внизъ на свои лодочки, и надо было видѣть ту смѣлость, ту ловкость, съ которою разсаживались онѣ по лодкамъ, перескакивая съ

ближайшихъ на дальнѣйшія, между веревокъ, державшихъ лодочки одну подлѣ другой. Это была своего рода скачка съ препятствіями на большой глубинѣ морской и въ костюмахъ, вовсе не созданныхъ для скачки и лазанья. Это ли не типъ, это ли не народъ? думалось невольно, и какое-то сладкое чувство гордости и самосознанія щекотало душу.

По мѣрѣ того какъ всякія Домны, Василисы и Аннушки разсаживались на свои лодки, отыскать которыя было довольно трудно, онѣ, разобравшись веслами и веревками, отчаливали отъ »Забіяки«, направляясь къ недалекой обнаженной гранитной лудѣ. Сойдя на скалы, кемлянки живописно размѣстились по нимъ и неумолчно »играли пѣсни«, пока снимался съ якоря »Забіяка« и давалъ большой полукругъ, поворачивая носъ къ морю. Термометръ показывалъ 20° въ тѣни; небо и воды были совсѣмъ лазурны. Наконецъ завертѣлся могучій винтъ нашего клипера. Совершенно невольно, безотчетно, проскальзывала мысль о томъ: неужели же это нашъ туманный, забытый, отличающійся неясными очертаніями сѣверъ? Что же дѣлаютъ наши художники, не заѣзжая сюда и предпочитая для воспроизведенія на полотнѣ находящіяся подъ рукой изображенія Финскаго залива или невскихъ тоней? Эта скала съ цвѣтными кемлянками, эта лазурь небесъ, это лучезарное море не видали еще нашего художника.

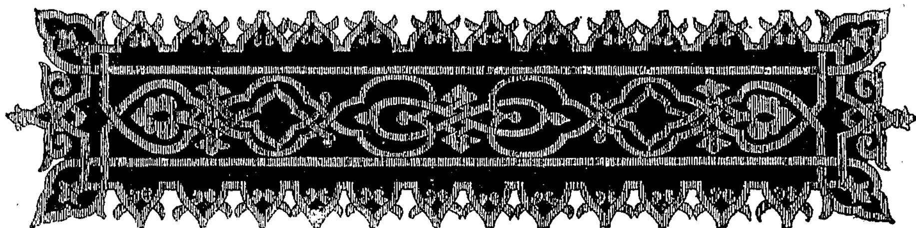
Посѣщеніе Кеми было роскошнымъ, цвѣтистымъ предисловіемъ нашего пути на Мурманъ. Мы тронулись дальше поперекъ Кандалакскаго залива, въ началѣ 4-го часа пополудни, имѣя предъ собой одинъ изъ самыхъ длинныхъ, предстоявшихъ намъ, переѣздовъ къ недалекой отъ Норвежской границы Териберской губѣ. По разсчету времени, завтра, 19-го іюня, около 8-ми часовъ утра, должны мы были перейти полярный кругъ и войти въ область незаходящаго солнца.

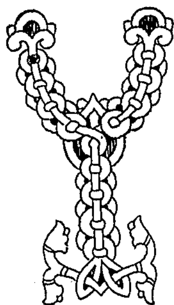
Кемлянка.

ОТЪ КЕМИ ДО ТЕРИБЕРКИ.

Вечерняя молитва на „Забіякѣ". Терскій берегъ. Гидрографія сѣверной окраины. Заслуги Литке и его сочиненіе. Родіонъ Ивановъ. Обская экспедиція. Маяки. Ночь на 20-е Іюня. Общее впечатлѣніе бури. Св. Носъ. Появленіе первыхъ китовъ. Мурманскій берегъ. Входъ въ Териберскую бухту.

вѣренно и покойно шествовалъ »Забіяка«, простившись съ Кемью, съ ея горячимъ днемъ и еще болѣе горячими красками женскихъ одѣяній. Глаза наши мало-по-малу успокоивались, благодаря легкой пасмурности, начинавшей окружать клиперъ, по мѣрѣ движенія къ сѣверу, къ горлу Бѣлаго моря, связывающему его воедино съ безбрежнымъ Ледовитымъ океаномъ. Подъ равномѣрные звуки винта совершались обычныя на клиперѣ занятія. Когда спустился вечеръ, — что было замѣтно только по часовой стрѣлкѣ, но никакъ не по слабости свѣта, — ровно въ 8 часовъ, раздались обычные свистки, и команда собралась на молитву. Двумя шеренгами вытянулись матросы вдоль праваго борта, отъ рубки къ баку, и сняли шапки. Отчетливо и неторопливо пропѣли они »Отче нашъ«, осѣнялись крестами, и звуки молитвы разносились кругомъ надъ глубокою теменью непокойной пучины. Есть что-то очень пріятное, есть чувство глубокаго единенія со своими въ сознаніи того, что эту самую молитву, въ этотъ самый часъ и на томъ же самомъ языкѣ, посылаетъ русскій человѣкъ къ Богу и въ Бѣломъ морѣ, и въ Индійскомъ океанѣ и по лазурнымъ заливамъ Средиземнаго моря. Какъ ни прочно судно, на которомъ вы плывете, какъ ни вѣренъ компасъ, какъ ни опытенъ капитанъ или штурманскій офицеръ, но вы все-таки на скорлупкѣ, подъ вами верста и болѣе глубины,

а надъ вами безконечное небо, изъ таинственныхъ пространствъ котораго нѣтъ, нѣтъ да и вырвется шквалъ или штормъ и докажетъ вамъ очень наглядно, что проволочные канаты ваши не болѣе какъ паутинныя нити, а сами вы — охъ, какое маленькое хотя и смѣлое существо! Молитва и только молитва, идя отъ сердца, подъ ростъ колоссальнымъ пространствамъ неба, темени неизвѣданной глубины и еще болѣе темному сознанію неизвѣстности.

А глубины нашего побережья Ледовитаго океана и Бѣлаго моря въ значительной степени дѣйствительно неизвѣстны. Плаваніе здѣсь вовсе не то, что въ другихъ моряхъ, имѣющихъ прочныя, вѣчно исправляемыя карты, гдѣ къ услугамъ вашимъ рейды и порты, являющіеся тихими, покойными заводями. Гидрографическій департаментъ только въ послѣднее время предпринялъ изслѣдованіе Бѣлаго моря; въ 1884 году хронометрическая экспедиція сдѣлала астрономическую связь 10 пунктовъ съ Архангельскомъ, и затѣмъ предполагается приступить къ систематическимъ измѣреніямъ и къ производству съемокъ на основаніи этихъ 10 пунктовъ.

Что касается дальнѣйшаго сѣвера, то мы пользуемся до сихъ поръ трудами одного большаго человѣка, недавно умершаго, поставившаго себѣ вѣчный памятникъ въ трудѣ, изданномъ въ 1828 году, подъ заглавіемъ: »Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ — Литке, въ 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ«. Сочиненіе это, въ полномъ смыслѣ слова классическое, издано in quarto и составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Настольною книгой моряковъ при путешествіяхъ въ этихъ странахъ служитъ изданное въ 1876 году гидрографическимъ департаментомъ »Гидрографическое описаніе сѣверныхъ береговъ Россіи« Рейнеке, въ 1883 году дополненное Неупокоевымъ; эта книга только экстрактъ капитальнаго труда Литке, памяти котораго нельзя не поклониться, какъ только переплывете вы сѣверный полярный кругъ.

Въ сочиненіи Литке, помимо множества картъ, съ обозначеніемъ промѣровъ, помимо разныхъ таблицъ и очень характерной гравированной панорамы большей части нашего сѣвернаго побережья, имѣется и историческій очеркъ того, какъ давно, очень давно пускался простой русскій человѣкъ на утлыхъ суденыш-

кахъ, безо всякихъ картъ, проникать въ »челюсти полюса«, словно пробуравливаться въ нихъ. Исторически несомнѣнно, что первымъ русскимъ кормщикомъ, осмѣлившимся пробраться на сѣверъ въ 1690 году, былъ Родіонъ Ивановъ. Литке замѣчаетъ, что много было и другихъ, болѣе раннихъ кормщиковъ, ходившихъ до Оби и Енисея и на Новую-Землю, но имена ихъ заглохли, потому что съ ними не случилось того, что случилось съ этимъ Ивановымъ. Иностранецъ Витсенъ, со словъ Иванова, описалъ его путину: какъ шли они, какъ были разбиты на островѣ Шарапова-Кошка, на восточномъ берегу Карскаго моря, какъ зимовали, сдѣлавъ себѣ хижину изъ глины и моржевой и тюленьей крови и шерсти; изъ 15 человѣкъ въ живыхъ осталось только 4. Темная внушительная драма эта остается до сихъ поръ единственнымъ извѣстнымъ намъ путешествіемъ въ XVII вѣкѣ и единственнымъ, кажется, описаніемъ Шараповыхъ-Кошекъ. Въ концѣ XVIII вѣка пробрался къ восточному берегу Новой-Земли кормщикъ Лошкинъ, но не нашлось Витсена, чтобы записать его слова.

Въ третьемъ десяткѣ прошлаго вѣка Императрица Анна Іоанновна задумала экспедицію, подобной которой, по обширности предположенныхъ дѣйствій, почти нѣтъ въ лѣтописяхъ морскихъ открытій: намѣревались описать берега отъ Архангельска до Америки! Суда, назначенныя въ это плаваніе, назывались »Экспедиціонъ« и »Обь«; въ 1734—1735 годахъ начальствовали ими лейтенанты Муравьевъ и Павловъ; позже прибавлены другія суда и были другіе лейтенанты. Съ 1736—1739 года посѣщены были Югорскій-Шаръ, Канинъ-Носъ, устья Оби и Печоры. Всѣ эти плаванія совершались почти безъ картъ. Карты Новой-Земли, очень гадательныя и очень неполныя, могли быть составлены до 1807 года только по плаваніямъ Баренца, Размыслова и Поспѣлова. Въ 1819 году орудовалъ въ томъ же дѣлѣ лейтенантъ Лазаревъ. Въ 1828 году издано наконецъ капитальное сочиненіе Литке. Сѣверъ давнымъ-давно служилъ нашимъ смѣльчакамъ-казакамъ и промышленникамъ путемъ-дорогою ко всякимъ открытіямъ. Такъ, даже въ настоящую минуту, благодаря щедротамъ Государя, по представленію академіи наукъ, на берегахъ Ледовитаго моря, въ Устьянскѣ, далеко на востокѣ орудуетъ ученая экспедиція для обслѣдованія Новосибирскихъ острововъ. И тамъ,

какъ близъ Новой-Земли, еще въ 1710 году казакъ Пермяковъ доносилъ о существованіи къ сѣверу какихъ-то невѣдомыхъ островов и якутскій воевода послалъ къ нимъ Вагина съ 11 казаками. Въ 1810 году промышленникъ Санниковъ открылъ на нихъ русскую могилу съ крестомъ. Чью же? Въ 1808 и 1820 гг. снаряжены были туда еще двѣ экспедиціи и только теперь, 60 лѣтъ спустя, предположено окончательное научное обслѣдованіе, и докторъ медицины Бунге находится въ Устьянскѣ. Но начальный путь, какъ и въ Новой-Землѣ, указанъ и здѣсь смѣльчакомъ, простымъ русскимъ человѣкомъ.

Всѣ названныя имена мелькали въ памяти при приближеніи нашемъ къ горлу Бѣлаго моря, когда, послѣ спокойно проведенной ночи, около 8½ часовъ утра, подлѣ Сосновца—маяка, стоящаго на островѣ, перешли мы въ первый разъ полярный кругъ. О вчерашней хорошей погодѣ не было и помину. Мелкій холодный дождикъ шлепалъ по палубѣ и по чехламъ орудій; зыбь, никогда почти не прекращающаяся въ этомъ мѣстѣ соединенія Бѣлаго моря съ океаномъ, давала себя чувствовать очень ясно. Мы миновали Кандалакскій берегъ, на которомъ имѣются на лицо »матушка Турья гора, госпожа Кандалука губа и батюшка Оленій рогъ« и шли въ разстояніи трехъ миль отъ высокаго скалистаго Терскаго берега, по гранитамъ котораго, прибавляя холоду къ картинѣ, рѣзко бѣлѣлъ снѣгъ, спускаясь бѣлыми пятнами и нитями отъ вершинъ къ самому уровню моря, вырисовывая арабески. Часовъ около 12-ти миновали мы Орловскій маякъ, ясно выдѣляющійся своею вышиной надъ морскою пучиной. Въ 1872 г., въ іюлѣ, со шхуны »Баканъ«, привезшей на маякъ припасы, спущенъ былъ барказъ для доставки ихъ на берегъ; командиръ Сафоновъ, очень молодой человѣкъ, не внялъ совѣтамъ, перегрузилъ барказъ, и всѣ 15 человѣкъ съ командиромъ своимъ погибли вслѣдствіе спора теченій, достигающихъ здѣсь наибольшей силы; спасся на двухъ веслахъ одинъ только офицеръ. Снѣгу на берегу видѣли мы довольно, и во мглистой неясной атмосферѣ образовывался миражъ, поднимавшій эти снѣга надъ моремъ, и двигавшіяся невдали отъ насъ поморскія шхуны шли, казалось, по землѣ.

Около 6-ти часовъ вечера приближались мы къ знаменитому, какъ самое бурное мѣсто, Святому-Носу съ огромною быстротой.

»Забіяка« дѣлалъ 11 узловъ въ часъ, а отливъ прибавлялъ еще 4 узла. Въ Бѣломъ морѣ вообще нѣтъ покоя, но въ горлѣ его идетъ вѣчная зыбь, постоянная толчея, и мы выходили въ открытый океанъ подъ нехорошими предзнаменованіями: барометръ падалъ, самый опасный изо всѣхъ вѣтровъ, сѣверо-восточный, крѣпчалъ; дождь и мгла, туманъ и облака перепутывались одни съ другими самымъ безсвязнымъ образомъ, и пасмурность была такъ велика, что мы потеряли изъ виду берегъ, находившійся отъ насъ не далѣе двухъ миль. Св.-Носъ со своимъ маякомъ тоже скрылся, потонулъ гораздо скорѣе, чѣмъ слѣдовало. Ровно въ 8 часовъ вечера собрались люди опять на молитву; на этотъ разъ она была не пропѣта, а прочитана, потому что люди могли быть нужны ежеминутно, да и пѣнье было бы нескладно при качкѣ, все болѣе и болѣе усиливавшейся. Въ каютъ-компаніи нашей не раздавалось обычнаго въ вечерніе часы пѣнія одного изъ офицеровъ и сопровождавшаго его хора; его замѣняло посвистиваніе вѣтра по снастямъ, пощелкиваніе той или другой упавшей со стола вещи и внушительные всплески волны, видимо стремившейся посѣтить »Забіяку«, войдя къ нему непрошенною поверхъ бортовъ. Становилось очень холодно; равновѣсіе въ температурѣ воды и воздуха было полное, термометръ показывалъ въ обоихъ 4°.

Въ ожиданіи бури, къ которой видимо дѣло шло, любопытно было дать себѣ отчетъ въ собственныхъ чувствахъ. Положимъ, думалось, »Забіяка« крѣпокъ; несомнѣнно, что офицеры и команда не хуже компаса знаютъ свое дѣло, а все-таки развѣ можно поручиться? Вѣроятно не во всѣхъ путникахъ одинаково было чувство ожиданія, но нельзя было не подмѣтить въ себѣ пробужденія какой-то, если можно такъ выразиться, отважной заносчивости. Чѣмъ сильнѣе качнетъ, чѣмъ порывистѣе ударитъ вѣтеръ въ борта и разсыплется множествомъ отдѣльныхъ голосочковъ по всякимъ закоулочкамъ клипера, тѣмъ яснѣе и яснѣе становилось чувство: а я все-таки плыву куда хочу, а я все-таки сила и не меньше той, что кругомъ меня бушуетъ и неистовствуетъ. Желавшихъ лечь спать не было. По странному стеченію обстоятельствъ больныхъ морскою болѣзнью, кромѣ укаченной прислуги, тоже почти не было. На Великаго Князя качка не дѣйствовала вовсе; у нѣкоторыхъ изъ насъ, людей суши, за-

мѣтны были какъ бы задумчивыя лица, нѣкоторая довольно забавная сосредоточенность. Между матросами, въ особенности между молодыми, показались-было нѣкоторые симптомы морской болѣзни, какъ говорятъ — очень заразительные, но командиръ, кликнувъ боцмана, очень внятно и просто сказалъ ему, чтобы не было больныхъ, и — больныхъ дѣйствительно не было. Повидимому начальническое слово оказалось сильнѣе морской болѣзни или по крайней мѣрѣ поползновеній къ ней, которыя такъ много способствуютъ развитію ея на пассажирскихъ пароходахъ.

Если было когда темное время на нашемъ пути, такъ это въ ночь съ 19-го на 20-е іюня. Мгла висѣла кругомъ сырая, полусвѣтлая и все-таки непроглядная по всему широкому горизонту неба и океана. Ярче другихъ и даже очень ярко свѣтилось въ машинѣ нашего клипера, гдѣ въ остромъ серебряномъ блескѣ электрическаго освѣщенія двигались на глубокой глубинѣ, если смотрѣть съ палубы, составныя части машины, всѣ эти поршни, рычаги, поблескивая гдѣ желтою мѣдью, гдѣ бѣлою сталью; по металлическому помосту машиннаго отдѣленія, передъ печью, краснѣли темныя груды чернаго угля, готоваго отправиться въ печь, и на вымазанныхъ сажей лицахъ кочегаровъ лежало то же самое родственное красное отраженіе. Какая громадная разница: глядѣть на море, готовое стать бурнымъ, съ его безпорядочными темными волнами, идущими на перебой одна другой, съ его сѣро-свинцовыми красками, съ неравномѣрными посвистами и множествомъ отдѣльныхъ вихрей, безтолково хозяйничающихъ въ одномъ могучемъ теченіи NO, и глядѣть въ правильно-дѣйствующую могучую машину. Вы стоите наклонившись надъ нею, смотрите въ нее и въ тотъ или другой моментъ качки чувствуете по вздрагиванію судна, что въ него ударила могучая волна; вы ждете, что это вздрагиваніе, сказавшееся въ васъ, непремѣнно отразится и на машинѣ. Ничуть не бывало: она бьетъ тотъ-же неизмѣнный тактъ; только перебѣгутъ отраженія огней съ одного мѣста на другое, только откатится съ угольной кучи который-нибудь изъ кусковъ, но тотчасъ-же успокоится и будетъ продолжать краснѣть тѣмъ-же багровымъ отблескомъ, что и его собратья, оставшіеся лежать на мѣстѣ. Вы смотрите въ машину, и она успокоиваетъ васъ, прибавляетъ увѣренности.

Не успѣли мы вступить въ океанъ и ознакомиться съ его

разыгрывавшеюся зыбью, какъ подарилъ онъ насъ другою, очень характерною картиной. Подлѣ самаго Св.-Носа, около 7-ми вечера, увидѣли мы первыхъ китовъ. Кита не сразу отличишь, если нѣтъ къ этому привычки или снаровки. Вамъ говорятъ: »вонъ китъ! смотрите«! и вы ровно ничего не видите, во-первыхъ, потому что горизонтъ слишкомъ безконеченъ, на немъ сразу не уловишь, а во-вторыхъ, киты, эти колоссы Ледовитаго океана, такъ быстры, такъ юрки, что вы никакъ этого не ожидаете, и глазъ вашъ, готовящійся смотрѣть на нѣчто довольно грузное, никакъ не улавливаетъ быстраго. Неправда также и то, какъ рисуютъ обыкновенно китовъ на картинкахъ: на нихъ громадная туша кита виднѣется вся поверхъ воды, а надъ головой его поднимается снопъ воды, падающій наискось въ видѣ фонтана; такъ говорятъ картинки; но на самомъ дѣлѣ китъ мелькаетъ надъ поверхностью только небольшою частью своего тѣла — головой, хвостомъ, спиной, и фонтана онъ не »пускаетъ«, а »брызжетъ«, такъ что никакой струи въ немъ вы не отличаете, а видите только брызги, разлетающіеся конусомъ изъ одного центра. Можетъ быть, при спокойномъ морѣ киты лежатъ на поверхности и пускаютъ фонтанчики, но намъ они представились совсѣмъ иначе. Быстрота движенія китовъ очень велика и напоминаетъ какъ нельзя болѣе движеніе черноморскихъ дельфиновъ, съ тою разницей, что киты не кувыркаются, а дельфины не пускаютъ брызгъ.

При первомъ появленіи китовъ увидали мы ихъ штукъ шесть разомъ; такъ какъ китъ, доставленный на китобойный заводъ, дастъ около 2 тысячъ рублей, то подлѣ насъ плавалъ маленькій капиталецъ. Капиталецъ этотъ встрѣтилъ насъ у самаго начала пути по Ледовитому океану и доставилъ красивое зрѣлище. Въ нынѣшнемъ году, какъ говорятъ, — и мы въ этомъ убѣдились, — киты держатся недалеко отъ горла Бѣлаго моря, и нашимъ китобойнымъ пароходамъ, находящимся почти подлѣ границы Норвегіи, приходится выѣзжать за сотню, другую миль.

Съ полночи NO крѣпчалъ все болѣе и болѣе. Помимо тѣхъ непріятностей, которыя онъ намъ причинялъ, разрушилъ онъ и послѣднюю надежду попасть на Новую-Землю. Опытные люди, спеціалисты здѣшнихъ плаваній, сопровождавшіе Великаго Князя, утверждали, что если еще недавно слаба была надежда пробраться туда, теперь, послѣ этого NO, погаснетъ она совершенно, потому что

нагонитъ льдовъ и уставитъ ихъ по берегамъ острова плотною массой. Можетъ быть, говорили эти люди, вѣтеръ и измѣнится, но достаточно и теперешняго его бушеванія, чтобы быть увѣреннымъ въ невозможности пути; льды, говорили они, находятся теперь отсюда миляхъ въ 300, и при попутномъ вѣтрѣ движутся очень быстро. Новая-Земля, посѣщеніе которой повидимому состояться не могло, остающаяся до сихъ поръ съ восточной стороны своей почти совершенно необслѣдованною, это спасительница нашего сѣвера; если гольфстремъ, теплое теченіе отъ запада, обогнувъ Норвегію и направляясь вдоль нашего Мурмана къ Новой-Землѣ, обусловливаетъ сравнительную мягкость температуры и незамерзаніе нѣсколькихъ гаваней, то Новая-Земля задерживаетъ движеніе къ намъ отъ NO вѣчныхъ, колоссальныхъ льдовъ; не будь ея, очень можетъ быть, что бѣлый медвѣдь существовалъ бы и въ Бѣломъ морѣ, а въ Петербургѣ и Москвѣ было бы безконечно холоднѣе.

Къ утру, часамъ къ 3-мъ, на клиперѣ сдѣлано было распоряженіе »найтовить« орудія, т. е. для прочности прикрѣпить ихъ особыми добавочными канатами; затѣмъ вдоль палубы протянули »леера«, веревки, за которыя при ходьбѣ по палубѣ можно бы было держаться. Это было совершенно необходимо, хотя вслѣдствіе найтовки орудій отъ канатовъ, протянутыхъ поперекъ, ходьба была крайне затруднительна, да и вообще особеннаго удовольствія въ ходьбѣ по наводненной палубѣ, при пошлепываніи съ боку на бокъ, при необходимой въ этомъ случаѣ широкой разстановкѣ ногъ, не предвидѣлось. Буря крѣпчала; кренометръ, висѣвшій въ рубкѣ штурманскаго офицера, показывалъ 30^0 качки, т. е. 60 въ обѣ стороны, по килю. Было холодно, всего 8^0, и сырость пронизывала насквозь. Мгла — такъ казалось по крайней мѣрѣ — только сгущалась, а между тѣмъ намъ необходимо было видѣть берегъ къ тому времени, когда мы подойдемъ къ ближайшей цѣли нашего пути — къ Териберской губѣ, чтобы войти въ нее; до сихъ поръ »Забіяка« оказывался удивительно точенъ въ своемъ пути; будетъ ли онъ таковымъ сегодня? будемъ ли мы около 8 часовъ утра подлѣ Териберки?

Непростительно, испытавъ порядочную бурю въ Ледовитомъ океанѣ, не полюбоваться ею вполнѣ, т. е. не взойти, и не разъ,

на тотъ или другой мостикъ. Палуба скоро пригляделась. Матросы въ желтыхъ кожаныхъ курткахъ, шапкахъ и штанахъ, такихъ жесткихъ, что глядѣть на нихъ было жестко, были заняты каждый своимъ дѣломъ: поправь то, да прикрѣпи это, да полѣзай туда! Эти кожаныя куртки на частныхъ пароходахъ называются »олеофраками«, въ насмѣшку, конечно, и надо быть достаточно ловкимъ и сильнымъ, чтобы при лазаньи погнуть какъ слѣдуетъ упругую, неподатливую желтую кожу. За то защищала эта кожа отлично отъ соленой воды перемахивавшей изъ-за бортовъ на палубу, а также и отъ той, что подливалась снизу изъ такъ называемыхъ »шпигатовъ«, этихъ отверстій, хорошо всѣмъ знакомыхъ, расположенныхъ по краямъ палубы для стока воды. Очень занимательно было видѣть, какъ при сильномъ накрененіи клипера океанская вода, бурля будто въ котлѣ, проникала въ шпигаты ключомъ и тотчасъ же разливалась по палубѣ, чтобъ убраться туда же, откуда пришла. Эти посѣщенія волны снизу и разливы ея были бы равномѣрны, еслибы не неожиданные притоки воды черезъ бортъ въ большемъ или меньшемъ, но совершенно неожиданномъ и разнообразномъ количествѣ. Эта вода сверху попадала незаконнѣйшимъ образомъ то за шею человѣка, то въ рукава, и составляла, если можно такъ выразиться, самую непріятную особенность бури при 3° тепла въ водѣ.

Видъ съ мостика на океанъ былъ чудесенъ. Необозримыми легіонами двигались громадныя волны всѣ въ ту же сторону, что и »Забіяка«, какъ бы нагоняя и подгоняя его. Здѣсь, на мостикѣ, высоко надъ палубой, чувствительнѣе были розмахи качки, и можно было наблюдать, сколько саженъ по всякимъ кривымъ выписывали въ воздухѣ вершинки нашихъ мачтъ. Кто не знаетъ, кто не слыхалъ, что существуетъ такъ называемый девятый валъ, гораздо болѣе крупный чѣмъ всѣ остальные. Можетъ-быть это и такъ, можетъ-быть это подтверждаетъ и наука, но простому, ненаучному наблюдателю это кажется немного иначе. Самыя судорожныя, самыя неожиданныя вздрагиванія и колебанія, захватывающія духъ, испытываетъ судно вовсе не отъ видимой волны. Если вы смотрите на эти надвигающіяся, изрѣдка перебитыя шеренги ихъ, вы приблизительно вѣрно опредѣляете, въ какую сторону и насколько накренитъ васъ. Но вотъ, совершенно неожиданно, безъ всякаго предупрежденія, на полпути

*

уже совершающагося накрененія въ одну сторону качнетъ васъ съ титаническою силой въ другую, вы какъ будто куда-то глубоко опуститесь и какъ-то очень высоко подниметесь, васъ повалитъ въ бокъ, васъ какъ бы потянетъ опрокинуться. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это сдѣлала волна, но отнюдь не та, видимая, хотя бы и девятая, а какая-то другая, идущая глубоко подъ волнами, какое-то суммированіе этихъ волнъ, сила, не имѣющая вида, очертанія, имени, но безконечно большая всѣхъ остальныхъ!

Былъ 7-й часъ утра, когда на мостикѣ замѣтно стало особенно много начальственнаго персонала. Дѣло заключалось въ томъ, что по разсчету мы должны были находиться недалеко отъ входа въ Териберскую губу; надо было распознать, отличить входъ въ нее. Это было нелегко по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, самъ Мурманскій берегъ въ этихъ мѣстахъ настолько однообразенъ скалистыми своими очертаніями, что и въ свѣтлый день входъ въ бухту особенно рѣзкими признаками не отличается. Во-вторыхъ, туманная мгла, завѣса дождя, облегала берегъ сѣрою, сомнительною теменью; идти къ берегу ближе $1\frac{1}{2}$—2 миль при вѣтрѣ, сильно наваливавшемъ къ нему, было опасно, а на этомъ разстояніи отъ очертаній Мурмана виднѣлись какъ бы клочья, то и дѣло задвигавшіеся туманомъ и вновь открывавшіеся. Вдали, сквозь туманъ, мѣстами прорывавшійся, двигались передъ глазами будто какіе-то осколки, тряпки берега. За долгій путь нашъ, благодаря этой завѣсѣ тумана, мы мало что видѣли отъ Мурманскаго берега; надо надѣяться, что на обратномъ пути мы ознакомимся съ нимъ больше и декорація его протянется предъ нами съ желательною ясностью. Къ счастію для насъ разсчетъ и на этотъ разъ оказался совершенно вѣренъ, и »Забіяка«, не смотря на бурю, привелъ насъ къ желаемой бухтѣ точь-въ-точь. Изъ-за мглы, тумана и дождя замѣтно было на берегу какое-то будто-бы углубленіе общаго фасада скалъ: это именно и была Териберская бухта, и мы повернули къ ней. Териберка — одна изъ лучшихъ, но небольшихъ бухтъ нашего поморья и была намъ совершенно пріятна именно теперь, потому что она, будучи почти открытою сѣверо-западному вѣтру, отлично защищена отъ сѣверо-восточнаго, подгонявшаго насъ, отвѣсными скалами, поднимающимися съ этой ея стороны и называемыми здѣсь, подлѣ этой губы, »Волч-

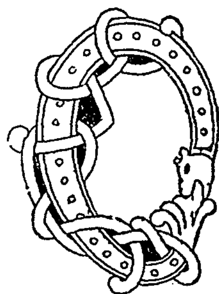
ками«. А зайти въ бухту было своевременно; вѣтеръ крѣпчалъ, и кренометръ показывалъ уже не 30°, а 35° наклоненія; команда была утомлена; большею частію всѣ мы продрогли и промокли да и качки натерпѣлись достаточно, можно было отдохнуть. Въ шканечномъ журналѣ всякому вѣтру, а тѣмъ болѣе бурѣ, выставляются баллы. Той, которая потрепала насъ, поставлено 9; должно-быть 12 балловъ не ставятъ никогда, потому что судно погибаетъ. Мы входили въ Териберскую губу въ 10-мъ часу утра. Здѣсь почти конецъ нашего поморья, т. е. той окраины, возвращаясь отъ которой, поморы »идутъ въ Русь«.

ТЕРИБЕРСКАЯ ГУБА.

Входъ въ Териберскую губу. Путь промышленниковъ на Мурманъ. Очеркъ тресковаго промысла. Шняка. Артель. Ярусъ. Заготовка трески. Осмотръ поселенія. Церковь. Зуйки. Санитарная часть побережья. Обходъ факторіи, колоніи и становищъ. Значеніе рыбы мойвы. Морозники. Общество „Рыбакъ". Соляное дѣло въ поморьѣ.

традно выйти изъ-подъ шторма и очутиться вдругъ въ царствѣ успокоенія. Еще пріятнѣе — и въ этомъ послѣднемъ чувствѣ есть даже нѣкоторое злорадство — слышать, какъ гудитъ и мечется этотъ штормъ за вами, словно рычитъ, сердится, что вы ушли изъ-подъ него, рычитъ, васъ не касаясь; въ погоню за вами долетаютъ только какіе-то клочья вихрей, которые кажутся вамъ сладкими дуновеніями зефира — такъ они пріятны. Входъ въ Териберку довольно широкъ; справа скалы отступаютъ назадъ, словно пятясь отъ моря; онѣ невысоки и вовсе не задвигаютъ вида на него, такъ что отъ западнаго вѣтра тутъ защиты нѣтъ; за то слѣва отъ сѣверо-востока мы тотчасъ же заслонились темною завѣсью сумрачныхъ высокихъ гранитныхъ скалъ. »Забіяка«, входя, держался средины пролива; вправо, по довольно далекимъ, отступившимъ назадъ отъ общей линіи побережья, изможженнымъ глыбамъ, въ черныя непроглядныя щели ихъ, на совершенно лысые, округленные лбы, со всею мощью ударяла океанская волна, вкатываясь высоко, и едва-едва имѣла время сбѣжать внизъ, такъ какъ за нею шла новая волна, и эта опять лѣзла, подбирая, подлизывая остатки прежней и скатывалась сама, подбираемая третьею. Глядя на эту гигантскую толчею, легко было представить себѣ, во что должно обратиться любое судно, выброшенное въ такую погоду на такія пѣнящіяся подушки?

Тутъ не могло бы быть никакого вопроса о какомъ бы то ни было сохраненіи судна; оно меньше чѣмъ въ нѣсколько часовъ было бы разбито въ щепы.

А что бы было съ людьми! А наши поморы живутъ и заработываютъ свой хлѣбъ въ большинствѣ случаевъ въ подобныхъ или вблизи подобныхъ усложненій природы, и у нихъ въ распоряженіи не »Забіяка«, а утлыя суденышки, не компасы и штурманы, а привычка, сметка, чутье.

Скала лѣвой стороны слегка поблескивала по всѣмъ выступамъ и жиламъ своимъ струйками дождя; мѣстами свѣтились узкими полосками временно проявившіеся водопады. Бѣлыми пятнами выдавались неподвижные потоки птичьяго помета отъ тѣхъ выступовъ скалы, на которыхъ по бархатистымъ, пухлымъ подушечкамъ мховъ гнѣздились въ огромномъ количествѣ морскія птицы. Онѣ только-что вывели дѣтенышей и отъ поры до времени слетали съ гнѣздъ. Тутъ былъ и черный бакланъ, и такой же черный чистикъ, и цѣлыя семьи сѣрыхъ и бѣлыхъ чаекъ и гагаръ; бакланъ тянулъ прямо, чайка кружила; замѣчались впрочемъ философы-птицы, остававшіяся сидѣть на мѣстахъ.

Мы бросили якорь на шести саженяхъ глубины, верстахъ въ трехъ отъ поселенія, виднѣвшагося въ глубинѣ бухты и раскинувшагося на гладкомъ наносѣ песковъ, скопившихся за сотни лѣтъ усиліями впадающей здѣсь рѣчки Териберки. Сквозь дождь и туманъ довольно большое поселеніе обозначалось не совсѣмъ ясно; замѣтнѣе другихъ была небольшая новая церковка и домикъ, занятый больницей санитарнаго отряда Архангельскаго благотворительнаго общества, подъ бѣлымъ флагомъ съ краснымъ крестомъ. Бухта, кругловатая по плану, очень невелика, имѣетъ около 40 саженей глубины и, какъ кажется, одну только песчаную банку, на которой мы и бросили якорь; она представляется какъ бы чашей, бока которой состоятъ изъ скалъ 300—400 футовъ вышины, почти совершенно лишенныхъ растительности; только къ сѣверо-западу и къ океану принижаются онѣ, будто одинъ край этой чаши былъ когда-то кѣмъ-то сломанъ, разрушенъ и далъ просвѣтъ, чтобы открыть свободный доступъ сѣверо-западному вѣтру. Скалы сквозь дождь и туманъ виднѣлись не особенно ясными грифельнаго цвѣта очертаніями, по которымъ тутъ и тамъ нависали временные

водопадики. На одной изъ нихъ, въ самой глубинѣ залива и почти подлѣ вершины ея, поразило насъ явленіе, оставшееся необъясненнымъ: изъ земли или, лучше, изъ скалы, поднимался значительный снопъ водяныхъ брызговъ, клонившихся султанчикомъ по волѣ вѣтра въ ту или другую сторону. Замѣтилъ его одинъ изъ насъ, сообщилъ другому, третьему; пошли въ ходъ бинокли, и присутствіе этого явленія не подлежало никакому сомнѣнію. Подобные выходы воды изъ почвы случалось видѣть въ Швейцаріи при очень сильныхъ дождяхъ, но только въ самой глубинѣ долинъ; палка, воткнутая въ землю и вынутая изъ нея, давала свободу и мѣсто довольно высокому фонтанчику; здѣсь явленіе это замѣчалось на вершинѣ горы, на скалѣ, и чѣмъ могло оно обусловиться — объяснить трудно.

Приливъ начался въ Териберкѣ въ 11 часовъ и для съѣзда на берегъ надо было соображаться съ нимъ, такъ какъ обмелѣніе подлѣ самаго поселенія значительно. Около 4-хъ часовъ пополудни Его Высочество на вельботѣ близился къ песчаному наносу, къ поселенію. Сѣрымъ тонамъ неба и воды и завѣшанныхъ туманомъ и дождемъ скалъ вполнѣ соотвѣтствовалъ видъ берега и людей, собравшихся на немъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова негативъ того, что мы видѣли въ Кеми. Тамъ — солнце, тишина, женщины, пестрота и блескъ нарядовъ, тутъ — тѣ именно мужчины, которые уходятъ отъ своихъ женъ на промыслы, ихъ сермяжныя одежды, ихъ темныя различнѣйшихъ фасоновъ шапки, сапоги, лапти, босыя ноги, сѣрая непогода и порывистые вихри. Когда мы приблизились настолько, что ясенъ былъ звонъ очень небольшаго колокола маленькой церкви, скорѣе — избы, выяснилась другая старая церковка и слышалось звучавшее и тутъ »ура«. Нельзя было не обратить вниманія на значительное количество мальчишекъ-подростковъ лѣтъ 10—15: это такъ-называемые »зуйки«, существенно важные участники промысловъ. Такъ какъ здѣсь, въ Териберкѣ, мы находимся въ районѣ главнаго и существеннѣйшаго промысла поморья, трески, то и обрисуемъ въ общихъ чертахъ, какъ и чѣмъ этотъ промыселъ производится. Его Высочеству очень хорошо знакомы были какъ его производство, такъ и условія, потому что въ каютахъ Великаго Князя на столахъ постоянно виднѣлись книги и брошюры, касавшіяся поморья, включительно до послѣдней появившейся

въ продажѣ въ Петербургѣ за день до отъѣзда: »Мурманъ и его промыслы« Кушелева. Вотъ общія основанія промысла.

Въ началѣ марта, задолго до того, пока прилетаетъ въ Соловки первая чайка, когда еще вполнѣ сильны мартовскіе морозы въ Петербургѣ, и мы, столичные жители, собираемся кончать наши театральные и другіе сезоны; — по бѣлымъ саванамъ нашего сѣвера, по мерзлымъ тундрамъ и озерамъ, не имѣющимъ дорогъ, пользуясь для ночлега рѣдкимъ лопарскимъ чумомъ или простымъ навѣсомъ на бревешкахъ, воткнутыхъ неизвѣстнымъ добрымъ человѣкомъ, на томъ же основаніи, на какомъ въ степяхъ Аравіи вырытъ колодезь, тянутся изъ волостей Архангельской и ближней Олонецкой губерніи къ поморью промысловые люди, такъ-называемые »покручники«. Они законтрактованы еще съ осени въ Архангельскѣ, на Маргаритинской ярмаркѣ, своими хозяевами: они въ долгу у нихъ, потому что забрали деньги впередь, они идутъ на отработку съ тѣмъ, чтобы повторить въ будущемъ году то же самое: тотъ же снѣжный путь въ глубокую зиму и ту же отработку. Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на оленяхъ, довольствуясь въ качествѣ пищи почти исключительно тронутою гніеніемъ треской, двигаются эти темные люди, не имѣющіе полей, къ великому, насаждаемому Богомъ полю своему, къ Ледовитому океану. Для любителя мрачныхъ красокъ было бы гдѣ разойтись при описаніи этого стихійнаго движенія покручниковъ, по бѣлому савану, сквозь длинныя, длинныя ночи, въ свѣтѣ полярныхъ сіяній, по еле виднымъ, постоянно заносимымъ буранами тропочкамъ. Для полной законченности картины слѣдуетъ сказать, что такъ-называемыя »становища«, жилья, разсѣянныя по Мурману, принадлежащія тому или другому хозяину, къ которымъ покручники приходятъ послѣ описаннаго пути и гдѣ живутъ лѣтомъ на берегу, между однимъ уловомъ и другимъ, это настоящія гноилища; нары узки, стары, грязны; десятки людей дышутъ тутъ воздухомъ какихъ-нибудь двадцати кубическихъ саженей, а цынга, скорбутъ и горячки свили себѣ гнѣзда самаго вопіющаго характера. Эти гноилища, остающіяся на зиму пустыми или поручаемыя наблюденію наемнаго лопаря, населяются съ марта мѣсяца народомъ, первою обязанностью котораго при появленіи на мѣстѣ должна быть очистка становищъ отъ снѣга и задѣлка пробуравленныхъ зимними вьюгами дыръ.

Его Высочество заходилъ въ подобныя становища, становился лицомъ къ лицу съ этимъ воздухомъ и не разъ разспрашивалъ людей объ ихъ мѣстномъ житьѣ-бытьѣ. Уже самое посѣщеніе Великимъ Княземъ становища ослабляетъ темень нарисованной картины, но для правильнаго уразумѣнія дѣла слѣдуетъ сказать тутъ же, что со стороны правительства за послѣдніе годы сдѣлано многое для измѣненія ея къ лучшему. Мы только напомнимъ здѣсь о нѣкоторомъ, уже состоявшемся, урегулированіи медицинской помощи, въ чемъ главнымъ дѣятелемъ является Архангельское Общество Краснаго Креста; но мы должны отмѣтить и другой фактъ громадной важности, принадлежащій всецѣло почину правительства, ближайшимъ образомъ со стороны министерства государственныхъ имуществъ. Весь мракъ картины, обрисованной нами, ложится на простаго рабочаго, на покручника; свѣтовые проблески оставались на сторонѣ хозяина. Мало что помѣшаетъ теперь работнику-покручнику преобразиться въ хозяина: въ 1883 году распространенъ льготный отпускъ лѣса для постройки судовъ всѣмъ жителямъ Архангельской губерніи. Это распоряженіе имѣетъ величайшее значеніе для края, и если бы оно было облегчено, какъ объ этомъ заявлено въ цѣломъ рядѣ коммиссій, нѣкоторымъ кредитомъ, то судьбы поморовъ преобразились бы непремѣнно. Преобразиться покручнику-работнику въ хозяина тѣмъ легче, что искони вѣковъ весь поморскій промыселъ стоитъ и держится на артельномъ началѣ. Артель у поморовъ имѣетъ такое же историческое, стихійное значеніе, какъ земельная община въ земледѣльческой Россіи, и не хватаетъ только очень немногихъ, очень недорогихъ, очень ясныхъ правительственныхъ распоряженій, чтобы осчастливить этотъ славный, смѣлый, работящій народъ.

Что касается возможнаго облегченія мартовскаго пути на Мурманъ нашихъ промышленниковъ, то на первое время можно было бы устроить только три постоялые двора: одинъ между Кандалакшей и Растъ-Наволокомъ, другой въ Растъ-Наволокѣ, третій между нимъ и Колой. Это стоило бы недорого, а помощь была бы великая, потому что такимъ образомъ промышленники приходили бы къ поморью здоровыми, не принося задатковъ простудныхъ и горячечныхъ болѣзней, схваченныхъ въ пути, какъ это зачастую бываетъ теперь. Все равно, будутъ ли дворы

Типы поморовъ.

эти построены въ видѣ большихъ корчемъ или составятся изъ ряда менѣе значительныхъ построекъ, но, главное, долженъ существовать пріютъ, въ которомъ можно бы было отдохнуть и спастись отъ непогоды. Много свирѣпствуетъ тутъ цынга; заболѣвающихъ ею мѣстные люди начинаютъ мять, колотить, таскать. »Коли, значитъ, цынги ты боишься, больше смѣйся, больше бѣгай, шевелись — не пристанетъ«, говоритъ поморъ.

Однако — къ самому промыслу. Когда поморы уже на мѣстахъ, становища обитаемы и снасти изготовлены и починены, а море открылось, на сцену выступаетъ самый ловъ и прежде всего классическая поморская шняка. Это судно въ 6—7 саженей длины и только сажень съ вершкомъ ширины; оно можетъ поднять никакъ не болѣе 200 пудовъ, совершенно открыто и очень легко заливается океанскою волной. На немъ двѣ мачты, и когда поставлены всѣ весьма широкіе паруса, то шняка имѣетъ видъ даже довольно прочный и скользитъ по морю съ великою самоувѣренностью. Объ этой самоувѣренности слѣдовало бы разспросить тѣхъ поморовъ, что погибаютъ ежегодно, а товарищи ихъ все-таки идутъ на промыслы и на такой же шнякѣ. Суденышко имѣетъ свои отдѣленія: чердакъ, гребло, кладь; въ одномъ лежатъ рыболовныя снасти, въ другомъ — наживка, въ третьемъ — уловленная рыба и т. д.

Насколько неизмѣнна въ своихъ очертаніяхъ шняка, настолько же проченъ въ своемъ составѣ экипажъ ея; промысловая шнячная артель состоитъ изъ столькихъ человѣкъ, сколько необходимо для управленія шнякой и производства лова, а именно изъ четырехъ покручниковъ: кормщика, тяглеца, на обязанности котораго, главнымъ образомъ, лежитъ выбрасываніе въ море и сборъ снасти; весельщика, помогающаго, при свободѣ отъ собственнаго прямаго дѣла, всѣмъ остальнымъ, и наконецъ наживочника — зуйка, малолѣтка, обязаннаго наживлять крючки; огромное количество этихъ зуйковъ бросилось намъ въ глаза при приближеніи нашемъ къ Териберскому поселенію; это тѣ подростки, изъ которыхъ выработывается безстрашный поморъ. Всѣ участники лова называются »покручниками« и работаютъ не за деньги, а получаютъ одну треть улова, при готовыхъ харчахъ и содержаніи. Лучшимъ мѣриломъ того, что можетъ остаться покручнику въ концѣ лѣта, можетъ служить то, что хозяева кредитуютъ имъ

до 100 руб., съ небольшими измѣненіями. Идея артели, давность ея существованія, хороша; но примѣненіе къ дѣлу требовало бы улучшеній. Замѣтимъ только, что для того, чтобы новому хозяину »поднять« промыселъ съ одною шнякой, считая стоимость ея рыболовныхъ снастей, устройство становища на берегу, выдачу задатковъ покручникамъ и заготовленіе припасовъ, необходимо около 900 р.; выходъ на промыселъ со старою шнякой и старою снастью обходится около 600 рублей.

Главное орудіе лова трески — это такъ-называемый »ярусъ«, имѣющій нерѣдко по истинѣ океанскіе размѣры, а именно до 12 верстъ длины. Ярусъ — это нѣчто въ родѣ хорошо извѣстныхъ нашимъ рыболовамъ-дилеттантамъ переметовъ. Главная нить, главная направляющая яруса, та именно, что достигаетъ 12 верстъ длины, это пеньковая бечева, состоящая изъ »стоянокъ« отъ 40 до 60 саженей длины каждая; если связать три стоянки, то получается то, что называется »тюкомъ« во 150 — 180 саж. длины. Для того чтобы получить двѣнадцативерстную длину, нужно слѣдовательно около 40 тюковъ. Вдоль этихъ связанныхъ стоянокъ прикрѣплены въ разстояніи 1½ сажени одна отъ другой такъ называемыя „оростяги“, тонкія, крученыя бечевки около двухъ аршинъ длины и къ каждой изъ нихъ привязанъ крючокъ съ наживкой; на каждой стоянкѣ имѣется слѣдовательно около 100—120 крючковъ; на 12-ти-верстномъ ярусѣ ихъ отъ 12.000 до 14.000.

Когда приготовленный ярусъ закинутъ въ океанъ, то картина представляется такъ: на одномъ концѣ яруса плаваетъ на поверхности воды »кубасъ« или буекъ, у каждаго изъ промышленниковъ для отличія имѣющій свои особые значки; отъ кубаса вглубь океана идетъ бечева до 200 саженей глубины, и на ней якорь. Отъ этого кубаса вытягивается ярусъ по океану, мѣстами поддерживаемый другими кубасами, поплавками, по направленію, избранному кормчимъ. 14.000 крючковъ, наживленныхъ рыбкой мойвой, о которой, какъ о предметѣ очень важномъ, поговоримъ вслѣдъ за этимъ, или песчанкой, или червемъ, или наконецъ, если нѣтъ лучшаго, кусками свѣжей трески, качаются въ водѣ одинъ подлѣ другаго, на всемъ протяженіи яруса, ожидая прихода трески; на другомъ крайнемъ концѣ яруса, тоже якорь, тоже кубасъ, и къ нему-то привязывается сама шняка, въ которой послѣ

На шнякѣ. Зуекъ, тяглецъ и весельщикъ.

БИБЛИОТЕКА

долгаго труда засыпаютъ промышленники, выжидая время уборки яруса, то-есть около 6 часовъ времени, что соотвѣтствуетъ одной полной водѣ; это время стоянки называется »лежей«. Затѣмъ слѣдуетъ уборка яруса и возвращеніе съ добычей домой. Въ непогоду въ теченіе недѣли ярусъ можно выкинуть не болѣе двухъ разъ — такъ тяжела эта работа.

Не угодно-ли кому-либо сообразить все количество труда, все великое умѣнье и смѣлость, которыя необходимы, чтобы произвести всю очерченную операцію! Легко ли на шнякѣ, имѣющей съ небольшимъ сажень шириной, наживить 14.000 крючковъ и выкинуть ярусъ, такъ чтобъ онъ не перепутался крючками и каждая изъ оростягъ висѣла по назначенію! Не угодно ли принять во вниманіе почти вѣчное крутое волненіе океана, мѣшающее всему этому; весенній и осенній холодъ, обмораживающій и обледеняющій руки; необходимость такъ же бережно убрать ярусъ, какъ его ставили (иначе съ нимъ не распутаешься)! Прибытіе къ становищу, — это начало новой работы: приведеніе въ порядокъ яруса и немедленная заготовка уловленной трески, немедленная, потому что иначе вся она погибнетъ. А сколько случаевъ, что непогода помѣшаетъ кончить уловъ, что шквалъ сорветъ со стоянки шняку, что акулы, падкія до трески, пожрутъ часть улова или — что еще хуже — перепутаютъ ярусъ.

Вторая работа, заготовка трески, по прибытіи на берегъ, очень копотлива. Треска, только что пойманная, рыба очень некрасивая, съ большою головой, большимъ прожорливымъ брюхомъ и какого-то зеленовато-чернаго, непріятнаго цвѣта; это не тѣ изящные серебряные сиги, лососки и семги, которые уже по одному виду своему аппетитны. Работа начинается съ того, что тяглецъ отрубаетъ рыбѣ голову, кормщикъ распластываетъ ее и разворачиваетъ, такъ что на одной сторонѣ ея остается хребетная кость, и вручаетъ внутренности наживочнику, который отдѣляетъ отъ нихъ самую дорогую часть — печень или »максу«, матеріалъ, служащій для изготовленія извѣстнаго рыбьяго жира, а остальное кидается въ море. Еще недавно головы трески тоже выкидывались въ море; теперь собираютъ ихъ и сушатъ для продажи норвежцамъ, выработывающимъ изъ нихъ отличное гуано; головы эти составляютъ собственность покручниковъ и покупаются у нихъ хозяевами по 15—20 копѣекъ за сотню;

осенью, высушенныя, онѣ продаются хозяевами норвежцамъ уже значительно дороже. Можетъ-быть, что время и добрые люди научатъ когда-нибудь поморовъ не выкидывать въ море питательныхъ внутренностей трески, тоже способныхъ на переработку въ отличное удобреніе. Еще недавно, какъ сказано, выкидывались головы трески; еще недавно на одномъ изъ двухъ нашихъ китобойныхъ заводовъ пользовались только китовымъ жиромъ, китовымъ усомъ и китовымъ ухомъ, — послѣднимъ для очень характерныхъ пепельницъ, — а остальную тушу кита, представляющую огромную цѣнность, бросали въ море. Это кажется невѣроятнымъ, но это такъ.

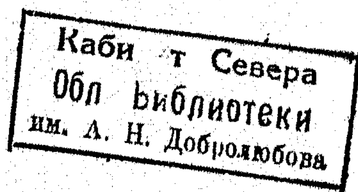
Дальнѣйшая операція съ треской, какъ она производится на Мурманѣ, тоже очень назидательна. Послѣ навѣски рыбы, произведенной для того, чтобъ артели знать, кто сколько получаетъ, треску, сильно загрязнившуюся при этой навѣскѣ, необмытую, окровавленную, укладываютъ или подъ тщедушные навѣсы, или прямо на судно, принимающее треску для дальнѣйшаго препровожденія, рядами, одинъ поперекъ другаго, и чуть-чуть просаливаютъ ее. Это »чуть-чуть« соли и сохраненіе въ распластанной трескѣ хребетной кости, способствующей гніенію, обусловливаютъ низкую стоимость нашей русской трески на рынкѣ и тотъ убійственный запахъ ея, репутація котораго общеизвѣстна. Если скупость на соль еще имѣетъ какія-либо причины, довольно основательныя впрочемъ, а именно недостатокъ въ соли, недостатокъ легко устранимый, то сохраненіе хребтовой кости, это полнѣйшее вполнѣ дѣтское самообманываніе промышленниковъ: хребтовая кость, это правда, придаетъ трескѣ больше вѣсу, но за то понижаетъ ея стоимость несравненно больше. Помимо соленія трески, весьма дурнаго, какъ мы сказали, на Мурманѣ ее еще и сушатъ, вывѣшивая раздѣленную на-двое рыбу на длинныя жерди, такъ-называемыя »палтуха«, лежащіе на козлахъ, именуемыхъ »елунцами«. Въ Норвегіи въ большомъ ходу своеобразныя приготовленія трески извѣстныя, подъ именами »лабардана«, »штокфиша« и др., имѣющія хорошій сбытъ, но нашъ Мурманъ предпочитаетъ оставаться при завѣщанной предками простотѣ прежняго времени.

Когда вельботъ Великаго Князья подошелъ къ песчаной косѣ, на которой расположено поселеніе, изъ-за густой темной толпы на берегу виднѣлись далеко кругомъ палтуха и елуницы; были

Стоянка шняки послѣ постановки яруса.

вытянуты по кольямъ и разостланы по песку различныя сѣти; подлѣ невысокихъ избенокъ вдоль изгородей, подъ крышами, на крышахъ виднѣлась треска; ярко, ярко обозначался на сѣромъ фонѣ скалъ и непогоды бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ надъ больницей. Колоколъ церкви тихонько звонилъ.

Сойдя на берегъ, Великій Князь направился прямо въ церковь; это нѣчто въ родѣ выбѣленной избы, и въ ней небольшая комната съ сѣнями; иконостасъ очень малъ и бѣденъ, и на немъ едва-ли найдется десятокъ образовъ; маленькій куполъ-колокольня отличаетъ церковь въ длинномъ ряду сѣренькихъ, низенькихъ избъ, разбросанныхъ по пескамъ, отчасти обросшимъ травой. Церковь построена немного поодаль отъ жилыхъ строеній; направляясь къ ней, приходилось то и дѣло цѣпляться за разостланныя по песку сѣти, что для людей, носящихъ шпоры, было особенно неудобно. Такъ какъ Териберка густо населяется лѣтомъ, а зимуютъ вь ней только нѣсколько семействъ, то и священникъ пріѣзжаетъ сюда исключительно на лѣтніе мѣсяцы. Едва-ли мы ошибемся, сказавъ, что изъ всѣхъ православныхъ храмовъ Россіи эта церковка самая бѣдная, самая сиротная.

Изъ церкви Его Высочество прошелъ въ больницу. Еще недавно на всемъ Мурманѣ медицинской помощи не было никакой, если не считать двухъ, трехъ фельдшеровъ, терявшихся со своими великими научными познаніями въ безконечныхъ пространствахъ побережья! До 1860 года не командировали даже и фельдшеровъ; въ 1883 году выработанъ и утвержденъ главнымъ управленіемъ Общества Краснаго Креста проектъ устройства временныхъ, подвижныхъ лазаретовъ и пріемныхъ покоевъ Архангельскаго Общества Краснаго Креста на Мурманскомъ берегу. Великаго Князя на порогѣ больницы встрѣтилъ врачъ. Больница невелика, но устроена чисто; при ней находятся двѣ сестры Холмогорскаго женскаго монастыря, посѣщеннаго нами недавно; больныхъ при насъ было только пять человѣкъ. Всѣхъ временныхъ больницъ въ настоящее время на Мурманѣ четыре: Териберка, Цыпъ-Наволокъ, Семь-Островов и Киберка; всѣхъ больныхъ къ 20-му іюня, дню посѣщенія Его Высочества, перебывало 60 человѣкъ.

Въ Териберкѣ скопляется народу больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ тутъ 460 человѣкъ, изъ нихъ 175

зуйковъ, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ, не желающихъ покидать своихъ мужей. Ловятъ эти люди на 141 суднѣ, становъ у нихъ 20; постоянно живутъ здѣсь 58 человѣкъ русскихъ колонистовъ или 13 семействъ; они имѣютъ жилыхъ строеній 11, рогатаго скота 3, овецъ 20, оленей, пасущихся зимой по сосѣдству, а лѣтомъ уходящихъ дальше, 30 штукъ. Кромѣ трескового промысла, тутъ ловятъ въ заливахъ и губѣ семгу и пользуются половиной семужьихъ угодій по рѣкѣ Териберкѣ; другая половина принадлежитъ лопарямъ Кильдинскаго погоста. По рѣкѣ есть и сѣно, и дрова; попадаются и пушные звѣри.

Териберка замѣчательна тѣмъ, что это одновременно факторія, колонія и становище. Факторіями зовутъ по Мурману мѣста, въ которыхъ имѣется какая-либо торговля, главнымъ образомъ рыболовными принадлежностями и припасами; колоніями — постоянныя, осѣдлыя поселенія, пользующіяся нѣкоторыми, закономъ опредѣленными, льготами, и наконецъ становищами — мѣста причаловъ и лѣтнихъ поселеній промышленниковъ, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ. Въ Териберкѣ двѣ факторіи; въ одну изъ нихъ Великій Князь заходилъ и внимательно разсматривалъ товары, освѣдомился о сравнительной цѣнности нашихъ русскихъ и иностранныхъ веревокъ, бечевокъ, крючковъ; несомнѣнно, что наши русскіе товары, при большемъ вниманіи людей близкихъ къ дѣлу, легко могли-бы окончательно вытѣснить иностранные: канатныя фабрики, хотя бы и Журавлевская, осмотрѣнная нами въ Рыбинскѣ, способны потягаться въ издѣліяхъ изъ родной намъ пеньки съ кѣмъ угодно; наше русское желѣзо и его работники — если вспомнить знаменитую» блоху тульскихъ оружейниковъ«—едва-ли отстанутъ отъ кого бы то ни было въ изготовленіи простыхъ крючковъ. Торговые обороты териберскихъ фактористовъ достаточно велики: одного до 17.000 р., другаго до 60.000 р. Торгуютъ въ Териберкѣ, кромѣ нихъ, еще двое. Это конкурренція, если хотите, но желательно было-бы, чтобы на предметы такой безусловной необходимости для трескового промысла, какъ напримѣръ соль, конкуррентомъ была казна. И сдѣлать это вовсе не трудно.

Осмотръ Териберки представлялъ высокій интересъ. Мы ходили все время въ запахѣ трески, цѣплялись за сѣти; длинными гирляндами висѣли повсюду тресковыя головы, треска, вязига,

Зуйки, будущіе поморы, шмыгали подъ ногами самымъ безцеремоннымъ образомъ. Нельзя было не обратить вниманія на грязь тѣхъ чановъ, въ которыхъ хранится дорогой тресковый жиръ. Эта грязь причиной того, что петербургскіе дрогисты платятъ за пудъ норвежскаго жира, чистаго, свѣтлаго, отъ 24 до 30 р.; за нашъ же родной Муранскій — только 8 руб. Что теряемъ мы на одной этой грязи — и сообразить трудно. У обоихъ фактористовъ Териберки имѣется по одному заводу съ паровыми машинами для приготовленія этого жира.

Годовой уловъ трески по Мурманскому берегу достигаетъ только 600.000 пудовъ; легко могло-бы быть вдесятеро; на послѣдней Маргаритинской ярмаркѣ въ Архангельскѣ треска шла, — соленая отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. за пудъ, сушеная около 3 р. 80 к. Обидно сознаться, что на этой ярмаркѣ норвежской трески продается до 860.000 пудовъ, нашей только 250.000, а между тѣмъ не надо забывать, что наши сѣверныя губерніи живутъ треской, замѣняющею хлѣбъ. Специфическій запахъ трески въ крестьянскихъ домахъ начинаетъ преслѣдовать васъ чуть-ли не отъ сліянія Сухоны съ Югомъ; линія его распространенія очень точно опредѣляется линіей недозрѣванія ржи; громаденъ сбытъ трески въ Петербургъ, Москву, на Поволожье и вездѣ, рѣшительно вездѣ предшествуетъ нашей — норвежская треска. Трудно представить себѣ, какъ замѣчательно вкусна треска свѣжая; она не выдерживаетъ впрочемъ и нѣсколькихъ часовъ пути, но способна въ рукахъ хорошаго повара дать тончайшія гастрономическія блюда; одинъ изъ вкусившихъ ее рискнулъ даже сравненіемъ плотности трескового мяса съ плотностью ваты; это смѣло, но, пожалуй, не безоснователно; очень хороша и свѣжепросольная треска, намъ довелось отвѣдать и эту.

Кромѣ добычи ярусами треска добывается поморами и на »подцевъ« — на удочку. Этотъ способъ улова составляетъ немаловажную статью заработковъ на побережьи, во многихъ мѣстахъ единственную, тоже очень прибыльную и независящую отъ погоды и даже отъ времени года. Но нельзя не остановиться въ заключеніе очерка трескового промысла, составляющаго безспорно крупнѣйшую хозяйственную единицу нашего поморья, крупнѣйшую на ряду съ такими крупными промыслами, какъ китобойный, сельдяной, семужій и звѣриный, на возникшемъ въ самое

недавнее время Обществѣ »Рыбакъ«, имѣющемъ въ виду исключительно тресковый промыселъ. Общество это взяло базисомъ своихъ операцій факторію въ корабельной бухтѣ и еще до 1882 г. введены имъ въ мурманскій промыселъ двѣ существенныя новинки: »морозники« для сохраненія мойвы и »кошельковый неводъ« для ея ловли, успѣшно замѣняющій не особенно пригодныя въ данномъ случаѣ простые невода.

Рыбешка »мойва« весьма схожая съ крупною корюшкой или небольшою сельдью, — рыбешка, имя которой въ столицахъ нашихъ даже неизвѣстно, составляетъ, такъ сказать, основаніе главныхъ промысловъ нашего поморья. Если, какъ было сказано, линіей недозрѣванія ржи опредѣляется линія распространенія по Россіи трески какъ главнаго предмета пищи, то движеніемъ, передвиженіемъ и количествомъ мойвы опредѣляется весь заработокъ помора. Нѣтъ мойвы — нѣтъ улова; гдѣ мойва — тамъ и треска, и китъ, и многіе другіе изъ вкусныхъ и доходныхъ обитателей океана; всѣ остальныя наживки только палліативы, въ мойвѣ вся суть. Отъ давнихъ временъ существовали такъ называемыя »мойвенныя« артели, на обязанности которыхъ лежало и лежитъ ловить исключительно ее, и только тогда, когда артели эти исполнили свое дѣло, могутъ покручники выѣзжать на промыслы. Есть излюбленныя мойвой мѣста, есть особенно богатые ею мѣсяцы. Но наловить ее еще не значитъ сохранить и обезпечиться на все лѣто. Въ числѣ многихъ чудесъ земли Русской, встрѣчаемся мы здѣсь съ чудомъ совершенно поразительнымъ: тамъ, гдѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ можно вволю гулять по снѣгу, нѣтъ и не было никогда »морозниковъ«, ледниковъ для сохраненія безусловно необходимой мойвы! Ко времени нашего посѣщенія Териберки промышленники уже не имѣли мойвы и должны были ограничиваться песчанкой. Возникшее общество »Рыбакъ« уже въ нынѣшнемъ году получило извѣстную долю пользы отъ продажи мороженой мойвы нашимъ поморамъ. Это одно изъ нововведеній »Рыбака«, но есть и другое. Дѣло въ томъ, что общество это построило и орудуетъ американскою промысловою шхуной. Шхуна, и это первая ея выгода, такъ велика, что она одновременно и жилище поморовъ, и промысловое судно, и складъ уловленной рыбы; при шхунѣ имѣется шесть плоскодонныхъ лодокъ, такъ называемыхъ »дорій«; на ней есть морозникъ для

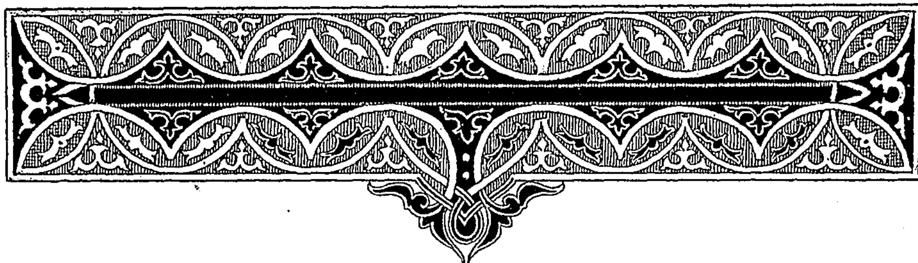
храненія мойвы; шхуна совершенно вольна направиться къ тому мѣсту, гдѣ стоятъ густые тресковые юры; здѣсь спускаетъ она свои лодки, съ которыхъ по радіусамъ отъ шхуны и производится ловъ; одинъ человѣкъ гребетъ другой выпускаетъ небольшой бумажный осмоленный навернутый на кадушку ярусъ. Въ случаѣ непогоды шхуна подбираетъ лодки; при передвиженіи тресковыхъ юровъ она ихъ преслѣдуетъ; ей незачѣмъ возвращаться къ берегу, какъ нашей поморской шнякѣ, не могущей нести болѣе 200 пудовъ наловленной рыбы. Само собою разумѣется, что постройка такого рыболовнаго аппарата требуетъ значительной затраты капитала, но и между хозяевами шнякъ есть люди состоятельные и орудовать вскладчину для насъ дѣло не диковинное. Примѣръ показанъ обществомъ »Рыбакъ«. Что же касается устройства на Мурманѣ »морозниковъ«, то это дѣло до такой степени простое, наглядное, необходимое, что несуществованіе ихъ должно быть отнесено къ чудесамъ земли Русской, о которыхъ и любопытно, и полезно иногда поговорить. Общество »Рыбакъ«, еще до времени нашего прибытія, уже отправило въ Петербургъ свой пароходъ »Мурманъ« съ наловленною нынѣшнимъ лѣтомъ треской. Если не ошибаемся, у него двѣ промысловыя яхты, американская и шведская, и пароходикъ »Мойва«, назначенный для храненія и продажи лѣтомъ замороженной наживки.

Мы говорили выше о недостаткѣ соли, недостаткѣ, который, чувствуется по всему нашему поморью; это явленіе довольно странное. По имѣющимся свѣдѣніямъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Архангельской губерніи добывалось до 200.000 пудовъ соли; она была недоброкачественна, и это обусловило то, что въ настоящее время на Мурманъ привозятъ иностранной соли до 300.000 пудовъ, и прежде всего страдаютъ отъ этого бѣднѣйшіе поморы. Между тѣмъ, по оффиціальному изслѣдованію Ненокскихъ соляныхъ источниковъ и мѣстныхъ варницъ, оказывается, что все дѣло въ простомъ улучшеніи техники работы; о немъ не заботятся, наша соль не улучшается и волей-неволей уступаетъ мѣсто иностранной. Если успѣшно пойдутъ дѣла общества »Рыбакъ«, такъ это именно потому, что оно занялось улучшеніемъ техники лова; тоже и съ солью: стоитъ улучшить варницы, не пожалѣвъ капитала, и тогда солеварамъ не придется возлагать надежды только на то, что правительство избавитъ нашу соль отъ иностранной конкуррен-

ціи возвышеніемъ пошлины. Въ настоящее время добыча на нашемъ сѣверѣ соли не превышаетъ 40—50 тысячъ пудовъ.

По окончаніи осмотра Териберки, къ вечеру, Великій Князь, сопровождаемый толпой, отправился къ вельботу. Погода продолжала стоять вѣтряною, сѣрою, но штормъ видимо слабѣлъ. Океанскій взводень забѣгалъ въ заливъ своими крайними, ослабленными вздохами, и вельботъ пріятно покачивался по волнамъ. По возвращеніи на клиперъ, мы немедленно освѣдомились о состояніи барометра; онъ быстро подымался, и явилась надежда, что на завтра, для посѣщенія китобойнаго завода, день глянетъ ясный, и мы, наконецъ, увидимъ Мурманъ.

Отъ Териберки къ Арѣ губѣ.

Видъ Мурмана въ солнечный день. Западная часть его. Характеръ Скалъ. Гольфстремъ. Характерный островъ Кильдинъ. Міръ пернатыхъ. Охотничьи разсказы. Иностранцы. Прибытіе къ китобойному заводу.

Іюня 21-го былъ яркій, горячій день. Около 8 часовъ утра мы снимаемся съ якоря и оставляемъ Териберскую бухту. По выходѣ въ океанъ, »Забіяка« взялъ курсъ на западъ къ границѣ Норвегіи, въ обходъ острова Кильдина. Мы направлялись къ самому сѣверному, къ самому далекому пункту нашего плаванія — къ Арской губѣ, такъ что Кола, въ которую мы заѣдемъ на обратномъ пути, самый сѣверный городъ Россіи, останется отъ насъ къ югу слишкомъ на $^1/_2$ градуса широты. Вѣтра нѣтъ почти никакого, но зыбь все-таки велика; куда дѣвались и темень, и туманъ, и могучіе порывы шторма; кажется, имъ и мѣста не могло быть въ этой безупречной лазури неба, надъ свѣтящеюся волной океана, надъ розовыми очертаніями мурманскихъ скалъ. Можно ли было предполагать, что эти изможденныя скалы тоже умѣютъ быть розовыми?

А Ледовитый океанъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ обладаетъ богатыми красками; разрѣзываемая клиперомъ вода цвѣта зеленаго, выступающаго съ особенною яркостью, благодаря безусловной бѣлизнѣ пѣны, разстилающейся по ней кружевомъ; дальше, тамъ, гдѣ повидимому волнъ больше, гдѣ онѣ пестрятъ своими несчетными гребнями, становящимися за далью какъ бы малыми гребешками, и наконецъ исчезаютъ, эта искрящаяся зелень переходитъ въ глубокую синь, въ сильнѣйшій аквамаринъ. На са-

момъ горизонтѣ на сѣверѣ этотъ аквамаринъ сгущается въ одну могучую бархатную черту, проведенную гигантскою рукой живописца, какъ бы сказавшаго этимъ: »тутъ небо, тутъ водное пространство; никогда имъ не смѣшиваться«! и голубое небо, какъ оно ни лазурно, не переходитъ завѣтной бархатной черты глубочайшей сини водной пучины, способной, какъ люди, на страсти, на страданія и на великія радости.

Хотя вѣтра не было почти никакого, но зыбь въ океанѣ, какъ мы сказали, ходила отнюдь не слабѣе вчерашней. Не скоро улегаются взводни Ледовитаго океана; цѣлыми днями длятся они, когда причина ихъ — вѣтеръ — давно уже прекратилась. Та же самая вышина волнъ, то же почти широкое раскачиваніе »Забіяки«, только не льетъ вода черезъ бортъ, не клубится она въ шпигаты, и если злобствовали волны вчера, сегодня онѣ съ нами только заигрываютъ, такъ, да не такъ. Вчера все было пасмурно, сыро, сѣро, все рокотало, свистѣло, было холодно; сегодня все лазурно, волна ласкаетъ своимъ шумомъ, не пробуравливаемая вихрями, и солнце ярко, и вамъ тепло.

А берегъ? а Мурманскій берегъ? Онъ былъ весь передъ нами, вытянутый въ безконечность въ самой красивой его части. Если про какія-либо скалы въ мірѣ можно сказать, что онѣ похожи на остовы, скелеты, такъ это про Мурманъ. Онѣ въ очертаніяхъ своихъ костлявы и жилисты, и жилы эти какъ-будто служили когда-то путями какой-то жизни и остались слѣдами погасшихъ геологическихъ процессовъ отъ тѣхъ дней, когда камни еще двигались и совершали свои странствія. Берегъ этотъ, иззубренный, продыравленный, выдвинутый со дна океана, съ великой глубины, голъ совершенно; граниты и гнейсы обнажены вполнѣ, потому что при этихъ колоссальныхъ размѣрахъ пейзажа ни во что нейдутъ, конечно, всякіе мхи, обильно и цѣпко растущіе повсюду, равно какъ чрезвычайно миловидная розовыми цвѣточками своими мелкая вороница, и наконецъ березка-лилипутъ, березка-карлица, стланецъ, предпочитающая стлаться по землѣ, поблескивая своими густозелеными, крѣпкими листиками въ серебряный гривенникъ величиной. Послѣдняя представительница на сѣверѣ нашихъ лиственныхъ лѣсовъ, березка эта, съежившись и мельчая, все-таки провожаетъ сюда родную землю, гнется къ ней, цѣлуетъ, довольствуется тѣмъ, что̀ даетъ ей эта земля, а

даетъ она ей очень мало, и то только въ теченіе короткаго двухмѣсячнаго лѣта.

Тысячеверстное обличье Мурманскаго берега, обращенное къ океану, начиная отъ Святаго Носа до Норвежской границы, не одинаково ростомъ: къ Норвежской границѣ оно возвышается. Скалы Терскаго берега, мимо котораго мы плыли третьяго дня, скалы Святаго-Носа, Семи-Островов, Оленьяго, Териберки не превышаютъ 400′; очертанія этихъ береговъ однообразны въ высшей степени, большихъ заливовъ нѣтъ; отъ Териберки начиная, скалы вырастаютъ, достигаютъ 700′, и берега изрѣзываются глубокими бухтами; множество островов, съ ихъ разнообразными очертаніями, дробитъ на многіе планы неподвижный, утомительный фасадъ линіи Мурмана и образуетъ множество глубоко-художественныхъ эффектовъ. Это съ художественной стороны, но и со всякихъ другихъ сторонъ эта западная часть Мурманскаго побережья является и характерною, и важною.

Гольфстремъ — теплое теченіе, опоясывающее наше полушаріе, направляется, какъ извѣстно, къ западнымъ берегамъ Норвегіи, въ ея фіорды; онъ заходитъ прямо въ нихъ и обусловливаетъ ту мягкость температуры, то развитіе рыбнаго промысла, которыя служатъ главнѣйшимъ основаніемъ быта всего Норвежскаго побережья. Что тамъ все это процвѣтаетъ, что къ услугамъ рыбаковъ имѣются телеграфы и телефоны, срочныя пароходства и удобства сбыта — причина этого не въ одномъ только благодѣтельномъ, оживотворяющемъ гольфстремѣ, такъ какъ онъ касается и Россіи и приноситъ и ей свою обильную лепту. Облагодѣтельствовавъ норвежскіе фіорды, онъ отталкивается ими, огибаетъ Норвегію и направляется прямо на нашъ Рыбачій полуостровъ; отсюда, полосой во 150 миль ширины, идетъ онъ къ SO, O, ONO, постоянно удаляясь отъ береговъ нашихъ и уже у Святаго-Носа находится въ одномъ градусѣ разстоянія по прямому пути на Новую-Землю. Вся причина обилія трески, сельди и идущихъ за ними крупныхъ представителей морской фауны — китовъ, акулъ и др., именно въ этомъ тепломъ теченіи, отчасти касающемся и насъ; отъ него же зависитъ и незамерзаніе многихъ нашихъ сѣверныхъ бухтъ въ глубокую зиму, когда и Нева и Волга скованы льдами; оно же, одновременно съ бурливымъ характеромъ Сѣвернаго океана, обусловливаетъ и то, что берега

океана мѣстами не замерзаютъ совершенно или замерзаютъ узкою полоской верстъ на 30, временно, причемъ этотъ »припай« льдовъ, не успѣвъ образоваться, уже ломается и разносится по сторонамъ, унося съ собою зачастую промышленниковъ ушедшихъ на »Наледный промыселъ«.

Рыбачій полуостровъ, почти что омываемый гольфстремомъ, самое бойкое мѣсто нашего западнаго Мурмана, служитъ центромъ весенняго лова, и къ нему-то чрезъ Колу и другими путями идутъ тѣ промышленники наши со всѣхъ сторонъ, о мартовскихъ походахъ которыхъ мы говорили. Тутъ же, въ этихъ мѣстахъ Мурманскаго побережья, еще со времени новгородцевъ, широко занималась жизнь; сюда глянулъ, образовывая китобойное дѣло, Петръ Великій; здѣсь существуетъ Екатерининская гавань, въ которой зимовалъ когда-то нашъ военный флотъ; здѣсь же наконецъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ, когда поднялись первые голоса въ пользу нашего забытаго сѣвера, сказалась первая попытка его оживленія и эксплуатаціи; тутъ въ настоящее время скопляется весь промышленный Мурманъ, и наконецъ въ будущемъ — вѣроятно нигдѣ, какъ тутъ — должны мы стать твердою военною ногой. Обидно видѣть на картѣ, изданной гидрографическимъ департаментомъ, что, какъ-разъ подлѣ этихъ мѣстъ, на самомъ сѣверномъ пунктѣ Норвегіи, открытая со всѣхъ сторонъ всѣмъ вѣтрамъ, обозначена лучистою звѣздочкой крѣпостца Вардэ-Хусъ; она словно зарится на нашъ Рыбачій полуостровъ.

По мѣрѣ движенія »Забіяки« на западъ, по мѣрѣ того, какъ въ полной солнечной ясности тянулись предъ нами разныя очертанія скалъ надъ глубокою зеленью океана, картины становились все привлекательнѣе, не жизнью людскою, которой здѣсь все-таки очень мало, но возможностью такой жизни въ будущемъ. Примѣръ маленькой Норвегіи у всѣхъ на глазахъ: сѣверъ ея оживился только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе.

Намъ пришлось выйти въ океанъ довольно далеко или, какъ говорятъ поморы, »въ голомя«, въ открытое море, для того, чтобъ обогнуть самый характерный, въ геологическомъ отношеніи, островъ Кильдинъ. Мало на Мурманѣ такихъ выдѣляющихся своею конфигураціей мѣстъ, какъ Кильдинъ. Онъ видѣнъ за много, много миль, какъ съ востока, такъ и съ запада. Если смотрѣть на него съ моря во всю его длину, составляющую 9 миль, пред-

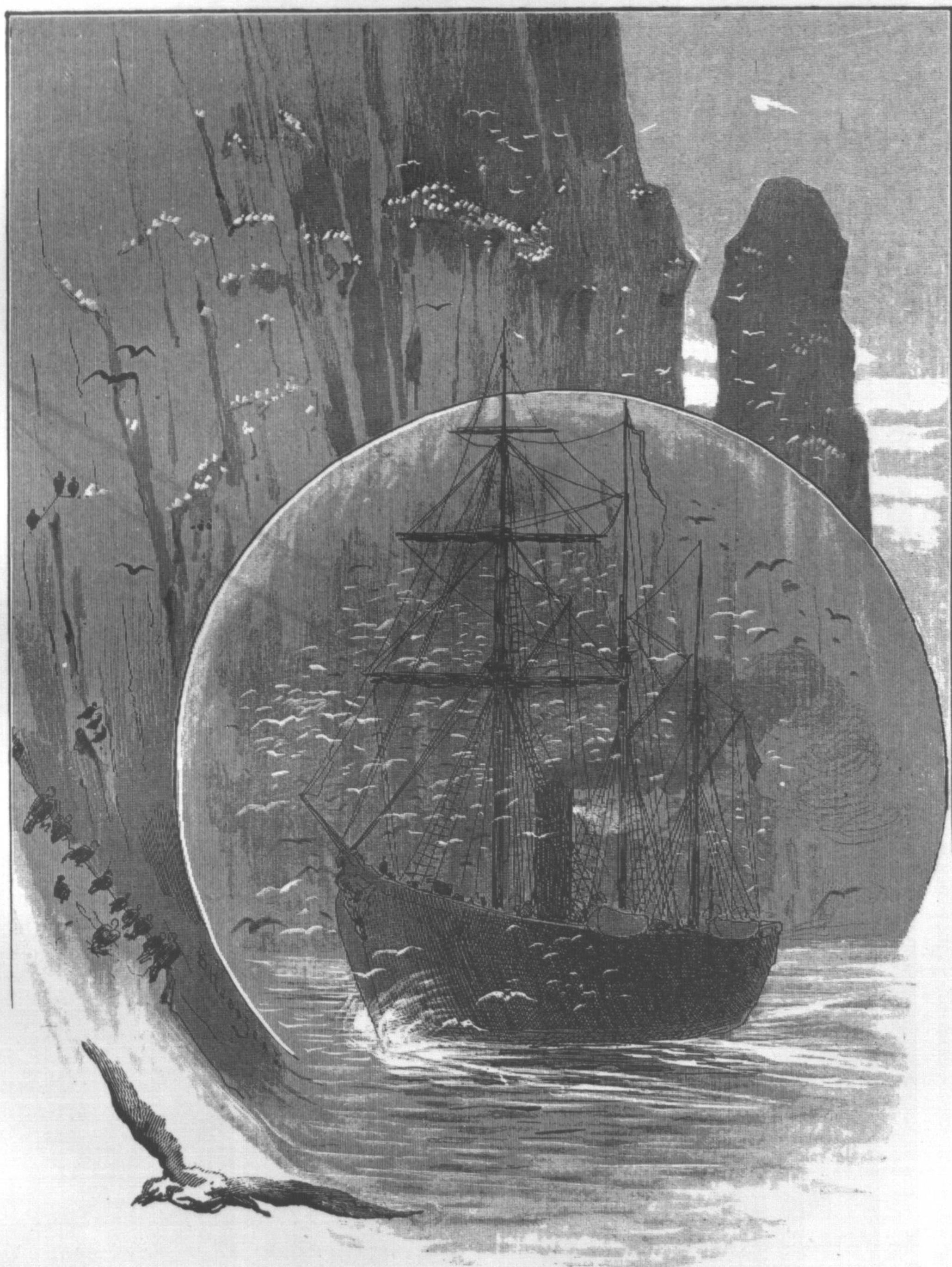
ставляется онъ отвѣсною, со всѣхъ сторонъ обрубленною скалой въ 600—650 вышины, безусловно голою; только снизу будто присыпанъ къ нему песокъ, чтобы прочнѣе стояла эта скала и не качалась. Тутъ, въ этомъ наружномъ видѣ Кильдина, все обманъ. Во-первыхъ, это не скала, а хрупкіе сланцы первозданныхъ породъ, песокъ, если угодно; всѣ острова, весь матерой берегъ, пройденные нами, начиная отъ Бѣлаго моря, все это гранитъ; по Иностранцеву, острова Бѣлаго моря гнейсовые, а вотъ именно Кильдинъ почему-то составился изъ хрупкихъ сланцевъ и принялъ неуклюжую, столообразную форму. Ужь не на русское-ли хлѣбосольство намекаетъ онъ? Другой обманъ — это пустынность Кильдина. Съ сѣвера, съ моря, онъ дѣйствительно совершенно нагъ и голъ, даже и мховъ на немъ не замѣтно, но съ юга, тамъ, гдѣ отдѣляется онъ отъ матерой земли узкимъ проливомъ, отъ 350° до 3 верстъ ширины, говорятъ, представляетъ онъ изъ себя рядъ террассъ, возвышающихся амфитеатромъ и густо поросшихъ богатою зеленью. Къ югу смотритъ эта сторона Кильдина и совсѣмъ защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ; есть тамъ и прѣсная вода, сбѣгающая изъ находящагося на столовой поверхности острова озера, есть и поселенье, и гуляютъ олени.

Было около полудня, когда, обогнувъ Кильдинъ, стали мы сворачивать къ юго-западу, направляясь къ губѣ Ара. Отсюда видъ становился очень красивъ, потому что передъ нами изъ волнъ океана возникла въ полной цѣльности одною своею стороной вся главная, животрепещущая западная часть Мурмана Впереди, далеко впереди виднѣлся очень ясно, даже съ деталями скалъ и ихъ очертаній, Рыбачій полуостровъ, находившійся отъ насъ миляхъ въ 30. Въ сіяніи полуденнаго солнца надъ глубокою синью моря полуостровъ этотъ, состоящій изъ темныхъ шиферовъ, былъ весь розовый съ сильными полосами бѣлыхъ снѣговъ, залегавшихъ на немъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Онъ казался намъ островомъ, потому что Мотовскій заливъ какъ-бы отрѣзывалъ его отъ материка совершенно. Влѣво отъ насъ, на такомъ же разстояніи, взламывая монотонную линію береговыхъ скалъ, обозначались одинъ подлѣ другаго входы въ бухты Уру и Ару; мы направлялись къ послѣдней, дальнѣйшей. Скалы, обрамляющія оба входа, освѣ-

щаемыя солнцемъ сбоку, очень красиво играли большимъ или меньшимъ оттѣненіемъ. По мѣрѣ приближенія нашего къ нимъ, нагота ихъ становилась совершенно наглядною, и могучая зыбь ударяла въ нихъ, вытягивая вдоль береговъ длинную ленту звѣздившейся пѣны.

Если вчера, входя въ Териберку, »Забіяка« двигался осторожно, сегодня не уменьшалъ онъ хода, увѣренно направляясь къ проливчику. Мы держались болѣе лѣвой стороны; справа на низенькіе Арскіе острова, состоящіе изъ громадныхъ гранитныхъ глыбъ, океанская зыбь налегала неимовѣрно сильнымъ буруномъ. Въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ сине-зеленыя волны взлетали на острый мысокъ ближайшаго, совершенно открытаго сѣверо-восточному вѣтру островочка. Тутъ уже не одною только бѣлою полосой, а нѣсколькими параллельными, разорванными полосами виднѣлась пѣна прибоя, вздымаемая безконечно возобновлявшеюся волной. Полосъ этой бѣлой пѣны было много; дальнѣйшія отъ берега, старѣйшія, покачивались будто мертвыя, отжившія, и исчезали. И трескъ, и стонъ неслись отъ этой могучей толчеи, и »Забіяка« поступалъ очень благоразумно, держась отъ нея невозможно далеко, держась лѣваго берега.

Эта лѣвая сторона представляла изъ себя нѣчто совершенно противоположное. Тутъ поднимались совершенно отвѣсныя, высокія скалы, такъ-называемый Толстикъ; въ могучую накренившуюся темную щель, наполненную осколками попадавшихъ въ нее камней, скрывался прыгавшій съ вершины водопадикъ; слѣдъ вчерашняго дождя. На всѣхъ выступахъ Толстика, по всѣмъ острымъ кронштейнамъ и фантастическимъ карнизамъ, на мягкихъ подушечкахъ мховъ, будто на диванчикахъ, высоко, высоко, подъ самый верхній край скалы, возсѣдала въ огромномъ количествѣ морская птица. При приближеніи клипера съ мѣстъ своихъ слетали немногіе, но когда »Забіяка«, чтобъ оповѣстить о своемъ приходѣ лежащій въ глубокой бухтѣ китобойный заводъ, далъ свой басистый свистокъ волжскаго пошиба, большинство птицъ шарахнулось со своихъ сидѣній и пустилось въ летъ. Однѣ изъ нихъ улетали опрометью, чуть не касаясь трубы и мачтъ »Забіяки«, въ сторону; другія тотчасъ же возвращались, покружившись тревожно и немного: должно быть, это были матери.

Входъ »Забіяки« въ губу Ару. Толстикъ.

Міръ пернатыхъ по нашему сѣверному поморью очень богатъ. Чаекъ тутъ больше всего, затѣмъ слѣдуютъ утки. Цѣннѣе всѣхъ безспорно гага, Somateria molissima, сохраненіе яицъ которой въ Норвегіи вызвало самые строгіе охранительные законы, которыхъ къ несчастію нѣтъ у насъ, и бѣдная гага, которой очень нравились когда-то наши бухты и заливчики, почти покинула ихъ, почти перевелась; за полученіемъ гагачьяго пуха намъ слѣдуетъ теперь обращаться къ Норвегіи. Характерна изъ здѣшнихъ птицъ кайра, съ бѣлою грудью и черною спиной, съ ногами, поставленными далеко назади; кайра высиживаетъ одно только яйцо, синее, испещренное какъ будто бы еврейскими каракулями. Очень малъ и юрокъ черненькій съ краснымъ носикомъ и лапками чистикъ; крупенъ и важенъ черный бакланъ, обладающій зобомъ, схожимъ съ тѣмъ, что отличаетъ пеликана; очень велики нѣкоторые сорта морскихъ орловъ. Чаекъ, какъ сказано, больше другихъ: Larus marinus, L. argentatus, L. tridactylis, L. canus — чайка буревѣстникъ; очень характерна Lestris parasitiens — разбойникъ, ворующая рыбъ, уже схваченныхъ другою птицей; камнешворка, Strepsilas interpres, ворочающая камушки для добычи червяковъ; слѣдуютъ морскія ласточки, морскія сороки, морскіе кулики, гагары, глупыши и т. д. Сычей и совъ достаточно; дикіе возгласы ихъ по ночамъ и раскатывающееся эхо пугаютъ поморовъ, и тогда говорится, что »лѣшій вторьемъ морочитъ«. Это цѣлый особенный міръ пернатыхъ, все больше бѣлыхъ, сѣрыхъ и черныхъ, но почти у всѣхъ изъ нихъ есть какія-либо яркія отмѣтины: красный клювъ, клокъ ярко-синихъ перьевъ, пятно на лбу или на груди, напоминающія о другихъ, болѣе счастливыхъ странахъ красокъ и свѣта.

Какія именно изъ этихъ птицъ, вспугнутыя свисткомъ »Забіяки«, кружились надъ нами, сказать невозможно, во-первыхъ потому что ихъ было слишкомъ много, а во-вторыхъ потому, что мы продолжали идти полнымъ ходомъ, не стѣсняясь птицами, направляясь къ китобойному заводу. »Лотовый на лотъ«! кликнулъ старшій офицеръ; клиперъ пошелъ самымъ тихимъ ходомъ; слѣдовали промѣры. Заводъ открылся вправо отъ насъ; онъ построенъ вокругъ небольшой бухты, совершенно закрытой ото всякихъ вѣтровъ, но очень маленькой. Мы могли вволю налюбоваться дѣйствительно красивымъ видомъ на это еще такъ

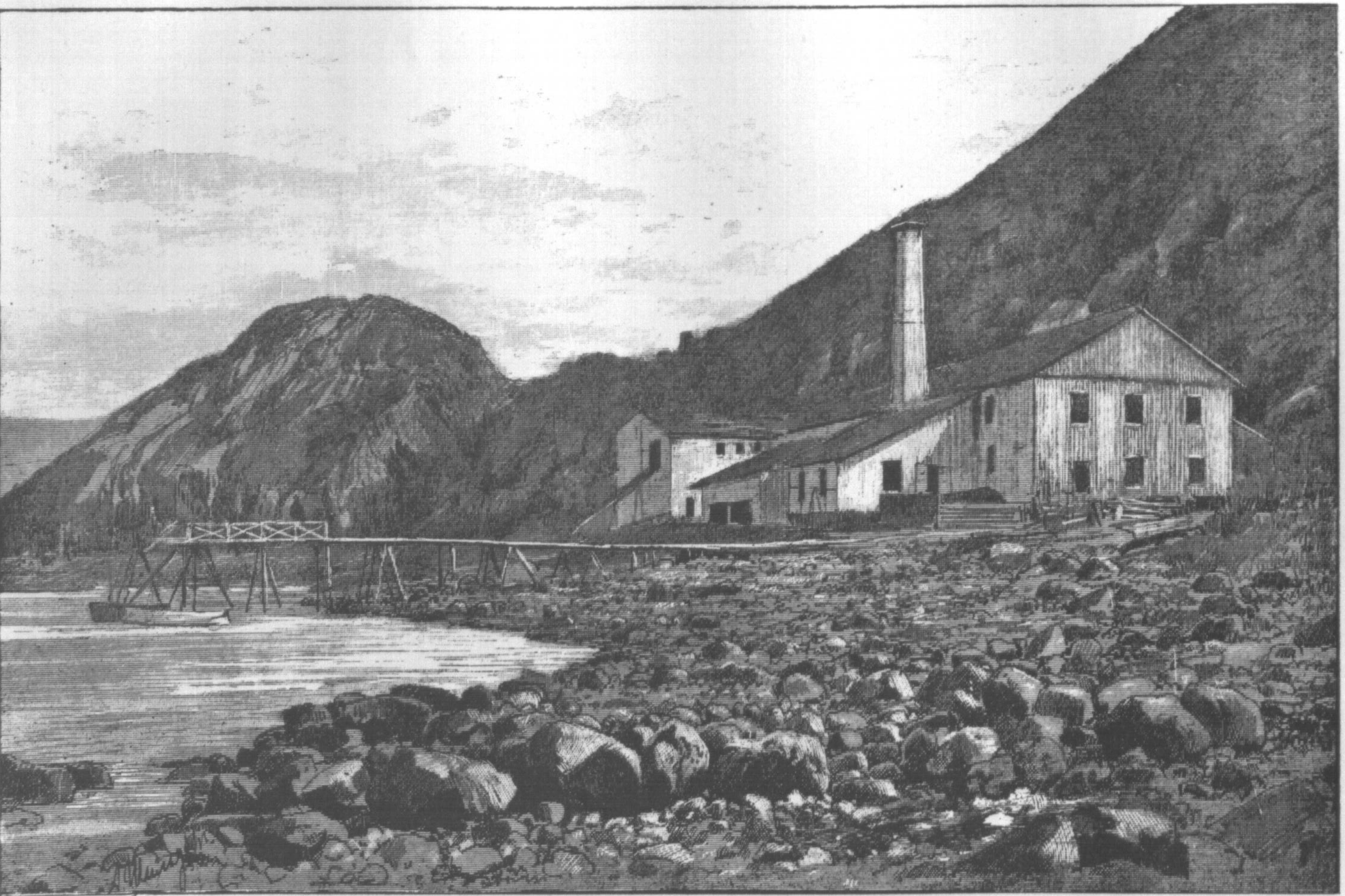
недавно возникшее поселеніе, потому что »Забіяка« еле двигался. Вправо, на скалистомъ отдѣльномъ холмѣ, стоялъ двухъэтажный домъ управляющаго заводомъ; прямо противъ насъ поднимались деревянныя постройки завода, размѣстившись у подножія скалъ; передъ ними, частью въ водѣ, на досчатой покатости лежали два убитыхъ кита: большой — синій и малый — полосатикъ. Темныя колоссальныя туши ихъ блестѣли на солнцѣ будто лакированныя; темныя крутыя полосы бороздили тѣла. Съ вершины скалы, поверхъ завода, сползалъ небольшой водопадикъ, бѣгущій отъ двухъ небольшихъ расположенныхъ на горѣ озеръ; онъ будто плакалъ о судьбѣ водяныхъ гигантовъ, привлеченныхъ въ эту маленькую бухточку и ожидавшихъ терпѣливо и безмолвно своего распластанія, и спускался къ нимъ по острымъ уступамъ скалы.

На самой бухтѣ, расцвѣченныя флагами, слегка покачивались пять китобойныхъ пароходовъ, принадлежащихъ двумъ компаніямъ: той, заводъ который мы посѣтили, и другой, имѣющей свой центръ въ Еретикахъ, который мы посѣтимъ завтра. На носахъ пароходовъ виднѣлись небольшія толстенькія пушки, которыми стрѣляютъ китовъ; на мачтѣ одного изъ нихъ висѣла плетеная корзина, изъ которой какъ съ вышки высматриваютъ кита.

День былъ удивительно ясенъ, прозраченъ; глаза наши, утомленные видомъ голыхъ скалъ, успокоились на довольно яркой зелени береговъ бухточки; тутъ виднѣлись небольшія березки и какіе-то кустики вербы или лозы и чахлой рябины, просовывавшіеся сквозь груды обточенныхъ камней и кругляковъ. Мховъ и вороницы было тоже вволю; бѣлѣли ягели; голубая вода бухты такъ чиста, что тарелка, брошенная въ нее, совершенно исчезаетъ отъ глазъ только на глубинѣ 30 саженей. Цѣлыя стада рыбы кружились въ ней подлѣ клипера и вся игра ихъ была видна какъ на ладони. Грохнулся якорь, и мы остановились.

Термометръ показывалъ 20° въ тѣни и картина была бы прелестною, еслибы не запахъ самыхъ убійственныхъ свойствъ, доносившійся отъ поры до времени съ особенною ясностью отъ завода и ждавшихъ своего распластанія китовыхъ тушъ.

Стоявшій предъ нами заводъ — центръ дѣятельности »Товарищества Китоловства на Мурманѣ«, существующаго съ 1883 г.

Губа-Ара. Китобойный Заводъ.

Затрачено на все это дѣло по настоящее время около 300.000 р.; промышленниковъ и рабочихъ на заводѣ всего 109 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и тѣ 10 человѣкъ, которые назначены исключительно для ловли трески, какъ главнаго предмета пищи, и остаются здѣсь сторожами на зиму. Товарищество имѣетъ два китобойные парохода и еще одинъ, небольшой; на каждомъ изъ первыхъ двухъ по 10 человѣкъ народу; собственно на заводѣ участвующихъ въ обработкѣ китовыхъ тушъ 50 человѣкъ. Одною изъ первыхъ, но не единственныхъ выгодъ для мѣстныхъ людей отъ этого прочно поставленнаго дѣла является то, что заработная плата за лѣтній сезонъ, не превышавшая 60 руб., поднялась до 90 руб. уже въ нынѣшнемъ году.

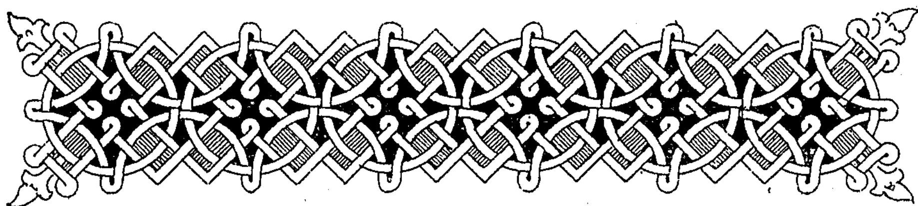
За это лѣто, ко времени нашего посѣщенія, убито было 12 китовъ; въ недалекихъ Еретикахъ другою компаніей убито 14; тѣ два кита, туши которыхъ блистали предъ нами на солнцѣ, распространяя убійственное зловоніе, были счетомъ 11-й и 12-й. Изъ этихъ двѣнадцати экземпляровъ было 3 синихъ и 9 полосатиковъ, большинство самки; мѣстные люди сообщали, будто эти женскіе киты, рѣзвясь по океану, принимаютъ китобойные пароходы за самцовъ. Сообщаютъ промышленники и другое наблюденіе, касающееся этихъ же странъ и такого же страннаго характера; толкуютъ будто на Новой-Землѣ, опять-таки по наблюденіямъ надъ убитыми экземплярами, въ противность всякимъ обычнымъ порядкамъ, самки и самцы моржей держатся въ отдѣльности на восточномъ и западномъ берегу острова. Островъ этотъ величиной чуть не съ Англію, и можно себѣ представить, какъ трудно этимъ зубастымъ, толстѣйшимъ и грузнѣйшимъ кавалерамъ быть любезными со своими склонными къ отшельничеству плотными дамами. Но опять-таки это вѣроятно одинъ изъ тѣхъ знаменитыхъ охотничьихъ разсказовъ, которые сохраняютъ свою правдоподобность подъ всѣми градусами долготы и широты, совершенно на томъ же основаніи, на которомъ гранитъ остается вездѣ гранитомъ, а сланецъ — сланцомъ.

Замѣтимъ однако, что эти и тому подобные разсказы далеко не безполезны. Иностранцы отлично умѣютъ дѣлать ту или другую мѣстность интересною, распуская о ней всякія возможныя и невозможныя легенды, правды, предположенія; люди любятъ чудеса и ѣздятъ къ нимъ. Мурманъ тоже, то и дѣло, посѣщался и

посѣщается различными иностранцами. Намъ сообщали, что какой-то лордъ Дудлей съ женой и семействомъ ѣздитъ сюда ловить рыбу и зажигать папироску съ помощью лупы свѣтомъ полуночнаго солнца; какіе-то англичане арендуютъ у лопарей Пазрѣцкаго погоста, Кемскаго уѣзда, рѣку Пазъ и пріѣзжаютъ лѣтомъ, на своихъ яхтахъ, для уженія рыбы; сообщаютъ о нѣсколькихъ посѣщеніяхъ какого-то Роланда Бонапарта; ученый французъ Рабо недавно появлялся здѣсь, отыскивая какихъ-то допотопныхъ череповъ, небывалыхъ, исключительныхъ размѣровъ. Почему избралъ онъ для этой цѣли Россію и именно ея сѣверное побережье — неизвѣстно.

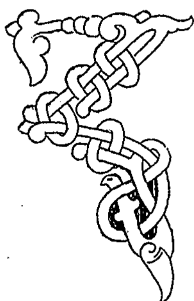
Едва только бросилъ »Забіяка« якорь, какъ явились на клиперъ представиться Великому Князю управляющій заводомъ капитанъ 2-го ранга Андреевъ и нашъ консулъ въ Гаммерфестѣ Бухаровъ. Его Высочество немедленно принялъ ихъ и въ скоромъ времени съѣхалъ на берегъ, прямо къ заводу, осмотръ котораго представлялъ большой и совершенно новый интересъ.

Арскій китобойный заводъ.

Распространеніе кита и добыча продуктовъ. Распластаніе. Выварка. Сушка. Осмотръ китобойнаго парохода. Пушка и снарядъ. Характеръ и порядокъ китоваго боя. Промыселъ и его развитіе у иностранцевъ и у насъ. Потерянныя нами гавани. Норвежскій ромъ. Выѣздъ къ губѣ Ура. Ложныя солнца. Промыселъ палтуса и камбалы. Гастрономическое значеніе этихъ рыбъ.

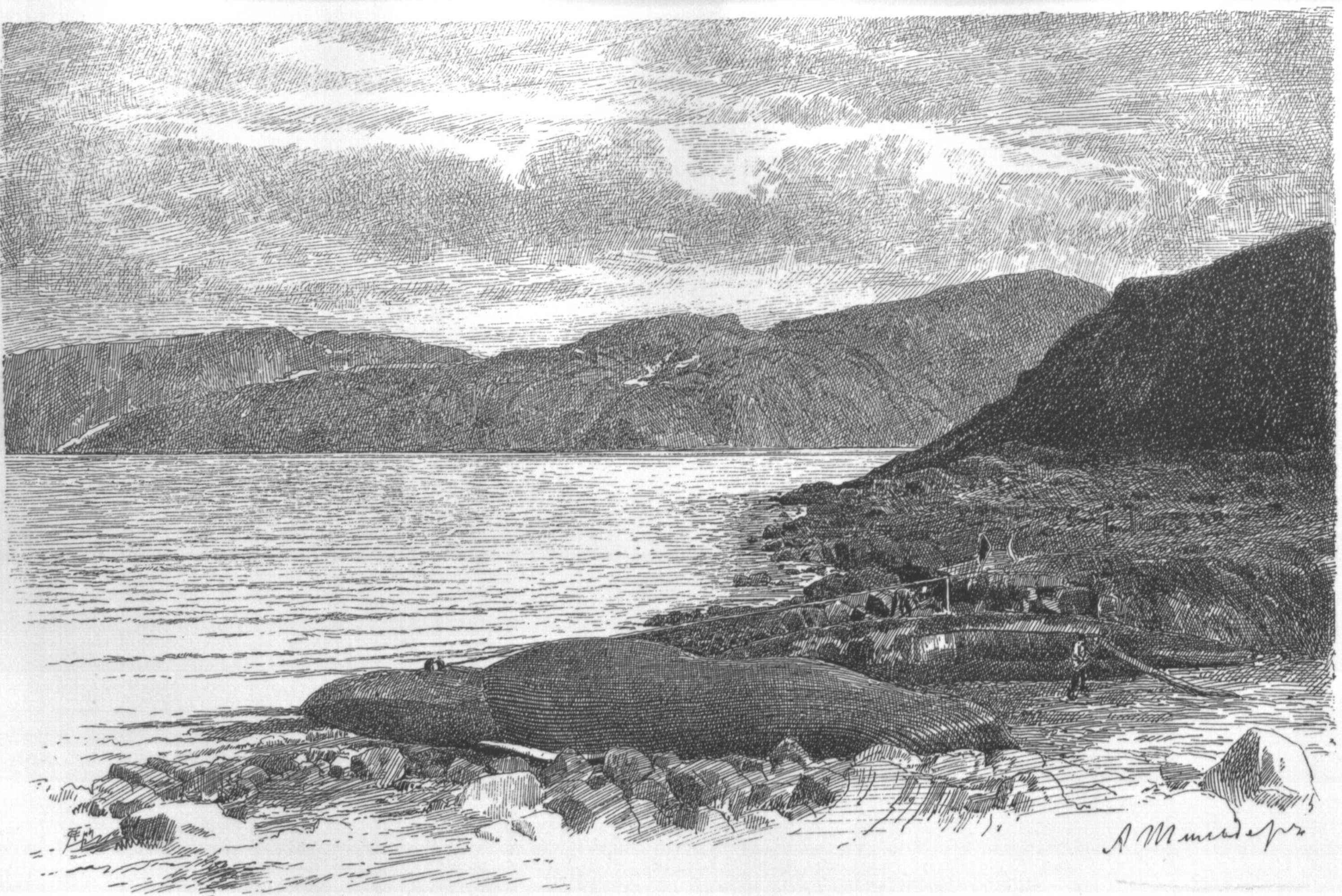
даній Арскаго китобойнаго завода, собственно говоря, только два; это деревянные, длинные, въ два свѣта корпуса, построенные такъ, какъ строятъ вообще въ Америкѣ: изъ прочнаго лѣса, не скрывая стропилъ и связей, не дѣлая ничего для вида и роскоши; соображаясь только съ пользой, съ одною пользой. Когда мы вышли на берегъ, то направились прежде всего къ лежавшимъ на наклонномъ деревянномъ помостѣ двумъ китамъ. Большой синій имѣлъ 80 фут. длины, малый полосатикъ — 60 фут.; наибольшіе экземпляры первыхъ, водящіеся здѣсь, достигаютъ 110 футовъ; наибольшіе экземпляры вторыхъ — только 75 фут. При полной обработкѣ кита, при добычѣ изъ него жира, китоваго уса и обращенія туши въ гуано, большой китъ даетъ около 2.500 руб., малый — 800 рублей.

Оба экземпляра, находившіеся предъ нами, лежали животами кверху; хвосты ихъ полоскались въ водѣ. Убитые и доставленные сюда пароходомъ, — причемъ китъ для пути на заводъ привязывается сбоку парохода, — они были положены на эти мѣста въ приливъ. Когда при обработкѣ жиръ съ одной стороны кита снятъ и тушу приходится перевертывать, ждутъ опять-таки прилива. Гніющая туша заражаетъ воздухъ и воду, и современемъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія — ихъ будутъ отдалять отъ воды, пользуясь

для переворачиваній кранами. Можетъ ли не быть зловонія тамъ, гдѣ распластываются и разлагаются по нѣскольку дней эти колоссальныя тѣла? недалеко отъ берега, въ лазурной, прозрачной водѣ залива виднѣлись остатки другихъ китовъ, громадныя, бѣлыя кости; онѣ же валялись, разбросанныя по берегу между камнями, и обусловливали очень характерную, не лишенную сказочной грандіозности картину. Теплый, яркій, солнечный день былъ какъ бы созданъ для того, чтобы въ замкнутой со всѣхъ сторонъ скалами бухтѣ плодить неописуемый запахъ. Синій китъ, лежавшій уже нѣсколько дней, былъ найденъ въ морѣ убитымъ. Сколько времени тому назадъ и кѣмъ былъ онъ убитъ — неизвѣстно; это дѣло обыкновенное, что китъ, смертельно раненный съ одного парохода, уходитъ отъ него, околѣваетъ и достается въ пользованіе другому, болѣе счастливому.

Синій китъ былъ вздутъ неимовѣрно, такъ что операція распластанія, долженствовавшая совершиться при насъ, началась съ того, что одно мѣсто живота его было проткнуто. Невидимою, но ясно обоняемою струей устремились изъ него газы, и туша начала немедленно опадать и принимать тотъ обликъ кита, который всѣмъ намъ такъ хорошо знакомъ. Волей-неволей пришлось уйти съ помоста и удивляться носовымъ нервамъ того человѣка, который стоялъ подлѣ сдѣланной въ тушѣ дыры и готовился приступить къ слѣдующей затѣмъ операціи. По мѣрѣ того какъ мы отступали, всякія мухи, которыхъ мы давно не видѣли, направились именно къ источнику зловонія, празднуя въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ одно изъ своихъ роскошнѣйшихъ пиршествъ.

Подлѣ отверстія, сдѣланнаго въ китѣ, человѣкъ съ крѣпкими носовыми нервами, продолжая работу, дѣлаетъ въ сторонѣ отъ отверстія вертикальный взрѣзъ, приблизительно въ одинъ футъ длины; онъ прорѣзываетъ весь жиръ вплоть до мяса и дѣлаетъ это длиннымъ не то ножомъ, не то серпомъ. Отъ этого надрѣза проводитъ онъ два другіе надрѣза, параллельные, во всю длину кита, въ сторону, обращенную къ заводу; затѣмъ въ отверстіе, служившее для выпуска газовъ, вкладывается крюкъ на блокахъ, соединенный системой веревокъ съ тою гильотиной на заводѣ, которая назначена рѣзать жиръ въ куски. По данному знаку, сообщающему, что крюкъ всунутъ, вы видите, какъ веревки блока

Губа Ара. Туши китовъ близъ китобойнаго завода.

мало-по-малу натягиваются, полоса жира отдирается отъ кита, чему помогаетъ опять-таки человѣкъ съ крѣпкими нервами, и отдираемая полоса, заворачиваясь, принимаетъ поступательное движеніе къ заводу, сначала по помосту, потомъ по очень крутому деревянному откосу, и очень величаво, длинною, жирною, оставляющею слѣдъ змѣей, волочится къ работающей паромъ въ 12 силъ гильотинѣ. Полоса, разрѣзываемая на куски, наполняетъ подставляемыя одна за другою телѣжки, которыми и подвозится къ котлу, растапливающему жиръ паромъ же. Вытопленный жиръ сохраняется въ огромныхъ чанахъ. Онъ очень чистъ и почти безъ запаха; въ прошедшемъ году продано было въ Англію около 4.000 пуд.; за тонну жира синяго кита платятъ 60 ф. стерлинговъ, за жиръ полосатика и кнорра — отъ 25 до 30.

Когда туша кита ободрана и представляетъ изъ себя очень печальный, жалостный, нищенскій видъ, приступаютъ къ ея обработкѣ, при чемъ прежде чего-либо другаго добываютъ китовый усъ. Продуктъ этотъ отъ нашихъ китовъ, не особенно рослыхъ, не пользуется высокою цѣной на рынкѣ и не можетъ идти вровень съ гренландскимъ. У синяго кита онъ черный, у полосатика изсѣра-бѣлый; тотъ и другой, сваленные на землю кучей близъ завода, представляются какъ бы большими полупрозрачными картонажами со множествомъ мелкихъ щетинистыхъ волосьевъ по краямъ. Замѣчательна между прочимъ тоненькая кожица, покрывающая кожу кита; она полупрозрачна, дымчатаго цвѣта и какъ нельзя болѣе напоминаетъ самые тонкіе сорта гуттаперчи. Добываютъ и еще одинъ продуктъ — это китовыя уши, могущія служить очень характерными пепельницами. Они удивительно тяжелы, длиною дюйма четыре и по очертаніямъ своимъ очень сложны, замысловаты, курьезны.

Обработка туши кита на гуано производится въ другомъ сосѣднемъ, гораздо болѣе обширномъ зданіи, въ которое мы и перешли. Оно поставлено вдоль линіи побережья, тогда какъ первое, жировое, стоитъ поперекъ. Тушу, мясо и кости отдѣльно рубятъ, пилятъ и разносятъ на части, выволакиваютъ и подвергаютъ вываркѣ въ котлахъ тоже отдѣльно. Мясо перекладываютъ для этого кусками желѣза, кости бросаются безъ перекладки, такъ какъ паръ подъ сильнымъ давленіемъ и безъ того свободно проходитъ между ними. Въ котлахъ два крана; изъ нижняго вы-

пускаютъ сильно насыщенную клеемъ воду, изъ верхняго — жиръ. Для нагрузки котловъ частями туши, сложенными въ телѣжки, онѣ поднимаются по наклонной плоскости машиной въ 18 силъ.

Когда выварка произведена, оставшіяся твердыми части переходятъ въ сушильни, гдѣ мясо и кости просушиваются тоже отдѣльно; въ сушильняхъ по семи сковородъ. Послѣднимъ актомъ обработки является раздробленіе высушенныхъ частей туши и обращеніе ихъ въ порошокъ, въ гуано. Это китовое, смѣшанное изъ костей и мяса, гуано идетъ главнымъ образомъ для корма скота; для удобренія должно идти исключительно гуано изъ костей; отдѣленія одного отъ другаго по настоящее время на заводѣ не дѣлается. Полученное на заводѣ гуано ссыпается въ мѣшки по шести пудовъ въ каждомъ и идетъ въ продажу по 12 марокъ за мѣшокъ; требуется гуано за-границу, главнымъ образомъ въ Германію, отчасти во Францію и Голландію. Насколько невыносимъ запахъ и безобразенъ видъ гніющихъ кусковъ китоваго мяса и раздробленныхъ костей, поступающихъ въ сушильню, настолько же чистъ на видъ розоватый, снабженный легкимъ запахомъ мясныхъ консервовъ порошокъ китоваго гуано. Вотъ табличка, изображающая приблизительно при нынѣшнихъ цѣнахъ стоимость продуктовъ, добываемыхъ изъ кита средней величины:

Жиръ	1.300	руб.
Гуано	250	»
Усъ	80	»
Челюсти	20	»
Итого.	1.650	руб.

Послѣ подробнаго осмотра обоихъ зданій завода и всего производства, Его Высочество перешелъ въ сосѣднюю съ ними казарму заводскихъ рабочихъ. Она состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ помѣщаются русскіе, въ другомъ норвежцы. Затѣмъ на небольшомъ баркасѣ Великій Князь переѣхалъ на стоявшій подлѣ одинъ изъ заводскихъ китобойныхъ пароходовъ »Елену«.

На Мурманѣ вы услышите непремѣнно сообщеніе о томъ, что убиваніе китовъ изъ орудій особыми снарядами — дѣло норвежца Фойна, такъ сказать его изобрѣтеніе. Этотъ Фойнъ долженъ быть человѣкомъ замѣчательнымъ, если судить по разска-

замъ о немъ, потому что охота на китовъ — его страсть, его жизнь. Основавъ китобойный промыселъ въ Норвегіи и наживъ себѣ огромное состояніе, главнымъ образомъ на китахъ нашего, русскаго, побережья, Фойнъ теперь человѣкъ уже очень старый. Удостовѣрившись въ мельчаніи здѣшнихъ китовъ, онъ перебрался со своими пароходами къ Исландіи и орудуетъ тамъ въ размѣрахъ болѣе широкихъ, не безъ матеріальной выгоды, конечно. Говорятъ, что онъ до сихъ поръ первый рабочій на своихъ промыслахъ и что милліонное состояніе его нисколько этому не мѣшаетъ. Вѣрно то, что не онъ изобрѣлъ или, лучше сказать, примѣнилъ къ китобойному промыслу огнестрѣльные снаряды, такъ какъ снаряды эти патентованы въ Америкѣ еще въ 1852 г. Фойну удалось, такъ-сказать, снять сливки съ нашего китобойнаго дѣла, примѣнивъ здѣсь впервые пушку. По свѣдѣніямъ довольно оффиціальнаго характера значится, что Фойномъ убито:

Въ 1879 году	 97	китовъ.
» 1880 »	 94	»
» 1881 »	 107	»

Обративъ все это въ деньги, получится сумма очень и очень порядочная и большое состояніе его окажется дѣломъ возможнымъ.

Китобойный пароходъ разъ навсегда уничтожилъ преданіе о боѣ китовъ съ лодочекъ гарпунами. Всѣ эти разсказы, всѣ эти картинки, изображавшія смѣльчаковъ, подъѣзжавшихъ къ океанскимъ гигантамъ вплотную и бившихъ ихъ съ руки, эти замѣчательные типы гарпунщиковъ исчезли, какъ исчезло въ свое время рыцарство послѣ изобрѣтенія пороховаго зелья, какъ исчезли ямщики съ желѣзными дорогами. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нынѣшній способъ боя китовъ изъ орудій много безопаснѣе, много успѣшнѣе прежняго, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ совсѣмъ легокъ, совсѣмъ безопасенъ.

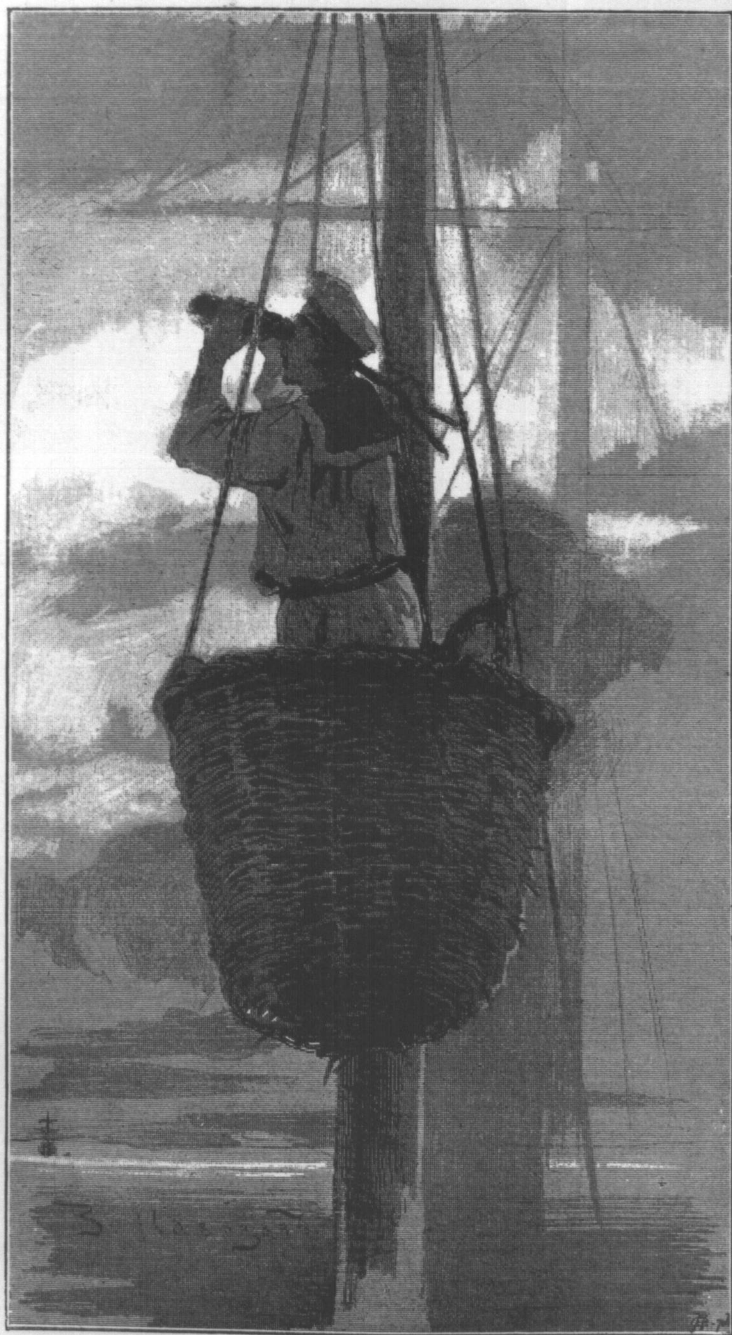
Первое, съ чѣмъ ознакомился Великій Князь, вступивъ на китобойный пароходъ, было, конечно, орудіе боя и снаряды. Замѣтимъ тутъ же, что китобойные пароходы, отваживающіеся ходить за сотни миль въ океанъ, далеко не велики и очень близко подходятъ размѣрами своими къ нашимъ невскимъ буксирамъ средней руки. »Елена«, осмотрѣнная нами, имѣетъ 84′ длины, »Покровъ«, находившійся въ морѣ,— 90′ стоятъ они около 50.000 рублей каждый. Орудіе расположено на шворнѣ, на самомъ носу, и

можетъ быть легко поворачиваемо во всѣ рѣшительно стороны и подо всѣми углами склоненія, что совершенно необходимо въ виду неожиданности появленія и движеній кита. Снарядъ состоитъ изъ двухъ частей: собственно изъ разрывнаго снаряда, вкладываемаго въ дуло, и соединеннаго съ нимъ гарпуна, остающагося внѣ его. Гарпунъ обладаетъ нѣкоторымъ механическимъ приспособленіемъ, состоящимъ въ томъ, что въ случаѣ удачнаго выстрѣла снарядъ, разорвавшись въ китѣ, раскрываетъ зубцы гарпуна и этимъ обезпечиваетъ, хотя не вполнѣ, его довольно прочную связь съ тушей животнаго.

Когда орудіе заряжено, гарпунъ, какъ сказано, остается внѣ дула, и это вполнѣ объясняетъ недостаточную вѣрность выстрѣла, такъ какъ снарядъ, снабженный гарпуномъ, подчиняется сильнѣйшему отклоненію. Если принять въ разсчетъ колебанія самого парохода и движенія кита, то становится яснымъ, насколько хорошій наводчикъ важенъ въ данномъ случаѣ, — ихъ дѣйствительно немного и всѣ они на перечетѣ.

Къ гарпуну прикрѣпленъ канатъ. На »Еленѣ«, которую мы посѣтили, онъ имѣетъ шесть »линей« длины, изъ нихъ каждая въ 150°, т. е. весь канатъ длиной около двухъ верстъ, и помѣщеніе, ему отведенное, весьма почтенно: онъ наворочень въ трюмѣ. Снабженный этимъ кишкообразнымъ канатнымъ нутромъ, съ 10 человѣками экипажа, пароходъ выходитъ въ море, но только въ возможно тихую погоду: иначе выслѣживаніе кита и въ особенности бой его становятся совершенно невозможными. Океанская зыбь, не прекращавшаяся послѣ бури и въ день посѣщенія завода, и еще на слѣдующій день — такъ долго она держится здѣсь, однажды начавшись — помѣшала и намъ присутствовать при китовой охотѣ, которая была предположена въ грандіозныхъ размѣрахъ, съ пятью китобойными пароходами одновременно. Какъ заряжаніе орудія, такъ и самый выстрѣлъ были произведены по постановленной цѣли въ самой бухтѣ, и далекое эхо множествомъ перекатовъ отвѣтило на могучій звукъ.

По киту въ океанѣ далѣе 10° разстоянія не стрѣляютъ: это было бы лишнею тратой времени и зарядовъ, потому что даже съ такого близкаго разстоянія, съ какого производится стрѣльба, промахи поглощаютъ около 70%. Замѣтимъ еще, что, по увѣренію мѣстныхъ людей, введеніе огнестрѣльной охоты повліяло и

Высматриваніе кита.

на самую натуру китовъ въ прямой ущербъ промыслу: прежде китъ, выбравшись на поверхность, дѣлалъ около семи дыханій; теперь, напуганный, дѣлаетъ онъ не болѣе четырехъ. Довольно рѣдки случаи попасть въ кита такъ, чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ въ успѣхѣ. Хорошо, что китъ, научившись сокращать количество дыханій, не научился, будучи раненъ, мѣнять направленіе: почувствовавъ ударъ, онъ уходитъ по прямой линіи и тѣмъ способствуетъ свободному разворачиванію каната; пароходу даютъ немедленно полный ходъ. Иногда замѣчали даже нѣчто въ родѣ сопротивленія или отместки со стороны кита; такъ нынѣшнимъ лѣтомъ пораненный китъ едва не отбилъ винта у норвежскаго парохода; въ 1883 году 12-го іюля въ Кольской губѣ пораненный китъ въ 90′ длины едва не опрокинулъ пароходъ и передъ смертью своею поразилъ совершенно оригинальною, красивою картиной: онъ вышелъ изъ воды головой вверхъ футовъ на 30 и потомъ уже кончилъ свое существованіе. Онъ былъ убитъ по второму выстрѣлу и на преслѣдованіе его было употреблено 36 часовъ времени.

Профессоръ О. Гриммъ, встрѣтившій Великаго Князя въ Никольскомъ рыборазводномъ заводѣ, о чемъ мы сообщали, того мнѣнія, что киты размножаются очень медленно и начинаютъ плодиться поздно, можетъ быть на 50—60 году отъ роду; они производятъ на свѣтъ по одному дѣтенышу въ періоды, продолжающіеся нѣсколько лѣтъ, такъ какъ утробная жизнь длится вѣроятно 2—3 десятка мѣсяцевъ. Къ счастію, для сохраненія расы китовъ, плодятся они вѣроятно гдѣ-нибудь далеко на сѣверѣ, куда ни гарпунъ, ни ядро не достигаютъ; совершенно исключительны были случаи, да и были ли они, когда въ морѣ встрѣчали матку съ дѣтенышемъ. Не особенно часто попадаются и брюхатыя матки; онѣ точно чуютъ гибель, ожидающую ихъ при движеніи къ югу; однажды была какъ-то убита Фойномъ брюхатая матка, и величина дѣтеныша, заключавшагося въ ней, достигала почтенныхъ размѣровъ: 24 фут. длины и 3 аршинъ въ обхватѣ. Неизвѣстно даже, скольких дѣтенышей рождаетъ китъ, и судьбы его относятся къ самымъ неопредѣленнымъ, необслѣдованнымъ въ области зоологіи.

Бой китовъ, какъ промыселъ на нашемъ Мурманѣ, существуетъ болѣе двадцати лѣтъ, но до послѣдняго времени хозяй-

ничали больше норвежцы, взявшіе у насъ, на памяти мѣстныхъ людей, около 300 китовъ. Фойнъ, основавъ въ Вадсэ, въ Норвегіи, жиротопенный заводъ, имѣлъ сначала одинъ, а потомъ три китобойные парохода. Въ настоящее время въ Норвегіи 17 компаній съ 34 пароходами и съ 1872 по 1883 годъ, согласно свѣдѣніямъ профессора Гримма, убито ими 1.536 китовъ. Количество убитыхъ китовъ до послѣдняго времени постоянно возрастало; если оно понизилось теперь, то едва-ли вслѣдствіе уменьшенія количества китовъ, а скорѣе вслѣдствіе уменьшенія спроса на продукты промысла, на спермацетъ и китовый жиръ, такъ какъ имъ обоимъ перебила дорогу нефть. Вѣдь точно также уменьшился спросъ и на другой продуктъ поморскихъ промысловъ: моржевое сало, находившее въ прошломъ столѣтіи сбытъ въ количествѣ до 70.000 пудовъ; съ начала нынѣшняго требованіе не переходитъ за 12.000 пудовъ.

Въ Америкѣ китобойный промыселъ существуетъ съ 1712 года; съ 1807 по 1845 годъ число китобойныхъ судовъ увеличилось съ 15 до 257; до начала шестидесятыхъ годовъ промыселъ по интенсивности своей остается тамъ почти неизмѣннымъ. Считая на каждое китобойное судно среднее число бочекъ китоваго жира, добытаго имъ, приходится: съ 1817 по 1856 годъ отъ 1.192 до 1.560 бочекъ; съ 1857 по 1866 годъ оно падаетъ на 30%, съ 1867 по 1877 годъ на цѣлыхъ 50%. Намъ, русскимъ, остается только радоваться этому уменьшенію американской энергіи, такъ какъ значительная часть побоищъ производится ими въ нашихъ водахъ Берингова и Охотскаго моря. Говорятъ, будто, количество китовъ тамъ невѣроятно велико и ихъ до пяти видовъ, начиная съ крупнѣйшихъ; говорятъ, будто, запираемые льдинами въ Охотскомъ морѣ, они могутъ быть убиваемы по выбору. Кромѣ американцевъ, орудуютъ на нашемъ востокѣ англичане и китайцы, такъ что въ отношеніи числа національностей наши берега Тихаго океана болѣе гостепріимны, чѣмъ берега Мурмана, оказывающіе гостепріимство однимъ только норвежцамъ. Впрочемъ Охотское море такъ далеко! Но Мурманъ близко и подумать есть о чемъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что наши поморскіе промыслы вообще падаютъ. Теперь какъ-то мало слышно, чтобы наши промышленники ходили на Шпицбергенъ, къ Медвѣжьему, на Но-

вую-Землю. О томъ, что они прежде бывали тамъ, свидѣтельствуютъ преданія и кресты или такъ-называемыя »кекуры«, или »гуріи« — пирамидки, сложенныя изъ камней и гласящія о прежнихъ посѣщеніяхъ. Значеніе нашихъ промысловъ очень правильно и очень рано понималъ Петръ Великій. Удивительно, право, какъ это всегда во всемъ и вездѣ встрѣчаешься съ этимъ колоссальнымъ именемъ?! Въ 1725 году Петръ построилъ три китоловные корабля, и они ходили къ Шпицбергену. Екатерина II назначила даже для осѣдлости китолововъ спеціальную бухту, которая и понынѣ называется Екатерининскою. Послѣдній китоловный корабль былъ построенъ при Александрѣ I министромъ коммерціи Румянцевымъ и сожженъ англичанами въ 1806 году.

Объ англичанахъ намъ пришлось вспомнить на Мурманѣ еще и вотъ по какому поводу. Много толковали намъ мѣстные люди о томъ, что прежде, еще не очень давно, въ шестидесятыхъ годахъ, владѣли мы нѣсколькими хорошими, незамерзающими гаванями на Мурманѣ, подлѣ границы Норвегіи. Затѣмъ гавани эти были уступлены Норвегіи, и англичане, говорятъ, тотчасъ же будто бы заключили съ новой собственницей этихъ гаваней, Норвегіей, секретное условіе, въ силу котораго имъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не возвращать ихъ Россіи. Должно полагать, что Норвегія и безъ того не уступитъ ихъ, и горячія сожалѣнія поморовъ объ утраченныхъ гаваняхъ очень сильны и глубоко искренни. Изъ уступленныхъ нами гаваней этихъ, уже въ мартѣ мѣсяцѣ, когда наши поморы только еще направляются пѣшкомъ сквозь снѣжныя дебри къ Мурману, норвежцы уже плывутъ на всѣхъ парусахъ къ Канину, Калгуеву, по пути къ Новой-Землѣ, нападаютъ на зимовавшія тамъ стада тюленей и моржей, бьютъ ихъ, распугиваютъ и оставляютъ нашимъ промышленникамъ, прибывающимъ значительно позже, одни только остатки того, чѣмъ могли бы они поживиться вполнѣ. Обо всемъ этомъ говорятъ на Мурманѣ, и мы слышали объ этомъ не разъ.

Окончивъ осмотръ китобойнаго парохода, Великій Князь посѣтилъ управляющаго заводомъ въ его домѣ. Хотя убійственный запахъ завода наполняетъ всю небольшую бухту, но подлѣ дома этого, расположеннаго наискось отъ жиротопни, на берегу, на высокомъ холму, составленномъ изъ могучихъ гранитовъ, усыпанныхъ крупными катышами и кругляками, обточенными вол-

ной, обрастающими вороницей и березой-карлицей, дышалось все-таки легче. Домъ двухъ-этажный, помѣстительный, построенъ въ Архангельскѣ и перевезенъ сюда разобраннымъ на части.

Если до сихъ поръ съ самаго утра страдало наше чувство обонянія, то здѣсь предстояло нѣчто, хотя и кратковременное, но не менѣе острое, нашему чувству вкуса противное. Его Высочеству угодно было спросить и отвѣдать знаменитаго норвежскаго рома, которымъ пользуется наше поморье и распространеніе котораго должно быть отнесено тоже къ чудесамъ земли русской. Ромъ этотъ цвѣта крѣпкаго кофе, разитъ какимъ-то невозможнымъ запахомъ и даетъ осадокъ; это подслащенный, подкрашенный сандаломъ спиртъ, которому приданы всѣ свойства опіума примѣсью кукельвана, стручковаго перца и, можетъ быть, чего-либо еще худшаго. Если — такъ говорятъ — пустить въ этотъ ромъ полуторахлористаго желѣза, то онъ обращается въ чернила — несомнѣнное доказательство присутствія дубильнаго вещества; согласно анализу, произведенному медицинскимъ департаментомъ, это — »одуревающая жидкость«. Испробовать на вкусъ этотъ классическій ромъ было для насъ дѣломъ одной секунды; гораздо труднѣе и дольше было избавиться отъ остраго, ѣдкаго вкуса, оскорбленнаго надолго самымъ положительнѣйшимъ образомъ этимъ безподобнымъ ромомъ.

Если норвежскій ромъ самъ по себѣ чудо, то безконечно чуднѣе то, что онъ распространяется у насъ безпошлинно. Трудно вѣрится, а между тѣмъ это такъ. Цѣлый рядъ губернаторовъ, цѣлый рядъ коммиссій, какъ административныхъ, такъ и ученыхъ, въ особенности »сѣверная«, и поморскій съѣздъ, всѣ, всѣ рѣшительно ратовали противъ этого рома, и, къ несчастію, безплодно. По положенію 14-го мая 1876 года, питейная торговля на Мурманскомъ берегу объявлена безакцизною, безпатентною и свободною, и одно изъ крупнѣйшихъ, вопіющихъ, необъяснимѣйшихъ золъ существуетъ, словно насмѣхаясь надъ людьми и опаивая поморовъ. А вѣдь это очень легко споить поморовъ: тяжелая работа требуетъ подкрѣпленія, а русская натура легко переходитъ отъ необходимаго къ излишкамъ. Особенно тяжело ложится это опаиваніе на-смерть на молодыхъ зуйковъ и на слабыхъ лопарей; если лопарской расѣ суждено вымереть, такъ слѣдуетъ по крайней мѣрѣ дать совершиться Божьему повелѣнію по Его

изволенію, а не пособничествомъ норвежскаго рома съ его дубильнымъ веществомъ.

Сколько именно ввозится на Мурманъ этого рома, рѣшительно неизвѣстно; хранить на этотъ предметъ тайну — прямой разсчетъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ фактористовъ. О томъ, сколько земли уступлено было Норвегіи, мы приблизительно знаемъ: на старыхъ картахъ граница наша доходила до мыса Вересъ, но была отведена къ востоку на 70 верстъ по прямому направленію и на 500 верстъ по береговой линіи (см. Лудмеръ: »Разоренная Окраина«). Но сколько переплатили мы Норвегіи за ромъ, сколько взяли они изъ нашихъ водъ рыбьяго и животнаго матеріала, сколько получили они барышей, продавая намъ нашу же рыбу, сколько опоили народу — этого ни въ какихъ спискахъ не значится и контролю не подлежитъ.

Пока Великій Князь находился въ домѣ управляющаго заводомъ и выслушивалъ любопытныя сообщенія и пожеланія людей мѣстнаго дѣла, »Забіяка« набиралъ воды; черезъ два дня ему необходимо будетъ запастись углемъ, что и будетъ сдѣлано нами подлѣ Іоканскихъ острововъ, близъ Святаго Носа. По возвращеніи нашемъ на »Забіяку« къ обѣду, температура въ воздухѣ начала быстро падать, и около 8 часовъ вечера, ко времени выхода нашего въ море, термометръ показывалъ только $4\frac{1}{2}^{0}$ тепла. Но вечеръ былъ удивительно ясенъ; лучи все еще высоко стоявшаго солнца золотыми снопами западали въ каютъ-компанію. Намъ предстоялъ очень недалекій переходъ въ сосѣднюю губу Ура, а оттуда въ бухту Еретики, гдѣ мы и намѣревались ночевать и осмотрѣть другой китобойный заводъ, гораздо менѣе значительный по обстановкѣ и характеру.

Урская губа значительно болѣе Арской; какъ гавань, она просторнѣе и удобнѣе. Она соединяется съ моремъ тремя проходами: большимъ, среднимъ и малымъ, образуемыми довольно объемистымъ островомъ Шалимомъ и другимъ некрупнымъ — Еретики. Входъ въ губу при вечернемъ освѣщеніи очень красивъ. Справа тянется длинная, закругленная, невысокая скала, скорѣе луда, чѣмъ скала; слѣва глядятъ изъ пучины морской такіе же невысокіе островочки; какъ слѣдъ долгаго, все еще не успокоившагося вполнѣ волненія, поперекъ проливчика протянулась къ нашему приходу густая, широкая полоса бѣлой пѣны. »Забіяка«

перерѣзалъ ее, и нельзя было не любоваться глубокою, изъ многихъ плановъ состоявшею панорамой губы. Казалось, будто мы входили въ какую-то широкую, могучую рѣку, обставленную жилистыми, футовъ въ 600 вышины, скалами. Эта рѣка — такъ казалось по крайней мѣрѣ — должна идти куда-то далеко внутрь нашей родимой Россіи, къ нашимъ центральнымъ губерніямъ. Если въ Арской губѣ виднѣлись и березки, и рябинки, здѣсь все было безусловно голо, даже и мху казалось мало по этимъ безотраднымъ гранитамъ. Но очертанія ихъ чудесны. Легкій туманъ, носясь неширокими, гладкими полосками, давалъ горизонтальныя линіи; скалы воспроизводили вертикальныя. Это была молчаливая музыка камней и тумановъ въ розовомъ свѣтѣ опускавшагося солнца. Заводъ, факторіи и становища, стоящіе на самомъ дѣлѣ другъ противъ друга на обоихъ берегахъ губы, были замѣчены нами справа и стояли — такъ казалось по крайней мѣрѣ — на одномъ берегу. Колонія, имѣющаяся въ этой губѣ, расположена на 12 верстъ дальше внутрь. Повидимому въ этой странѣ полуночнаго свѣта мало было свѣта одного только солнца, и вотъ зажглось надъ нами, медленно поигрывая широкими радужными лучами своими, какъ на туманныхъ картинахъ, другое, ложное солнце. Мало было и этого: зажглось третье, но уже очень блѣдное, едва виднѣвшееся свѣтлымъ пятномъ въ сѣровато-розовыхъ легкихъ облакахъ.

Благодаря обилію свѣта этихъ трехъ солнцъ, Его Высочество рѣшилъ съѣхать къ китобойному заводу и тотчасъ по прибытіи осмотрѣть его съ тѣмъ, чтобы имѣть полную возможность распорядиться завтрашнимъ днемъ съ утра.

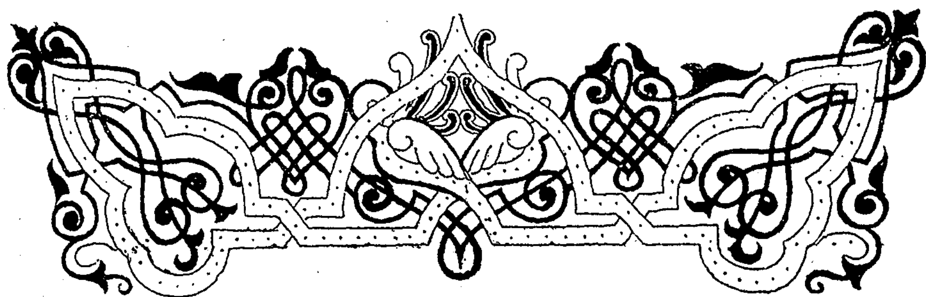
Сегодняшняя матросская пища была совершенно исключительнаго характера. Его Высочеству поднесенъ былъ мѣстными промышленниками громадный палтусъ, ближайшій родственникъ кривой, но вкусной камбалы. Достигаютъ здѣшніе палтусы, говорятъ, до 14 пудовъ вѣса; тотъ экземпляръ, что былъ поднесенъ Великому Князю, оказался вѣсомъ навѣрное болѣе 4-хъ пудовъ. Фигура его была очень оригинальна и даже внушительна, и помимо нѣкотораго запаса мяса этой фигуры, сдѣланнаго для великокняжескаго стола, приказано было отдать все остальное командѣ, сварить уху и подать ее испробовать. Приказаніе было исполнено въ точности, и сочность навара этой колоссаль-

ной ухи и вкусъ ея заслужили всевозможныя похвалы. Палтусъ зовется не напрасно »свининой промышленника«. Уха изъ него была дѣйствительно чѣмъ-то изъ ряду вонъ хорошимъ и питательнымъ. Намъ подавали палтусъ жареный и отварной; которому изъ двухъ отдать первенство — осталось неразрѣшеннымъ. Но команда была въ восторгѣ и упитывалась лукулловскимъ обѣдомъ на славу, какъ никогда.

Палтусы — это одно изъ неисчислимыхъ богатствъ нашего поморья. Иногда цѣлыя стада палтусовъ гуляютъ или лежатъ подлѣ Рыбачьяго полуострова, верстахъ въ 30—40 отъ берега. Ихъ забираютъ, конечно, норвежцы, узнающіе о присутствіи ихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ по устнымъ или печатнымъ бюллетенямъ. Ловятъ камбалу и палтуса на »продольники«, укрѣпляемые по дну якорями. На отмеляхъ, при ясной водѣ, сквозь синь воды, распластавшіеся палтусы и камбалы лежатъ большими массами и кажутся на бѣлыхъ пескахъ темными пятнами. »Палтусовая карга« идетъ отъ Териберки къ NW, къ Сергѣеву мысу на Рыбачьемъ полуостровѣ и тянется въ океанъ, какъ говорятъ, на очень далекое разстояніе. Несомнѣнно, что добыча палтуса и камбалы, какъ и все остальное, подлежала бы на нашемъ Мурманѣ безконечному развитію, и гастрономы Москвы и Петербурга только бы возликовали успѣху этого дѣла.

Коснувшись кулинарнаго вопроса, было бы непростительно не вспомнить о томъ, что если команда »Забіяки« насладилась лукулловскою ѣдой изъ палтусины, то и мы были тоже нѣкоторымъ образомъ римлянами. Тамъ, въ Римѣ, угощали гостей соловьиными языками, при чемъ иногда для тонкости скупали ученыхъ соловьевъ; здѣсь на Мурманѣ къ закускѣ нашей поданы были фритированные языки свѣжей трески. Это баловство возможное, безспорно, только здѣсь, но сомнительно, чтобъ изъ этого деликатесса, обрѣтающагося на Мурманѣ въ неисчислимомъ количествѣ, нельзя было дѣлать какихъ-либо особыхъ консервовъ самыхъ высокихъ достоинствъ и очень невысокой цѣны.

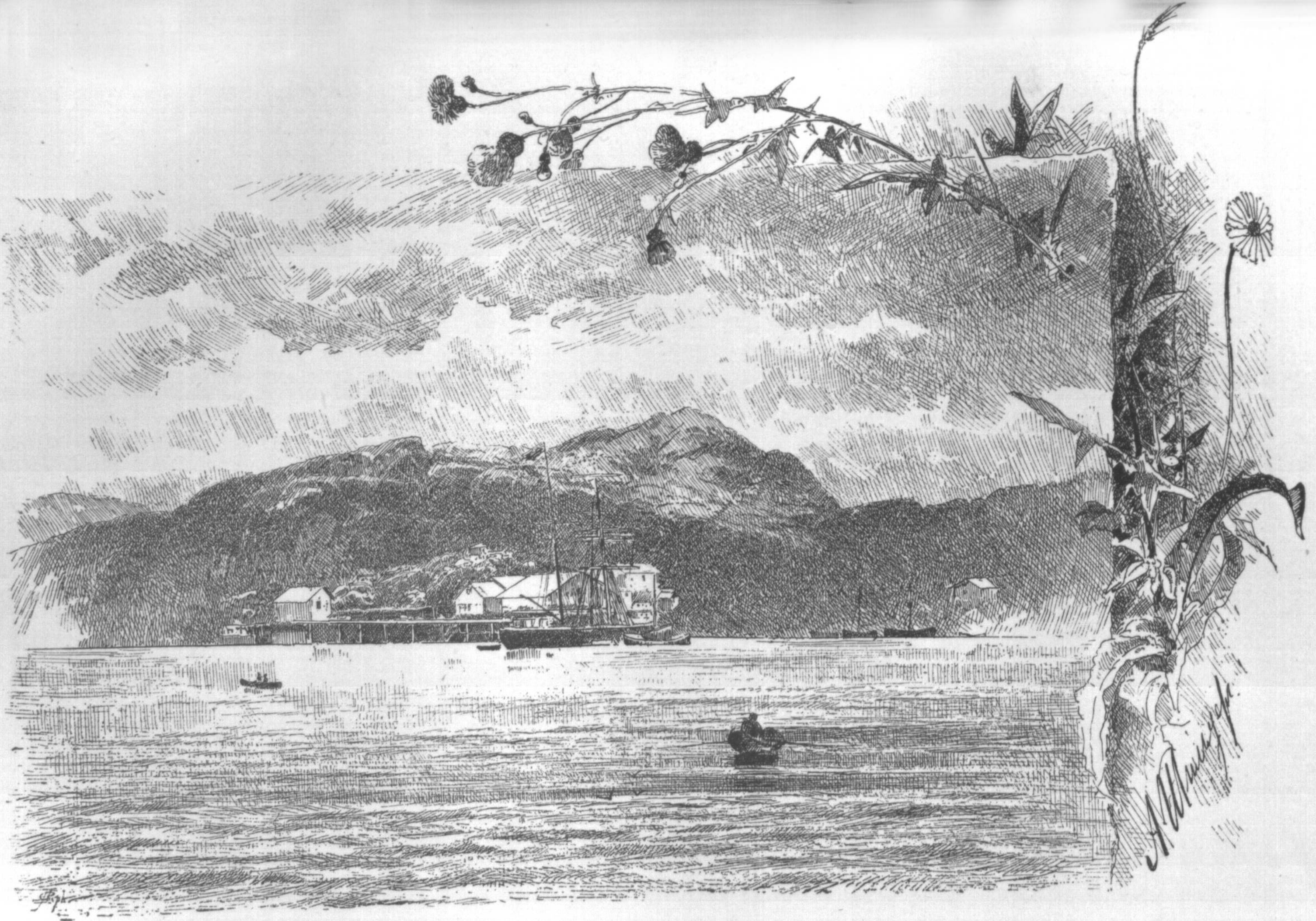
Еретики въ Урской губѣ.

Второй китобойный заводъ. Акулы и акулій промыселъ. Необходимость его поднятія. Полуночный свѣтъ. Характеристика поморовъ. Торосный промыселъ. Посѣщеніе лопарскаго чума. Характеръ побережья на вершинѣ скалъ. Лѣсной звѣрь и лѣсная птица. Китовое мясо какъ пища. Ловля камбалы. Отъѣздъ въ Колу.

Вечеръ прибытія нашего въ Еретики былъ настолько свѣтелъ, что Великій Князь пожелалъ посѣтить китобойный заводъ немедленно по прибытіи. Слово »посѣтить« тутъ совершенно умѣстно, потому что осматривать было нечего: китовъ на берегу не виднѣлось, а производства гуано на заводѣ нѣтъ.

Китобойная компанія, орудующая въ Еретикахъ, носитъ довольно длинное названіе: »Перваго русскаго китобойнаго и иныхъ промысловъ товарищества«. Заводъ ея открытъ въ 1883 году и имѣетъ два китобойные парохода, качавшіеся невдали отъ него на якоряхъ. Слѣдуетъ пожелать добраго развитія и этой компаніи, но для этого повидимому ей необходимо прежде всего существенно преобразиться. Надобно одно изъ двухъ: или поступить такъ, какъ поступила Арская компанія, задавшись исключительно китобойнымъ дѣломъ, или какъ это сдѣлалъ »Рыбакъ«, поставивъ себѣ главною цѣлью треску. Вѣроятно ни чѣмъ инымъ какъ недостаткомъ капитала или разбросанностью и неясностью программы можно объяснить себѣ то, что заводъ этотъ только жиротопенный и что туши китовъ за извѣстное вознагражденіе передаются имъ сосѣднему Арскому заводу для переработки въ гуано. Если разсчеты Арскаго общества вѣрны и китобойный

Ура-губа. Еретики. Факторія.

БИБЛИОТЕКА

промыселъ можетъ дать очень хорошій барышъ только при переработкѣ всего кита, то разсчеты Урскаго не могутъ быть вѣрны, такъ какъ оно въ прямой ущербъ себѣ, взявъ съ кита жиръ, уступаетъ тушу своему конкурренту.

Расположенъ заводъ очень красиво, на скалахъ, но растительности на нихъ, кромѣ мха, нѣтъ никакой. Урская губа, въ одномъ изъ развѣтвленій которой онъ находится, самая спокойная и защищенная ото всѣхъ вѣтровъ бухта западнаго Мурмана; врѣзывается она въ материкъ верстъ на пятнадцать и въ самой глубинѣ ея, невидная отъ завода, находится колонія Ура, одна изъ самыхъ большихъ: въ ней жителей около 200 человѣкъ, имѣющихъ 15 промысловыхъ елъ, 74 головы скота, одну лошадь, (какъ видно, лошадь остается на всемъ Мурманѣ великою рѣдкостью, чуть не куріозомъ), 60 овецъ и 309 оленей. Здѣсь, слѣдовательно, какъ и раньше, можно было убѣдиться во очію, что Мурманъ далеко не вполнѣ лишенъ возможности скотоводства, какъ многіе упорно и увѣренно сообщали; правда, здѣсь кормятъ скотъ не однимъ только сѣномъ, а со значительною примѣсью оленьяго моха — ягелей. Почти всѣ колонисты Уры финляндцы; въ ихъ пользованіи рѣка Ура съ ея семгой; зимой тутъ ловится пушной звѣрь; довольно добычливъ акулій промыселъ въ самой губѣ. »Рыбка — божье дарованье« говоритъ поморъ, при чемъ тутъ слѣдуетъ разумѣть и кита, и акулу. Акулій промыселъ находится у насъ въ младенчествѣ; это, такъ сказать, Золушка всѣхъ нашихъ мурманскихъ промысловъ, что очень жаль и очень странно. У норвежцевъ акула входитъ самостоятельною цифрой въ статью доходовъ. Сѣверная акула, этотъ бродяга-разбойникъ океана, этотъ морской волкъ, злѣйшій врагъ нашихъ поморовъ, не разъ уничтожающій ихъ долгій трудъ постановки яруса, достигаетъ размѣровъ колоссальныхъ, до трехъ саженъ длины, отнюдь не меньшихъ, чѣмъ акулы Южнаго океана. Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ на Мурманѣ акулъ вовсе не ловили; объ этомъ свидѣтельствуетъ академикъ Озерецковскій въ своемъ сочиненіи: »Кола и Астрахань», 1804 года. Онъ говоритъ, что акулъ „ни на что не употребляютъ". По причинѣ великаго множества ихъ въ Кольской губѣ, говоритъ академикъ дальше, жители въ этой губѣ никогда ярусовъ не кидаютъ, „потому что рыба, за крючки схватившая, была бы жертвой акулъ, а не промышленниковъ".

Въ »Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ« 1868 года сообщено свѣдѣніе, что одна удачная ночь акульяго лова можетъ дать до 300 пудовъ, до 50 бочекъ „максы“, акульей печени. Вице-адмиралъ Рейнеке, авторъ гидрографическаго описанія нашего сѣвернаго побережья, говоритъ, что акуламъ въ Кольской губѣ въ его время не было числа и что онѣ положительно мѣшали промышленникамъ плавать. Въ шестидесятыхъ годахъ кольскій мѣщанинъ Неронинъ сдѣлалъ первый опытъ ихъ ловли, на что нужно было значительное количество смѣлости, такъ какъ самый удачный ловъ производится обыкновенно въ темныя октябрскія и ноябрскія ночи, въ глубоко свирѣпое время океанскихъ непогодъ. Около того же времени дана была правительственная ссуда въ 600 руб. нѣкоему Сулю, для ловли акулъ и пріобрѣтенія „максы“; въ 1862 году въ Кольской губѣ добыто было около 5.000 пудовъ ея, а цѣна ей была 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к. за пудъ. Въ 1867 году между островомъ Кильдиномъ и Кольскою губой, то-есть именно тамъ, гдѣ мы теперь находимся, акулъ было такъ много, что на нихъ даже не осмѣливались охотиться: онѣ ударяли толстыми носами въ борта лодокъ, пожирали другъ друга и наводили паническій страхъ своими огромными тупо глядящими глазами. Въ 1874 году въ Кольскую губу и другія сосѣднія съ нею бухты пожаловало акулъ столько, что ихъ били изъ ружей.

Такъ какъ нѣтъ причины полагать, что количество акулъ, на которыхъ правильно организованной охоты никогда не производилось, уменьшилось и такъ какъ ворвань, изъ жира ихъ добываемая, имѣетъ на рынкѣ свою постоянную, установившуюся цѣну, то развитіе этого промысла было бы и желательно, и необходимо. По сообщеніямъ мѣстныхъ людей, большія акулы держатся обыкновенно верстъ 150—200 отъ берега огромными стадами; подвижныя полчища ихъ должны представлять изъ себя нѣчто совершенно противоположное лежащимъ вдоль палтусовой банки распластанными палтусамъ и камбаламъ. Акулъ ловятъ у насъ, такъ сказать, случайно, и правильнаго промысла на нихъ не организовано. Онѣ попадаются на большіе желѣзные крюки, наживленные жаренымъ тюленьимъ саломъ и прикрѣпленные къ цѣпямъ полуторасаженной длины. Хватившая крюкъ акула обопрется, нейдетъ и сдерживается нѣсколькими человѣками; живуча она на столько, что разрѣзанные куски шевелятся. Оста-

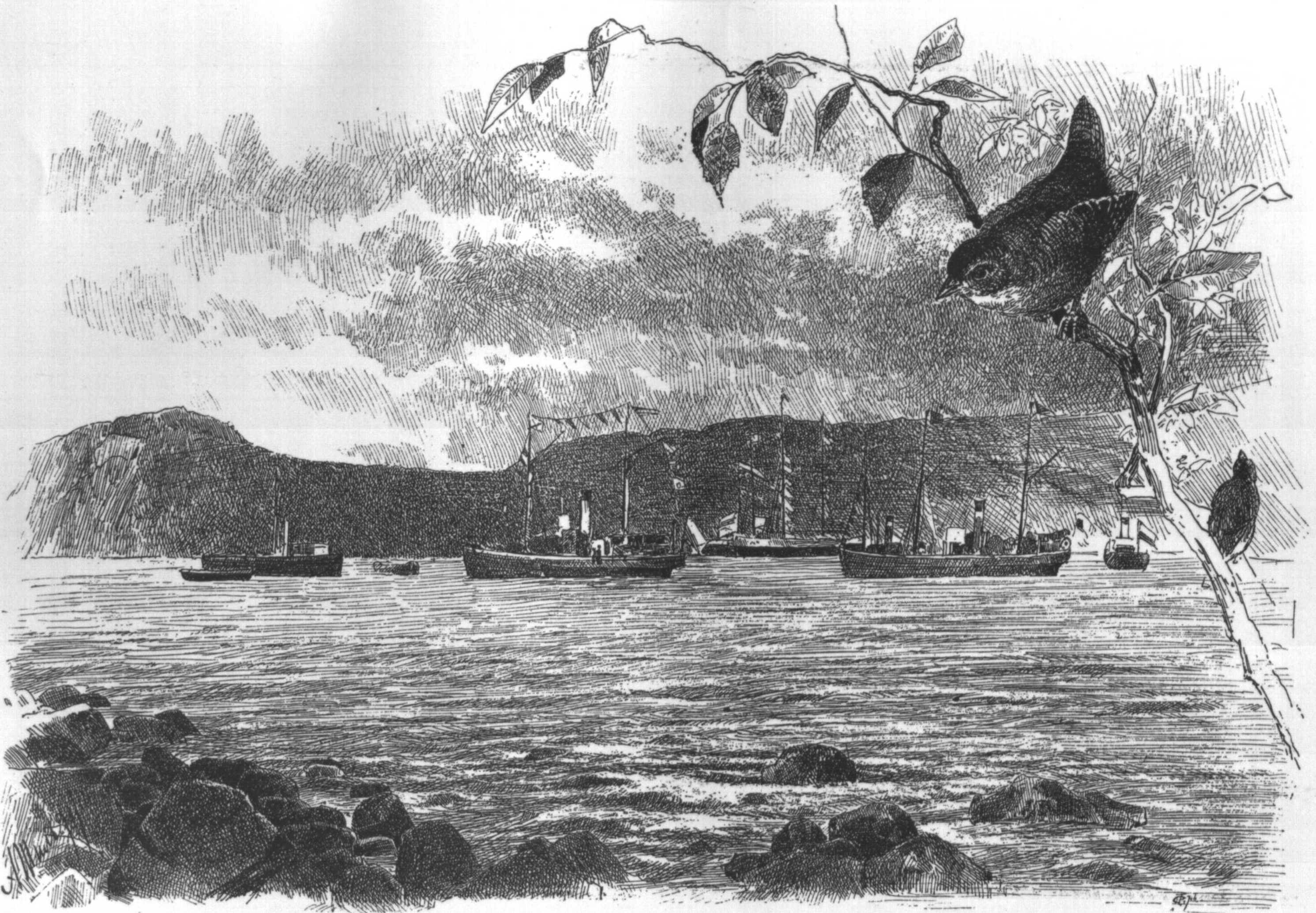
ваясь вѣрными преданіямъ, наши промышленники берутъ отъ акулы только »максу« — печень, иногда кожу, всю же остальную довольно цѣнную тушу бросаютъ въ море, совершенно на томъ же основаніи, на которомъ у насъ летятъ обратно въ море и десятки тысячъ пудовъ внутренностей трески. Очень жаль, что разспросы наши о томъ, насколько пригодны туши акулъ для переработки ихъ въ гуано, хуже онѣ или лучше китовыхъ, не вызвали никакихъ положительныхъ отвѣтовъ; но нѣтъ никакой достаточной причины предполагать, чтобы разница была очень большая. Чрезвычайно сподручно для ловли акулъ то обстоятельство, что онѣ обладаютъ замѣчательно развитымъ обоняніемъ и что жареный тюленій жиръ привлекаетъ ихъ съ очень далекихъ разстояній. Полярная акула, Selache maximum, достигаетъ, какъ сказано, трехъ саженей длины, и мѣстные люди сообщали, что ежели къ закинутому ярусу подходитъ стадо этихъ чудовищъ, то даже самымъ смѣлымъ поморамъ приходится уходитъ отъ нихъ по добру по здорову, предоставляя имъ путать ярусъ сколько угодно и пользоваться насѣвшею на крючки его треской.

Великій Князь переѣхалъ къ китобойному заводу на вельботѣ и прошелъ къ нему сквозь небольшую арку, обвитую мхомъ, по которому выдѣлялись яркою желтизной своею желтоголовки, купавки, эта желтая роза нашихъ сѣверныхъ пажитей; почему заходитъ на сѣверъ такъ далеко желтоголовикъ и совершенно не видно нашего плебейскаго одуванчика и лютика, сказать трудно. Небольшой домикъ управляющаго стоитъ на довольно возвышенномъ перешейкѣ, между малымъ и среднимъ рукавами, соединяющими Урскую губу съ океаномъ, и видъ отъ него, какъ на губу, обставленную скалами, такъ и на открытую воду океана очень хорошъ. Ожиданіе наше увидѣть полуночное солнце и на этотъ разъ состояться не могло, такъ какъ легкія облака затягивали небо; полуночный свѣтъ одѣвалъ скалы своими какъ бы безцвѣтными, безжизненными тѣнями. Дневнымъ свѣтомъ назвать его нельзя, но это ни въ какомъ случаѣ не полусвѣтъ нашихъ петербургскихъ лѣтнихъ ночей, а что-то такое странное, среднее, хочется сказать — безполое, если только подобное выраженіе можетъ быть допущено. Силу этого свѣта можно, конечно, опредѣлить, — на то есть всякіе приборы, — но едва-ли можно съ такою же точностью опредѣлить вліяніе, имъ производимое. Этотъ

непогасающій къ ночи свѣтъ обусловливаетъ невѣроятно быстрое развитіе мѣстной растительности; въ теченіе шести недѣль здѣшняя трава зеленѣетъ, цвѣтетъ и даетъ сѣмя; это жизнь безъ отдыха, жизнь запоемъ, и если вы человѣкъ нервный, то полное отсутствіе ночи едва-ли можетъ дѣйствовать на васъ успокоительно.

На заводѣ, какъ сказано, смотрѣть было нечего, и Его Высочество ограничился разспросами о его дѣятельности, о средствахъ, о намѣреніяхъ. Заговоривъ съ поморами, находившимися на берегу и привѣтствовавшими Великаго Князя, Его Высочество сказалъ имъ между прочимъ, что недавно видѣлъ ихъ женъ, оставшихся въ Кеми. Вѣроятно они были рады услышать такую неожиданную, самимъ Великимъ Княземъ сообщенную вѣсточку, но особенною откровенностью чувствъ поморы не отличаются, они сосредоточенны, опасливы. На вопросъ, имъ сдѣланный, о томъ: какой это сарай или домишко поставленъ у самой воды, одинъ поморъ отвѣтилъ: »тутъ уголь живетъ«; оказалось, что это угольный сарай. У поморовъ »шкуна живетъ«, »волны въ морѣ живутъ«, медвѣдь на зиму въ снѣгъ зарывается »голодомъ жить«. При разспросахъ о заработкахъ нынѣшняго лѣта, когда зашла рѣчь о большой бурѣ 30-го мая, поморы съ невозмутимымъ хладнокровіемъ сообщили, что въ Еретикахъ было нехорошо и что у нихъ потонуло до пятидесяти человѣкъ. Эти люди родятся въ смѣлости и опасностяхъ и все имъ нипочемъ. Стоитъ вспомнить хотя бы одинъ только »торосной промыселъ«, несущій свое имя отъ »торосъ«—нагроможденныя одна на другую льдины, составляющія зимою »припаи«, то-есть бордюры льдовъ вдоль берега, на краю незамерзающей океанской воды. На эти торосы взбирается морской звѣрь: тюлень и нерпа; сюда же идетъ промышленникъ въ глубокую зиму, верстъ за двѣсти отъ жилья, и ночуетъ подъ открытымъ небомъ. »Сколько ихъ, нашихъ, поуносило«! говоритъ поморъ, вспоминая объ оторванныхъ льдами и безвѣстно погибшихъ.

На »Забіяку« возвратились мы около полуночи. Ни одной звѣзды не поблескивало по свѣтлому небу, и слегка темнѣвшія по обѣимъ сторонамъ бухты, факторія и становище опускали свои длинныя отраженія въ тихо колебавшуюся воду и казались рослѣе, богаче, люднѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Поверхъ

Ура-Губа. Китобойные пароходы.

становища на скалѣ вырисовывалась небольшая деревянная церковь, построенная кольскимъ городскимъ головою Хипадинымъ. Съ мостика клипера можно было видѣть, что въ глубину матерой земли бухта развѣтвляется, скалы становятся ниже, какъ бы миловиднѣе; намъ говорили, что тамъ есть луга и лѣсъ растетъ.

Утромъ слѣдующаго дня, 22-го іюня, Его Высочеству угодно было выйти на китобойномъ пароходѣ »Елена«, чтобы спуститься гдѣ-либо на самое побережье и осмотрѣть какое-либо людское поморское жилье. Пока пароходъ разводилъ пары, въ самой бухтѣ, ближе къ южному берегу, произведены были опыты взрыва двухъ учебныхъ минъ; распространеніе сферы дѣйствія ихъ въ водѣ сказалось очень наглядно по всплывшей на поверхность воды массѣ оглушенной рыбы.

Небольшой пароходикъ »Елена« рѣзво выбѣжалъ въ сторону къ океану, по волнамъ синимъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ день былъ удивительно свѣтелъ и океанъ игралъ самыми роскошными красками. Держали къ сѣверо-востоку и сдѣлали первую остановку тамъ, гдѣ замѣтенъ былъ въ разсѣлинѣ скалы лопарскій чумъ. Съѣхавъ на берегъ, Великій Князь пошелъ скалистымъ берегомъ. Поднялись на скалу. Путь этотъ былъ совершенно адскій, такъ какъ тутъ, конечно, не было никакого пути, предстояло двигаться вдоль поэтической мостовой, сложившейся самопроизвольно изо всякихъ катышей и голяковъ. Съ удивительною равномѣрностью чередовались по этому пути полосы снѣга и полосы мѣстной флоры.

Снѣгъ былъ видимо на убыли, потому что изъ-подъ довольно громоздкихъ пластовъ его сбѣгала, журча, вода; растительность вся, какая была, мелка и небогата количествомъ видовъ; эти бѣлые ягели, эти вороницы съ розовыми цвѣточками, главные, заглушающіе всѣхъ остальныхъ собратій представители сѣверной флоры, эти приземистые кустики можжевельника и березки-лилипута все это поблескивало на яркомъ солнцѣ полною жизнью, жизнью цѣлыхъ двадцати-четырехъ часовъ въ сутки. На котловинахъ, обращенныхъ къ югу и защищенныхъ вполнѣ отъ дыханія сѣвера, будто въ парникахъ густѣли травы, точно толкая одна другую, такъ ихъ было много. Желтоголовиковъ виднѣлось больше другихъ; бѣлѣли нѣжные цвѣточки морошки, кустилась брусника, попадалось нѣчто въ родѣ молочая и бле-

снулъ въ одномъ мѣстѣ своимъ ярко-розовымъ цвѣткомъ небольшой »шипишникъ«, Rosa canina, мелкая, очень мелкая, но тѣмъ болѣе яркая и замѣтная. Виднѣлись повсюду кучками желтыя звѣздочки небольшаго растенія, вѣроятно того же вида, что и »молодило«, Sedum acre, любящаго скалы и пески. Попадалась и брусника; говорятъ, что встрѣчаются мѣста, усыпанныя ею, и тогда они издали рѣзко краснѣютъ, отсюда слово »бруснявѣть«—краснѣть, »дѣвица бруснявѣетъ«; мѣста, обильно покрытыя цвѣтами или ягодой, называютъ здѣсь »грусна«. Не такъ ужь голъ и мертвъ оказался Мурманъ, какъ его описываютъ, думалось намъ, проходившимъ подлѣ цвѣтовъ; впрочемъ надо замѣтить, что экземпляръ »шипишника«, попавшійся на самомъ, такъ сказать, краю сѣвера, если не исключеніе, то все-таки явленіе довольно рѣдкое; это былъ вѣроятно какой-нибудь искатель приключеній, нѣчто въ родѣ Христофора Колумба или Ермака растительнаго царства.

Подняться на Мурманъ на 500—600 футовъ по скаламъ вовсе не легко. За вершинами ихъ въ безконечную даль матерой земли пейзажъ, по завѣреніямъ мѣстныхъ людей, однообразенъ до невѣроятія. Это безконечныя тундры, болота, низкорослый лѣсъ, совершенное отсутствіе людскаго жилья и дорогъ, если не считать одинокихъ, разбросанныхъ на великихъ разстояніяхъ охотничьихъ сторожекъ и тропинокъ — »путиковъ«, охотниками проложенныхъ. Вотъ и все, что одѣваетъ гранитныя основанія подпочвы. Удивительная эта страна сѣверъ. Какъ поражаетесь вы полуночнымъ солнцемъ, какъ не сразу увидите играющаго предъ вами въ морѣ кита, такъ точно не замѣтите вы того, что называетъ мѣстный охотникъ тропочкой, »путикомъ«. Вамъ говоритъ охотникъ, что вы стоите на »путикѣ«, что вонъ онъ тамъ, дальше, тянется, но вы рѣшительно ничего не замѣчаете, кромѣ безконечной крупной сыпи каменьевъ да торчащихъ между ними кустиковъ и стволиковъ растительныхъ лилипутовъ, покрытыхъ мелкимъ буреломомъ, отъ котораго въ глазахъ пеститъ; такъ она, окрестность, сѣра, безконечна, безотрадна.

А между тѣмъ въ этихъ сумрачныхъ пажитяхъ глубокаго сѣвера есть много жизни, своеобразной жизни. По безконечнымъ озерамъ и моховымъ болотамъ на короткіе сроки прилетаютъ бекасъ, дупель, утка и всякіе шнепы въ количествахъ невѣроятныхъ;

тамъ гдѣ въ силу особенно счастливыхъ условій, защищенный отъ сѣвера, разросся лѣсокъ, никѣмъ не мѣренный, мало кѣмъ пройденный, тамъ то и дѣло шарахается въ сторону отъ васъ куропатка, рябчикъ; толкуютъ, что былъ такой годъ, 1860, что тетерева сидѣли въ Архангельскѣ, въ самой столицѣ сѣвера, по крышамъ. По озерамъ, роняя въ тихую заводь залива свое острое отраженье, виднѣются цѣлыми стадами журавли, тѣ самые, что тянутся, покрикивая, въ мартѣ мѣсяцѣ надъ южною Россіей сюда, къ сѣверу; по песчанымъ отмелямъ »жируютъ« гуси и жестоко бьются другъ съ другомъ турухтаны въ своемъ роскошномъ весеннемъ опереніи, которое они очень скоро, какъ только пройдетъ охота драться и любить, потеряютъ. Говорятъ, что лебедь, самку котораго убилъ охотникъ, ежегодно прилетаетъ все на то же озеро и остается всегда одинокимъ; объ этомъ разсказываетъ Брэмъ, но совершенно самостоятельно, и навѣрно не читавъ Брэма, говорили намъ и мѣстные охотники. Особенно много чириканья и посвистовъ въ сѣверныхъ странахъ не раздается. Есть одна гагара, которую называютъ здѣсь »ревухой«; »пугачемъ« называютъ тутъ особый видъ крупнаго филина, Strix bubo, голосъ котораго, раздающійся только ночью, составляетъ отличный припѣвъ къ непривѣтливымъ очеркамъ глубоко безотраднаго гранитнаго пейзажа. Характерно то, что у поморовъ птицы »говорятъ«, а не поютъ, свистятъ или чирикаютъ.

Это все въ вѣтвяхъ надъ землей, а на самой землѣ есть своеобразная тоже широкая жизнь. Волкъ не менѣе, чѣмъ небрежность лопаря и страсть его къ норвежскому рому, сильно уменьшилъ когда-то многотысячныя стада оленей; попадается тутъ и »бѣлый волкъ«. Дальніе родственники волка — одичавшія собаки ходятъ здѣсь, напримѣръ въ Керетьской волости, цѣлыми стадами и устраиваютъ на оленей правильныя охоты. Подтверждаютъ разсказъ о томъ, что куница перегрызаетъ птицѣ горло, вцѣпившись въ нее и не оставляя ее на лету. Тоже продѣлываетъ и ласка. Тигромъ здѣшнихъ лѣсовъ считается россомаха; рысь тоже водится, и одинъ экземпляръ ея, какъ говорятъ, жилъ цѣлую недѣлю, опять-таки въ Архангельскѣ, въ столицѣ сѣвера, и только съ трудомъ былъ убитъ. Медвѣдь къ самой окраинѣ Мурмана не подбирается: лѣса для него мелки и малы.

Какъ бы въ подтвержденіе несомнѣннаго присутствія звѣря, въ очень недалекомъ разстояніи отъ Великаго Князя протянула по бѣлому снѣгу крупная хвостистая лисица; рѣзкая, почти черная тѣнь волочилась подлѣ нея по снѣгу; лисица эта вѣроятно имѣла свой »путикъ«, свою тропинку, по которой слѣдовала. Мы взаимно полюбовались другъ другомъ и разошлись.

Мы сошли на берегъ съ тѣмъ, чтобы посѣтить виднѣвшійся между скалами чумъ. Такъ какъ время было теплое, то входъ въ него былъ открытъ и оленья шкура, закрывающая его, отворочена. Чумъ, лопарскій чумъ, это одинъ изъ первообразовъ человѣческаго жилья, передъ которымъ мы стояли. Примѣнившись къ мѣстности, какъ примѣняется грибъ, когда онъ растетъ между кореньями, потягиваясь къ свѣту и теплу, пріютился чумъ въ глубокой расщелинѣ скалы, между навороченными отъ вѣка камнями, защищенный ими ото всякихъ вѣтровъ. Чумъ — это вязанка жердей; съ одного конца, сверху, онѣ связаны такъ, чтобы между концовъ оставалось небольшое отверстіе для выхода дыма; съ другаго концы жерди раздвинуты по кругу и понатыканы въ землю, въ мохъ, въ расщелины между камнями. Поверхъ этихъ жердей наложенъ слоемъ гдѣ дернъ, а гдѣ и досочки; на мѣстахъ менѣе прочныхъ настлана оленья шкура, и все это скрѣплено одно съ другимъ чѣмъ Богъ послалъ: веревочкой, прутьями, плетенкой морской травы. Чумъ этотъ — полная собственность лопаря. Подобныя мѣста по побережью насиживаются, какъ мѣста нищихъ у той или другой изъ папертей церковныхъ. На зиму лопарь уйдетъ въ свое зимнее становище, состоящее тоже изъ чумовъ, только покрупнѣе, и расположенное гдѣ-нибудь по близости, на матерой землѣ; онъ захватитъ съ собою то, что поцѣннѣе: образочки, оленьи шкуры, посудину; онъ вытащитъ на берегъ свою лодченку, оставитъ свой чумъ до слѣдующей весны и вернется къ нему въ полной увѣренности въ томъ, что никто другой не займетъ его. Это взаимная гарантія самыхъ бѣдныхъ на свѣтѣ людей, прочнѣйшая, чѣмъ всевозможныя писанныя условія.

Вѣроятно, что приближеніе многихъ человѣкъ, не дававшихъ себѣ обѣта молчанія, движеніе ихъ по гранитнымъ катышамъ, перевертывавшимся подъ ногами, было издали замѣчено обитателемъ чума. Внутренность чума гораздо прочнѣе и пріятнѣе

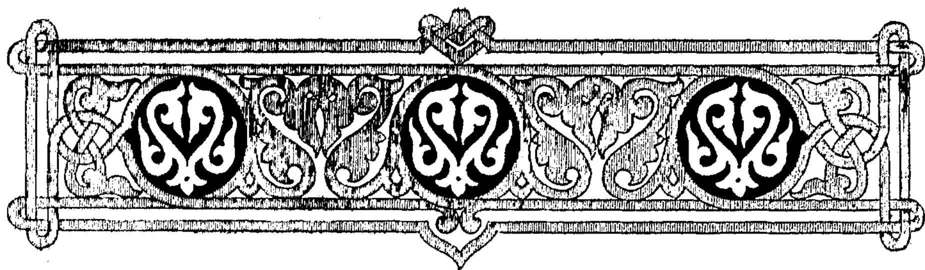
его внѣшности: оленьи шкуры были разостланы по землѣ; прямо противъ входа, мелькая изъ-за дыма костра, разведеннаго посрединѣ, виднѣлись нѣсколько образочковъ, створней, поставленныхъ на почетное мѣсто, на низенькую скамеечку; небольшая кошка — одно изъ пріятнѣйшихъ достояній лопаря — присосѣдилась къ нимъ. На жердяхъ висѣло большими комьями вяленое мясо. Это было китовое мясо. Лопарь объяснилъ, что его пищу составляетъ не одна только рыба, но и это мясо, добываемое »даромъ« съ ближайшаго Урскаго завода, и что съ тѣхъ поръ, какъ китовыя туши, по снятіи съ нихъ жира, идутъ въ Арскій заводъ, эта статья хозяйственнаго обихода, пожалуй, прекратилась.

Не вѣрилось сказанному, но не вѣрить не было достаточной причины; мы вернулись на пароходъ съ запасомъ новаго, довольно сильнаго впечатлѣнія и пошли на западъ, чтобы остановиться вторично для присутствія на рыбной ловлѣ. На этотъ разъ неводъ доставилъ штукъ тридцать камбалъ, крупныхъ и мелкихъ, желтоватыхъ и темноватыхъ, и всѣ онѣ были забраны нами, потому что особеннаго богатства въ припасахъ нашихъ мы давно уже не знали. Всякое пріобрѣтеніе казалось благимъ, въ особенности если это были свѣжія, жирныя камбалы. При морскомъ плаваніи по такимъ пустырямъ, какъ Мурманское побережье, сохраненіе припасовъ — вопросъ существенный; были дни, что соленое и копченое составляли главный предметъ нашего стола; брали мы съ собою живыхъ телятъ и куръ, но количество того, что можно было пріобрѣсти, оказывалось далеко недостаточнымъ для всего экипажа и персонала, и если бы не рыбное, имѣвшееся всегда въ изобиліи и первѣйшаго качества, то человѣку мало-мальски избалованному было бы не совсѣмъ пріятно.

Около 1½ часа дня, 22-го іюня, оставили мы Еретики. Согласно ходатайству мѣстныхъ людей, Его Высочество соизволилъ на то, чтобы въ установленномъ на то порядкѣ бухта Еретики была переименована въ бухту Владимірскую.

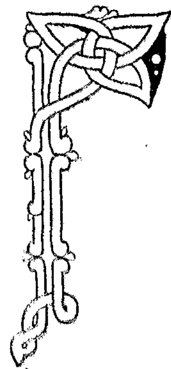
Намъ предстоялъ переѣздъ очень небольшой, всего въ 2 часа времени, къ Кольской губѣ и далѣе къ городу Колѣ, оставшемуся къ югу отъ насъ. Съ этимъ вмѣстѣ началось наше обратное путешествіе.

КОЛЬСКАЯ ГУБА.

Екатерининская гавань. Ея исторія. Надежды поморья. О мурманскихъ гаваняхъ и бухтахъ вообще. Вопросъ военный и вопросъ промысловый. Абрамова пахта. Прибытіе въ Колу.

Глубокій сѣверъ — 68° сѣверной широты, далеко за полярнымъ кругомъ. Здѣсь, послѣ двухмѣсячной ночи, по народной примѣтѣ, только съ Василія Солноворота — съ 1-го января — опять »заотсвѣчиваетъ«, т. е. днемъ свѣтить начинаетъ.

Да не ошибаемся ли мы, такъ ли это? Чудеснѣйшій день; термометръ показываетъ въ тѣни 20°, и на встрѣчу »Забіякѣ«, входящему въ Кольскую губу, чуть слышно вѣетъ теплый южный вѣтеръ. Едва только направились мы къ губѣ и стали поворачивать въ нее, не доходя острова Кильдина, какъ сумрачное обличье Мурмана будто свѣялось, исчезло куда-то. Тутъ, у входа въ Кольскую губу, словно огромные зѣвы раскрываются къ океану многія губы, которыми побережье изрѣзано совершенно; вотъ слѣва губа Волоковая, справа — островъ Торосъ, губы Кислая, Сайда, Оленья, Пола. Предъ нами тянулась вглубь материка какъ бы широкая, очень широкая рѣка, обставленная горами, футовъ въ 300—400 вышиной, густо поросшими довольно высокимъ лиственнымъ лѣсомъ. Глаза наши отвыкли отъ этой яркой, позлащенной солнцемъ зелени, и вотъ она опять передъ нами, изумрудная, свѣтлая, спускающаяся съ вершинъ вплоть до синей волны, нѣжно обмывающей ея корни, и это рядомъ, бокъ-о-бокъ съ Мурманскимъ побережьемъ! Будто воспоминаніе Мурмана, его жилистыхъ очертаній, его непри-

вѣтливыхъ тѣней, тамъ или тутъ высится въ зелени отдѣльная скала, часто совершенно отвѣсная, называемая тутъ »пахтой«, но зелени много и на ней.

Сѣверъ ли это, Мурманъ, или, можетъ быть, кусокъ Волги, подлѣ Жигулей, чудомъ перенесенный къ Ледовитому океану и подсунутый подъ »Забіяку« съ полною обстановкой иной, южной картины? Говорятъ, будто возникали подобныя неожиданныя картины въ степяхъ южной Россіи, ублажая очи шествовавшей когда-то великой Императрицы.

Обратимся однако для повѣрки самого себя къ книжкамъ, къ точнымъ изслѣдованіямъ, и тутъ первое мѣсто какъ по добросовѣстности, такъ и по новости должно быть отдано книжкѣ »Мурманскій берегъ въ промысловомъ и санитарномъ отношеніи« врача В. Гулевича, одного изъ главныхъ работниковъ архангельскаго санитарнаго отряда. Вотъ главныя данныя средней температуры Мурмана по Реомюру: зима — 6 градусовъ, весна + 2,29, лѣто + 8,95, осень + 2,5; 20 и болѣе градусовъ тепла въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ не рѣдкость. Океанъ по Мурману зимой не замерзаетъ никогда; по немъ плаваютъ льдины, не мѣшающія движенію судовъ; обмерзаютъ иногда берега на недолгое время такъ-называемымъ »припаемъ«, который очень быстро разбивается и образуетъ мѣстами »торосы«, ледяныя горы; совершенно замерзаютъ только небольшія бухты.

Судя по этимъ короткимъ, но яснымъ даннымъ, несомнѣнно, что нельзя считать Ледовитый океанъ по Мурману побережьемъ закрытымъ. Говоря объ Устюгѣ Великомъ, сообщали мы, что разница между продолжительностью навигаціи Петербургскаго порта и Архангельскаго не превышаетъ 30—60 дней, но это для Бѣлаго моря, имѣющаго нехорошую привычку замерзать, а не для Мурмана. Вопросъ о срокѣ плаванія по Ледовитому океану настолько существенно важенъ для насъ какъ съ военной, такъ и съ торговой стороны, что о гаваняхъ и бухтахъ нашего побережья мы должны поговорить подробнѣе; это будетъ совершенно кстати послѣ посѣщенія Екатерининской гавани, предстоявшаго намъ немедленно по входѣ въ Кольскую губу.

Около 4 часовъ пополудни круто повернулъ »Забіяка« вправо, въ губу Палу, и немедленно перемѣнилъ въ ней курсъ налѣво. Это и была Екатерининская гавань. Мы уменьшили ходъ для

того, чтобы прогуляться по ней и напомнить нашимъ военнымъ судномъ и его флагомъ берегамъ ея, забытымъ и молчаливымъ, то время, когда гостили въ ней наши флоты минувшихъ царствованій прошлаго столѣтія. Было что-то необычно пріятное знать, что забытое не совсѣмъ забыто и что историческое воспоминаніе все-таки великая сила, никогда неизсякающая мощь. Просторная гавань, съ тихо плескавшеюся водой, широко раскидывалась вокругъ насъ, обрамленная скалами, разукрашенными зеленью лѣсовъ. Широкій кругъ чертилъ по ней »Забіяка« и чудеснѣйшая декорація кружилась по кругу, какъ панорама на шкворнѣ, на могучемъ винтѣ клипера.

Гавань не особенно велика: въ ней двѣ версты длины, одна ширины; замерзаетъ она, и то не всегда, только на 1½ мѣсяца. Это не бухта, это собственно проливъ между островомъ Екатерининскимъ и матерою землей. Всѣ берега ея чисты и приглубы, подлѣ нихъ 9—10 саженей глубины; подальше отъ 60 до 100 саженей. »Нельзя вообразить себѣ — говорилъ Рейнеке — стоянки безопаснѣе и спокойнѣе«; единственное неудобство ея — это узкость входа, не допускающая лавировки, что, какъ извѣстно, для судовъ съ паровыми двигателями вопросъ третьестепенный. Съ давнихъ, давнихъ лѣтъ была Екатерининская гавань на виду и считалась кладомъ, такъ какъ выходъ изъ нея весной и возвращеніе въ нее позднею осенью, — что существенно важно для успѣха промысловъ—представляются вполнѣ удобными. Недаромъ стремятся наши промышленники, еще въ мартѣ мѣсяцѣ, къ сосѣдней съ нею Колѣ, составляющей главную станцію ихъ на пути къ Мурману. Съ 1741 по 1744 годъ зимовали въ Екатерининской гавани наши военные корабли, такъ какъ въ Архангельскъ входить они не могли, вслѣдствіе Березовскаго бара. Въ 1741 году произведенъ былъ подробный осмотръ гавани и снятіе ея на планъ; въ 1742 году вторично. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1748 года адмиралъ Брендаль, зимовавшій тутъ съ флотомъ, получилъ приказаніе идти отсюда съ двумя соединенными эскадрами въ Балтійское море, но оказалось, что кедровый лѣсъ, изъ котораго была построена »Діана«, »есть какъ губка«, что на двухъ фрегатахъ не хватаетъ 48 пушекъ, а вообще нѣтъ пороху, нѣтъ мундировъ и люди по восьми мѣсяцевъ жалованья не получали. Такъ рапортовалъ Брендаль пославшей его въ

Балтику адмиралтействъ-коллегіи. Въ 1744 году изъ Екатерининской гавани ушли — и на этотъ разъ чтобы болѣе не возвращаться — наши послѣдніе три военныхъ корабля.

Навсегда ли? »Забіяка« давалъ по ней большой кругъ.

Мы сообщали уже о тѣхъ печаляхъ поморовъ, которыя были повѣданы намъ по поводу уступки Норвегіи нѣсколькихъ лучшихъ незамерзающихъ гаваней. Но что съ возу упало, то пропало, надо беречь остальное. Арская губа не замерзаетъ никогда, Териберка—не совсѣмъ; Еретики сковываются льдомъ недѣли на двѣ; Екатерининская гавань, это то мѣсто, изъ котораго промысловый пароходъ, прозимовавъ, можетъ направиться къ Новой-Землѣ уже въ мартѣ мѣсяцѣ и помѣшать норвежцамъ снимать богатыя сливки съ нашихъ моржевыхъ промысловъ. Мы назвали только мѣста, посѣщенныя нами, но есть цѣлый рядъ другихъ, не менѣе, если не болѣе удобныхъ: губы Зеленецкая, Шельпинская, Харловка, Семь-Острововъ, Лица. По обширности, безопасности и удобству лучше прочихъ бухтъ Екатерининская и Зеленецкая.

Вопросъ о спокойныхъ стоянкахъ на нашемъ сѣверномъ побережьи — вопросъ очень важный и давно уже вызывалъ всякія изысканія и соображенія. Въ вопросѣ этомъ собственно двѣ стороны: одна — промысловая, другая — военная; для того и другаго совсѣмъ разныя требованія, но чтобы наше сѣверное поморье оставалось такимъ беззащитнымъ, какъ въ настоящую минуту, это нежелательно и невѣроятно. Если рельсы соединятъ Волгу съ Сѣверною Двиной, что несомнѣнно должно совершиться, если значительная часть грузовъ направится не къ Петербургу, а къ сѣверному побережью, то неужели же только старички »Баканъ« да »Полярная Звѣзда« будутъ представительствовать здѣсь отъ имени нашего флота, а остатки земляныхъ валовъ, поднятыхъ противъ англичанъ въ 1854 году руками горожанъ и монаховъ въ Онегѣ, Колѣ, Кеми и Соловецкомъ монастырѣ, примутъ на себя обязанность внушать людямъ почтеніе къ нашей береговой оборонѣ? Это немыслимо.

О промысловыхъ гаваняхъ на Мурманѣ у насъ отъ поры до времени за послѣдніе годы подумывали. Въ 1871 году при министерствѣ финансовъ образована была особая коммиссія для разсмотрѣнія въ этомъ отношеніи различныхъ предположеній. Отъ этой коммиссіи, нашедшей необходимымъ устройство хорошаго порта,

была отправлена на Мурманъ подкоммиссія; рѣшено было задаться мыслью устройства порта свободнаго ото льда, лежащаго приблизительно на полпути отъ Норвегіи къ Архангельску, въ которомъ могли бы быть поставлены всякіе склады, начиная отъ угольныхъ. Такою гаванью предположена была коммиссіей губа Могильная, находящаяся на южной части острова Кильдина, въ которой съ устройствомъ мола получилась бы прекрасная стоянка въ 12—14 верстъ въ окружности. Тутъ, въ защитѣ ото всякаго вѣтра, подходя къ берегамъ вплотную, суда могли бы запасаться всѣмъ необходимымъ; тутъ были бы: мировой судья, становой, судебный слѣдователь и врачъ съ больницей. Мнѣніе коммиссіи расходилось повидимому съ мнѣніемъ департамента мануфактуръ и торговли, останавливавшагося на губѣ Ура. Близки ли были всѣ эти предположенія къ осуществленію—неизвѣстно, но вѣренъ самый фактъ, что вопросъ объ устройствѣ торговаго порта поднимался.

Былое Екатерининской гавани гласитъ, какъ сказано, о томъ, что въ ней гостили и флоты. Если поискать хорошенько, то и кромѣ Екатерининской гавани найдутся для той же цѣли и другія, хотя бы близъ Святаго-Носа, у Іоканскихъ островов. Мечта мечтой, а дѣло дѣломъ, и можно бы пожалуй рискнуть изображеніемъ слѣдующей мысли: еслибы Петръ Великій почувствовалъ всю тягость нашего положенія въ Дарданеллахъ и Зундѣ, онъ едва ли бы обошелся съ Архангельскомъ такъ безцеремонно, какъ обошелся съ нимъ, открывая всѣ льготы въ пользу Петербурга и Балтійскаго моря. Имѣть море и не пользоваться имъ—это дѣйствительно странно, и Петръ Великій непремѣнно обратился бы къ нему. Мурманъ съ его неисчерпаемымъ рыбнымъ богатствомъ, не особенно далекій отъ Петербурга и Москвы, былъ всегда Золушкой по сравненію съ каспійскими рыбными и тюленьими промыслами. Архивъ министерства государственныхъ имуществъ за 1850—1870 года хранитъ множество бумагъ, касающихся послѣднихъ; не проходило мѣсяца, чтобы какое-либо мѣропріятіе не восходило до сената, комитета министровъ, государственнаго совѣта, до Высочайшей власти; тамъ устроено было и дѣйствуетъ по сегодня особое управленіе, имѣется съ 1870 года свой пароходъ, а съ 1867 года управленію и всѣмъ судамъ, находящимся въ его распоряженіи, данъ былъ даже особый флагъ и вымпелъ. Это все для Каспія: для Мурмана до семидесятыхъ годахъ не сдѣлано было ничего или

очень мало, и сѣверное побережье наше не только въ натурѣ, но и въ государственномъ сознаніи заволакивалось туманами. Съ Высочайшаго соизволенія въ сентябрѣ 1882 года учреждена была въ Архангельскѣ временная совѣщательная коммиссія о потребностяхъ сѣвернаго края; въ октябрѣ того же года особая на этотъ предметъ коммиссія при министерствѣ финансовъ, окончившая свои работы въ апрѣлѣ 1885 года. Мѣры, ею проектированные, находятся и по сегодня въ разсмотрѣніи.

»Забіяка«, давъ кругъ на Екатерининской гавани, въ зеленомъ кольцѣ ея береговъ и въ молчаливомъ, незримомъ присутствіи воспоминаній, вышелъ снова въ Кольскую губу и направился прямо къ югу. Эта губа дѣйствительно похожа на извивающуюся рѣку. Нѣкоторые называютъ всю ее рѣкой Колой, и это пожалуй имѣетъ нѣкоторое основаніе, потому что близъ города Колы губа какъ бы образуется отъ сліянія двухъ рѣкъ Колы и Туломы. »Кольская губа что Московская тюрьма«, говорятъ поморы, изображая этимъ довольно неудачно ту особенность ея, что она, не замерзая во всю зиму, иногда въ началѣ марта покрывается льдомъ и стоитъ подъ нимъ за Благовѣщенье, мѣшая промышленникамъ, собравшимся въ Колу, выйти въ океанъ.

Въ восьми верстахъ отъ города, уже къ вечеру, бросили мы якорь подлѣ Абрамовой »пахты«, то-есть скалы, и Анна »корги«, то-есть обсушной, песчаной мели; слѣва отъ насъ поднимались обросшія сплошнымъ лѣсомъ, довольно пологія, но не менѣе возвышенныя горы, а подлѣ самой воды виднѣлся лопарскій чумъ. Скала Абрамова пахта, отвѣсная, въ 100′ вышины, совершенно темная, была усѣяна, будто свѣтлымъ бисеромъ, по всѣмъ выступамъ своимъ морскою птицей; иногда бисеръ этотъ приходилъ въ движеніе; однѣ изъ бѣлыхъ бисеринокъ перелетали къ другимъ, будто дѣлая другъ дружкѣ визиты; бѣлыя полосы помета нависали по скалѣ отовсюду и неумолчные крики доносились до насъ издали, когда »Забіяка«, выпустивъ всѣ свои пары, окончательно замолчалъ; это были, должно быть, разговоры при визитахъ птицъ, болѣе или менѣе интересные. Съ якорнаго мѣста нашего еле-еле виднѣлась, едва поднимаясь надъ водой, Кола.

Такъ какъ было предположено на завтра, воскресенье, 23-го іюня, быть у обѣдни въ Колѣ, то весь вечеръ представлялся свободнымъ. Двое изъ насъ, путниковъ, пошедшихъ на охоту,

*

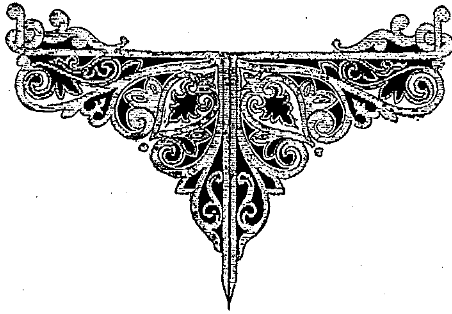
безъ собакъ, конечно, на авось, видѣли цѣлую массу куликовъ на берегу и много куропатокъ и тетеревей, то и дѣло выпархивавшихъ съ великимъ шумомъ по зеленому лѣсу. Ходьба по лѣсу была очень трудна, такъ какъ почва ни что иное какъ груды валуновъ, обросшихъ мохомъ, между которыми, неизвѣстно чѣмъ питаясь растутъ: ель, сосна, береза, ива. Ходьба по берегу, по сырому песку въ часъ отлива была гораздо пріятнѣе; оставленныя водой гроздья морской капусты, Crambe maritima, пощелкивали подъ ногами; длинными, зелеными прядями лѣпились по мокрымъ камнямъ густыя бороды всякихъ топняковъ и нитчанокъ; розовыя, бѣлыя и голубоватенькія ракушки видѣлись повсюду; ходить было хорошо, но надо было подумать о возвращеніи къ берегу, такъ какъ приливъ, слѣдовавшій непосредственно вслѣдъ за отливомъ, набѣгалъ очень быстро, такъ быстро, что не въ шутку легко можно было быть отрѣзаннымъ отъ земли; кругомъ никого — дѣлай тогда, что хочешь.

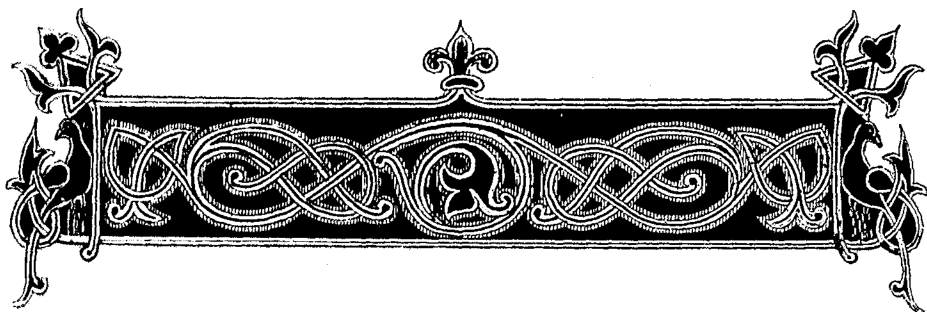
Вечеромъ этого дня Его Высочество посѣтилъ каютъ-компанію, и мы пропѣли Великому Князю хоровую: »Кому чару пить, кому выпивать«, чествуя Высокаго Гостя радушною, идущею отъ русскаго сердца хоровою пѣснью.

Около 9 часовъ утра слѣдующаго дня, 23-го іюня, спущенъ былъ съ »Забіяки« паровой катеръ и вельботъ, и при довольно сильномъ вѣтрѣ направились мы къ обѣднѣ въ Колу. Вельботъ, на которомъ слѣдовалъ Великій Князь, шелъ на буксирѣ пароваго катера. По мѣрѣ приближенія къ Колѣ, заливъ становился все уже, все болѣе похожимъ на рѣку; городокъ выросталъ своими небольшими очертаніями на песчаномъ, обросшемъ сочною травой мысу, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ Туломы и Колы. Долины этихъ рѣчекъ, уходившія вглубь, дѣлили — такъ казалось — Кольскую губу на двое; особенно широкою, уходившею въ холмистую голубую даль, была долина рѣки Туломы; тутъ была цѣлая амфилада горъ. Рѣзче всего бѣлѣла на берегу городская церковь, а за городомъ поднималась между двухъ долинъ гора Соловарака, въ 250 фут. вышины; »вàрака« по фински значитъ скала, гора »сòло« — солнечная. Слѣва отъ нея, выше другихъ, почти противъ города поднималась гора Горѣла. Берегъ былъ усыпанъ народомъ или, лучше сказать, женщинами, такъ что тутъ повторялось то, что было въ Кеми: предъ нами возникалъ изъ воды амазонскій

городъ сѣвернаго побережья, та же пестрота, тотъ же характерный типъ одѣяній, и звонъ колокола, и »ура!«.

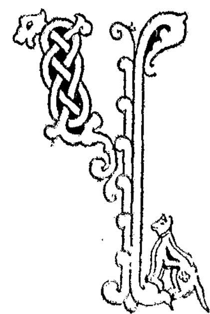
Вотъ мы наконецъ въ самомъ сѣверномъ городѣ Россіи, въ Колѣ. Это древнія, древнія мѣста новгородской жизни, и нѣсколько историческихъ чертъ будутъ нелишними именно на этомъ мѣстѣ.

КОЛА.

Любопытныя историческія данныя. Нападенія англичанъ. Метеорологическія особенности. Репутація Колы. Посѣщеніе церкви. Опять женщины. Видъ города. Кладбище. Гора Салаварака. Лопарская выставка. Пѣсня и пляска. Возвращеніе на »Забіяку« и отплытіе.

уть не семьсотъ лѣтъ тому назадъ основана Кола новгородцами. Въ договорѣ великаго князя Ярослава Ярославича съ новгородцами, еще въ 1264 году, значится, что въ Колѣ управляли мужья новгородскіе. Изъ бояръ новгородскихъ видными владѣльцами здѣсь были Строгановы, что ясно изъ грамоты, данной Печенгскому монастырю. Въ 1500 году былъ тутъ крѣпкій острогъ, отбившій нападеніе шведовъ; онъ служилъ мѣстомъ ссылки. Въ 1590 году шведы разорили Троицкую Печенгскую обитель, основанную въ 1533 году крещенымъ евреемъ Трифономъ, и она перенесена въ Колу, а затѣмъ упразднена. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ снабдилъ несудимыми грамотами проживавшихъ въ Колѣ старцевъ, слугъ и крестьянъ Соловецкой обители. Въ 1664 году Царь Алексѣй Михайловичъ опредѣлилъ сюда стрѣльцовъ и воеводу. При Петрѣ I крѣпостца перестроена, вооружена 53 пушками и снабжена гарнизономъ; при Екатеринѣ II въ ней оставалось только 35 пушекъ, а затѣмъ крѣпость предана разрушенію, но почтенные остатки ея видны кое-гдѣ и до сихъ поръ.

Въ 1809 году Кола испытала характерное нападеніе англичанъ: они послали въ нея со своего флота двѣ шлюпки съ 35 матросами: Кола имѣла тогда гарнизономъ всего 50 инвалидовъ и ни одной пушки. Горожане, завидѣвъ врага, немедленно ополчили

300 человѣкъ и передали начальство надъ ними купеческому сыну Герасимову. Этотъ купеческій сынъ задумалъ было взять англичанъ живьемъ въ плѣнъ, преградивъ имъ отступленіе, но исправникъ (?) Владиміровъ предпочелъ встрѣтить англичанъ иначе и великодушно отдалъ имъ свою шпагу. Часъ спустя по выходѣ на берегъ всѣ англичане были мертвецки пьяны и убрались съ трудомъ, потому что горожане, удалившіеся на гору Салаварака стали мало-по-малу возвращаться; болѣе трезвые изъ англичанъ положили совсѣмъ пьяныхъ товарищей въ кольскіе карбасы и перевезли къ своимъ кораблямъ. Въ 1854 году опять-таки англичане бомбардировали Колу и сожгли 64 дома слѣды чего видны и до сихъ поръ. Все вооруженіе Колы тогда состояло изъ двухъ орудій: у солянаго магазина находилось одно, фальконетъ безъ цапфъ, привязанный къ двумъ бревешкамъ, замѣнявшимъ лафетъ, а у древней башни древнее большое орудіе съ отбитою наискось дульною частью. Но жители все-таки хотѣли защищаться; они нашли эти оба орудія въ Екатерининской гавани и перевезли ихъ съ великими затрудненіями, чтобы дать непріятелю отпоръ. Защитой Колы руководилъ Бруннеръ, о которомъ мы говорили при воспоминаніи о бомбардировкѣ Соловецкаго монастыря. Одна изъ этихъ курьезныхъ пушекъ красуется и теперь подлѣ церкви за оградой.

До 1858 года Кола была городомъ заштатнымъ, затѣмъ уѣзднымъ, потомъ опять разжалована и въ 1882 г. повышена снова въ уѣздные. Съ 1877 г. тутъ есть метеорологическая станція. Здѣшнее обширное лѣсничество — что очень характерно — приноситъ казнѣ всего 5.000 руб. дохода, потому что въ немъ около 8.000.000 тундръ, не производящихъ ничего, кромѣ лишаевъ. Ни больницы, ни аптеки въ этомъ уѣздномъ городѣ нѣтъ; только что утверждена больница на шесть кроватей, но уѣздный врачъ имѣется на лицо.

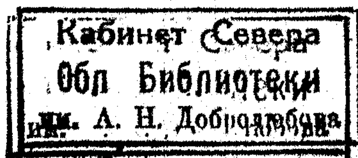
Въ 1867 году архангельскій вице-губернаторъ Сафроновъ нашелъ въ Колѣ, бывшей тогда тоже городомъ уѣзднымъ, »одного чиновника, правившаго должности исправника, городничаго, судьи, казначея и стряпчаго; одну кобылу и одни дрожки«. Видимо недовольный Колой, вице-губернаторъ замѣчаетъ, что »кто же пойдетъ на сѣверъ въ челюсти полюса«? Другія мнѣнія о городкѣ гораздо лучше. Жившій здѣсь довольно долго судебный слѣдо-

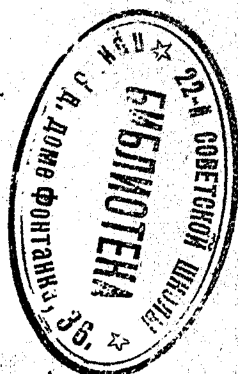
ватель находитъ здѣшній климатъ безъ сравненія лучше петербургскаго, а шведскій профессоръ Вульфсбергъ считаетъ его даже лучше италіянскаго! Съ 13-го ноября по 9-е января солнце здѣсь на горизонтъ не выходитъ и въ пасмурные дни свѣта не бываетъ совсѣмъ, а только сумерки. Съ 20-го мая по 10-е іюля, наоборотъ, солнце съ горизонта не удаляется вовсе. Въ послѣднія зимы холодъ не превышалъ 35½° по Реомюру. Сравнительная рѣзкость въ количествѣ тьмы и свѣта обусловила вѣроятно существованіе поговорки, гласящей о Колѣ: »городъ уда, а народъ крюкъ«; сложилась она безъ сомнѣнія въ тѣ дни, когда большинство маленькаго населенія, не достигающаго тысячи человѣкъ мужчинъ и женщинъ, были сутягами; съ кѣмъ и почему сутяжничали они — необъяснимо. Вообще, если судить по поговоркамъ, репутація Колы очень незавидна: »въ Колѣ съ одной стороны море, съ другой — гора, съ третьей — мохъ, а съ четвертой — охъ!«; »кто въ Колѣ три года проживетъ, того на Москвѣ не обманутъ«. Есть еще и другія поговорки — похуже.

Велико было въ былые годы обиліе рыбы въ Кольской губѣ. Разсказываютъ, будто въ 1825 году жители черпали тутъ сельдей ведрами, а ранѣе того, въ 1777 году, на отмеляхъ обсохло однажды стадо сельдей по колѣно вышиной. Изобильны въ Кольской губѣ, какъ мы говорили раньше, и акулы. По словамъ вице-адмирала Рейнеке, сюда заходило столько акулъ, что сами промышленники молились объ избавленіи ихъ отъ этихъ чудовищъ. Акулъ бывало такъ много, что ихъ по зароку не ловили вовсе, но когда принялись за нихъ снова, то промышленникъ въ одну ночь заработывалъ на 25 руб.; »страхъ забиралъ глядѣть, говорили они, какъ потянутъ двухсаженную рыбу, а другія, окруживъ шняку, десятками высматриваютъ изъ воды, чернѣясь на ея освѣщенной огнемъ поверхности своими чудовищными спинами«. Въ прежнія времена, за недостаткомъ стеколъ, изъ кожи акулъ дѣлали »окончины«. Заходятъ въ Кольскую губу и киты. Г. Кушелевъ очень красиво описываетъ мародерство норвежскихъ китобойныхъ пароходовъ въ нашихъ заливахъ и бухтахъ. По десяти и болѣе пароходовъ вторгаются въ заливъ вслѣдъ за китами: »подводные частые взрывы какъ попавшихъ въ китовъ ядеръ, такъ и ударяющихся въ дно; рѣзкій свистъ пара; шумныя плесканія издыхающихъ китовъ, до пѣны взбивающихъ могучими хвостами и плавниками неглубокія

Лопарь съ болкомъ.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

22-й советской школы
Библиотека
Доме Фонтанка, 36.

воды маленькой бухты; грохотъ и лязганье цѣпей и якорей; визгъ быстро выбираемыхъ талій; крики и возгласы команды; хриплыя команды шкиперовъ; глухой гулъ морскаго прибоя; гудѣніе и свистъ вѣтра въ снастяхъ«. А на берегу? что дѣлается въ это время на берегу? Киты вошли въ бухту вслѣдъ за мойвой; мойва исчезаетъ; промышленники наши остаются безъ наживки, и неудивительны неистовыя причитанія нашихъ мойвенныхъ артелей, предъ глазами которыхъ совершается все описанное.

Кола, какъ центръ китобойнаго промысла нашего, была намѣчена давнымъ-давно. Въ 1723 году иноземецъ Гарцинъ представилъ Петру I проектъ учрежденія китоловной компаніи, и тогда-же велѣно было построить для этой цѣли въ Архангельскѣ 3—4 корабля и отправить ихъ въ главный операціонный пунктъ — Колу. Корабли эти строилъ Баженинъ, и одинъ изъ нихъ назывался »Вальфишъ«. Въ 1803 году, по ходатайству министра коммерціи графа Румянцева, устроена была »Бѣломорская компанія« для сельдяныхъ и китоловныхъ промысловъ; складочнымъ мѣстомъ назначена опять-таки Кола; стоянкой для судовъ — Екатерининская гавань. Въ 1813 году компанія эта прекратила свои дѣйствія.

Изъ коротенькаго очерка прошлаго Колы видно, насколько городокъ этотъ представлялъ интереса. Нашъ паровой катеръ и вельботъ на его буксирѣ не могли подойти къ пристани, устроенной на рѣкѣ Туломѣ, шаговъ на сто разстоянія; тутъ поставленъ былъ на якорь баркасъ, за который мы и придержались. Между баркасомъ и берегомъ Тулома бѣжала очень быстро по мелкому каменистому ложу; пришлось пересѣсть на маленькія лодочки и перемахнуть черезъ стремнину, не менѣе быструю, чѣмъ въ Кеми, но не порожистую. Великій Князь вышелъ на берегъ первымъ и направился немедленно къ церкви, пѣшкомъ, конечно, потому что и тутъ лошадей въ заводѣ нѣтъ. Солнце блистало во всю и небо было глубоко лазурно; синезеленая бухта, такая-же рѣка, кружная панорама горъ, уходившихъ вдаль долиной Туломы, были въ полномъ смыслѣ слова роскошны. Женская толпа, закрывъ отъ насъ Его Высочество отовсюду, отвалила вслѣдъ за нимъ, окружая плотнымъ кольцомъ пестрѣйшихъ одѣяній и златотканныхъ сарафановъ, кокошниковъ и кацавеекъ, называемыхъ здѣсь

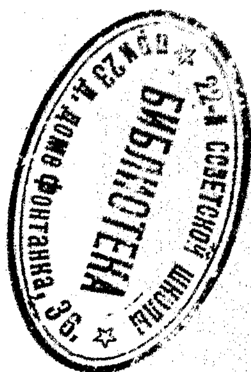
»коротенька«, не имѣющихъ таліи и снабженныхъ массой прямыхъ жесткихъ складокъ, идущихъ, какъ во времена Мареы Борецкой, отъ шеи внизъ, какъ бы полураскрытымъ вѣеромъ. Нѣкоторыя изъ головныхъ, ярко блиставшихъ золотомъ на солнцѣ, кокошниковъ достигали одного фута и болѣе вышины; самостоятельный предметъ украшенія составляютъ здѣсь цѣпи на женскихъ шеяхъ, начиная отъ тонкихъ до грузныхъ серебряныхъ, золоченыхъ, перевитыхъ жемчугомъ. Такъ и вспоминался богатый, древній Новгородъ, прямыми потомками которыхъ являются эти колянки. Существуетъ поговорка: »Кола — бабья воля«, что, по объясненію Подвысоцкаго въ его замѣчательномъ »Словарѣ архангельскаго областнаго нарѣчія«, значитъ, что колянки при крѣпкомъ, дюжемъ тѣлосложеніи отличаются энергіею и крутою самостоятельностью не только въ хозяйствѣ, но и въ морскихъ промыслахъ, управляя нерѣдко судами и ходя до Норвегіи.

Когда толпа отъ берега отвалила, непривычно было намъ видѣть полное отсутствіе надъ нею пыли, обыкновенно окружавшей Великаго Князя столбомъ. Это потому, что вся Кола, невеликая Кола, размѣстилась безъ улицъ, въ разбросъ, и стоитъ на зеленой, сочной муравѣ, выростающей здѣсь на песчаной почвѣ, искони вѣковъ сложенной обѣими рѣками—Туломой и Колой. Жестоко была примята эта трава могучими ножками колянокъ, шедшихъ за Его Высочествомъ, и стоило только слѣдовать этою примятою стезей, чтобы дойти до церкви, видной впрочемъ близехонько и безъ того.

Небольшая каменная городская церковь снабжена луковицеобразнымъ куполомъ и шатровою колокольней и лежитъ въ уровень съ остальными строеніями города, тоже на зеленомъ лугу; куполъ и верхъ колокольни зеленые, стѣны выбѣлены; церковь небольшая, въ два свѣта, съ бѣлымъ деревяннымъ иконостасомъ. Литургія только что началась, и мы отстояли ее, относясь, конечно, довольно снисходительно къ самоучкамъ-пѣвчимъ. Есть въ городѣ и другая церковь, кладбищенская, деревянная; она расположена противъ городской церкви на островку, образуемомъ порогами рѣки Колы; сѣренькая, неподновляемая, она видимо идетъ къ разрушенію, и нижняя часть ея рѣзнаго иконостаса уже выбрана и замѣнена какою-то сѣрою каленкоровою завѣсью. Вокругъ церкви на островкѣ кладбище; есть много старыхъ,

Лопарка съ律 кережкой.

БИБЛИОТЕКА
Фонтанка, 36

даже провалившихся, полуоткрытыхъ, зіяющихъ могилъ; тутъ судя по надписямъ на разбитыхъ, накрененныхъ плитахъ, въ мирѣ почиваютъ древніе исправники и другіе люди, власть имѣвшіе. Перевозъ покойниковъ на этотъ островокъ не всегда удобенъ; въ весеннюю и осеннюю воду рѣка Кола давно уже и не разъ промыла провѣтривающіяся сегодня могилы; въ нихъ вѣроятно и костей не сыскать. Отъ этой церковки очень хорошо видна стоящая надъ Колой гора Соловарка или Соловарака, едва поросшая кустарникомъ, гора довольно простаго, утомительнаго очертанія; слѣва на ней замѣтенъ совершенно гладкій песчаный откосъ, слѣдъ землетрясенія, приключившагося въ 1872 году, въ февралѣ, въ самую мясопустную субботу. Говорятъ, что это было въ 4 часа утра; у надзирателя шелъ плясъ, и подземные удары длились около пяти минутъ. Соловарака дала большой оползень къ рѣкѣ Колѣ и обнажена однимъ бокомъ и до сихъ поръ.

По выходѣ изъ церкви, Его Высочество, направляясь къ дому Хипагина, бывшаго городскаго головы, построившаго въ Еретикахъ церковку, осмотрѣлъ своеобразную выставочку мѣстныхъ предметовъ, устроенную на зеленой муравѣ недалеко отъ церкви. Тутъ была разбита лопарская палатка »куйвакса«, состоявшая изъ жердей, обтянутыхъ парусиной, и населенная обильною семьей лопарей; характерны дѣтскія »зыбки«, маленькія саночки, въ берестовыхъ очертаніяхъ которыхъ, какъ тѣла египтянъ въ муміяхъ, покоятся ребятишки, лежащіе обязательно носами кверху. Тутъ же видѣли мы два главные дорожные санные экипажа: »кережный болокъ«, открытый, и такой же подъ парусиннымъ колпакомъ, называемымъ „волчокъ“; они назначены для ѣзды на оленяхъ и тоже непремѣнно лежа, потому что въ этомъ единственное ручательство вываливаться возможно рѣдко, ѣдучи безъ дороги, а вывалившись не поломаться.

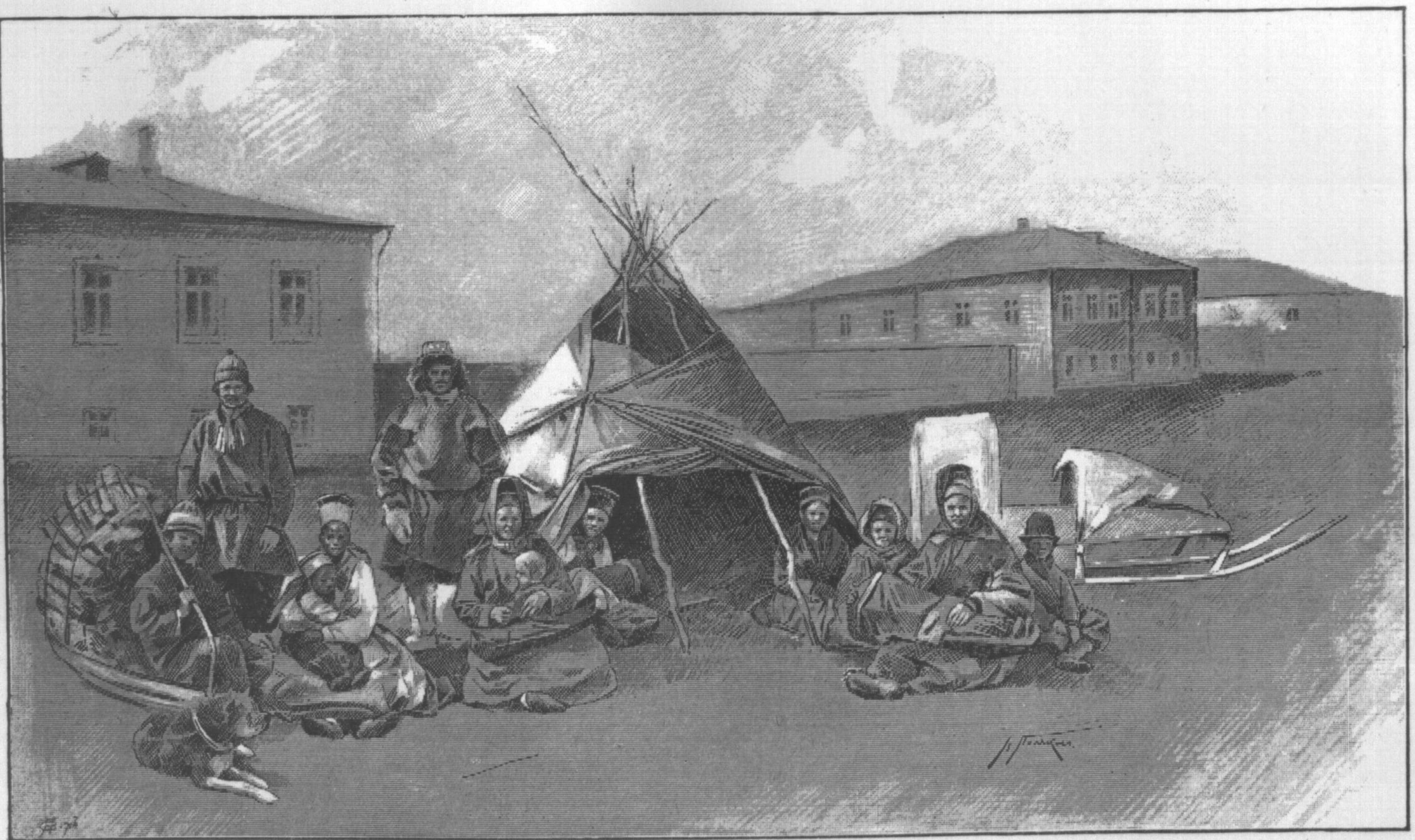
Виднѣлись подлѣ болоковъ и маленькія саночки »кережки«, неразлучныя спутницы пѣшеходныхъ странниковъ, перетаскивающихъ на нихъ необходимые припасы: путникъ идетъ, кережка волочится за нимъ, и если она не опустѣла, то человѣкъ съ голоду не умретъ. Замѣтимъ, что для таскания ихъ, да и вообще въ упряжи, важную роль играютъ здѣсь собаки, которыя и сидѣли подлѣ насъ, впряженныя. Во всей Европѣ, какъ извѣстно, собака не дармоѣдничаетъ; въ одной только Великой Россіи, почему — неизвѣстно,

этою двигательною силой, судя по количеству нашихъ собакъ — колоссальною, не пользуются вовсе. Казалось бы, что нѣкоторыя правительственныя преміи за это нововведеніе были бы совсѣмъ умѣстны и въ крестьянскомъ хозяйствѣ далеко не безполезны.

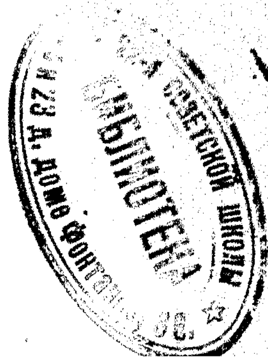
Живой персоналъ выставки — лопари и лопарки всѣхъ возрастовъ были очень разговорчивы, а женщины положительно болтливы, въ особенности одна сорокалѣтняя баба съ муміеобразнымъ ребеночкомъ въ рукахъ. На головахъ русскихъ женщинъ, какъ мы сказали, тутъ обычны кокошники и повязи; на лопаркахъ красуются »шамшуры«, или лопарскія »сороки«; это нѣчто въ родѣ кокошника, но наружной сторонѣ его данъ изгибъ по формѣ головы, вплотную, такъ что вся фигура головнаго убора очень вычурна; сзади твердый остовъ шамшуры переходитъ въ мягкую шапочку, покрывающую затылокъ; цвѣта выбираются самые яркіе; много на нихъ бисеру, бляхъ, пуговочекъ, нанизанныхъ дробинокъ и разноцвѣтныхъ вставокъ сукна.

Въ домѣ Хипагина, лучшемъ во всей Колѣ, при чемъ, надо замѣтить, что тутъ, какъ мы сказали при описаніи Кеми, поморскіе дома тоже хороши, просторны, чисты, насъ ожидалъ небольшой завтракъ, весь цѣликомъ приготовленный изъ мѣстныхъ матеріаловъ; красовались: пирогъ изъ трески, отварная семга, треска запеченная съ картофелемъ; этотъ картофель составлялъ исключеніе и былъ привознымъ; сельдь въ разныхъ видахъ и цѣлый рядъ удивительно вкусныхъ печеній къ чаю, которыя и были уничтожены нами въ достаточномъ количествѣ, потому что свѣжій хлѣбъ былъ для насъ за послѣднее время предметомъ недоступнымъ. Длинные столы едва умѣщали на себѣ всѣ эти пестрыя угощенія. Столъ вообще въ великомъ почетѣ у поморовъ; »не бей стола: столъ — божья ладонь«, говорятъ тому, кто бьетъ по немъ рукою; по столамъ, уставленнымъ передъ нами всякими яствами, сдѣлать это было бы невозможно. — мѣста не хватало.

Особенно удаченъ былъ слѣдовавшій вслѣдъ за угощеніемъ плясъ. На улицѣ или, правильнѣе сказать, на лугу передъ окнами тянулись постоянные хороводы, неслась безконечная пѣсня и подвижная радуга женскихъ нарядовъ отливалась въ солнечномъ блескѣ подъ различные размѣры ея. Особенно ярко поблескивали »глязнецы« — стеклянныя, бусяныя монисты. Было какъ-то странно смо-

К о л а. Выставка. Лопарскій чумъ.

трѣть на этотъ женскій персоналъ въ одиночествѣ, безо всякой примѣси мужскаго. Слова пѣсни, отъ поры до времени доносившіяся четко и рѣзко, сообщали о томъ, что:

У порядняго сосѣда
Собрана была бесѣда,

что въ этой бесѣдѣ принимали участіе съ парнями вмѣстѣ:

Красна-дѣвица несмотрѣнная
Красавица нецѣлованная.

Пѣсня сообщала очень оригинальное приглашеніе:

Сорви мушечку съ меня,
Наложи ты на себя, и т. д.

А представителями этихъ милыхъ дружковъ, срывающихъ мушечки, являлись возрастные старики, давно выслужившіе всякіе пенсіоны, и дѣти, никакихъ правъ ни на какіе пенсіоны не имѣющіе. Все мужское населеніе было въ морѣ за дѣломъ, за трудомъ.

Но лучше всего плясалось въ самомъ домѣ. Его Высочество сидѣлъ на диванѣ въ небольшой угловой комнатѣ, ярко залитой солнечнымъ свѣтомъ; въ сосѣдней съ нею, тоже небольшой, въ два окна, шелъ плясъ, видный съ дивана, уже не хороводный, а такъ-сказать детальный. Маленькій домъ могъ вмѣстить въ себѣ только очень немногихъ; по крутой лѣстницѣ его стояли вплотную колянки, еле-еле давая дорогу проходившему; еще тѣснѣе было въ комнатѣ, такъ что мѣсто для плясавшихъ очищалось съ трудомъ. Очень мѣшалъ и закусочный столъ, занимавшій чуть-ли не четвертую часть пространства. Тутъ, на глазахъ Великаго Князя, плясали только по именному приглашенію хозяина; изъ толпы были вызваны кто получше, да понаряднѣе. Тѣхъ, что понаряднѣе, было много, оказалось бы и еще больше, но тѣхъ, что лучше... вообще женская красота повидимому не цвѣтетъ на нашемъ сѣверѣ, въ тѣхъ двухъ женскихъ городахъ по крайней мѣрѣ, что мы посѣтили.

Плясали прежде всего »шестерку«; плясали: шкиперъ, врачъ метеорологъ и три колянки подъ быстрый тактъ пѣсни:

Ты хорошая моя, распригожая моя!

Всѣ участники вертѣлись подлѣ одного центра, давая другъ другу руки, поочередно правую и лѣвую, словно гуляя, изображая нѣчто въ родѣ безконечнаго »шэна« нашихъ французскихъ

кадрилей. Другой плясъ назывался »крестомъ«: тутъ тоже подаванiе рукъ, но только не по кругу, а по кресту, одна пара сквозь другую. Женщины плясали, опуская очи и только изрѣдка вскидывая ихъ по направленiю къ Великому Князю, любовавшемуся пляской изъ сосѣдней комнаты, съ дивана, сквозь растворенную настежь дверь; вьюнами вертѣлись одни подлѣ другихъ цвѣтные шелковые сарафаны, шурша и поблескивая, а всякiя цѣпи, поднизи и монисты на женскихъ шеяхъ постукивали одна о другую въ тактъ быстро уносившейся, подобно стремнинамъ сосѣднихъ рѣкъ, пѣснѣ. Одна изъ сорокалѣтнихъ матронъ, плотная, головой выше другихъ, въ богатомъ нарядѣ, долго подпѣвавшая со стороны, не выдержала и, помахивая платочкомъ, поплыла своевольно въ »крестъ«; слова пѣсни тѣмъ временемъ шли впередъ и становились все бойчѣе:

Мнѣ пуховая перина
Показалась жестока...

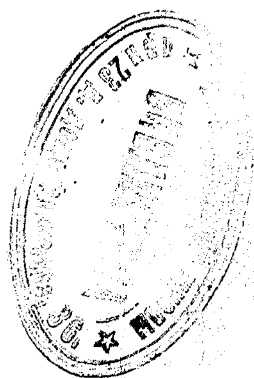
Матрона выплясывала чудесно, и чего не брала она свѣжестью щекъ и плечъ, то съ избыткомъ вознаграждала огненностью, искренностью всего своего явленiя. Въ юности была она несомнѣнно очень хороша.

Пляска пляской, а разспросы разспросами. Много сообщено было Его Высочеству любопытныхъ мѣстныхъ свѣдѣнiй о Колѣ и ея значенiи для всего сѣвернаго побережья. Много было говорено объ оленеводствѣ, какъ объ одной изъ главнѣйшихъ отраслей мѣстнаго хозяйства; многотысячныя стада оленей уже отошли въ былое, а бѣлаго моха, ягеля, нужнаго для ихъ прокормленiя, растетъ столько же, если не больше. И тутъ опять, какъ при многихъ случаяхъ, черный призракъ чернаго норвежскаго рома побѣждаетъ слабаго лопаря: лопарь пьетъ не въ мѣру, теряетъ способность сообразительности, и случается, что олень идетъ чуть-ли не за стаканъ одуряющаго питья.

Возвратился Его Высочество къ своему вельботу тѣмъ же путемъ, въ той же толпѣ и при тѣхъ же звукахъ пѣсни. Вѣтеръ тѣмъ временемъ крѣпчалъ очень быстро и задулъ прямо съ сѣвера. Отъ »Забiяки« сюда ѣхали мы полтора часа; теперь противъ вѣтра, иногда усиливавшагося до шкваловъ, мы должны были пройти гораздо больше. Паровой катеръ и вельботъ ныряли въ брызгахъ, по волнамъ, настолько сильно, что ко

Колянка за станиной.

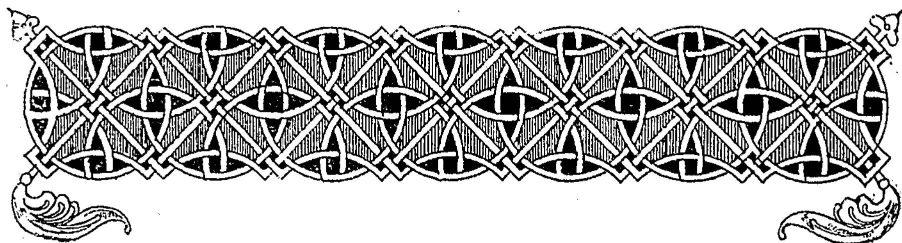

времени прибытія нашего на клиперъ всѣ мы были мокры съ головы до ногъ и великое наслажденіе доставило намъ — осушиться.

Было около 5-ти часовъ пополудни, когда раздались обычныя предъ снятіемъ съ якоря команды. Началось съ подъема катера и вельбота: »Тали заложить! Слабину выбрать! Пошелъ тали! Стопъ тали! Стопора положить! Тали травить! Брось тали! Тали убрать«! и оба маленькія суденышка, привезшія насъ изъ Колы были уже на клиперѣ и прибинтованы къ нему самымъ прочнымъ образомъ; паровая машина катера поднята была отдѣльно. Затѣмъ слѣдовали обычные: »Канатъ на шпиль! Пошелъ шпиль! Всталъ якорь! Чистъ якорь! Закладывать катъ! Травить канатъ! Пошелъ катъ! Фишъ заложить! Пошелъ фишъ«!

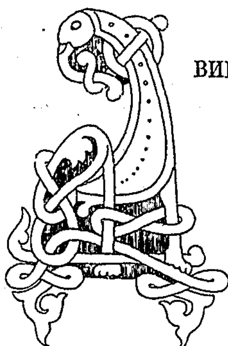
Съ этими послѣдними словами судно свободно и можетъ идти. На этотъ разъ намъ предстоялъ очень длинный переходъ. Такъ какъ путь къ Новой-Землѣ былъ для насъ закрытъ окончательно, Великій Князь рѣшилъ посѣтить городъ Мезень, не входившій прежде въ общую программу путешествія. Была любопытна Кола, но и Мезень не менѣе ея. Предстояло пройти вновь вдоль всего Мурмана, перерѣзать Бѣлое море поперекъ и очутиться сразу въ самомъ восточномъ, самомъ отдаленномъ изо всѣхъ его заливовъ.

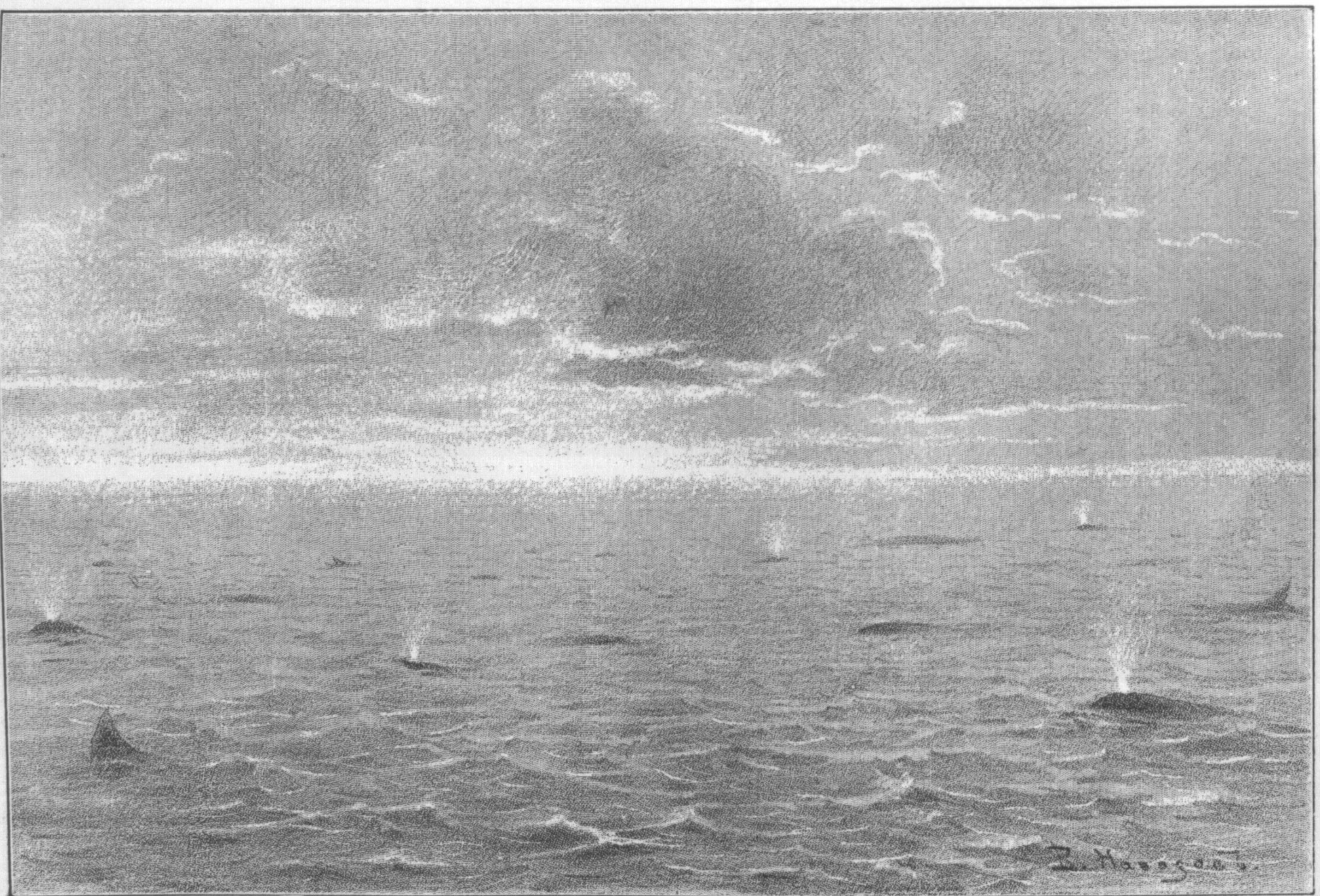
Обратный путь вдоль Мурмана.

Происхожденіе его имени. Словарь морскихъ выраженій. Матросскія игры. Мытье клипера. Двигающіеся островки чаекъ. Какъ дерутся киты съ касатками. Ночь на Ивановъ-день. Полуночное солнце во всемъ его блескѣ.

винулись мы въ путь ровно въ 5 часовъ пополудни, 23-го іюня, наканунѣ Иванова-дня; оставляя Кольскую губу, мы поклонились еще разъ, проѣзжая мимо, Екатерининской гавани и, пожелавъ ей воскреснуть, направились въ океанъ. Опять поднялся передъ нами столообразный островъ Кильдинъ, опять возникли жилистыя, суровыя скалы Мурмана. Между Кильдинымъ и Кольскою губой побережье какъ будто голѣе, изможденнѣе, многострадальнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Отсюда на западъ, какъ мы сказали, побережье, по направленію къ Норвегіи, становится выше, извилистѣе, красивѣе, взломаннѣе; по пути къ Бѣлому морю на востокъ оно монотонно, утомительно-однообразно; тутъ на раздѣлѣ обѣихъ частей Мурмана словно выскочилъ изъ моря совершеннымъ особнякомъ геологически-странный островъ Кильдинъ; здѣсь въ тѣ дни, когда слагались горы, были слѣдовательно встрѣчи какихъ-то различныхъ силъ, различныхъ вліяній и шелъ большой допотопный споръ.

Такъ какъ солнце свѣтило влѣво отъ насъ, то гранитный Мурманъ, находившійся вправо, вытягивался весь розовый, даже нѣжный; полосы снѣга были на немъ совершенно бѣлыя; берегъ казался тигристымъ. На плоскомъ песчаномъ подножьи Кильдина, словно пріютившись къ подножію его, лежалъ выкинутый на берегъ

Киты подлѣ св. Носа.

22-й СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ
БИБЛИОТЕКА
Фонтанка, 36.

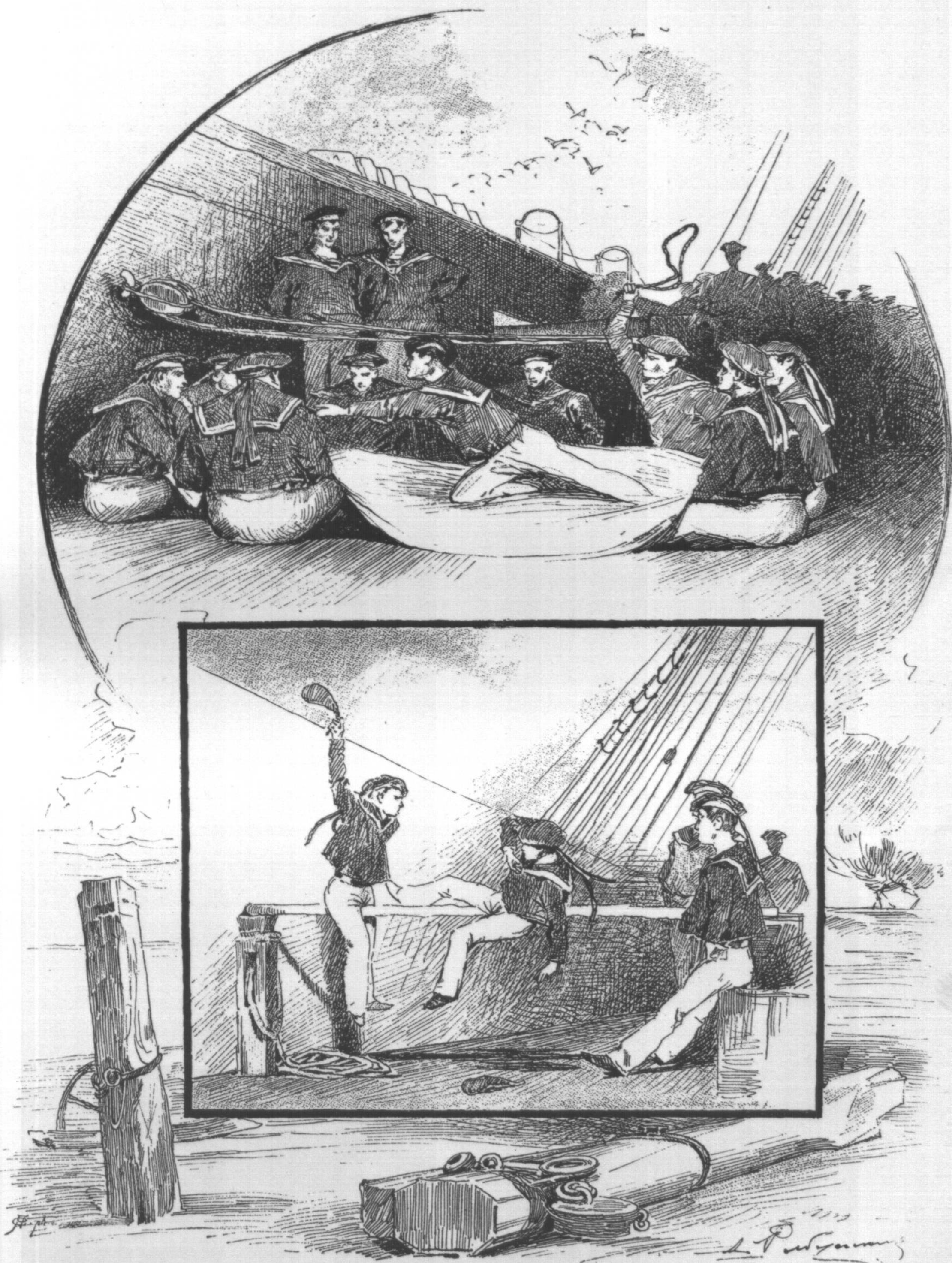
пароходъ. Онъ былъ похожъ издали, какъ двѣ капли воды, на видѣннаго нами въ Арскомъ заводѣ кита, до его прободенія: толстый, раздутый, съ тою только разницей, что китъ былъ какъ смоль черный, днище же парохода сіяло яркокраснымъ цвѣтомъ, киноварью. Что это за пароходъ? слѣдъ ли бури, своя ли оплошность? во всякомъ случаѣ кусочекъ какой-то драмы. Издали было видно, что подлѣ берега, подлѣ краснаго покойника, шныряли какія-то суденышки: ужь не пираты ли это какіе, думалось невольно, обрадовавшіеся легкой, даровой наживѣ? Тутъ, такъ далеко отъ какого бы то ни было общественнаго центра, всякій крикъ, всякій голосъ, даже голосъ требующей помощи пушки, заглохнетъ, испугавшись безпредѣльности, и прозвучитъ напрасно.

Отошли мы отъ Кильдина, и потянулся подлѣ насъ Мурманъ нескончаемою, однообразною стѣной. Конечно, это однообразіе только кажущееся, потому что всякая безпредѣльность непремѣнно однообразна. Названіе Мурманъ безъ сомнѣнія не русское, но какое? Если придерживаться лопарскихъ словъ, то будетъ такъ: мюръ — море, маннъ — луна, миннъ — наше, слѣдовательно — Лунное, или Наше море; если придерживаться норвежскихъ, то выйдетъ немножко иначе: муръ — мать, маннъ — человѣкъ, то-есть мать — кормилица человѣка, въ чемъ норвежцы вполнѣ справедливы, выражая этимъ заслуги океана относительно своей страны и вспоминая гостепріимство всѣхъ русскихъ водяныхъ пажитей, не только отдаленныхъ отъ берега, но даже и въ узенькой чертѣ каботажнаго плаванія. Норвежцы, поселяющіеся на нашемъ берегу, пользуются многими льготами; въ виду постоянной любезности нашей и хлѣбосольства, можетъ быть, слѣдовало бы подумать о томъ, нельзя-ли прибавить имъ еще чего-нибудь?

Роскошенъ и тепелъ проходилъ день предъ Ивановымъ днемъ, и на клиперѣ только и было работы, что людямъ, занятымъ у машины. Всегда перемазанные сажей, они составляютъ совсѣмъ особую статью въ рядахъ остальнаго, очень часто моющагося, изъ любви къ водѣ, персонала. »Духи долой«! кричитъ иногда вахтенный офицеръ, когда нѣсколько человѣкъ выпачканныхъ машинныхъ выползутъ на палубу, чтобы дохнуть свѣжаго воздуха, выползутъ какъ разъ по срединѣ клипера, въ самомъ узкомъ и бойкомъ мѣстѣ, и мѣшаютъ проходу. Черные духи по командѣ немедленно прячутся, до тѣхъ поръ, пока не выпол-

зутъ потихоньку опять. Вообще надо замѣтить, что своеобразный словарь всякихъ морскихъ кличекъ, прибаутокъ, выраженій очень характеренъ; онъ очень часто любитъ смѣшивать, какъ бы кувыркать настоящій смыслъ словъ; напримѣръ: »живо копайся«! (какъ это можно дѣлать что-либо »быстро-медленно«? думаете вы) или: »вались на верхъ«! (собственно говоря, валить можно только книзу). Если вы услышите распоряженіе: »заложить на одну, на двѣ закуски«, то вамъ и въ голову не придетъ догадаться, что дѣло касается поднятія люка на ту или другую высоту. Очень жаль, что въ короткое пребываніе наше на клиперѣ не удалось ознакомиться болѣе подробно съ этимъ характернымъ словаремъ.

За то ознакомились мы съ нѣкоторыми изъ матросскихъ игръ, и хорошій день нашего обратнаго плаванія къ Святому-Носу вызвалъ эти игры на палубу. Не совсѣмъ пріятна для многихъ игра »шей-пошивай«. Во всякой воинской командѣ есть непремѣнно свои Золушки, свои замарашки, почему-либо недолюбливаемые другими или наоборотъ очень любимые, но служащіе вѣчнымъ предметомъ подтруниваній, смѣха, остротъ; послѣднее достается обыкновенно на долю робкихъ людей, скромниковъ разныхъ сортовъ, въ особенности если эти скромники почему-либо Тартюфы, чего у насъ ужасно не любятъ: робость и тартюфство — нѣчто совершенно неподходящее русской натурѣ, и это вездѣ, во всѣхъ войскахъ сухопутныхъ и морскихъ, отъ западной границы вплоть до батальоновъ Владивостока. »Шить-пошивать«, »шубу шить« очень просто: человѣкъ пятнадцать садятся на палубу въ кружокъ, вплотную одинъ къ другому, лицами въ кругъ; на ноги къ нимъ кладется парусъ; руки всѣхъ сидящихъ спрятаны подъ него, и на этотъ-то парусъ приглашается, какъ на Прокрустово ложе, одинъ изъ желающихъ или принуждаемыхъ. На весь кругъ полагается одинъ жгутъ, очень прочный и выразительный вовсе не на шутку; жгутъ идетъ подъ парусомъ по рукамъ, щелкаетъ по сидящему сверху паруса и тотчасъ же прячется и передается. Надо поймать жгутъ. Два раза подрядъ притащила команда какого-то хмураго матросика, кажется Попова; доставалось ему невыразимо; искать жгута онъ не умѣлъ, боялся; однажды даже убѣжалъ, но съ громкимъ смѣхомъ возвращенъ назадъ и принялъ крещеніе преобильное; ему дѣйствительно сшили шубу. Другой

Матросскія игры на „Забіякѣ“.

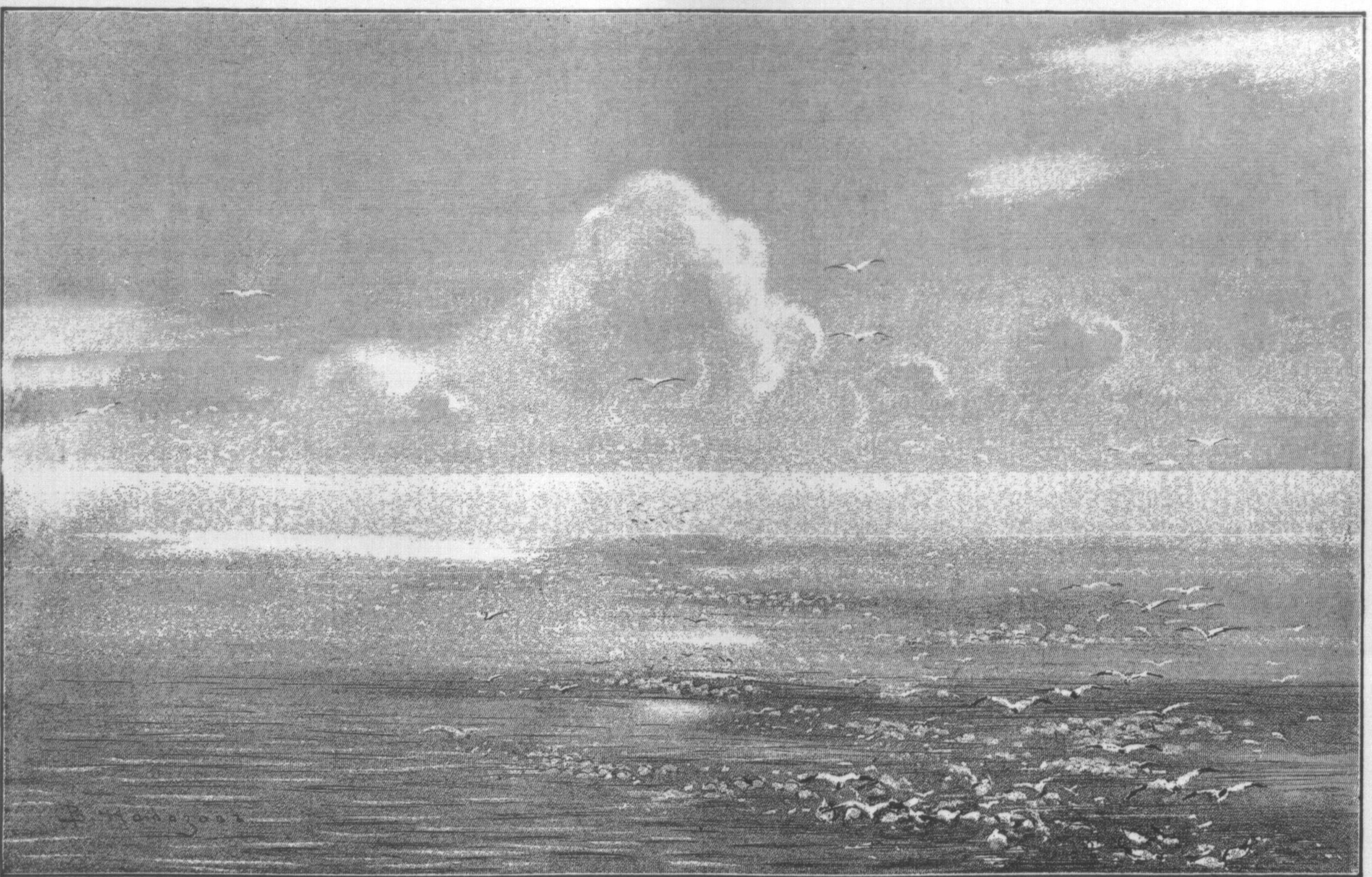
матросикъ самъ вызвался вмѣсто убѣжавшаго; это былъ паренекъ невысокій, юркій, смѣлый и чрезвычайно оживилъ игру. Стегали его до невозможности; какъ кошка или вьюнъ перебрасывался онъ по парусу, и любо ему было принимать на себя безсчетные удары. Баня была препорядочная; но всему кругу бившихъ его товарищей была сообщена такая подвижность, такъ они были наэлектризованы паренькомъ, что парусъ гулялъ надъ матросскими руками настоящимъ ходуномъ. Весело было смотрѣть на этого вьюна; изъ такихъ людей на поляхъ сраженій выходятъ у насъ чудодѣи и охотники; и что любопытнѣе всего, такъ это то, что удары получалъ онъ только по должнымъ и подходящимъ мѣстамъ, тогда какъ несчастному Попову угораздили много разъ въ лицо, и онъ, подъ громкій смѣхъ и посвисты, сошелъ съ паруса съ прослезившимся правымъ глазомъ.

Другая игра основана тоже на битьѣ, но только совсѣмъ иначе. Протянута жердь; на жерди верхомъ сидятъ двое матросовъ другъ противъ дружки; у каждаго въ правой рукѣ по мѣшку, набитому волосомъ или пробкой; лѣвая рука должна быть на отвѣсѣ и къ жерди не прикасаться. Удары наносятся мѣшками въ лѣвую сторону противника; нерѣдко для большей силы удара мѣшокъ раскачивается самымъ прилежнымъ образомъ. Получившій ударъ долженъ усидѣть на тонкой жерди, что чрезвычайно трудно; иногда валятся оба противника вмѣстѣ, и тогда смѣхъ окружающихъ становится гомерическимъ; большею частью летятъ съ перваго удара; выдержать два, три — уже великое искусство; но нашелся одинъ такой герой, что не поддавался рѣшительно никому и валилъ своихъ противниковъ неустанно; чѣмъ держался этотъ матросъ, что за клещи у него ноги — и представить себѣ нельзя; видимо, что досада разбирала товарищей, и одинъ лѣзъ на смѣну другому, разсчитывая на успѣхъ, но напрасно. Побѣдитель такъ-таки и остался побѣдителемъ и съ выраженіемъ неописуемой тріумфаторской гордости слѣзъ съ жерди самъ.

Третья игра — это доставаніе монеты ртомъ съ твердой поверхности, на этотъ разъ съ палубы. Насколько въ тѣхъ двухъ играхъ шума и гама, настолько эта молчалива и сосредоточена. Работа губами и языкомъ по довольно пестрой поверхности палубы требовала значительной рѣшимости, и она имѣлась у всѣхъ участниковъ игры.

Можетъ быть послѣдствіемъ ея было то, что къ вечеру начальствомъ приказано было приступить къ мытью палубы. »Забіяка« удивительно чистоплотенъ и мытье палубы составляло занятіе не то, чтобы очень рѣдкое. Для насъ это было всегда очень непріятно, потому что обильно заливаемая водой справа и слѣва палуба клипера становилась совершенно недоступною для ходьбы въ обуви; матросы, всѣ босые, вооружались щетками всякихъ калибровъ и формъ, скребли, терли, полоскали, шлепали ногами по водѣ; кое-гдѣ дѣйствовала тряпка, гдѣ и скребокъ. Обширная прачечная не нуждалась въ водѣ, и видимо было, какъ струи океанской воды, почти черныя въ началѣ мытья, возвращались подъ конецъ въ шпигаты совершевно свѣтлыми, прозрачными. Къ вечеру работа эта была окончена, и раздалось приказаніе: »койки брать!«; это всегда одно изъ послѣднихъ пріятныхъ приказаній склоняющагося дня; койки, свернутыя и поставленныя торчкомъ вдоль бортовъ, закрывающія съ палубы всякій видъ на море, исчезаютъ съ этихъ мѣстъ, чтобы пойти исполнить свое ближайшее назначеніе.

Это приказаніе свидѣтельствовало о томъ, что приближалась ночь; на самомъ дѣлѣ этого не было замѣтно вовсе. Свѣтлы были очертанія Мурмана, свѣтло и сине море, и солнце, не задергиваемое ни единымъ облачкомъ, катилось по небу вполнѣ лучезарнымъ. За снятіемъ коекъ слѣдовала молитва, и на клиперѣ стало сравнительно потише. Тогда одна изъ оригинальныхъ картинъ морской жизни нашего сѣвера не замедлила выясниться во всей своей кажущейся невѣроятности. Много толковали и печатали о томъ, будто разная болѣе мелкая рыба ходитъ иногда по Сѣверному морю такими юрами или косяками, что образуются будто бы цѣлые островки, что островки эти обладаютъ способностью самовольнаго передвиженія, и что морская птица, отличающаяся большимъ прожорствомъ, не должна летать надъ водой, выжидая минуты для того, чтобы клюнуть ту или другую жертву свою, а попросту садится на эти острова, ходитъ по нимъ и поклевываетъ. Этого счастливаго воплощенія птичьей страны съ кисельными берегами и молочными рѣками намъ видѣть не удалось, но нѣчто подобное совершилось предъ нашими глазами. По обѣимъ сторонамъ клипера, въ недалекомъ отъ него разстояніи и нисколько насъ не пугаясь, виднѣлись цѣлые

Острова чаекъ.

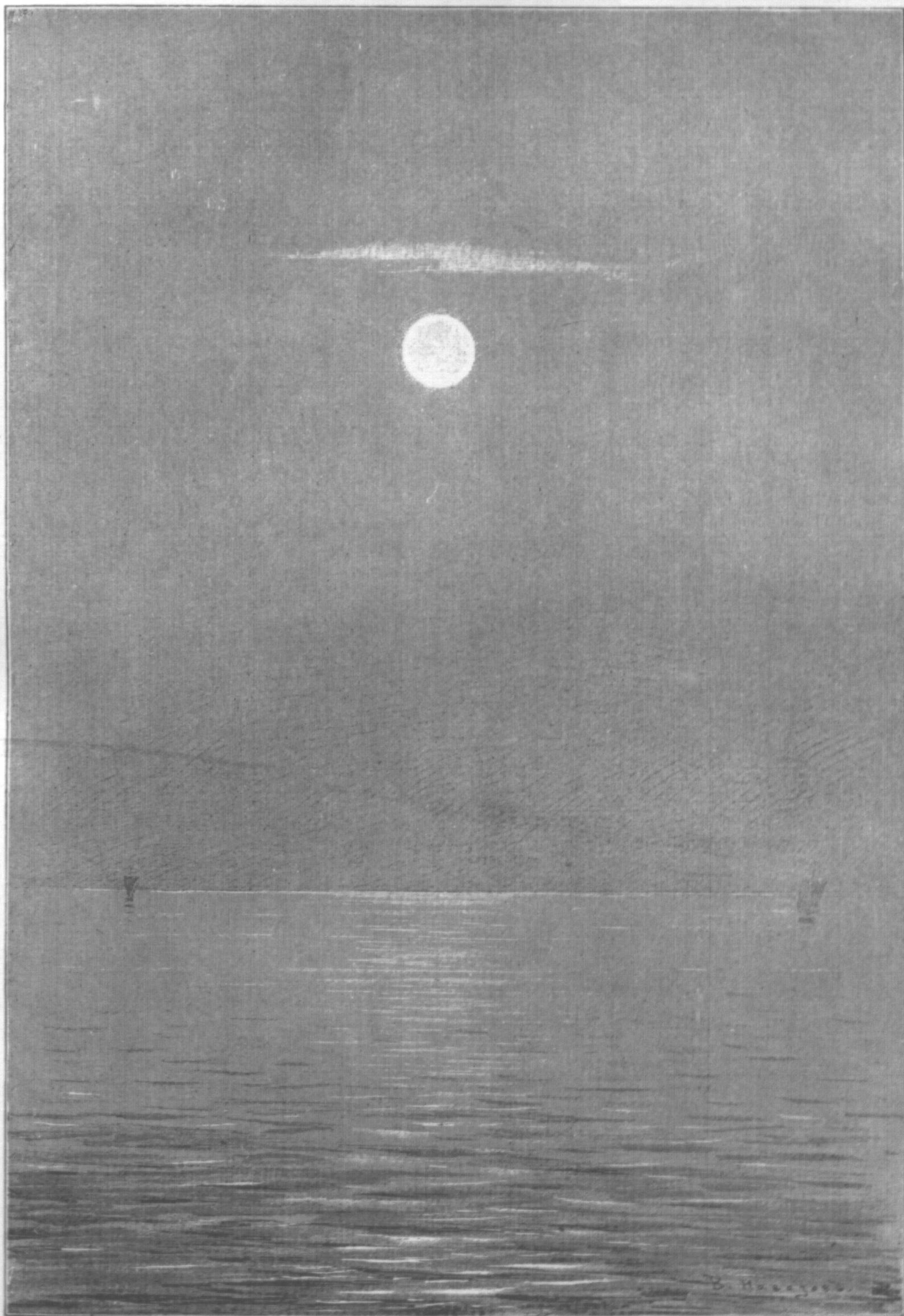
островочки чаекъ; этихъ бѣлыхъ островковъ плавало нѣсколько, и количество чаекъ, изъ которыхъ они состояли, было неисчислимо велико. Мѣстные люди сообщили намъ, что это явленіе довольно обыкновенное, что несомнѣнно тутъ проходитъ въ настоящую минуту какой-нибудь сортъ рыбешки, что она идетъ по самой поверхности почти плотною сбившеюся массой, и чайкамъ раздолье наслаждаться вволю, во всю свою прожорливость. Такихъ юровъ или косяковъ рыбы нашимъ поморскимъ слабенькимъ неводомъ не осилить, а если бы и осилили, то остается, вслѣдствіе недостатка и дороговизны соли, сдѣлать то, что сдѣлано было въ 1884 году въ Кандалакской губѣ съ сельдью: милліоны вкусныхъ особей преданы были гніенію и долгое время заражали воздухъ мѣстнаго побережья.

Ночь на Ивановъ-день наступила ясная, безоблачная, при полнѣйшемъ штилѣ въ водѣ и въ воздухѣ. »Море слосѣло«, говорятъ поморы. Яркое солнце катилось въ небѣ какъ ни въ чемъ не бывало и бросало по палубѣ »Забіяки« хотя и длинныя, но все-таки рѣзкія тѣни. Въ эту ночь, какъ извѣстно, совершаются на матерой землѣ чудеса, ищутъ чудодѣйнаго папоротника и разрывъ-травы; само полуночное солнце было чудомъ для людей къ нему непривычныхъ; какъ было не вѣрить въ возможность увидѣть одну изъ величественнѣйшихъ картинъ Сѣвернаго моря, картину боя китовъ съ касатками! По мѣрѣ приближенія нашего къ Святому-Носу киты начали показываться снова и въ количествѣ гораздо болѣе значительномъ, чѣмъ прежде. Хотя никто не возьметъ на себя смѣлость сказать, что плавающихъ китовъ, шмыгающихъ одновременно съ разныхъ сторонъ, счесть можно, но приблизительная вѣрность допускается: одновременно видѣли мы до тридцати китовъ. Такъ какъ море было безусловно спокойно и облито сильнымъ боковымъ солнечнымъ свѣтомъ, то прогулки китовъ были виднѣе, чѣмъ при первомъ проходѣ нашемъ этими же мѣстами въ туманъ и дождь, въ надвигавшійся штормъ. Темныя массы ихъ вырисовывались рѣзче; фонтаны казались, благодаря замѣтному паденію ихъ брызговъ въ тихую воду, гораздо продолжительнѣе, выше, гуще, и такъ какъ китовъ гуляло несравненно больше, то картина представлялась дѣйствительно очень красивою.

Что если бы, такъ думалось, какъ одно изъ чудесъ Ивановой ночи, да на это стадо китовъ напали касатки? Касатка или ка-

сатикъ — Orca gladiator, Balaena rostrata, это злѣйшій врагъ кита, хотя и свойственникъ его по зоологическимъ и біологическимъ даннымъ; вражда этихъ свойственниковъ воднаго царства такова же, какъ вражда между собакой и волкомъ. Касатка-гладіаторъ, уничтожающая не одну сотню китовъ въ теченіе года, быстра, юрка и смѣла до невозможности. Если нѣсколько касатокъ — говоритъ г. Кушелевъ — увяжутся за китомъ, то спасенія для него нѣтъ никакого; какъ бы ни отбивался онъ своимъ могучимъ хвостомъ, каждая хватка ловкой и гибкой касатки ея какъ сталь крѣпкою и острою челюстью наноситъ киту зіяющую рану и кровь льется потоками. Сопѣніе, оглушительный плескъ и частые удары обезумѣвшаго кита отчетливо раздаются надъ океаномъ, и бой слышенъ за нѣсколько верстъ, нарушая общую тишину рѣдкихъ штилей полярныхъ широтъ. Если касатки одолѣютъ, онѣ объѣдаютъ весь жиръ кита, но не трогаютъ мяса. Побѣда касатокъ несомнѣнна, развѣ что ошалѣвшій отъ боли и страха китъ, если бой происходитъ вблизи берега, выбросится на берегъ. Г. Михайлову удалось видѣть вѣроятно подобнаго несчастнаго кита въ Керети на Бѣломъ морѣ. Выброшенный на берегъ китъ — собственность ближайшихъ селеній, и Керетское общество заработало тогда въ одну недѣлю большія деньги; крестьяне быстро обрубили, срѣзали жиръ и тутъ же вытопили. Огромныя ребра кита, на половину занесеннаго пескомъ, торчали изъ-подъ воды, точно бока разбитаго корабля. Китъ этотъ былъ еще живъ, когда къ нему приступили съ топорами. Въ Иванову-ночь все было у насъ подъ рукой: полярная широта, штиль, океанъ, цѣлое стадо китовъ, не хватало только касатокъ, и мы лишены были возможности полюбоваться одною изъ множества чудеснѣйшихъ картинъ жизни Ледовитаго океана.

За то Иванова-ночь дала намъ полную возможность увидѣть наконецъ ни разу не сіявшее намъ полуночное солнце во всемъ его величіи. Когда стрѣлка часовъ подходила къ двѣнадцати, Великій Князь находился на палубѣ. Кромѣ немногихъ лицъ, сопутствовавшихъ Его Высочеству, двухъ офицеровъ на мостикѣ, рулевыхъ у руля и часовыхъ, не было никого, и вся не особенно широкая палуба »Забіяки« казалась совершенно пустою, сравнительно съ дневнымъ ея оживленіемъ. Небо сіяло совершенно чистое, и только надъ самымъ солнцемъ нависало одно неболь-

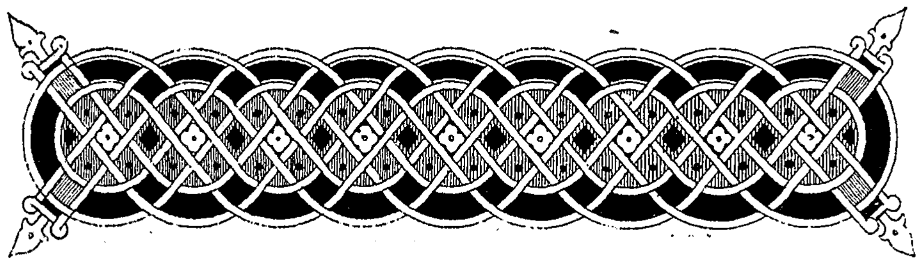

Полуночное солнце.

шое, но длинное облачко, ярко озлащенное снизу. Въ самую полночь солнце не дошло до горизонта на шесть или семь солнечныхъ діаметровъ. Оно было ярко, но могло быть созерцаемо, хотя и вызывало въ глазахъ множество бѣгавшихъ, сбивавшихъ одна другую, огневыхъ точекъ. Края его лучились золотистымъ пурпуромъ, такъ что оно казалось окруженнымъ искрившимся, будто кипѣвшимъ, краснымъ кольцомъ. Красноватъ былъ также и столбъ отраженія солнца въ океанскихъ волнахъ, которыя если и блестѣли, то не давали того аквамариннаго цвѣта, который такъ хорошъ, такъ глубоко бархатенъ днемъ. Эти отраженія солнца и луны столбами въ водѣ называются у поморовъ »гралицы«. Палуба »Забіяки« и все, что на ней находилось: люди, орудія, снасти, рубки — все это обливалось отнюдь не розовымъ свѣтомъ утра, но какимъ-то красноватымъ, неспокойнымъ сіяніемъ. Тѣни были далеко не рѣзки, не черны, а какъ бы сѣроваты; онѣ тоже будто мерцали тою же краснотой и этимъ какъ бы роднились со свѣтовыми поверхностями тѣхъ предметовъ, отъ которыхъ падали.

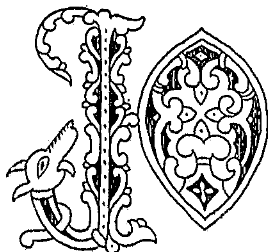
Едва только сталъ замѣтенъ подъемъ солнца, что состоялось немедленно послѣ полуночи, намъ не оставалось ничего лучшаго какъ пойти успокоиться. Около 10 часовъ утра предстояло »Забіякѣ« быть у Святаго-Носа и грузиться углемъ близъ Іоканскихъ острововъ. Это одна изъ тѣхъ гаваней, которая, вѣроятно, имѣетъ большую будущность и о которой мы упоминали.

ІОКАНСКАЯ ГАВАНЬ.

Ея качества и важное значеніе. Необходимость рѣшить вопросъ. Мурманское общество пароходства. Пароходство по Сѣверной Двинѣ. Ихъ недостатки. Особенности очертаній мурманскихъ скалъ. Фауна океанской воды. Румбическія названія вѣтровъ у поморовъ. Отплытіе въ Мезень.

жный вѣтерокъ чуть-чуть рябилъ поверхность океана, когда, въ Ивановъ день, 24-го іюня, около 8-ми часовъ утра, съ »Забіяки« замѣтили утесистыя очертанія Святаго-Носа и маякъ на немъ, но Іоканскихъ островов, которые должны были пріютить насъ и лежать къ западу отъ него, то-есть ближе къ намъ по пути, видно не было. Океанская гладь подступала — такъ казалось — къ утесистому подножію далекаго маяка, и никакихъ островов на ней не замѣчалось. Карта между тѣмъ говорила противоположное, и дѣйствительно, мало-по-малу, сначала черточками, потомъ небольшими возвышеніями начали они обозначаться одинъ за другимъ. И выплыли они изъ воды будто вдругъ; тумана не было никакого, солнце горѣло полнымъ блескомъ. Едва только стали ясны ихъ приземистыя глыбы, какъ »Забіяка« уменьшилъ ходъ, потому что, не смотря на ясность голубаго дня и тишину моря, отыскать путину одного изъ проходовъ было нелегко. Это, безспорно, недостатокъ гавани въ которую мы направлялись, но одинъ изъ тѣхъ легко устранимыхъ недостатковъ, о которомъ, при существующихъ средствахъ иллюстрированія береговъ маяками, башнями, створами и т. п., не можетъ быть и рѣчи.

Іоканскихъ острововъ числомъ семь, но только пять изъ нихъ участвуютъ въ образованіи гавани, имѣющей длины около шести миль, въ которой, согласно мнѣнію Рейнеке, »многочисленный флотъ можетъ расположиться весьма покойно«. На Іоканскій рейдъ ведутъ два прохода: одинъ — сѣверозападный, между островомъ Чаичьимъ и материкомъ, въ 350 саж. ширины, и восточный, въ 800 с. ширины, между островами Сальнымъ и Медвѣжьимъ. Мы направлялись къ послѣднему, безусловно лучшему. Пройдя самою срединой его, мы повернули къ югу и тотчасъ же бросили якорь, невдали отъ парохода Мурманскаго общества »Чижовъ«, ожидавшаго насъ здѣсь для снабженія углемъ. Стоянка наша, какъ для этой операціи, такъ и для возстановленія трехъ трубокъ въ холодильникѣ, лопнувшихъ вслѣдствіе значительной солености воды, должна была продлиться нѣсколько часовъ.

Видъ на гавань былъ очень красивъ. Къ югу высились скалы берега, образуя нѣсколько углублявшихся декорацій къ устью рѣки Іоканки; къ востоку ясно очерчивался маякъ Святаго-Носа и помѣщенія команды, при немъ находящейся; съ сѣвера и запада прикрывали отъ насъ океанъ невысокіе гранитные острова, Сальный и Медвѣжій, такъ что мы находились въ полномъ смыслѣ слова въ каменномъ кольцѣ; по недалекимъ островамъ и по синей водѣ гавани перепархивало множество утокъ, чистиковъ, баклановъ, чаекъ; глубоко внизу, подлѣ клипера, гуляла всякая рыба, отпугиваемая, а отнюдь не приманиваемая, какъ это бываетъ съ болѣе образованною рыбой, всякимъ брошеннымъ въ воду предметомъ. Нѣсколько крестовъ и каменныхъ пирамидокъ, »гурій« или »кекурій«, виднѣлось на островѣ Медвѣжьемъ; стадо въ 10—12 оленей разгуливало по небольшому островку Сальному.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что устройство хорошей гавани на нашемъ Мурманѣ необходимо. Мы уже упомянули объ Іоканской. Все, что можно сказать о ней, будетъ, конечно, только гадательно, но съ большою долей вѣроятія. Ни точныхъ промѣровъ, ни правильныхъ метеорологическихъ и физическихъ наблюденій здѣсь не производилось, и физіономія этой гавани, какъ и весь Мурманъ, остается неопредѣленною. Тѣмъ не менѣе отъ будущности не уйти, и въ этомъ отношеніи полезно рѣшительно всякое указаніе. Существенно разрѣшить, напримѣръ, слѣдующее: правда или нѣтъ сообщаемое г. Сидоровымъ свѣдѣніе, будто теп-

лое теченіе гольфстрема направляется именно на Іоканскіе острова и иногда приноситъ съ собою американскіе деревья и каштаны? основательно или нѣтъ существующее у поморовъ званіе »живой камень« для плода американской мимозы, заносимой въ Бѣлое море? Если это правда, то на сколько времени, на какое разстояніе, какъ и когда обмерзаетъ эта гавань? Расположеніе острововъ и побережья безусловно удобны для возведенія цѣлой системы отдѣльныхъ фортовъ, и если гавань дѣйствительно способна пріютить цѣлый флотъ, то можетъ ли этотъ флотъ быть защищенъ не только со стороны моря? Гавань эта сама по себѣ обширна и приглуба, но въ ней есть про запасъ еще и другая гавань—это рѣка Іоканка. Подобно сліянію рѣкъ Колы и Туломы, рѣка Іоканка уширяется при устьѣ своемъ въ цѣлый кишкообразный заливъ, имѣющій на цѣлыя двѣ мили вверхъ верстовую ширину при глубинѣ трехъ саженей; приливы въ этой рѣкѣ такъ велики, что въ ней съ особеннымъ удобствомъ можно килевать суда; зимовать въ ней тоже удобно, потому что ледоплавы и наводненія весны и осени здѣсь невозможны. Снабженіе водой не оставляетъ желать ничего лучшаго, потому что во многихъ бухточкахъ южнаго побережья стремятся съ вершины Мурмана постоянные водопады нѣсколькихъ ручьевъ.

Нужна ли намъ вообще гавань на Мурманѣ? Нужна ли военная, или довольно коммерческой? Нужно ли имѣть тутъ военный оплотъ, или достаточно довольствоваться норвежскими крѣпостями? Если нужно, то подходятъ ли гавань Іоканская или Екатерининская, или какая-либо третья? Все это вопросы большой важности, и для такой первостепенной державы, какъ Россія, запертой Дарданеллами и Зундомъ, едва ли не жизненные. Наше сѣверное поморье, этотъ существенно важный для насъ край, остается какъ-то внѣ всякихъ соображеній и о немъ вспоминаютъ только урывками, случайно, часто по личной фантазіи того или другаго человѣка. Во всякомъ случаѣ и что бы тамъ ни говорили, слѣдуетъ выяснить разъ и навсегда, стоитъ ли наше сѣверное побережье чего-либо въ отношеніи общаго хозяйства Россіи, стоитъ ли оно чего-либо само по себѣ? Если не стоитъ, такъ и будемъ знать на будущее время, и пожалѣемъ о томъ, что край этотъ совершенно напрасно вызвалъ цѣлую литературу всякихъ ученыхъ и беллетристическихъ изслѣдованій. Если же онъ стоитъ чего-либо, то слѣдуетъ без-

остановочно, не теряя времени, опредѣлить его значеніе, его средства и начать дѣйствовать немедленно въ избранномъ направленіи.

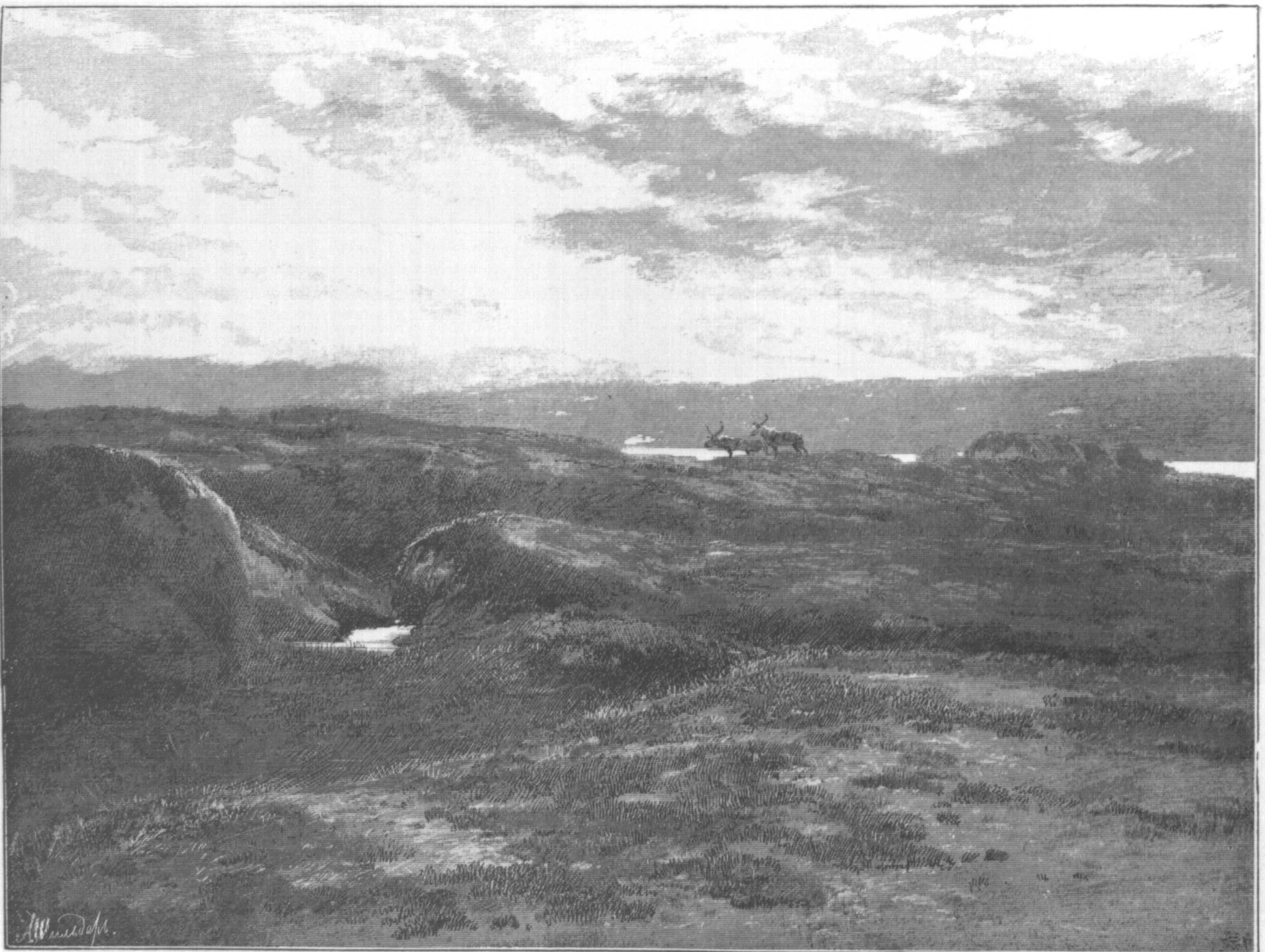
Одно изъ существенныхъ условій неправильной организаціи здѣшней жизни состоитъ въ совершенномъ отсутствіи какого-либо почтоваго или телеграфнаго соединенія; это чувствуется на каждомъ шагу. Въ особенности необходимо упорядоченіе пароходныхъ сообщеній. »Мурманское Общество Пароходства« имѣетъ четыре парохода; изъ нихъ два — »Кемь« и »Онега« — назначены для Бѣлаго моря, два — »Архангельскъ« и »Чижовъ« — для Мурманскаго берега и Новой-Земли. За все лѣто обязаны они сдѣлать только 11 рейсовъ, да кромѣ того два рейса на Новую-Землю. За точное исполненіе этихъ рейсовъ компанія получаетъ отъ казны 55.000 руб. субсидіи, такъ что за каждый рейсъ по Бѣлому морю ей приходится по 2.500 рублей. Въ пути нашемъ довелось не однажды слышать жалобы на это общество, на то, что пароходы его то и дѣло минуютъ попутныя становища. Г. Кушелевъ называетъ эти рейсы не »срочными«, а »безсрочными«, и говоритъ, что бываютъ двухнедѣльныя, и болѣе, опаздыванія пароходовъ. Если мы вспоминаемъ объ этомъ здѣсь то это отнюдь не свидѣтельствуетъ о справедливости сѣтованій; можетъ быть это такъ, можетъ быть не такъ. Вѣрно то, что сѣтованія существуютъ и что необходимо убѣдиться въ ихъ справедливости или несправедливости.

Безсрочность сообщеній — это гангрена всякаго торговаго и промышленнаго дѣла. Не говоря уже о Мурманѣ, не угодно ли кому-либо отважиться на путешествіе по Сухонѣ и по Сѣверной Двинѣ, т. е. на тотъ именно путь, который мы сдѣлали? Если не ошибаемся, для сообщеній по Двинѣ существуютъ цѣлыхъ три компаніи: Булычева, Кострова и Кандакова. Характерно то, что, упоминая о нихъ, мы должны дѣлать это съ оговоркой: »если не ошибаемся«. Эта оговорка свидѣтельствуетъ лучше всего о томъ, какъ мало свѣта и опредѣленности существуетъ въ этомъ дѣлѣ; если при добромъ желаніи, при сравнительномъ удобствѣ собрать нужныя свѣдѣнія, собрать ихъ все-таки было трудно, то что же должны дѣлать тѣ, а ихъ-то именно и слѣдовало бы имѣть въ виду, кому эти свѣдѣнія необходимы? Никакихъ почти объявленій, никакихъ четко обозначенныхъ центровъ, спрятанныя гдѣ-то конторы, почти безо всякихъ сно-

шеній съ Москвой и Петербургомъ, полнѣйшая трудность получить какія-либо нужныя торговому человѣку справки! Это такая глубокая парализація торгово-промышленныхъ порядковъ, что рѣшительно удивляешься тому, что еще дѣлается то, что дѣлается. Все это дремлетъ и свидѣтельствуетъ о своей жизни временными проблесками, ожидая руководящей смѣлой указки, ожидая направляющей силы. А богатства много, стоитъ только приложить къ нему руки.

Пока мы грузились углемъ и чинили трубки нашихъ холодильниковъ, Великій Князь съѣзжалъ на оба ближайшіе, совершенно пустынные острова. На Сальномъ гуляли олени. Такъ какъ островъ очень невеликъ, то представлялась возможность подходить къ нимъ довольно близко. Это было одно изъ тѣхъ оленьихъ семействъ въ 10—12 особей, которыя принадлежатъ лопарямъ ближайшаго Іоканскаго погоста. Почва острова—гранитъ, поросшій по легонькому слою торфа, тамъ, гдѣ торфъ можетъ держаться, ягелемъ — Cladonia rangiferina, составляющимъ главную пищу оленя. Мало этого ягеля на небольшомъ островѣ, и можно было видѣть, какъ обдирали олени со скалъ не только ягель, но заодно и весь тонкій слой торфяной почвы, обнажая скалу до щелей. Исхудалые, бродили они, покрытые клочьями обвисавшей мѣстами шкуры, въ желтоватыхъ и сѣрыхъ пятнахъ, и словно скользили своими тонкими струнными ногами, неслышною поступью, по невозможно острымъ утесамъ острова, убѣгая отъ насъ.

Сальный островъ, равно какъ и Медвѣжій, на который вслѣдъ за этимъ Его Высочество переѣхалъ, это цѣлый міръ роскошнѣйшихъ этюдовъ сѣверныхъ поморскихъ скалъ. Въ нихъ есть нѣчто совершенно самостоятельное въ смыслѣ очертаній, то, чего не встрѣтите вы ни въ скалахъ южнаго берега Крыма, ни въ Нормандіи. Тамъ, съ большею или меньшею ясностью, видите вы, какъ бы рисуете себѣ, пути ихъ образованія, направленія щелей, напластованіе, окаменѣлое былое движеніе ихъ, живописуемыя въ рѣзкихъ и опредѣленныхъ чертахъ; тамъ, при всемъ разнообразіи линій и ихъ изломовъ, вы какъ бы чувствуете направляющую совершавшагося геологическаго переворота и не можете не признать окончательнаго успокоенія. Здѣсь, въ утесахъ Ледовитаго океана, нѣтъ ничего подобнаго; глядя на нихъ, вы ничего сообразить не можете, вы никакого успокоенія не находите. Какія-то страшныя силы наворочали утесы и образовали щели,

Островъ Сальный. Лопарскіе олени.

совершенно невозможныя съ точки зрѣнія статики; гранитныя массы полегли одна на другую въ какомъ-то безумномъ страданіи, въ какомъ-то чудовищномъ бреду, который — такъ кажется вамъ — былъ самъ себѣ цѣлью и ни къ чему не привелъ. Эти глубокія царапины, зіяющія по розовымъ тѣламъ гранитовъ, эти черныя раскрытыя трещины, эти сплошные утесы величиной съ громадный домъ, подпираемые камнями не болѣе обыкновеннаго хлѣба величиной, и между ними на разныхъ уровняхъ покоящаяся, словно въ чашахъ, морская вода, вѣчно возобновляемая приливами и захлестывающими въ нихъ волнами, все это говоритъ вамъ о чемъ-то злобномъ, неистовомъ, едва-едва умиротворенномъ. Изо всѣхъ художниковъ, изображавшихъ скалы, плодовитѣе и разнообразнѣе всѣхъ былъ, конечно, Густавъ Дорэ въ своихъ иллюстраціяхъ, но напрасно искали бы вы въ нихъ своеобразныхъ мотивовъ скалъ Мурманскаго побережья. Они — совсѣмъ особая статья, до сихъ поръ въ художествѣ никогда и никѣмъ невоспроизведенная.

Ходить по берегамъ обоихъ островов значило постоянно карабкаться, и не безъ помощи рукъ, по фантастическимъ ступенямъ гранитовъ; множество чистиковъ изъ семейства утиныхъ, черныхъ какъ смоль, съ ярко-малиновыми клювами и лапками, постоянно выпархивало изъ-подъ ногъ. Въ тихихъ заводяхъ утесовъ, пригрѣтыхъ, какъ въ акваріумахъ, теплымъ солнцемъ, можно было видѣть безформенные клочья студенистой массы розоваго или даже малиноваго цвѣта съ бѣлыми ободками, называемой тутъ »морскимъ саломъ«, какой-то видъ Acalephe; говорятъ, что попадаются и нѣсколько видовъ »морскихъ звѣздъ« — Astraea. Въ одной изъ подобныхъ высокихъ гранитныхъ чашъ можно было замѣтить почему-то подкинутыхъ сюда изъ океана небольшихъ рачковъ — бокоплавовъ, которыми между прочимъ питаются нѣкоторые киты. Вообще говоря, фауна нашей сѣверно-океанской волны далеко не богата видами. Профессоръ Гриммъ обобщаетъ это и для всѣхъ нашихъ морей. »Наши воды — говоритъ онъ — богаты сравнительно, такъ-сказать, на вѣсъ, по числу особей, но весьма бѣдны видами. Если сосчитать всѣ существующіе въ Европейской Россіи, включая и Каспій съ Кавказомъ, виды рыбъ, какъ промысловыхъ, такъ и не-промысловыхъ, то найдемъ около 300 видовъ, что составляетъ немного болѣе 2% того числа рыбъ,

какое извѣстно ученымъ со всей земли«. То, что сказано о рыбахъ, можетъ быть повторено и относительно всякихъ моллюсковъ, червей, рачковъ, улитокъ, ракушекъ и пр. Напрасно было бы искать по Мурману той перламутровой пестроты морской жизни, которая имѣется въ Средиземномъ морѣ и гораздо сѣвернѣе его, на берегахъ Нормандіи. Въ здѣшней морской волнѣ царитъ какъ бы торжественное молчаніе, глубокое молчаніе жизни, и только отъ поры до времени проявляется она сосредоточенная въ крупныхъ очертаніяхъ китовъ, акулъ, палтусовъ, бѣлухъ, моржей или необозримыхъ полчищахъ сельди и трески, образующихъ въ океанѣ какъ бы свои космическія теченія.

Около 3-хъ часовъ пополудни, со свѣжимъ запасомъ угля и исправленными трубками, покинули мы Іоканскіе острова. Еще разъ оглядѣли мы широкую, покойную гавань, ея гранитныя обрамленія, ея низкіе острова съ безмолвными крестами, неизвѣстно кѣмъ поставленными. Олени Сальнаго острова, видимо довольные нашимъ отъѣздомъ, всѣ собрались на центральную, высокую часть его и, откинувъ рога на спины, повернувъ головы въ нашу сторону, вырисовывались неподвижно цѣлымъ рядомъ тоненькихъ, дробныхъ силуэтиковъ.

У Святаго-Носа, какъ всегда, море было неспокойно.

Закипѣла въ морѣ пѣна—
Будетъ вѣтру перемѣна,

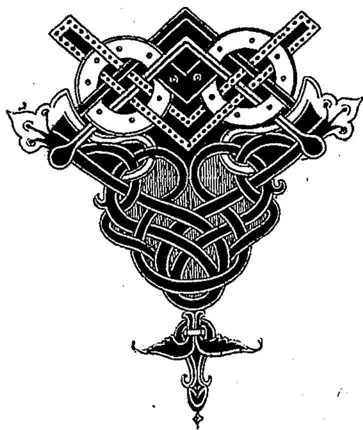
говорится на поморьѣ.

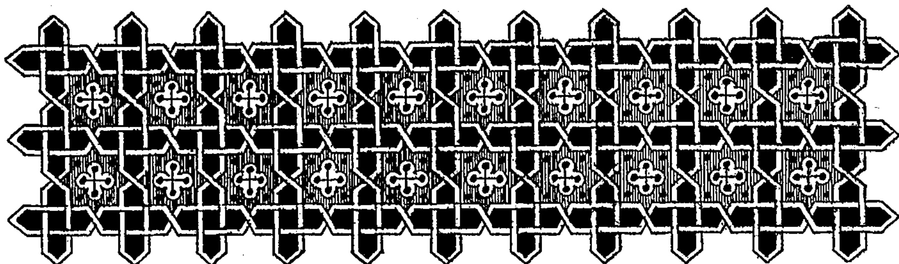
Вѣтеръ былъ юго-восточный или, какъ его здѣсь называютъ, »обѣдникъ«. Всѣ почти вѣтры имѣютъ на Мурманѣ свои названія: южный называется »лѣтникъ«, юго-западный — »шалоникъ«, сѣверо-западный — »побережникъ«, сѣверный — »морянка«, сѣверо-восточный — »полуночникъ«; западный и восточный сохраняютъ свои названія; промежуточные называются »межниками«. »Восточники да обѣдники — заморозные вѣтречки«, говоритъ поморъ. Въ компасѣ, какъ извѣстно, 32 румба и значительная часть ихъ имѣетъ здѣсь свои мѣстныя названія, при чемъ имъ придаются нумера, напримѣръ: »7-й межъ (межникъ) встока полуночникъ«; цѣлыхъ 16 румбовъ называются »стрыками«, и о нихъ говорится: »10-й стрыкъ встрыка къ обѣднику«. Эти названія и ихъ систематика доказываютъ во-очію, на сколько нашъ поморъ прирожденный мореплаватель, на сколько это призваніе

его четко опредѣлено. Изъ нихъ-ли не набрать удивительныхъ матросовъ?

Ночь на этотъ разъ спускалась не особенно ясная, и полуночнаго солнца вторично мы не видѣли. Войдя въ гирло Бѣлаго моря, мы держались праваго, Терскаго берега и не шли на-перерѣзъ, какъ бы слѣдовало для краткости пути на Мезень, во вниманіе ко множеству кошекъ въ гирлѣ.

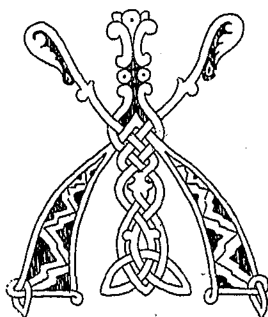
Къ 8-ми часамъ утра, 25-го іюля, то-есть менѣе, чѣмъ черезъ сутки, разсчитываемъ мы быть подлѣ Мезени, то-есть перейти все Бѣлое море поперекъ. Такіе tour de force можетъ дѣлать только »Забіяка«.

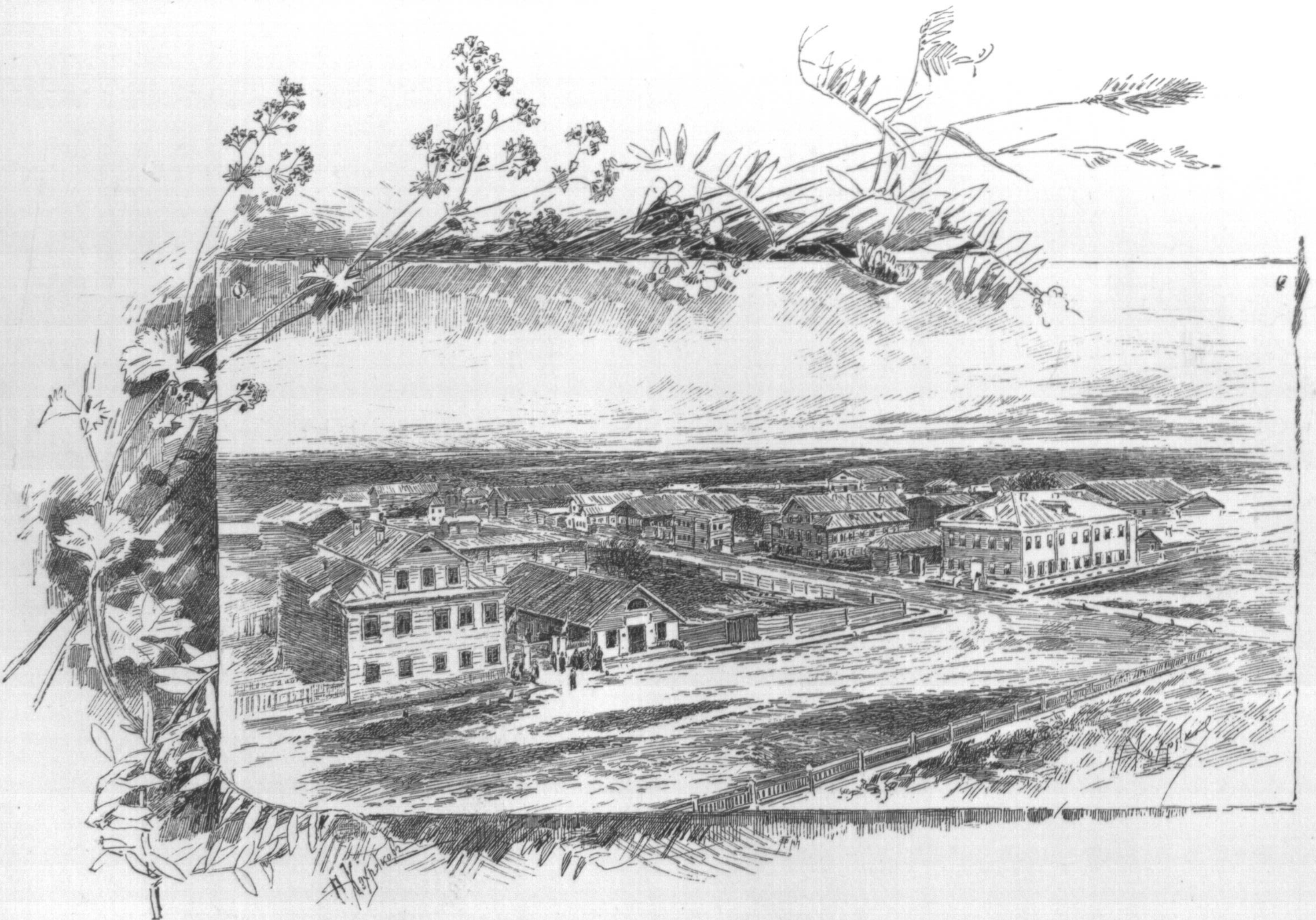
Мезенскій заливъ. Мезень.

Характеръ уѣзда. Очертаніе береговъ. Русановскій лѣсопильный заводъ. Путь по рѣкѣ Мезени. Старый и новый соборы. Характерность одѣяній. Даха и малица. „Адъ“ подлѣ города. Ничтожность рѣки Мезени.

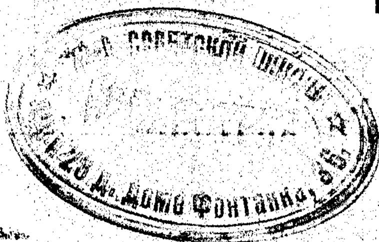

аль было, обогнувъ Св.-Носъ и направившись Бѣлымъ моремъ, проститься съ Мурманомъ, съ которымъ ознакомились мы вполнѣ во всю его длину. »Отъ Кеми до Колы сорокъ-три Николы«, говоритъ поговорка, свидѣтельствуя будто-бы о существованіи сорока-трехъ маленькихъ часовень, поставленныхъ этому высоко-чтимому, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, Святому; говорятъ, будто въ нѣкоторыхъ изъ часовень имѣется до сорока образовъ съ его изображеніями, поставленныхъ самыми бѣднѣйшими людьми.

То высокое вниманіе, которое было выказано Великимъ Княземъ къ судьбамъ и бытовому положенію края, осталось, конечно, вслѣдъ за его отбытіемъ надолго не только предметомъ разговоровъ, но и свѣтлыми искрами надежды, кинутыми въ суровую темень мурманскихъ гранитовъ. Богатство и государственное значеніе побережья, снабженнаго суровымъ, смѣлымъ рабочимъ населеніемъ, людьми, выросшими въ океанскихъ волнахъ и прибояхъ, людьми, способными дать изъ себя лучшихъ моряковъ въ мірѣ, возможность прочнаго устройства гавани и осѣдлости были оцѣнены Его Высочествомъ по достоинству. Послѣднее соображеніе, то-есть характеръ поморовъ, какъ контингента для флота,

Мезень. Часть города.

СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ
Фонтана

почему-то всегда отступалъ на второй планъ при обсужденіяхъ судебъ Мурмана, а между тѣмъ только при существованіи этихъ людей, такъ-сказать, сотканныхъ въ глубокомъ единеніи съ физическою природою побережья, возможно для Мурмана его будущее. Не одни солнечные лучи согрѣваютъ и оплодотворяютъ край; трудъ и любовь человѣка обращаютъ пажити моря и земли въ безконечную ниву. Великій Князь — братъ Государевъ — видѣлъ то, что есть на самомъ дѣлѣ; онъ желалъ это видѣть, потому что сдѣлалъ дальній и трудный путь, а въ этомъ залогъ осуществленія возможностей и поднятія экономическаго положенія одного изъ самыхъ самобытныхъ, богатыхъ краевъ Россіи.

Насколько быстро шли мы моремъ, видно изъ простаго взгляда на карту: отъ Святаго-Носа, находящагося съ западной стороны Бѣлаго моря, у самаго входа въ него, меньше чѣмъ чрезъ сутки были мы, къ 8-ми часамъ утра, 25-го іюня, недалеко отъ города Мезени, расположеннаго въ самой глубинѣ самаго восточнаго изъ его заливовъ. Утро было вполнѣ золотое и полнѣйшій штиль вырисовывалъ недалекіе берега. Не далѣе какъ двадцать часовъ тому назадъ предъ нами высились острыя, жилистыя очертанія терскаго берега; теперь, насколько видѣлъ глазъ вправо и влѣво, разстилался берегъ совершенно ровный, низкій, точно край какого-то неизмѣримо великаго картоннаго листа, разложеннаго надъ моремъ. Вправо, какъ бы прорывомъ этого листа, очерчивалось устье рѣки Кулоя; замѣтно было, что берегъ поросъ лѣсомъ; берегъ этотъ, какъ намъ сообщили, глинистый. Мы бросили якорь въ сорока верстахъ отъ города Мезени — такъ неудобенъ подступъ къ городу, такъ много надо исполнить условій для съѣзда на берегъ. Сорокъ верстъ, конечно, не мало, но мы не предвидѣли, что и эти версты дадутся намъ не даромъ. До Русановскаго лѣсопильнаго завода, находящагося на рѣкѣ Мезени, отъ мѣста нашей якорной стоянки было пятнадцать верстъ; до города — сорокъ.

Прихода »Забіяки« ожидали здѣсь два паровыя судна: »Баканъ«, нашъ старый знакомецъ, назначенный для доставленія насъ, если возможно, въ рѣку Мезень, и пароходъ Русановскаго завода »Мезень«, сидящій очень мелко, только 4 фута, и долженствовавшій вести насъ дальше, если можно, къ самому городу. Такъ какъ погода установилась хорошая, и заводскій пароходъ,

одинъ изъ самыхъ старыхъ, съ постукиванiемъ въ машинѣ, со вздрагиванiемъ колесъ и значительно искривленною палубой, могъ одинъ исполнить эту службу, то и рѣшено было пересѣсть прямо на него для того, чтобы избѣгнуть второй пересадки. Когда »Забiяка« бросилъ якорь, на носу его подняли небольшой, но многозначительный флагъ, извѣстный подъ именемъ »гюйса«. Флагъ этотъ, выставляемый на носу судна по опусканiи якоря и означающiй, что судно, лишенное возможности двигаться, совершенно беззащитно и что его должны обходить всѣ суда, имѣетъ на себѣ англiйскiе цвѣта; намъ сообщили будто причина этого историческая и сохраняется какъ воспоминанiе союза Петра I съ Англiей противъ шведовъ.

Старушка »Мезень«, постукивая и побрякивая всѣмъ своимъ стародавнимъ механизмомъ, отвалила отъ »Забiяки« ровно въ 5 часовъ пополудни, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы войти въ рѣку Мезень въ самую полную воду и сократить на сколько возможно дальнѣйшiй переѣздъ къ городу въ лодкахъ. Много было говорено о томъ, что если гдѣ, то именно въ Мезени съѣздъ на берегъ находится въ полнѣйшей, такъ-сказать, моментальной зависимости отъ прилива, достигающаго здѣсь огромной — 22-хъ футовой вышины.

Какъ извѣстно, уѣзды Кемскiй, Кольскiй и Мезенскiй, посѣщенные Великимъ Княземъ, пользуются по правамъ службы чиновниковъ особыми льготами; Мезенскому уѣзду предоставлялись также особыя льготы для обмѣна ассигнацiй старыхъ образцовъ, какъ это было еще въ 1848 году; какъ почти самый сѣверовосточный городъ Европейской Россiи, Мезень, которую намъ предстояло посѣтить, никогда не видалъ никого не только изъ лицъ Царствующаго Дома, но даже гражданскихъ и военныхъ начальствующихъ лицъ въ губернiи, съ малыми исключенiями. Такъ труденъ къ нему доступъ. Въ полутора верстахъ отъ него начинается тундра, идущая въ безконечность; почта не приходитъ иногда по четыре мѣсяца въ году. Къ Мезенскому уѣзду относятся — шутка сказать! — весь Запечорскiй край и вся Новая-Земля съ островами Калгуевымъ и Вайгачемъ. Это ни больше ни меньше (и то приблизительно) какъ 372.208 квадратныхъ верстъ!

Мезенскiй уѣздъ очень характеренъ. Въ немъ три стана. Въ

составъ перваго входятъ 10 волостей и тундры Канинская и Тиманская, съ населеніемъ около 18.000. 2-й и 3-й станы составляютъ такъ называемый Запечорскій край, состоящій изъ шести волостей, къ которому принадлежитъ Большеземельская самоѣдская тундра; въ нихъ около 23.000 народу, изъ нихъ самоѣдовъ 4.298 человѣкъ. Населеніе уѣзда тройственное: великоруссы по рѣкѣ Мезени и частью по рѣкѣ Печорѣ, зыряне — четыре волости и самоѣды, кочующіе по тундрамъ. Главныя занятія хлѣбопашество, скотоводство, лѣсная охота, а въ волостяхъ приморскихъ, Долгощельской, Койденской и Пустозерской — рыбные и морскіе звѣриные промыслы. Въ Мохченской Зырянской волости процвѣтаетъ оленеводство и изо всѣхъ оленей уѣзда, около 220.000 штукъ, этой волости принадлежатъ 180.000, такъ что хозяевами тундры должно считать зырянъ, а не самоѣдовъ, обратившихся съ теченіемъ времени въ зырянскихъ работниковъ и пастуховъ.

Мезенскій заливъ, по которому мы двигались, отличается особеннымъ обиліемъ бѣлухъ, достигающихъ здѣсь $3^1|_2$ саженей длины и составляющихъ главное основаніе быта мѣстныхъ поморовъ. Крупныя бѣлухи то и дѣло обозначались подлѣ насъ на поверхности воды своими бѣловатыми спинами, настолько бѣлыми, что ихъ иногда бываетъ трудно отличить отъ пѣны, бѣгущей по волнѣ. Хотя бѣлуха водится и въ другихъ заливахъ Бѣлаго моря, и ихъ особенно много ближе къ Печорѣ и на Новой-Землѣ, но изо всѣхъ ближайшихъ мѣстъ она почему-то искони полюбила заливъ Мезенскій.

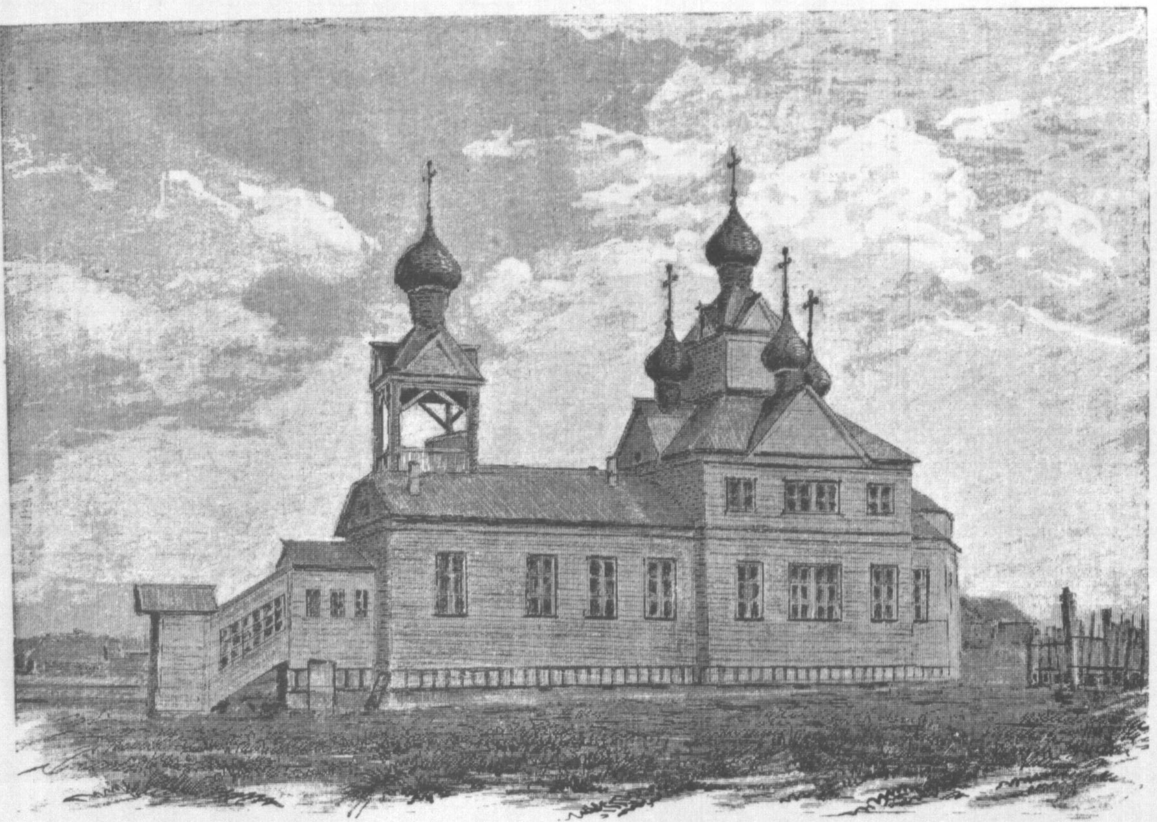
Вправо отъ парохода, какъ мы сказали, виднѣлось устье рѣки Кулоя. Слѣдуетъ упомянуть, что тутъ, въ этомъ забытомъ, непосѣщаемомъ краѣ, еще существуетъ пользованіе »волоками«. Волокъ со времени древняго Новгорода имѣлъ громадное значеніе на всемъ сѣверѣ Россіи; волоками шли всѣ сообщенія; волокомъ пользовался Петръ I. Здѣсь и въ настоящее время существуетъ волокъ: изъ Сѣверной Двины идутъ въ рѣку Пинегу, оттуда, волокомъ въ полторы версты длиной, до рѣки Кулоя, слѣдовательно къ Бѣлому морю. Близъ устья Кулоя чуть-чуть обрисовывалась на низменномъ берегу деревня Щелье, отъ которой до города Мезени берегомъ 85 верстъ. Населеніе Щелья — рыболовы и главный ихъ промыселъ бѣлуха, особенно обильный

весной. Дальше, вглубь страны, тянется тундра, одна безотрадная тундра.

Влѣво отъ насъ, на совершенно низменномъ берегу, выяснялась деревня Семжа, съ церковью и 18 домами; изъ нея образовался выселокъ въ двѣ избы; вотъ и все, что имѣется жилья на этомъ отстраненномъ ото всякой жизни побережьи, тянущемся надъ моремъ нескончаемою узенькою тесьмой, песчаною близъ воды и только чуть-чуть затемненною по верху жиденькимъ слоемъ почвы, на которой даже и лѣсу не растетъ. Дальше, за этою полоской, какъ и за деревней Щелье, лежащею на противулежащей сторонѣ воды, опять-таки та же безконечная тундра. Жители Семжи, кромѣ бѣлухъ, добываютъ еще и семгу.

Пароходъ нашъ подвигался, слѣдовательно, въ глубоко-мертвую область тундръ. Хотя онъ сидѣлъ въ водѣ только 4 фута и время прилива было разсчитано какъ слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе надо было торопиться. Нигдѣ рѣшительно не встрѣчали мы такой мутной воды, какъ въ Мезенскомъ заливѣ; ужъ не эту ли муть любитъ бѣлуха? Вода была въ полномъ смыслѣ слова шоколатнаго цвѣта, и солнечные лучи, не смотря на всю свою силу, пройти вглубь ея не могли. Эта муть обусловливается песчано-глинистыми берегами и такимъ же дномъ и необыкновенною силой приливовъ и отливовъ, взбаломучивающихъ массы воды неустанно: кончится приливъ — отливъ начинается, и это два раза въ сутки, на 22 фута вышины отъ самаго дна начиная. Такъ же мутна была эта вода во времена Литке, замѣтившаго, что въ ведрѣ подобной воды образуется осадокъ песка и ила въ четверть аршина вышины.

Сдѣлавъ 15 верстъ и войдя въ рѣку Мезень, мы прошли мимо Русановскаго лѣсопильнаго завода, пароходомъ котораго пользовались; отсюда до города оставалось 25 верстъ. Остановки на заводѣ сдѣлано не было. Годовой оборотъ этого завода 300.000 руб., рабочихъ въ лѣтнее время 200 человѣкъ. Зимой только 80. Существуетъ онъ около 10 лѣтъ и доставляетъ сосну исключительно въ Англію, а лиственницу — по заказамъ нашего морскаго министерства; въ прошломъ году было отправлено отсюда лиственницы по одному пароходу въ Кронштадтъ и въ Николаевъ. Контрактъ на добычу лѣса съ министерствомъ государственныхъ имуществъ продолжится около 7 лѣтъ. Весь рѣшительно лѣсъ вывозится рас-

Мезень. Новый соборъ.

БИБЛИОТЕКА
22-й СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ
доме Фонтанка, 36.

пиленнымъ на доски. Самъ заводъ имѣетъ 3 парохода, съ которыхъ нагрузка лѣса производится прямо на англійскія суда. Тутъ имѣется больница и церковь, но школы нѣтъ.

Заводъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки; изъ старыхъ отброшенныхъ реекъ воздвигнуто подлѣ берега нѣсколько поперечныхъ дамбъ, необходимыхъ какъ защита отъ приливовъ. Проѣздъ Великаго Князя былъ встрѣченъ съ берега пальбой изъ одинокой пушки; бревна, доски, плоты тѣснились цѣлыми массами у берега, на которомъ обозначались гдѣ лугъ, гдѣ лѣсокъ, преимущественно лиственницы. Рѣка и въ особенности фарватеръ ея извилисты до невозможности, и подлѣ насъ то и дѣло высовывались изъ воды гдѣ отмель, гдѣ цѣлыя семьи темнѣвшихъ каменьевъ.

Часовъ около 8 вечера все еще шли мы далѣе по рѣкѣ, но уже не на пароходѣ, а въ лодкахъ. Городъ Мезень, медленно выдвигавшійся влѣво отъ насъ, стоитъ на правомъ берегу, и былъ уже очень ясно видѣнъ верхушками своихъ двухъ церквей, когда вельботъ, на которомъ слѣдовалъ Его Высочество, сталъ на мель; пришлось оставить его и пересѣсть на мѣстную лодку, но и это не помогло: въ полутора верстахъ отъ города Великій Князь сошелъ на берегъ и направился пѣшкомъ. Все населеніе было на берегу, у пристани, и, замѣтивъ приближеніе Великаго Князя, хлынуло на встрѣчу съ громкими кликами »ура!«. Тутъ же, на самомъ берегу, представились Его Высочеству власти; сѣвъ въ маленькій экипажъ, Великій Князь направился немедленно къ собору. Экипажей было довольно; благодаря обилію луговъ, лошадей здѣсь много; онѣ малорослыя, но бойкія и напоминаютъ петербургскихъ шведокъ.

Берегъ, вдоль котораго вытянулась Мезень, возвышается надъ уровнемъ рѣки сажени на четыре. Въ городѣ есть улицы, есть недурные дома, но тундра пробивается къ самымъ крыльцамъ ихъ и кочки почтенныхъ размѣровъ мѣшаютъ ходьбѣ и ѣздѣ. Главная улица, Богоявленская, будетъ называться Владимірскою. Толпа, окружавшая Великаго Князя, была типична, какъ нигдѣ, потому что большинство мужскаго населенія имѣло на себѣ оленьи »дахи« и »малицы«, иногда покрытыя полотняными или ситцевыми балахонами; на головахъ мужчинъ виднѣлись мѣховыя шапки; женщины кокошниковъ тутъ не носятъ, а обвязываютъ головы платками, оставляя на лбу два конца ихъ колыхаться

небольшими рожками. Въ самой Мезени жителей 1.823 человѣка; каменныхъ домовъ одинъ, деревянныхъ — 195. Самоѣдовъ въ Мезени только двое мужчинъ и двѣ женщины; живутъ они подлѣ города въ своихъ чумахъ и нищенствуютъ. Прежнее названіе Мезени — »Большая Слобода« — еще и по сегодня въ ходу у мѣстныхъ жителей. Впервые упоминается о Мезени въ жалованной пинежанамъ грамотѣ 1607 года, какъ о селѣ, ставившемъ подводы до Кулойскаго посада; грамотою этою мезенцы освобождены отъ дачи судовъ и снастей въ Колу, но за то увеличенъ съ нихъ денежный сборъ »на Пинежанскій уѣздъ и на Кеврольской станъ, и на Мезень прибавлено 116 рублей 27 алтынъ 2 деньги«, что составляло ровно 1.000 рублей годоваго взноса податей. Ранѣе 1667 года мезенецъ Ѳома Кыркаловъ посылался для обслѣдованія Новой-Земли, а въ 1667 году, по граматѣ 30-го марта, тотъ-же Кыркаловъ отправленъ былъ для разысканія мѣдной руды по рѣкѣ Цыльмѣ съ пустозерскимъ воеводою Нефѣловымъ.

Враждебныя вторженія сибирскихъ самоѣдовъ въ Большеземельскую тундру принудили московское правительство имѣть на Мезени отдѣльнаго воеводу, а значительное движеніе русскихъ людей за Уралъ, во избѣжаніе платежа податей, обусловило постановку въ Верхотурьѣ крѣпостной заставы съ командою. Съ 1668 года мезенцы, за одно съ сошными плательщиками девяти уѣздовъ, начали платить по 60 рублей съ сохи на постройку гостинаго двора въ Архангельскѣ. Въ концѣ XVII вѣка таможенныя и кабацкія пошлины не отдавались болѣе казною на откупъ, а собирались цѣловальниками, что свидѣтельствуетъ о бѣдности и ничтожномъ значеніи Мезени, тогдашней »Большой Слободы«.

Новый соборъ, Богоявленскій, деревянный, гудѣвшій во всѣ колокола, въ которомъ Великій Князь отслушалъ многолѣтіе, освященъ въ 1861 году; онъ о пяти чешуйчатыхъ куполахъ, съ небогатымъ иконостасомъ, на которомъ въ три ряда виднѣются изображенія святыхъ; эти изображенія новыя, старыя иконы развѣшаны по сторонамъ; надъ церковью гладкій, будто въ комнатѣ, потолокъ. Подлѣ этого новаго собора, рядомъ съ нимъ, высится старая деревянная, крытая шатромъ, со сквозною галереей наверху колокольня; ея однолѣтокъ, старый соборъ, находится шагахъ въ полутораста и обведенъ общею съ новымъ соборомъ рѣ-

шеткой. Оба они стоятъ на зеленомъ лугу. Собственно говоря, трудно понять, почему понадобился въ Мезени новый соборъ, заурядный по архитектурѣ и не каменный, если подлѣ него въ полнѣйшемъ здравіи стараго, массивнаго, неразрушимаго лѣса красуется соборъ древній, вполнѣ типичный, характерный. Онъ освященъ въ 1718 году, слѣдовательно почти одновременно съ церковью Вытегорскаго погоста, Олонецкой губерніи, посѣщенною нами въ прошломъ году, построенною будто-бы по собственноручному плану Петра I, и имѣетъ съ нимъ нѣкоторое сходство. Центральныхъ куполочковъ надъ нимъ пять, при чемъ средній высится на конусообразной основѣ; кромѣ того есть куполочки надъ придѣлами; всѣ они крыты чешуйками; высокіе, плоскіе кокошники очень красиво взламываютъ своими изогнутыми очертаніями прямыя линіи главнаго кубическаго основанія собора. Древній иконостасъ въ четыре яруса; въ соборѣ два придѣла, но есть еще и третій, пристроенный не совсѣмъ симметрично, во имя Алексія Божія Человѣка. Престольный образъ собора — Рождество Богородицы. Въ общемъ, включительно съ колокольней, это одинъ изъ самыхъ цѣльныхъ, сохранившихся до насъ деревянныхъ памятниковъ Петровскаго времени и, какъ таковой, требуетъ сбереженія и поддержки.

Помолившись въ церкви, посѣтивъ городскую больницу и острогъ, Его Высочество произвелъ смотръ мезенской мѣстной командѣ. Команда встрѣтила Августѣйшаго Главнокомандующаго въ развернутомъ строю, въ полуротномъ составѣ. Обойдя фронтъ, Великій Князь приказалъ продѣлать ружейные пріемы и уставное ученіе, по окончаніи котораго была повѣрена гимнастика. Послѣ осмотра обойдены были кухня и столовая и испробована пища. Такъ какъ команда разбросана по обывательскимъ квартирамъ, то помѣщеніе столовой замѣняетъ въ зимнее время манежъ или, лучше, учебный залъ. Направившись вслѣдъ затѣмъ въ канцелярію начальника команды, вѣдающаго призывомъ новобранцевъ, Великій Князь ознакомился съ порядкомъ самаго пріема ихъ на службу и послѣдующимъ отправленіемъ въ мѣста назначенія. Въ довершеніе потребованы были свѣдѣнія о состояніи въ командѣ грамотности, состояніи въ ней нравственности соотвѣтственно числу предаваемыхъ суду и подвергнутыхъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, при чемъ Великій Князь лично выяснилъ началь-

нику команды всю важность требованій этихъ въ отношеніи войскъ мѣстныхъ, исключительно предназначенныхъ для несенія конвойной и караульной службы. Вопросъ о постройкѣ казармъ уже рѣшенъ, и отведенное для нихъ мѣсто Его Высочество лично осмотрѣлъ; по словамъ Великаго Князя, неудобства не могутъ служить оправданіемъ неуспѣшности обученія, такъ какъ чѣмъ болѣе встрѣчается препятствій, тѣмъ больше должно быть рвеніе ближайшаго начальства и тверже съ его стороны надзоръ за ходомъ обученія.

Остановился Его Высочество въ домѣ купца Ружникова, имѣющаго въ Мезени, кромѣ торговли, салотопенный заводъ бѣлушьяго жира; сало топится у него въ деревянныхъ бочкахъ, въ которыя проведены чугунныя трубы, нагрѣваемыя горячею водой. Цѣна бѣлушьяго сала здѣсь на мѣстѣ три рубля. Изъ оконъ дома всю ночь напролетъ видна была густо тѣснившаяся толпа. Главныя характерныя одѣянія, какъ сказано, были »малицы« и »дахи«. Первыя изъ нихъ это нѣчто въ родѣ длинныхъ рубахъ изъ шерсти »неблюя«, то-есть оленьяго теленка, одѣваемыхъ черезъ голову и составляющихъ одѣяніе недоступное никакому вѣтру, такъ какъ въ немъ нѣтъ вовсе щелей, имѣющихся въ дахѣ, запахиваемой на груди. Костюмъ довершается мѣховою шапкой »пыжикомъ« и »пимами«, сапогами, сдѣланными изъ оленьей шерсти волосомъ вверхъ, какъ и все остальное. Эти »пимы« шьются изъ самой крѣпкой жесткой шерсти отъ ногъ и лба оленя; для теплоты подъ нихъ въ видѣ чулковъ одѣваются »липты«, сдѣланныя изъ мягкой шерсти неблюевъ. Малицъ и пыжиковъ виднѣлось въ толпѣ очень много; для защиты отъ дождя поверхъ ихъ одѣваютъ полосатые ситцевые или полотняные балахоны. Костюмъ женщинъ никакими особенностями не отличался, если не считать обвязки головныхъ платковъ съ двумя рожками на лбу. Хотя красивыхъ женщинъ не было и тутъ, но все-таки онѣ были гораздо лучше кемлянокъ и колянокъ.

Ясный іюньскій вечеръ былъ очень прохладенъ. Пользуясь временемъ, нужно было поѣхать осмотрѣть одну исключительную замѣчательность Мезени. Мѣстные люди сообщили о томъ, что „Мезень находится въ полуторѣ верстахъ отъ Ада“. Какъ было не взглянуть на такой близкій къ жизни адъ. Это было тѣмъ необходимѣе, что о преисподней вспоминаетъ поговорка, гла-

Мезень. Старый соборъ.

сящая, что „отъ Колы до ада только три версты“; этихъ трехъ верстъ въ Колѣ никто изъ насъ не сдѣлалъ, какъ было не сдѣлать одной версты въ Мезени?. И дѣйствительно стоило того. Невдали отъ города находится стрѣльбище команды; оно расположено на зеленомъ лугу, и подлѣ этого луга, отдѣляясь отъ него прямою, рѣзкою чертой, точно плугомъ проведенною, безо всякихъ переходовъ или градацій, начинается безконечная тундра, идущая отсюда на многія тысячи верстъ къ океану. Рѣшительно нельзя объяснить себѣ этого удивительнаго, рѣзкаго прямолинейнаго начала тундры. Она подлѣ города совершенно суха и усѣяна громадными кочками темнобураго цвѣта съ самыми чахлыми слѣдами растительности. Говорятъ, что на эту тундру не отваживается ни одно живое существо, что сюда не прикочевываетъ самоѣдъ, звѣрь не идетъ, птица не залетаетъ. Безотрадною теменью идетъ она отсюда въ безконечность, начинаясь вплотную у зеленой муравы. Не напрасно называютъ ее »адомъ«, потому что взглядъ на нее такъ полонъ безконечной, молчаливой, безотвѣтной смерти, что ничего подобнаго и представить себѣ нельзя. Надо стоять на обрѣзанномъ прямою чертой краю этой тундры, видѣть, какъ не переходитъ на нее пасущаяся подлѣ лошадь, какъ отлетаетъ въ сторону птица, чтобы признать возможнымъ то впечатлѣніе, которое дѣйствительно выносишь. Кажется, безобидна тундра и молчитъ она и не трогаетъ, но смертью вѣетъ отъ нея, смертью со всего безконечнаго разстоянія многихъ, очень многихъ тысячъ верстъ.

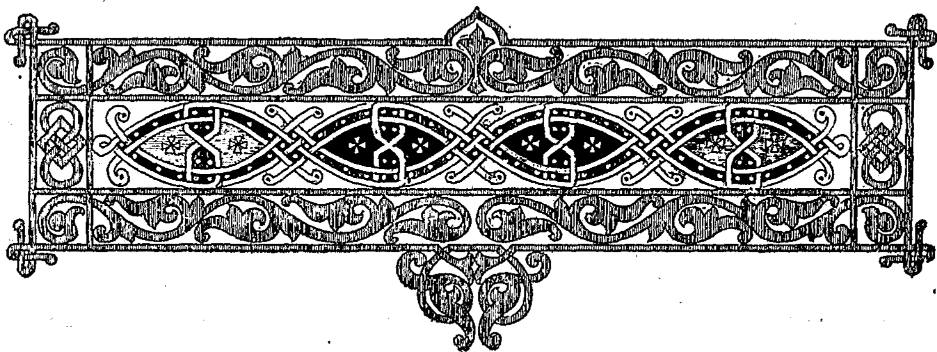
Второе чудо Мезени — это сама рѣка Мезень. На географическихъ картахъ всѣмъ намъ извѣстныхъ рѣки Двина, Мезень, Печора, обозначаются совершенно одинаковыми темными извивами. Это глубочайшая ложь. Что Двина могуча, въ этомъ мы убѣдились, проѣхавъ ее всю; говорятъ, что Печора не слабѣе ея, но что касается Мезени, то это дрянная, проходимая вбродъ рѣченка. Вода точно припухаетъ въ ней дважды въ день, во время приливовъ, но и тогда пароходъ, сидящій въ водѣ только 4 фута, не рискуетъ подойти къ городу. Что же должно быть дальше, выше по рѣкѣ?! Во время отлива рѣка представляется небольшою мутною рѣченкою, текущею по ломаному фарватеру, въ длинныхъ подушкахъ обсушныхъ песковъ, истыканныхъ повсюду камнями, торчащими вдоль обоихъ береговъ лентами какой-то непригдядной, острой сыпи. Рѣки Мезени, та-

кой, какою является она на нашихъ географическихъ картахъ, положительно не существуетъ.

Почти четыре мѣсяца въ году въ Мезень, какъ сказано, не приходитъ рѣшительно никакой почты, если не считать случайно доставляемую черезъ заводъ. До ближайшаго города Пинеги, еще болѣе глухаго, чѣмъ Мезень, отсюда 303 версты лѣтомъ и 143 зимой. Очень дешевы здѣсь шкуры оленя, лисицы, песца; на одномъ изъ городскихъ дворовъ лежали сваленные въ большую груду оленьи рога; они идутъ отсюда за границу и цѣна имъ отъ 40 копѣекъ до 2 рублей пудъ, смотря по требованію и достоинству самаго матеріала. Недурны образчики мѣстной ржи, которая созрѣваетъ въ Мезени порядочно. Луговъ очень много и, сообразно съ этимъ, скота.

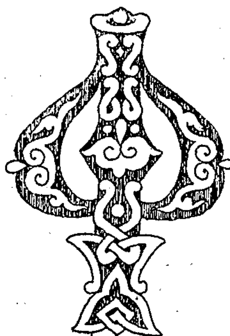
Свѣтла и очень прохладна была тихая ночь. Тѣснившаяся подлѣ дома, занятаго Великимъ Княземъ, толпа, молчала, какъ и ночь, не позволяя себѣ нарушить покоя Царственнаго Гостя. Дахи и малицы, какъ лѣтнее одѣяніе, были совсѣмъ умѣстны. Отъѣздъ изъ Мезени назначенъ былъ, по соображенію съ приливомъ, на завтра, 26-го іюня, къ 11 часамъ утра. Мы и не предполагали, какую чудесную картину увидимъ въ заливѣ, подойдя къ »Забіякѣ« ожидавшему насъ.

ОТЪ МЕЗЕНИ КЪ ОНЕГѢ.

Флотилія бѣлушниковъ. Бѣлушій промыселъ. Онежскій рейдъ. Городъ Онега. Историческое о городѣ. Исторія сѣвернаго лѣснаго дѣла. Нынѣшнее его положеніе. Лѣсопильный заводъ. Замѣчательная выставка innaturam въ Андѣ. Мѣстная охота и охотники.

лотилія бѣлушниковъ — вотъ та картина которою налюбовались мы вволю, выйдя снова въ Мезенскій заливъ. Въ 11½ часовъ утра, 26-го іюня покинули мы характерную Мезень, съ ея олеными малицами и дахами, съ ея тундровымъ адомъ и невозможно мелкою рѣчкой. Мы покинули ея такъ же, какъ прибыли, т.-е. на лодкахъ. Замѣчательно характерны всѣ прибытія и отплытія въ тѣхъ сѣверныхъ городахъ нашихъ, которые мы посѣтили: приливы и отливы регулируютъ ихъ съ такою точностью, что въ данный часъ все и вся торопится, суетится, какъ бы не отстать; не поспѣть — значитъ потерять безвозвратно двѣнадцать часовъ времени со всѣми послѣдствіями этой потери. Морской приливъ къ нашему отъѣзду былъ въ полной высотѣ, и великокняжескій вельботъ стоялъ у самой пристани. Рѣка Мезень была неузнаваема: куда исчезли всѣ эти камни, лежавшіе обнаженными вчера къ ночи по всему ея песчаному руслу? Рѣка казалась многоводною, такою, какою обозначается она на нашихъ географическихъ картахъ, чуть не подъ стать Двинѣ или Сухонѣ. Все населеніе города Мезени было на берегу, и по мѣрѣ движенія нашего

внизъ по теченію женщины упорнѣе мужчинъ бѣжали по правому берегу, котораго мы держались. Такъ какъ въ рѣку то и дѣло упирались поперечныя изгороди, то очень любопытно было наблюдать, какъ ловко перепархивали черезъ нихъ женщины. На головахъ большей части изъ нихъ были повязаны платки; объ отсутствіи кокошниковъ въ Мезени мы уже упоминали, и два кончика этихъ платковъ, нависавшіе надъ лбами рожками, то и дѣло побалтывались самымъ оригинальнымъ образомъ. Особенно упорно сопровождали вельботъ двѣ женщины — жены представителей низшаго административнаго класса, намъ ихъ даже называли; одну отличало ярко-малиновое, другую — ярко-голубое платье, и не смотря на то, что передъ каждою изгородью имъ, для того, чтобы перелѣзть, приходилось приставлять къ нимъ зонтики, онѣ отъ вельбота все-таки не отставали.

Пароходъ »Мезень« ожидалъ насъ верстахъ въ двухъ отъ города. Мы пересѣли на него и увидѣли опять его покоробленную палубу и услыхали снова стукъ говорливой машины. По мѣрѣ движенія внизъ по теченію, слѣдуя очень извилистымъ фарватеромъ, дѣлая постоянные промѣры и постоянно поскребывая о дно, мы любовались на лежавшія на боку суда, ожидавшія полной воды, для того чтобы выпрямиться, стать какъ слѣдуетъ и выйти въ море. Опять увидѣли мы низкіе берега залива, тянувшіеся полосками въ безконечную даль, его густую, илистую воду, отражавшую, но не принимавшую въ себя яркихъ солнечныхъ лучей. Мы направлялись прямо къ »Забіякѣ«, не замедлившему обозначиться далеко впереди, и вволю налюбовались цѣлою флотиліей бѣлушниковъ, собравшеюся передъ нашими глазами къ клиперу со всей видимой поверхности залива.

Мезенскій заливъ — одинъ изъ самыхъ важныхъ для промысла бѣлухи Delphinopterus leucas, называемой иногда совершенно неправильно бѣлугой. Это китообразное, достигающее до 3½ саженъ длины, даетъ до 22 пудовъ сала. Барышъ, доставляемый бѣлухой, если принять въ разсчетъ и кожу, идущую на обувь, около 70 рублей; малая бѣлуха даетъ не болѣе 20 рублей. Во всемъ Бѣломъ морѣ есть бѣлуха; живетъ она тутъ круглый годъ и очень много ея по всему безконечному сѣверному побережью Сибири до самаго Охотскаго и Берингова морей, и вездѣ охотятся на нее, и всюду бьютъ и выбить не могутъ. Бѣлуха — су-

щество кроткое и глупое и ходитъ всегда великими косяками, при чемъ—и это для нея гибельно—любитъ забираться въ довольно мелкіе заливы. Плавающій по заливу косякъ бѣлухи легко выслѣживается промышленниками, такъ какъ свѣтлыя спины особей то и дѣло обозначаются на водной поверхности. Если такой косякъ попадаетъ на болѣе мелкое мѣсто, а онъ именно такого мѣста ищетъ, то окружается лодками промышленниковъ; лодки эти ходятъ по двѣ, при чемъ каждая изъ нихъ несетъ одинъ изъ концовъ невода; окруженный кольцомъ подобныхъ неводовъ, косякъ подвергается почти поголовному избіенію такъ называемыми »пешнями«. Косяки бѣлухи достигаютъ иногда огромной густоты по числу особей и повидимому не переводятся. Въ 1857 году въ Кандалакшской губѣ зимой бѣлухи торчали обледенѣлыми статуями; въ 1867 году въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ сдѣлано сообщеніе, что бѣлуха проходитъ иногда такими сплошными массами, занимая 5—10 верстъ поверхности, что заливы подергиваются ею какъ бы льдомъ; въ 1880 году однимъ промышленникомъ было добыто бѣлухъ въ два дня на 12.000 руб., въ 1883 году тому же промышленнику въ одну тоню попало 400 бѣлухъ около Новой-Земли.

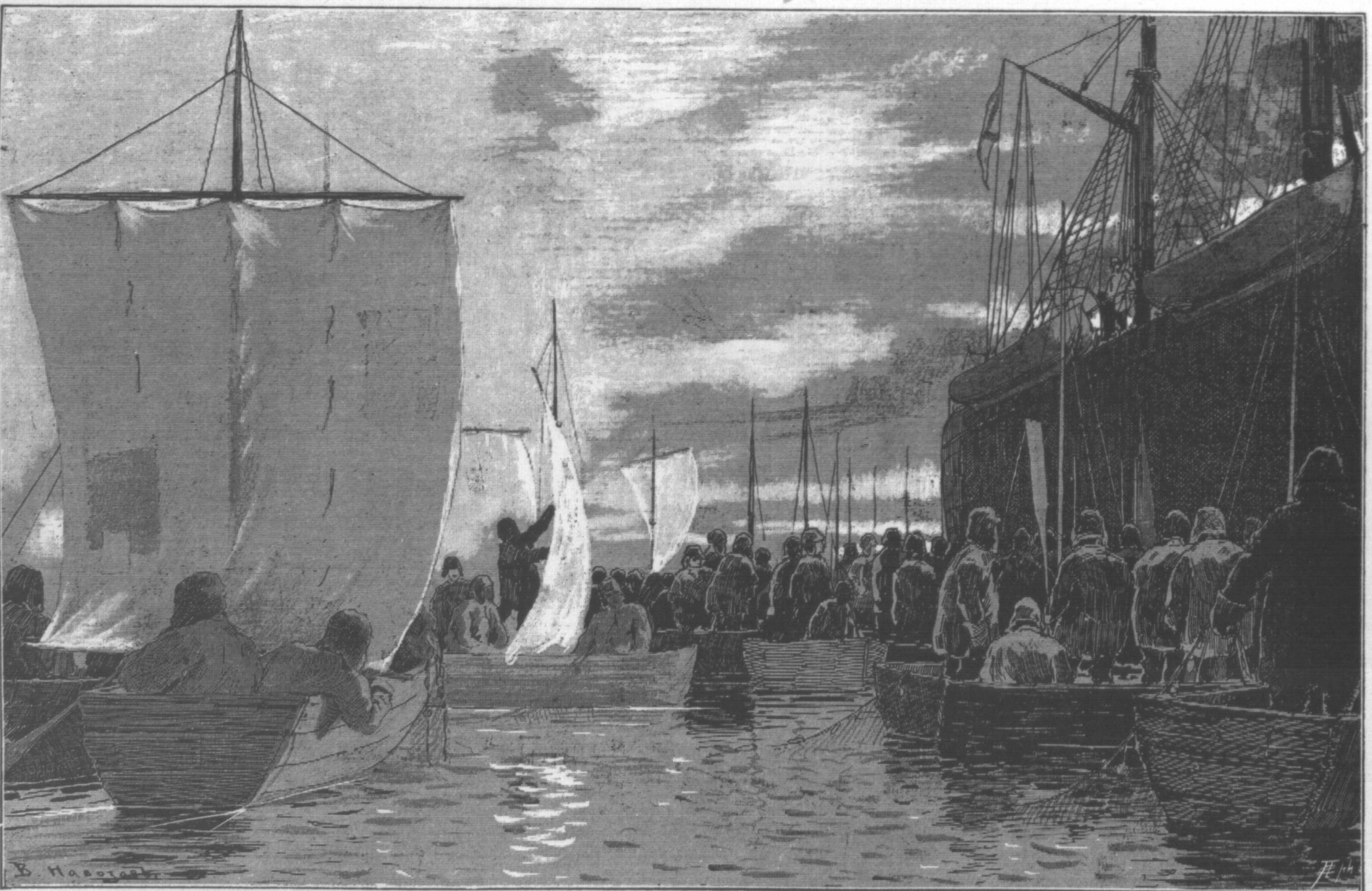
Мезенскій заливъ, какъ сказано, особенно богатъ бѣлухами, что мы и видѣли, любуясь державшимся въ сторонѣ отъ насъ косякомъ, поблескивавшимъ многими бѣлыми спинами; по одной изъ бѣлухъ данъ былъ отъ насъ изъ винтовки выстрѣлъ, кажется, удачный; Норвежцы много стрѣляютъ ихъ; иногда орудуютъ этимъ путемъ и наши поморы. Въ деревнѣ Щелье, близъ рѣки Кулоя, видной издали, бѣлушій промыселъ — главный промыселъ; въ прошломъ году онъ дѣлился на 300 паевъ и на пай пришлось по 30 рублей. Убитую бѣлуху »брѣютъ«, то-есть снимаютъ съ нея сало и въ бочкахъ везутъ его въ Архангельскъ; самую тушу, представляющую значительную цѣнность, по первобытному способу бросаютъ въ море.

Едва только выѣхали мы въ открытый заливъ, какъ не могли не замѣтить, что со всѣхъ концовъ его, по направленію къ »Забіякѣ«, какъ къ центру, двинулись разсѣянные по поверхности залива карбасы бѣлушниковъ; по счету шло къ намъ съ полсотни карбасовъ, каждый подъ двумя четыреугольными парусами. По мѣрѣ приближенія ихъ выяснились классическіе силуэты по-

моровъ въ оленьихъ мѣхахъ, мѣховыхъ шапкахъ; это были норманны, ушкуйники, гунны, если угодно, только не люди нашего времени, а какіе-то выходцы далекихъ, смолкнувшихъ въ быломъ историческихъ людей. Подобно тому какъ былъ окруженъ »Забіяка« въ Кеми водяными амазонками, въ ихъ роскошныхъ, пестрыхъ сарафанахъ, кокошникахъ и лентахъ, такъ виднѣлись здѣсь темносѣрыя, суровыя очертанія поморовъ, сплотившихся подлѣ клипера, чтобы взглянуть на Великаго Князя. То же яркое, теплое солнце освѣщало и эту картину, одну изъ роскошнѣйшихъ и самостоятельнѣйшихъ, представшихъ намъ на нашемъ далекомъ пути. Словомъ, ея не описать, тутъ нужны бы были или кисть, или карандашъ. Современные норманны окружили насъ въ самый моментъ прибытія нашего къ клиперу, т.-е. въ половинѣ 2-го пополудни. Его Высочество съ мостика на »Забіякѣ« милостиво разговаривалъ со стоявшими въ своихъ карбасахъ, обнаживъ мохнатыя головы, бѣлушниками, отъ вниманія которыхъ, конечно, не ускользнуло, насколько интересовался ихъ житьемъ-бытьемъ братъ Государевъ.

Пары на »Забіякѣ« были разведены, и мы не замедлили тронуться въ путь; намъ предстояло сдѣлать опять-таки очень длинный переѣздъ съ восточнаго берега Бѣлаго моря къ южному, къ городу Онегѣ. Въ 10 часовъ вечера перешли мы, въ который уже разъ, полярный кругъ и втянулись въ горло Бѣлаго Моря; довольно однообразное плаваніе было очень оригинально нарушено прилетѣвшимъ къ намъ воробушкомъ, привлекшимъ къ себѣ общее вниманіе. Отъ насъ до берега было тогда верстъ сорокъ. Смѣльчакъ-воробей, Богъ вѣсть почему занесшійся такъ далеко, опустился на палубу »Забіяки«, видимо уставшій, изнуренный; онъ волей-неволей нисколько не пугался обрадованной его посѣщеніемъ команды, отдохнулъ съ полчаса и пустился въ обратный летъ, по направленію къ берегу.

Къ полудню слѣдующаго числа, 27-го іюля выяснился вправо отъ насъ, первымъ изъ группы знакомыхъ намъ Соловецкихъ островов, подлѣ которыхъ мы проходили снова, Анзерскій островъ, и на немъ ярко отмѣчался надъ синевой моря бѣлый скитъ. Скоро, вслѣдъ за нимъ, преображенные полуденнымъ миражемъ, поднятые и плоско обрѣзанные по верхамъ, обозначились другіе Соловецкіе острова и наконецъ на короткое время глянула вдали и сама

Бѣлушники подлѣ »Забіяки«.

обитель. Миражъ удваивалъ и утраивалъ очертанія скалъ, дѣлилъ острова на два и на три яруса, при чемъ нижній слой составляли облака, а твердыя массы точно плыли выше ихъ въ голубомъ, совершенно чистомъ небѣ. Было 9° тепла и вѣтеръ стоялъ южный.

Около 2-хъ часовъ дня, опять-таки вправо, показался островъ Жужмуй и на немъ маякъ печальной памяти, на которомъ не очень давно люди, привезшіе припасы, нашли весь личный составъ служившихъ мертвымъ: причина смерти осталась до сихъ поръ необъясненною, но полагаютъ, что они угорѣли. По мѣрѣ движенія нашего къ юго-востоку, въ самое остріе Онежскаго залива, обозначались все настойчивѣе многіе острова и берегъ матерой земли, къ которой мы наконецъ приближались, дробимые на части сильнѣйшимъ миражемъ. Мы шли со скоростію 13 узловъ, но противъ насъ дѣйствовалъ отливъ со скоростью трехъ узловъ, такъ что въ сущности подвигались мы только на 10. Къ 8-ми часамъ вечера вправо отъ клипера выдвинулся изъ воды островъ Кіо, скалистый, лѣсистый, и на немъ монастырь, который предстояло намъ посѣтить завтра. Нѣсколько судовъ стояло по разнымъ сторонамъ на якорѣ; глубина была тутъ около 30′. Рейдъ, на которомъ мы бросили якорь, въ 15-ти верстахъ отъ города Онеги, давнымъ-давно служилъ и служитъ предметомъ пререканій между городомъ и компаніями лѣснаго торга: городъ находитъ, что рейдъ то и дѣло засоряется балластомъ, кидаемымъ въ воду съ судовъ, приходящихъ за лѣсомъ, и якорныя стоянки что ни годъ удаляются отъ города.

Вечеръ былъ удивительно прозрачный, при 18° тепла; море разстилалось кругомъ безусловно зеркальное, серебряное, скорѣе жемчужное, и цѣлыя группы скалистыхъ острововъ и недалекіе берега ясно обрисовывались по округѣ: тѣ, что были поближе, вслѣдствіе какой-то странной игры свѣта, казались черными; тѣ, что отстояли дальше, заливались огнями спускавшагося солнца и ярко, ярко краснѣли. Къ намъ не замедлилъ подойти пароходъ »Онега«, на который мы пересѣли и стали огибать Кіо-Островъ, оставляя его влѣво и направляясь такъ называемымъ новымъ фарватеромъ, обозначившимся только три года тому назадъ; до того здѣсь пользовались старымъ, идущимъ съ другой стороны острова. Мы обогнули островъ почти по цѣлому

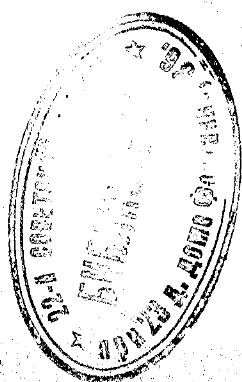
кругу и начали втягиваться въ самую узкую часть залива; къ рѣкѣ, гдѣ-то вправо отъ насъ, должна лежать знаменитая Нюхча, та, отъ которой пошелъ Петръ I къ Онежскому озеру; этотъ берегъ совершенно низменъ, тогда какъ на другомъ, лежавшемъ влѣво, обрисовывались невысокія лѣсистыя горы. Рѣка Онега, благодаря приливу, казалась полноводною, но это только казалось, потому что въ отливъ обнажается и она, хотя и не до такой степени, какъ Мезень, и въ руслѣ, передъ самымъ городомъ Онегой, глубина не бываетъ никогда менѣе 20′. Скоро вслѣдъ за входомъ нашимъ въ рѣку, съ берегами ея, поросшими лѣсомъ, увидѣли мы влѣво основанный три года тому назадъ лѣсопильный заводъ Шенглейна; вправо, немного повыше, растянулся вдоль воды старинный заводъ компаніи Онежскаго лѣснаго торга съ неисчислимымъ множествомъ бревенъ и досокъ, сложенныхъ въ многоярусные штабели. Штормъ, испытанный нами на Мурманѣ, нанесъ большіе убытки заводу Шенглейна, разметавъ и унеся около 4.000 бревенъ.

Сильно темнѣло, когда мы подошли наконецъ къ городу, лежащему на правомъ берегу рѣки, плоскомъ, обрывистомъ, песчаномъ. Въ виду его стояло на якорѣ 15 судовъ, отчасти нагруженныхъ лѣсомъ для отправки за границу, и три парохода; всѣ они были расцвѣчены флагами; между нихъ тѣснилось множество лодочекъ, и вся набережная была усыпана людьми. Городъ тянется вдоль рѣки версты на двѣ и, какъ и всѣ сѣверные города, начиная отъ Холмогоръ и Архангельска, придерживается воды и имѣетъ одну только улицу, если не считать коротенькихъ поперечныхъ переулочковъ, поросшихъ сочною травой, вполнѣ пригодною подъ пастбище. Тундра, какъ и въ Мезени, топорщится по улицамъ и здѣсь. Въ глубинѣ, за городомъ, обозначались невысокіе, поросшіе густымъ лѣсомъ холмы. Въ городѣ 2.600 человѣкъ жителей, въ уѣздѣ 36.000. Слѣдуетъ замѣтить, что тутъ, какъ и въ Мезени, мѣстная интеллигенція, — очень невеликая впрочемъ, (въ Мезени около 20, въ Онегѣ около 10 семействъ) — пристыдила нашу провинцію тѣмъ, что всѣ они живутъ въ мирѣ и любви и никакихъ враждебныхъ партій или кружковъ не имѣется.

Сойдя на берегъ и принявъ представившихся ему лицъ, Его Высочество направился немедленно въ соборъ; соборъ объ одномъ

Онега. Общій видъ.

восмипарусномъ куполѣ съ колокольней и отличается очень богатымъ, рѣзнымъ, точенымъ, бѣлое съ золотомъ, иконостасомъ. По посѣщеніи собора позднее время дня не допускало какихъ-либо осмотровъ и посѣщеній.

Въ городѣ Онегѣ, какъ и на всѣхъ остальныхъ пунктахъ сѣвернаго побережья, находились мы опять на древней, очень древней исторической почвѣ. Такой маленькій, невзрачный городокъ и такая удивительная историческая давность! Основанъ городъ въ XV вѣкѣ новгородцами, подъ именемъ »Устьянской волости«; въ мѣстномъ соборѣ хранится Евангеліе съ надписью, сдѣланною на немъ въ 1601 году. Онега уѣздный городъ съ 1780 года. Въ 1755 г. Императрица Елисавета Петровна дала графу Шувалову привилегію на заведеніе тутъ лѣсопильныхъ заводовъ и иностранную торговлю лѣсомъ; съ тѣхъ поръ и по сегодня Онега одинъ изъ самыхъ важныхъ лѣсопромышленныхъ центровъ. Шуваловы продали это право англичанину Гому на 30 лѣтъ; въ 1762 году Гомъ имѣлъ при одной Онежской верфи своихъ 50 кораблей. Въ 1781 году, по указу Екатерины II, учрежденъ былъ въ Онегѣ открытый портъ. Если англичане, сжегши въ 1856 г. Колу и бомбардировавъ Соловки, пощадили Онегу, такъ это потому, что тутъ лежали большіе запасы лѣсныхъ матеріаловъ, оплаченные англійскими капиталами, и стоялъ лѣсопильный заводъ, принадлежавшій англійскому торговому дому. Оригинальная защита, не правда ли?

Когда со второй половины XVIII вѣка въ здѣшнихъ лѣсахъ началъ хозяйничать Гомъ, то тщетно входила адмиралтействъ-коллегія, видя страшное и быстрое оскудѣніе корабельныхъ лѣсовъ, съ представленіями о вредѣ дарованной Гому привилегіи. Къ счастію у самого Гома дѣло не пошло, и казна передала права его Гауману въ 1769 году. Въ 1811 году »лѣсной торгъ« состоялъ подъ управленіемъ особыхъ директоровъ; съ 1833 года его отдали въ аренду Бранту; въ 1846 году — Кларку; съ 1856 года образовалась компанія »Онежскаго лѣснаго торга«. На сколько дурно понимали у насъ лѣсное хозяйство, видно между прочимъ изъ того, что еще въ 1843 г. начальникомъ главнаго морскаго штаба сообщено было министерству государственныхъ имуществъ Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы дозволить лѣсопромышленникамъ не вывозить съ мѣста рубки вершинникъ, сучья, щепы

и кору, — т. е. дозволено дѣлать именно то, что мѣшаетъ лѣсовозращенію.

Уже въ царствованіе Петра I начались жалобы на оскудѣніе нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ. Весь Мурманскій берегъ съ малыми исключеніями лишенъ лѣсной растительности, которая, такъ сказать, не смѣетъ подступить къ Полярному морю и начинается только верстахъ въ сорока отъ него. Тамъ, гдѣ въ укрытой бухтѣ виднѣются на поморьѣ сосны и ели, онѣ бываютъ иногда очень почтенныхъ размѣровъ, но многія изъ нихъ, если не большинство, пускаютъ вѣтви только въ сторону материка; къ морю, боясь его дыханія, словно отворачиваясь отъ сѣвера, глядятъ онѣ своими мшистыми, лишенными вѣтвей стволами. Полярная сосна, въ pendant нашей южной Таврической, тоже любитъ иногда украшаться шатровою вершиной, что при рѣзкихъ очертаніяхъ скалъ надъ порожистыми рѣками даетъ пейзажу особенно своеобразный, законченный видъ. Но крупные, прежніе, старые лѣса, обрамлявшіе нѣкогда Двину, Онегу, Мезень и многія другія сѣверныя рѣки, отошли въ исторію.

Небезполезно будетъ, говоря объ Онегѣ, служившей тѣмъ путемъ, которымъ прошли отъ насъ за-границу невообразимыя лѣсныя богатства, сказать нѣсколько словъ о положеніи нашего лѣснаго дѣла въ этихъ мѣстахъ въ настоящую минуту. Предпрошлый 1884 годъ былъ счастливымъ годомъ для министерства государственныхъ имуществъ, вѣдающаго лѣса, потому что истекли и истекаютъ сроки очень тягостныхъ для казны контрактовъ, заключенныхъ этимъ министерствомъ при другихъ министрахъ, лѣтъ двадцать и менѣе тому назадъ. Кончился контрактъ: 1) съ г. Бѣляевымъ по рѣкѣ Выгу, на основаніи котораго съ 1867 года онъ платилъ за бревно 80—96 коп., тогда какъ цѣна ему по таксѣ 1 руб. 84 коп. и до 3 руб. 92 коп.; 2) съ компаніей Онежскаго лѣснаго торга, платившею за бревно 1 руб. 12 коп., тогда какъ цѣна ему отъ 1 руб. 15 коп. до 3 руб. 92 коп.; 3) въ 1888 году истекаетъ срокъ контракта съ фирмой Русанова, дѣйствующаго съ 1870 года, на мезенскую операцію, въ которомъ закрѣплены цѣны за бревно 60—80 коп., тогда какъ по таксѣ слѣдуетъ 93 коп. и до 2 руб. 72 коп.; нужно замѣтить однако, что на пильный лѣсъ таксы эти возвышены въ 1880 году на 25%, въ 1881

Онега. Соборъ.

году — на 24%, въ 1882 году положено было возвысить ихъ еще на 39%.

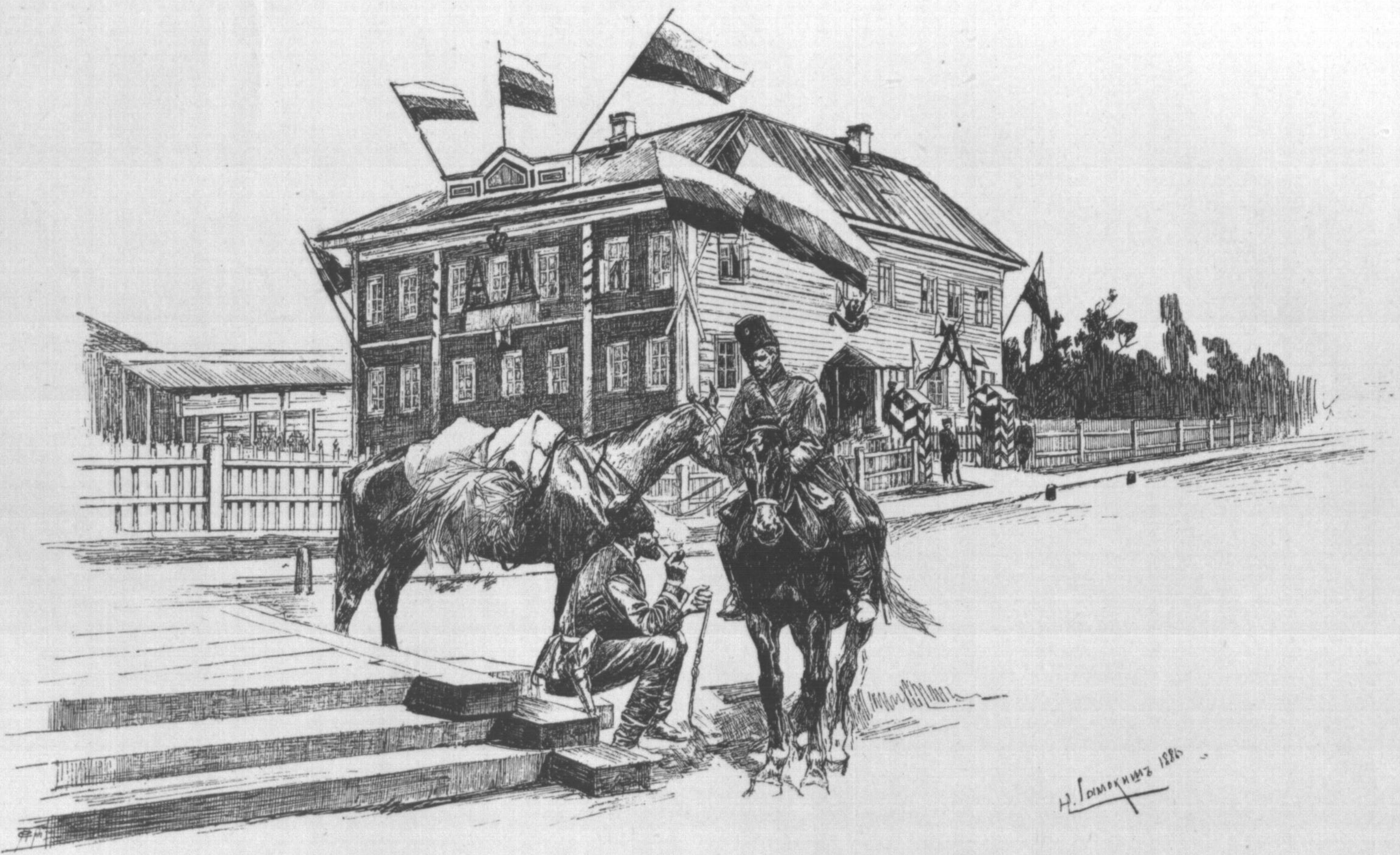
Серьезность положенія нашего сѣвернаго лѣснаго хозяйства вызвала особенно тщательныя изслѣдованія. Въ іюлѣ 1881 года командированы были въ Архангельскую губернію лѣсные чины, и они нашли, что лѣсная операція идетъ тутъ вовсе нежелательнымъ способомъ: рубки, производимыя только по рѣкамъ, идутъ не далѣе какъ на 7—10 верстъ отъ береговъ ихъ и, при возрастаніи требованій на лѣсъ, распространяются не вглубь лѣсныхъ пространствъ, а къ верховьямъ рѣкъ. Министерство пришло къ заключенію, что на будущее время рубку слѣдуетъ допускать не съ общей площади лѣсныхъ дачъ, а съ тѣхъ береговыхъ полосъ, въ которыхъ рубка должна производиться. Найдено было также очень невыгоднымъ, что все лѣсное дѣло сосредоточено въ рукахъ немногихъ лицъ и что контракты съ ними слишкомъ продолжительны; найдено также, что сама эксплоатація ведется неправильно, потому что рубятъ какъ бы по недоглядкѣ, много недомѣрнаго лѣса и оставляютъ его лежать, что, за-одно съ отрубленнымъ и валяющимся вездѣ вершинникомъ, дѣйствуетъ въ высшей степени вредно на возобновленіе лѣса. Рѣшено было также, въ виду повторявшихся на торгахъ стачекъ лѣсопромышленниковъ, не повторять въ томъ же году однажды несостоявшихся торговъ. Мѣра довольно простая, но для казны очень благодѣтельная, такъ какъ лѣсъ, простоявъ на корню лишній годъ, въ цѣнности своей не убавится, а промышленникамъ пустующій годъ — не доходъ.

Какъ сказано, кончившіеся сроки контрактовъ очень помогли министерству, но нельзя не сказать ему спасибо за то, что оно исходатайствовало Высочайшія повелѣнія на расторженіе двухъ контрактовъ: со »Святнаволокскимъ Товариществомъ« и съ »Вытегорскою Лѣсною Операціей«. Эти оба контракта были покушеніемъ на обезлѣсеніе Онежскаго озера сразу съ двухъ сторонъ, съ восточной и съ западной, и этого теперь больше не будетъ. Громадно значеніе нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ и для поморовъ. Не говоря уже о томъ, что охота въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ для очень многихъ людей единственный заработокъ, но и для развитія и поддержанія рыбныхъ океанскихъ промысловъ наши лѣса необходимы. Цѣлый рядъ коммиссій,

имѣвшихъ предметомъ поднятіе благосостоянія нашего сѣвера, ходатайствовалъ о помощи поморамъ. Отъ лѣснаго вѣдомства за послѣдніе годы дана имъ помощь большая. Вотъ перечень нѣкоторыхъ льготъ. Въ 1882 году разрѣшенъ безденежный отпускъ лѣса кореламъ Кемскаго уѣзда, разрѣшено всѣмъ лопарямъ и Яковлевскому Обществу безденежное пользованіе лѣсомъ на домашнія потребности, а всей Архангельской губерніи по цѣнамъ пониженнымъ въ такомъ размѣрѣ, что кубическая сажень дровъ отпускается имъ по 16 коп., тогда какъ рыночная цѣна ея отъ 85 коп. до 1 руб. 75 коп., а для норвежцевъ даже до 2 руб. 55 коп. Въ 1883 году распространенъ льготный отпускъ лѣса для постройки судовъ всѣмъ жителямъ Архангельской губерніи и наконецъ въ 1884 году разрѣшено мѣстному управленію государственными имуществами допускать крестьянъ къ безплатному пользованію пнями, корнями и валежникомъ для смолокуренія. Если не смотрѣть на казну какъ на кошель, открытый всѣмъ и каждому, то нельзя не согласиться, что лѣсныя льготы, данныя жителямъ Архангельской губерніи, достаточно велики: поморъ можетъ строиться, отапливаться и поднимать свою шняку для промысловъ чуть-ли не даромъ.

На слѣдующій, по прибытіи въ Онегу, день, 28-го іюня, намъ предстояло много любопытнаго: посѣщеніе лѣсопильнаго завода и замѣчательной in naturam выставки охоты и рыболовства. Доказательствомъ тому, что мы находились въ лѣсной мѣстности, служили необозримыя полчища комаровъ, забивавшіяся въ комнаты. Чудотворно было жженіе на блюдцахъ персидскаго порошка при закрытыхъ окнахъ: едва только разстилался синій дымокъ его по комнатѣ, какъ комары валились сотнями, и несносное, незатѣйливое жужжаніе ихъ, сопряженное съ молчаливыми уколами, прекращалось.

Впрочемъ эти вечернія и ночныя нападенія комаровъ — такъ думалось намъ — должны были прекратиться утромъ слѣдующаго дня при предстоявшихъ посѣщеніяхъ. Ничуть не бывало. Яркій солнечный день нисколько не умалилъ ихъ ожесточенныхъ нападковъ. Это было замѣтно особенно ясно, когда Его Высочество производилъ смотръ онежской мѣстной командѣ. Команда была построена для смотра въ полуротномъ составѣ на полянѣ при выѣздѣ изъ города. Послѣ ружейныхъ пріемовъ и уставнаго

Онега. Домъ въ которомъ Его Высочество останавливался.

ученья Великій Князь смотрѣлъ гимнастику. Посѣтивъ вслѣдъ затѣмъ казармы, столовую, кухню и цейхгаузы, Его Высочество направился въ командную канцелярію, гдѣ потребовалъ ордера предшествовавшихъ инспекцій, внимательно ихъ разсмотрѣлъ и дѣлалъ по нимъ указанія; провѣривъ соотвѣтственность наряда людей на службу по домашнему обиходу, ознакомился съ порядкомъ веденія штрафнаго журнала и съ состояніемъ въ командѣ грамотности. Молодцами выдерживали солдаты во время ученья невыносимыя атаки комаровъ. По словамъ начальствующихъ лицъ, мучительность этихъ жужжащихъ комариныхъ тучъ бываетъ такъ велика, что жалко становится командовать людямъ »смирно« и видѣть, какъ облѣпляютъ комары неподвижныя, подставленныя ихъ уколамъ лица. Впрочемъ эти онежскіе комары были только слабою прелюдіей того, что предстояло намъ встрѣтить впослѣдствіи.

Въ Онегѣ есть портовая таможня и таможенный отрядъ, и Его Высочество, послѣ осмотра, посѣтилъ казарму отряда. Это была третья подобная казарма, посѣщенная Великимъ Княземъ, и надо отдать полную справедливость чистотѣ и удобству всѣхъ ихъ; помѣщенія даже роскошны.

Въ 11-мъ часу на лодкахъ переѣхали мы къ лѣсопильному заводу, лежащему почти противъ города. Это одинъ изъ тѣхъ пунктовъ нашего сѣвернаго побережья, изъ котораго съ давнихъ дней прошло за-границу огромное количество нашихъ лѣсныхъ матеріаловъ. Нынѣ дѣйствующая лѣсная компанія пріобрѣла заводъ въ собственность въ 1863 году за ничтожную сумму, 65.000 рублей; количество заготовляемаго лѣса съ 1856 по 1885 годъ до 125.000 бревенъ, но бревнами онъ за-границу не отправляется, ихъ пилятъ, обращаютъ въ доски и отправляютъ въ Англію въ количествѣ 75.000 дюжинъ. Рейки, остающіяся съ боковъ бревенъ, и обрѣзки концовъ идутъ главнымъ образомъ на дрова. Безконечно хуже и обиднѣе судьба опилковъ, получающихся въ громадномъ количествѣ и лежащихъ кругомъ изжелта-бѣлыми холмами. Подобно тому какъ бросаются въ море внутренности трески, туши бѣлухи и акулы и еще недавно бросались туши китовъ, опилки эти безсовѣстнымъ образомъ сжигаются, чтобы не занимали мѣста; мало, въ самомъ дѣлѣ, мѣста на сѣверѣ Россіи! Изъ нихъ можно бы добывать и уксусную

кислоту, и соду, и дѣлать древесную массу, но, говорятъ, устройство спеціальнаго завода слишкомъ дорого, жечь несомнѣнно дешевле. И мы видѣли, какъ за заводомъ голубымъ дымкомъ улетучивались значительные капиталы нашей богатой капиталами Россіи.

Во время великокняжескаго посѣщенія заготовленнаго лѣса лежало на заводѣ тысячъ на 600; главное — сосна, но есть и ель, которая въ послѣднее время, вслѣдствіе оскудѣнія сосны, начинаетъ находить сбытъ. Самая удаленная отъ завода доставка лѣса идетъ изъ Каргопольскаго уѣзда по рѣкамъ Мошѣ и Онегѣ розсыпью; у села Корельскаго поставленъ затонъ, ниже — другой, подлѣ Анды, откуда лѣсъ, связанный плотами бревенъ въ 600, спускается до Онеги. Въ Англію отпускаются около 24 судовъ; для нагрузки имѣются два парохода. Заводъ устроенъ хорошо; рабочихъ лѣтомъ 500, зимой — 200 человѣкъ, и для нихъ особая казарма; паровая машина въ 70 силъ. Великій Князь, подробно разспрашивая о судьбахъ нашего лѣса, обошелъ рѣшительно весь заводъ. Досокъ четыре сорта, пятый — бракъ, остающійся, конечно, для сбыта поморамъ, которые и производятъ имъ свою мелочную торговлю.

Къ 4-му часу пополудни были мы снова въ городѣ и выѣхали немедленно въ экипажахъ для осмотра замѣчательнѣйшей выставки, устроенной въ Андѣ, верстахъ въ 5—6 отъ города, на высокомъ, красивомъ берегу Онеги. Лошадей было приготовлено достаточно, такъ что пословица, гласящая, что »во всей Онегѣ нѣтъ телѣги«, оказалась несправедливою. Дорога идетъ по правому, высокому берегу Онеги, то теряясь въ лѣсу, то выбѣгая на самую кручу къ рѣкѣ, изгибающейся далеко внизу. Въ Андѣ, при впаденіи небольшой рѣчки Анда, стоитъ бездѣйствующій старый лѣсопильный заводъ. На высокой горѣ, на расчищенной площадкѣ, въ сплошномъ лѣсу, поставленъ былъ красивый павильонъ, изъ котораго открывался богатый видъ на протекавшую глубоко внизу, вдоль обнаженныхъ камней, Онегу и на лѣсопильный заводъ, виднѣвшійся въ поперечной къ ней котловинѣ. Сосна, ель, осина, береза, можжевельникъ образовывали кругомъ сплошныя кущи, и множество народа въ праздничныхъ одѣяніяхъ тѣснилось близъ павильона, образуя самыя характерныя живописныя группы.

Онега. Выставка въ Андѣ. Павильонъ.

Главный интересъ посѣщенія Анды состоялъ въ выставкѣ, разбросанной по гористому лѣсу. Устроители задались счастливою мыслью представить Его Высочеству охоту и рыбную ловлю — два главные мѣстные промысла — въ образцахъ, но не уменьшенныхъ, не въ моделяхъ, а въ натуральную величину. Вся волнистая поверхность лѣса была изрѣзана берлогами, обставлена силками и тенетами; на болѣе открытыхъ мѣстахъ во всю вышину и многосаженную длину протянуты были хитрыя, очень сложныя сѣти, мережи, мѣшки, затоны, заколы, практическую примѣнимость которыхъ можно было видѣть на томъ, какъ случайно забѣжавшая въ заколъ собаченка не могла выбраться на свободу и была освобождена только съ великимъ трудомъ людьми.

Въ Онежскомъ лѣсничествѣ десять волостей, промышляющихъ охотой. Самый большой процентъ приходится на лѣсную дичь, затѣмъ на бѣлку и самый ничтожный на куницъ, лисицъ и оленей. Промыслы начинаются съ 1-го октября. Еще зимой, за восемь мѣсяцевъ до начала охоты, на лошадяхъ или на лыжахъ, вывозятъ охотники на мѣста своихъ охотъ, къ избушкамъ или лабазамъ, съѣстные припасы, состоящіе изъ муки, крупъ, сухарей и соли; такъ и ожидаютъ они тамъ все лѣто и осень. Порохъ, свинецъ и котелокъ приноситъ охотникъ съ собой. Самая малая доля птицъ бываетъ убита изъ ружья; остальное количество добывается ловушками, пастями, силками, очапами, наворами и пр. Каждый промышленникъ имѣетъ въ лѣсу свой участокъ по нѣскольку верстъ въ окружности; дѣленіе это, свято соблюдаемое, произошло изстари, совершенно съ тою же, нигдѣ незаписанною, никакому нотаріусу неявленною прочностью, какъ и владѣніе лопарскими чумами на Мурманѣ. Каждый промышленникъ имѣетъ свой »путикъ«, по которому онъ ходитъ, и никогда не вторгается въ чужое владѣніе. Начинающій охотиться или покупаетъ путикъ, или пріискиваетъ новый. При раздѣлѣ семьи, при свадьбахъ, путики дѣлятся, какъ и прочее имущество. Ловушки, поставленныя по путику, промышленникъ обходитъ въ два дня; у самыхъ богатыхъ выставляется до 3.000 силковъ. Собранная дичь хранится въ »лабазахъ«: это бревенчатыя клѣтки, торчащія высоко на одномъ бревнѣ. Добываемую птицу крестьяне продаютъ скупщикамъ: рябчики и глухари по 20—25 коп. за пару, бѣлка — 8—10 коп., оленье

мясо — 80 коп. пудъ, шкура лисицы 3—4 рубля; все это продается или на Шунгской ярмаркѣ, или въ Петербургѣ; медвѣжьи шкуры, цѣною до 50 руб., находятъ сбытъ въ Финляндію.

О характерѣ мѣстной охоты можно бы было написать цѣлую книгу, полную высокаго интереса. Главные предметы, служащіе ей, видѣли мы при объясненіяхъ мѣстнаго лѣсничаго, главнаго устроителя выставки, сопровождавшаго Его Высочество; объясненія были очень ярки и кратки. Отъ медвѣжьей берлоги и лисьей норы вплоть до колодъ для ловли выдръ и оленей, капкановъ, пастей — все это было передъ нами; виднѣлись лабазы, промысловыя избушки, рѣчные и морскіе переметы для семги, уремы для налимовъ, заборы для ловки камбалы, сельдяные рюжи и невода, и все это въ натуральную величину, съ самыми точными объясненіями.

Нѣкоторыя изъ выставленныхъ вещей и снарядовъ свидѣтельствовали о большой хитроумной практичности. Къ числу таковыхъ надо отнести, напримѣръ, петлю для ловли рябчика: въ моментъ стягиванія петли на попавшую птицу опускается берестяный колпачекъ, сохраняющій ее отъ непогоды за все то время, пока отсутствуетъ промышленникъ; характерна »нодья« или »норья«—костеръ для поддержанія долгаго, медленнаго огня въ долгую осеннюю ночь, безъ ухода за огнемъ: все дѣло въ двухъ бревнахъ, положенныхъ одно на другое со щелью посрединѣ и обгорающихъ только съ одного бока.

Очень характерны были 35 мѣстныхъ промышленниковъ, стрѣлковъ, въ ихъ одѣяніяхъ, со всякими навѣсками у пояса и на груди, стрѣлявшихъ въ присутствіи Великаго Князя на призы, съ разстоянія 21 сажени съ подставъ — обыкновенный способъ ихъ стрѣльбы; большинство попадало въ яблоко; даже такіе, у которыхъ нѣтъ своего ружья, потому что нѣтъ денегъ свое ружье »вести«, и они отлично стрѣляли изъ чужихъ ружей. Ружья эти вполнѣ археологическія. Великій Князь роздалъ призы собственноручно и много разспрашивалъ охотниковъ.

Осмотръ этой любопытнѣйшей изо всѣхъ видѣнныхъ нами выставки продолжался очень долго. Дѣвушки водили хороводы и пѣли, а далеко внизу по рѣкѣ Онегѣ на глазахъ нашихъ производился ловъ семги; неводъ тянули двѣ лодки, и эти суде-

Онега. Анда. Группа охотниковъ.

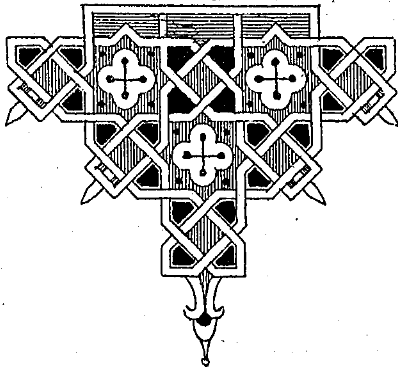

БИБЛИОТЕКА

нышки, шедшія попарно, казались намъ съ высоты горы очень маленькими.

Около семи часовъ вечера покинули мы Онегу на пароходѣ »Онега« и направились къ »Забіякѣ« старымъ фарватеромъ; по пути, передъ тѣмъ, чтобы сѣсть на клиперъ и сдѣлать на немъ послѣдній рейсъ къ недалекому Сумскому посаду, предстояло намъ посѣтить Кіостровскій монастырь. Вѣтеръ свѣжѣлъ, пристать къ монастырскимъ скаламъ было трудно. Звонъ колокола вѣщалъ о томъ, что это вечеръ передъ Петровымъ днемъ.

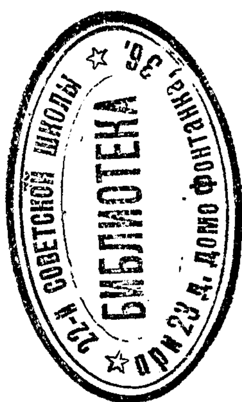
Въ Онегѣ, которую мы покинули, имѣется мореходный классъ, въ зимнее время, конечно. Это учрежденіе очень полезно, равно какъ и шкиперскіе курсы, въ основаніе которыхъ положено Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 27-го іюня 1868 года. »Шкиперскій курсъ«, училище третье-разрядное, состоитъ вполнѣ на иждивеніи казны и ихъ въ настоящее время на сѣверѣ два: въ Кеми и Архангельскѣ; »мореходные классы«, пользующіеся правами II разряда, открываются только тогда, когда мѣстное общество даетъ не менѣе 200 руб.; казна въ такомъ случаѣ приплачиваетъ львиную долю — 800 руб. Этихъ классовъ въ настоящую минуту четыре: въ Патракѣевской волости, близъ Мудьюгскаго маяка, имѣющей около 60 собственныхъ судовъ, въ Кушрѣкѣ, между Онегой и Сумой, въ Сумскомъ посадѣ и въ Онегѣ. Въ зиму 1883—1884 года въ шкиперскихъ курсахъ было учениковъ: въ Архангельскомъ 35, въ Кемскомъ 31; въ мореходныхъ классахъ: въ Сумскомъ 17, Кушерѣцкомъ 21, Онежскомъ 16, Патракѣевскомъ 25. Очень немногіе изъ учениковъ учатся пятую и шестую зиму, большинство ограничивается 2—3 курсами; по выпускѣ значатся они штурманами, шкиперами, юнгами, коками, матросами, попадаются и зуйки. По свѣдѣніямъ »Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству«, во всѣхъ 40 школахъ всѣхъ нашихъ европейскихъ морей, зимою 1883—1884 года, имѣлось 1335 учениковъ; для полноты слѣдуетъ прибавить 15 человѣкъ Тобольской, единственной для всей Сибири. При болѣе широкомъ поднятіи промысловъ на сѣверѣ, особенно въ сторону Новой-Земли, въ открытое море, классы и курсы непремѣнно разовьются, такъ какъ готовый матеріалъ въ прирожденныхъ морякахъ существуетъ и потреб-

ность есть. То что намъ говорили о выпущенныхъ ученикахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что цѣль достигается вполнѣ, люди знаютъ свое дѣло, а отъ дѣдовъ и отцовъ завѣщаны имъ качества отваги и сметки которыхъ въ другихъ мѣстахъ поискать.

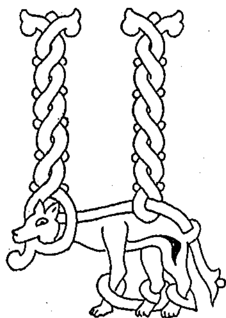
Онежскій охотникъ съ лайкою.

22-й советской школы
БИБЛИОТЕКА
при 23 д. доме Фонтанка, 36.

Конецъ морскаго пути. Сумскій посадъ.

Островъ Кіо. Крестный монастырь и его древности. Послѣдній обѣдъ на »Забіякѣ«. Сумскій рейдъ и прощаніе съ »Забіякой«. Опять женскій городъ. Сумлянки. Сельдяной и семужій промыслы. Рѣка Сума. Сумскій посадъ. Его соборы и подворье. Замѣчательныя древности. Отъѣздъ въ Повѣнецъ.

Цѣлый день было совершенно тихо и небо свѣтило ясно, но къ вечеру появились Богъ вѣсть откуда небольшіе, порывистые шквалики и поверхность залива подернулась довольно крупною волной. Мы оставили Онегу идя старымъ фарватеромъ, гораздо болѣе короткимъ, чѣмъ новый, доступнымъ только въ приливъ; онъ обставленъ баканами, и вотъ уже два года, такъ говорятъ по крайней мѣрѣ, здѣшніе люди ходатайствуютъ о провѣркѣ его и нанесеніи на карту, но отвѣта не имѣютъ; еслибы это было исполнено, то суда страховались бы до самаго города; теперь ихъ страхуютъ только до рейда.

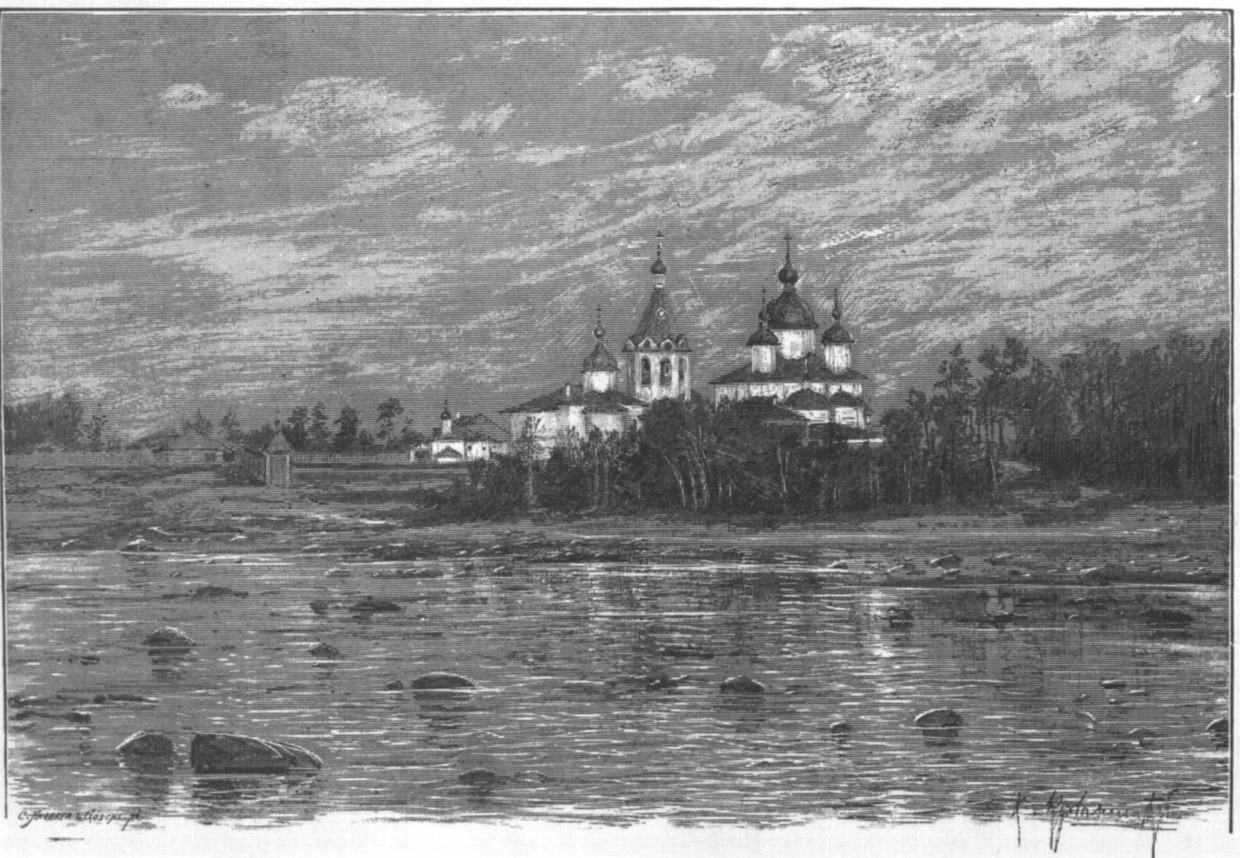
До Кіостровскаго монастыря близехонько. Легенда сообщаетъ, что названіе Кіо-островъ произошло такъ: Никона, будущаго патріарха, когда-то инока Соловецкаго монастыря, разбила въ этомъ мѣстѣ буря; »Кій островъ?« (какой это островъ), спросилъ будто-бы Никонъ, и имя это за островомъ и за воздвигнутымъ Никономъ монастыремъ, такъ и осталось.

Островъ Кіо, или лучше небольшая группа островковъ, поднимаются изъ моря, въ виду устья Онеги, обточенными временемъ и вѣчными приливами скалами; при полной водѣ имѣются только три острова, при малой ихъ много; скалы словно обрѣзаны на-

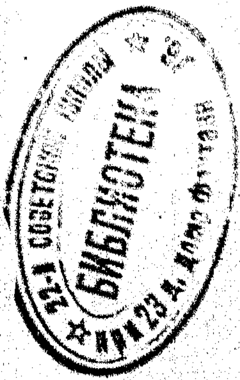
двое тою горизонтальною чертой, до которой поднимаются приливы; подъ нею не цѣпляется за скалы ни единой травки, ни одного корешка, и они вѣчно лоснятся въ своемъ розовомъ обнаженіи, вѣчно обмываемые; надъ этою чертой непосредственно начинаются мхи и травы и поднимается старый хвойный боръ, въ гущахъ котораго пріютились три монастырскія церкви. Мы пристали къ острову на вельботѣ, и жаль было смотрѣть какъ постукивали бѣлые бока его, какъ царапался киль о твердые граниты, благодаря двигавшейся волнѣ. Отъ берега идетъ некрутой подъемъ, и такъ какъ гранитныя глыбы, составляющія весь островъ, вовсе не удобны для хожденія, то проложены по нимъ доски, по которымъ мы и слѣдовали. Великій Князь былъ встрѣченъ у воротъ обители настоятелемъ Архимандритомъ Ювеналіемъ и братіею, которой здѣсь всего десять человѣкъ. Звонъ небольшихъ колоколовъ тихо разносился по старымъ хвоямъ позлащаемымъ опускавшимся солнцемъ. Вслѣдствіе свѣжаго вѣтра, не смотря на канунъ Петрова дня, никого молящихся на пустынномъ островкѣ не было, кромѣ насъ.

Построенъ монастырь въ срединѣ XVII вѣка. Запрестольный образъ главнаго храма — Воздвиженіе Креста, и монастырь зовется Крестнымъ. Иконостасъ старый, рѣзной, четырехъярусный; подлѣ царскихъ дверей, справа, нарушая его симметрію, между четырьмя массивными столбами изъ розоваго мрамора, подъ аркой, поставленъ большой деревянный, имѣющій триста лѣтъ вѣку, крестъ. Замѣчательно, что на этомъ храмѣ всего только три купола: одинъ центральный — побольше, два другіе поменьше и помѣщаются они надъ абсидами; замѣчательно и то, что на хорахъ, подъ куполомъ, имѣется однопридѣльная церковка Михаила Архангела, изнутри храма невидная.

Вся обстановка храма, благодаря уединенному положенію монастыря, не измѣнилась и отъ нея вѣетъ далеко прошедшимъ. Древняя люстра съ двуглавымъ орломъ красуется низко нависая подъ главнымъ куполомъ; имѣется портретъ патріарха Никона 1665 года, его шапка, описаніе жизни, суда надъ нимъ и отвѣты Никона. Имѣется небольшой архивъ съ грамотами и письмами былыхъ властителей и властительницъ земли Русской; очень недурны нѣкоторые изъ вкладовъ, напримѣръ кубокъ аугсбургской работы, на который Его Высочество не замедлилъ обратить вниманіе,

Кіо-островъ. Крестный монастырь.

БИБЛИОТЕКА

подарокъ боярина Матюшкина, съ характерною припиской къ надписи: »А кто украдетъ, да будетъ проклятъ«.

Вѣроятно не моложе главнаго храма небольшая деревянная церковка, во имя Всѣхъ Святыхъ, стоящая на братскомъ кладбищѣ; немногочисленные крестики окружаютъ ее, и трудно представить себѣ, какъ устраиваются могилы въ мирѣ отошедшихъ братьевъ въ этихъ массахъ вѣковѣчнаго гранита. Темень хвои осыпается надъ ними и наполняетъ глубокія щели; сумрачно смотритъ лѣсная чаща, но скромные крестики, кое-гдѣ покосившіеся, гласятъ о какомъ-то невозмутимомъ спокойствіи, о какой-то святой увѣренности въ томъ, что есть будущее и что могила — не послѣднее слово. Скалы холодятъ впечатлѣніе. Но если могутъ возрастать на нихъ старинныя сосны, отчего же не народиться и новенькой могилѣ?

Мы возвратились къ пароходу »Онега« тѣмъ же путемъ, какъ и прибыли. Видъ на монастырь съ моря очень недуренъ; зеленые, луковичные купола его рѣзко выдѣляются на бѣлыхъ стѣнахъ и царятъ надъ вѣчною зеленью сосенъ; вечернее освѣщеніе ударяло со стороны, когда мы отъѣзжали, и картинка просилась въ рамку. Въ 9-мъ часу вечера были мы на »Забіякѣ« и поднялись на него по трапу въ послѣдній разъ, такъ какъ намъ предстоялъ еще только одинъ небольшой переходъ моремъ, до Сумскаго посада, а затѣмъ предвидѣлось прощаніе съ клиперомъ. Къ приходу Его Высочества »Забіяка« былъ неузнаваемъ: весь высокій ютъ его, вся кормовая часть, была обращена въ своеобразный столовый залъ. Изо всѣхъ флаговъ, всѣхъ націй, имѣющихся на каждомъ военномъ суднѣ, устроенъ былъ клокотавшій на вѣтрѣ павильонъ. Крѣпчавшій вѣтеръ двигалъ длинными волнами всѣ эти изображенія орловъ, львовъ, носороговъ, змѣй, солнцъ, огнедышащихъ горъ и коронъ, расцвѣченныхъ всѣми самыми яркими красками радуги; вздувавшаяся волна моря съ шумомъ била въ крутые бока »Забіяки«, но импровизованный фонтанъ, устроенный за кормой, поднимавшій массу воды, заглушалъ эти всплески и удары. Противъ наступавшихъ сумерокъ тоже были приняты надлежащія мѣры, и надъ импровизованными столами затеплились бѣлыми звѣздочками электрическія лампы. Свѣтъ отъ заката проникалъ сквозь флаги, свѣтъ отъ лампъ ударялъ на нихъ съ внутренней стороны, и все это одушевлялось

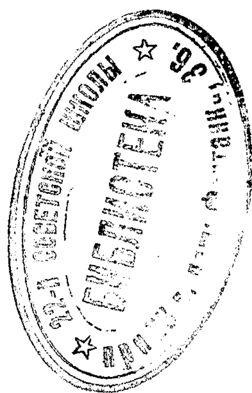
вѣтромъ, не заглушившимъ однако тоста, провозглашеннаго за здравіе Его Высочества, и здравицы Великаго Князя въ честь командира, офицеровъ и команды »Забіяки«. Это былъ послѣдній обѣдъ, данный Его Высочествомъ офицерамъ. За все время пути на »Забіякѣ« офицеры были гостями Великаго Князя; къ послѣднему обѣду устроили они ту фантастическую, колебавшуюся столовую изъ флаговъ, которую мы описали. По окончаніи обѣда мы снялись съ якоря, и 29-го, утромъ, въ Петровъ-день, въ 8½ часовъ, бросили якорь въ 13 верстахъ отъ Сумскаго посада, бросили его въ послѣдній разъ.

Заключительный переѣздъ былъ наконецъ сдѣланъ. Предстояло прощанье съ моремъ и съ »Забіякой«. День былъ удивительный и термометръ показывалъ 22° въ тѣни. Широко раскидывался серебряною гладью заливъ; надъ водой выплывали замыкавшіе его почти отовсюду кольцомъ гдѣ берега, гдѣ островки; вдали чуть-чуть поблескивали строенія Сумскаго посада, составляющаго подобно Архангельску вторую главную станцію богомольцевъ, отправляющихся въ Соловки. Кое-гдѣ по заливу виднѣлись стоявшія на якорѣ суда, плывшіе къ намъ карбасы мѣстнаго отряда пограничной стражи и другіе, назначенные для принятія нашихъ вещей.

На самомъ »Забіякѣ« съ ранняго утра все было прибрано и блестѣло на яркомъ солнцѣ тонами всѣхъ металловъ, участвовавшихъ въ его прочномъ вооруженіи. Часъ спустя послѣ остановки, Великій Князь, увѣдомленный о томъ, что все готово къ съѣзду на берегъ, вышелъ къ офицерамъ и командѣ, выстроившимся, какъ и при прибытіи Его Высочества на клиперъ, и сказалъ имъ свое милостивое слово благодарности. 15-го іюня сѣли мы на клиперъ, 29-го — сходили съ него, проведя на немъ ровно двѣ недѣли, обѣжавъ все Мурманское побережье и пройдя не разъ вдоль и поперекъ по всему Бѣлому морю. Сколько было впечатлѣній, сколько почерпнуто полезныхъ свѣдѣній, сколько промелькнуло удивительныхъ картинъ! Освѣщало насъ въ пути полуночное солнце, освистывала буря, поражалъ глубокою, внушительною молчаливостью серебряный штиль. Только разъ, единственный разъ, подлѣ Святаго-Носа, измѣнили своей обязанности двѣ трубочки въ холодильникѣ, вслѣдствіе солености воды; все остальное совершалось съ точностью удивительною, и нѣсколько словъ, ска-

Кіо-островъ. Кладбищенская церковь.

БИБЛИОТЕКА

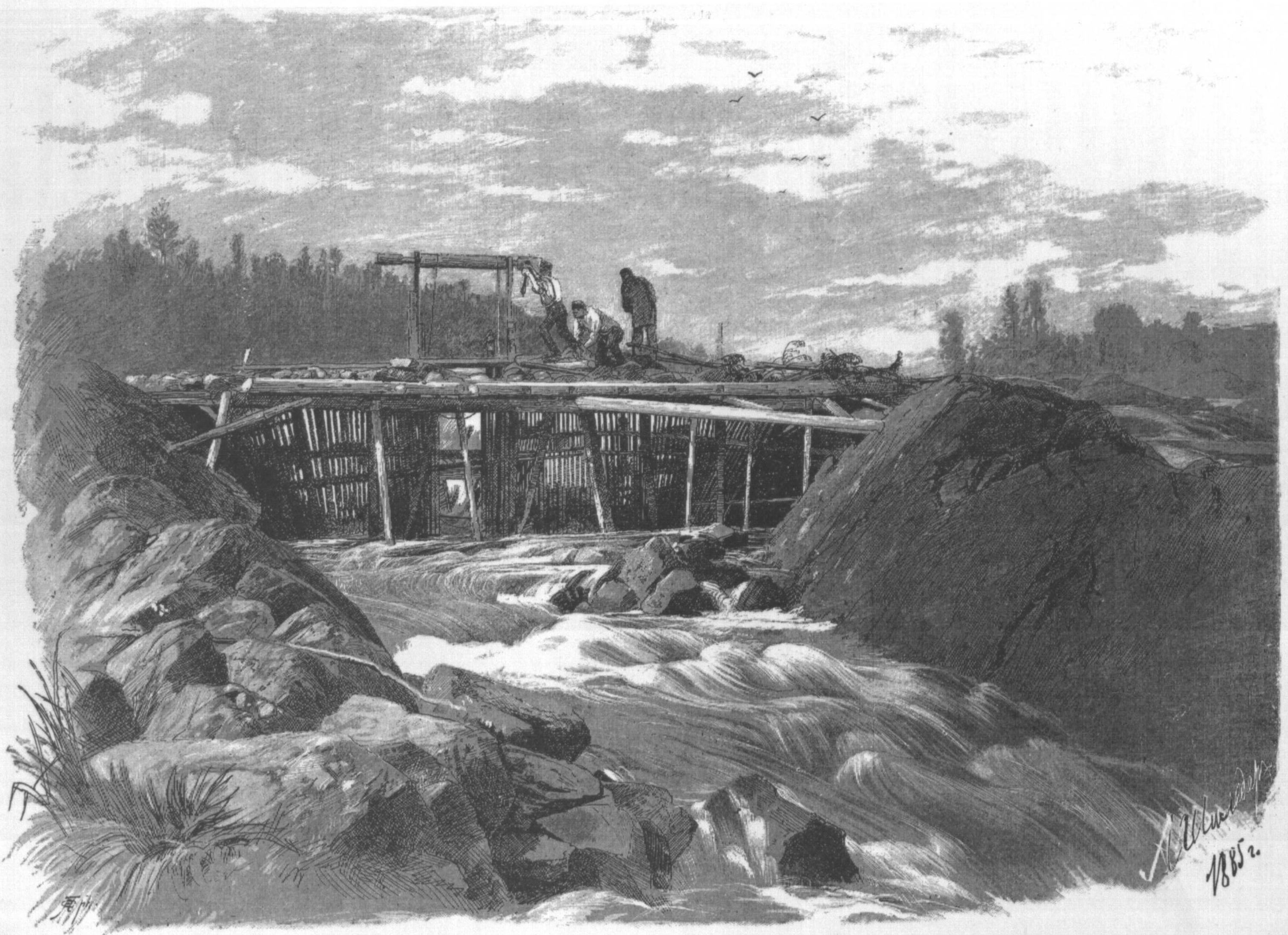
занныхъ Его Высочествомъ, были справедливымъ воздаяніемъ той доброй славѣ, которая ходитъ по нашему флоту относительно »Забіяки«. Когда мы сошли съ палубы и Великій Князь на паровомъ катерѣ направился къ Сумамъ, высоко надъ нами зарокотали пушки клипера, прощавшагося съ Августѣйшимъ Путешественникомъ. Внушительные голоса орудій казались особенно сильными, благодаря глубокому штилю; блескъ моря былъ ослѣпителенъ. Сѣверное море хотѣло оставить по себѣ самое свѣтлое, самое теплое впечатлѣніе, и, по мѣрѣ удаленія нашего, »Забіяка« облекся весь густымъ опаловымъ дымомъ и скрылся въ немъ, словно задумался. Онъ прошелъ какъ сонъ. Мы увидѣли его вновь, отъѣхавъ довольно далеко, когда дымъ съ него сдвинулся и черные бока клипера и его черныя мачты прорѣзались на глубокой лазури тонкимъ силуэтомъ, то и дѣло умалявшимся. Удалялись отъ насъ также, подрѣзываемые миражемъ, островки Бѣлаго моря: они словно таяли и, приподнимаясь въ воздухъ, исчезали. Миражи встрѣтили насъ, миражи проводили.

Сумскій рейдъ такъ же мелокъ, какъ и всѣ остальные, и фарватеръ направляется къ посаду очень извилисто. Для его обозначенія поставлены были въ открытомъ морѣ — такъ мелко оно здѣсь — березки и елочки, кое-гдѣ обвѣшенныя вѣнками. Подлѣ ближайшихъ къ намъ, первыхъ со стороны моря, вельботъ былъ встрѣченъ цѣлою флотиліей лодченокъ: на веслахъ сидѣли все женщины; кое-гдѣ на руляхъ, но рѣдко, виднѣлись мужчины. Если женщина сядетъ на руль, здѣсь, какъ и на всемъ поморьѣ, надъ этимъ смѣются. Передъ нами повторилась картина женскаго города, видѣнная нами въ Кеми и Колѣ, съ тѣмъ же блескомъ одѣяній, пестротой лентъ и золотомъ кокошниковъ; съ тою же силой и ловкостью управлялись сумлянки со своими лодченками, такъ же дружно налегали онѣ на весла, такъ же громко кричали »ура«; букеты и вѣнки, кинутые на встрѣчу Великому Князю, падая на серебряную водную поверхность, лежали, благодаря отсутствію теченія, неподвижно, и только тѣ изъ нихъ, что подвертывались подъ весло, кружились и измѣняли мѣсто. Великій Князь пересѣлъ на одну изъ лодокъ, и мы не замедлили войти въ самую рѣку Суму, довольно узкую, извилистую, бѣгущую въ яркой сочной зелени низменныхъ береговъ.

Было бы неправильно, покидая Бѣлое море и помянувъ ки-

товый, тресковый, акулій и бѣлушій промыслы, пройти совершеннымъ молчаніемъ цѣлые два, составляющіе существенный вкладъ въ богатство сѣвернаго побережья. Мы говоримъ о промыслахъ сельдяномъ и семужьемъ. Хотя оба они имѣются по всему побережью, но умѣстно говорить о нихъ именно тутъ: бѣломорскія, соловецкія сельди, по мнѣнію людей очень свѣдущихъ въ дѣлѣ гастрономіи, лучше голландскихъ, а самая цѣнная семга это та, что ловится въ недалекой отсюда Кеми и въ Онегѣ; послѣднюю называютъ »порогомъ«; съ нею соперничаетъ только двинская.

Сельдь, это одинъ изъ продуктовъ, не имѣющихъ у насъ и десятой доли того значенія, которое она должна бы имѣть. Кто ѣлъ мѣстную сельдь, крупную, жирную, пускающую изъ себя масло при разрѣзываніи на тарелкѣ, тотъ поражается тѣмъ, что въ столицахъ нашихъ до сихъ поръ еще имѣются въ продажѣ сельди голландскія, королевскія. Количество нашей сельди громадно; въ Кандалакшской губѣ и Сороцкомъ заливѣ жируетъ она весной и осенью въ количествахъ необозримыхъ и имѣетъ тамъ обильную пищу во всякихъ мелкихъ обитателяхъ моря. Нагуливается сельдь въ Бѣломъ морѣ давнымъ-давно. Въ 1842 году въ Сороцкой бухтѣ, при устьѣ Выга, выловлено было до 40.000 возовъ; наваливаетъ ея иногда такъ много, что палка, воткнутая въ массу сельди, держится какъ вбитая въ землю, и не ловятъ сельди неводомъ до тѣхъ поръ, пока не нащупаютъ массы ея палкой. Недавно, въ 1884 году, въ Кандалакшской губѣ милліоны сельдей были выкинуты на побережье вслѣдствіе недостатка и дороговизны соли; поморы говорятъ о такихъ гущахъ сельди въ морѣ, что отъ поры до времени грести бываетъ трудно, что »киты въ юровахъ сельдей какъ въ кашѣ жируютъ«. И все это гибнетъ безвозвратно по двумъ основнымъ причинамъ: первая — недостатокъ соли и неумѣнье солить; вторая, это то, что добыча сельди производится береговымъ, волоковымъ неводомъ, а не прочнымъ, кошельковымъ, въ открытомъ морѣ. Г. Кушелевъ совершенно правъ, если говоритъ, что введеніе кошельковаго невода и правильной посолки сельди произвели бы переворотъ въ бѣломорскомъ промыслѣ; но переворотъ этотъ немыслимъ, пока пудъ соли стоитъ иногда на мѣстѣ 1 р. 60 к., да и то не всегда она въ потребномъ количествѣ есть. Въ настоящее время откармливаютъ сельдью свиней. Свѣжая сельдь удивительно вкусна и можетъ быть зажарена

Заборъ для ловли семги.

въ собственномъ жирѣ. Дождутся ли ея наши столичные гастрономы? Вѣрно то, что ящикъ съ сельдями, свѣжепросольными, соловецкими, прибываетъ въ Петербургъ сильно попорченнымъ, и о дальнѣйшемъ пути ея по Россіи не можетъ быть и рѣчи. Въ Сорокахъ копченая сельдь стоитъ отъ 1½ до 4 руб. тысяча и волость получаетъ отъ продажи сельди вообще около 35.000 руб. Солятъ ее, складывая въ кучи, чуть-чуть пересыпая солью и ворочая попросту лопатами. Можно ли ожидать хорошаго продукта?

Семужій промыселъ, это промыселъ повсемѣстный. Далеко вглубь Россіи, по всѣмъ сѣвернымъ рѣкамъ, какъ мы видѣли это на Двинѣ и Сухонѣ, проходитъ семга и ловится она болѣе или менѣе удачно вездѣ. »Семужка — мать родная, барышная рыба«, говоритъ сѣверянинъ. Чуть ли не каждая рѣка имѣетъ свою семгу и служитъ арендною статьей мѣстныхъ волостей, отдающихъ на разные сроки семужьи »заборы«; попадаются экземпляры до 50 фунтовъ вѣсу, и еслибы хотя какое-нибудь вниманіе къ заготовкѣ ея всѣми извѣстными способами, то и здѣсь, какъ съ сельдью, заграничная семга должна бы была предоставить мѣсто своей, ни въ чемъ рѣшительно ей не уступающей. Семга для метанія икры входитъ по осени въ рѣки, тутъ слабѣетъ она, чахнетъ, становится безвкусною, »лошаетъ« и называется тогда »лохомъ«; на нижней челюсти ея за это время выростаетъ рогъ; въ различные періоды своего развитія называется она »вальчагъ«, »кирьякъ«. Для входа въ рѣку семга должна перескакивать чудовищные пороги, какъ напримѣръ сажени двѣ вышиною въ Ужьмѣ, недалеко отъ села Подужемья, въ Кемскомъ уѣздѣ. Совсѣмъ изнуренная за зиму, возвращается она, со вскрытіемъ льда, въ море, и здѣсь теряетъ рогъ, принимаетъ опять краску, силу и получаетъ возможность перескакивать къ зимѣ двухсаженные пороги.

Изъ прибылей отъ всѣхъ этихъ сельдей, семги, навагъ, камбалъ, палтусовъ, семги и трески, женское населеніе Сумскаго посада, снаряжаетъ свои роскошныя одѣянія. Говорятъ, не рѣдкость, что сумлянка къ Рождеству изготовляетъ себѣ нарядъ въ 300 руб. стоимостью; вышивать онѣ великія мастерицы, что нисколько не мѣшаетъ имъ, за все полугодовое отсутствіе мужей на промыслы, исполнять въ Сумскомъ посадѣ обязанности десятскихъ, сотскихъ и возить на веслахъ почту. »Сума ума не купитъ, сама продаетъ«,

говоритъ поговорка, выражая этимъ свое благорасположеніе къ симпатичному посаду.

Въ зиму, въ долгую зиму, у нихъ здѣсь въ ходу бесѣды »рябишекъ«, и »рябиковъ«, жениховъ и невѣстъ, и златотканные наряды имѣютъ въ нихъ, конечно, свое воздѣйствіе. Главная пища — сайда и треска помельче; есть и соленая говядина въ значительной степени съ душкомъ; очень любимы тресковыя головы: ихъ толкутъ и варятъ изъ нихъ щи. Зимой главное дѣло вернувшагося съ промысловъ мужскаго персонала — судостроеніе; у сумлянъ около 30 своихъ судовъ; съ давнихъ лѣтъ ходятъ они отсюда на Новую-Землю, и мореходный классъ, имѣющійся здѣсь, совершенно на мѣстѣ.

По узкой, извилистой рѣкѣ, преодолѣвъ съ трудомъ три порожистыя мѣста, достигли мы на лодочкахъ къ 11-ти часамъ дня до самаго посада. Если есть гдѣ-либо въ сѣверной Россіи такой видъ на поселеніе, который французы охарактеризовали бы словомъ pittoresque, а нѣмцы — romantisch, который прелестенъ, типиченъ, собранъ въ одно удивительно красивое цѣлое и художественъ вдоль и поперекъ, такъ это Сумскій посадъ. Посадъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Сумы, пробѣгающей тутъ подъ двумя мостами и образующей подлѣ верхняго, пѣшеходнаго, роскошный, блестящій, богатый порогъ; выбѣжавъ, выскочивъ изъ-подъ этого моста, перекинутаго дугой, рѣка рьяно кидается на небольшой островокъ, стараясь снести его, но неудачно, и на немъ, подъ навѣсомъ, сохраняется листеръ-ботъ Великаго Князя Алексія Александровича. Когда вы подъѣзжаете къ посаду съ моря, васъ поражаетъ характерная его особенность: это безсчетные амбарчики, стоящіе заднею стороной къ берегу, а переднею нависающіе надъ Сумой, имѣющею въ посадѣ саженъ 30 ширины. Амбарчики опираются на сваи, стоятъ рядомъ, одинъ подлѣ другаго, во всю длину посада, и отъ нихъ къ водѣ сбѣгаютъ лѣстнички, ступени которыхъ состоятъ иногда изъ цѣлыхъ бревенъ и служатъ для удобства выгрузки; между нихъ просвѣчиваютъ жилые дома, опрятные, высокіе, хорошо обставленные, какъ и всѣ дома нашихъ сѣверныхъ городовъ.

Вдоль обоихъ береговъ Сумы тянутся эти дома, двухъ и трехъэтажные, вплотную одинъ подлѣ другаго, такъ что если вы хотите гулять, то можете обходить въ круговую, отъ моста къ

мосту, по обоимъ берегамъ. Это главный центръ посада, и тутъ-то именно, въ глубокой неприкосновенности и высокой типичности высятся на двухъ холмахъ старинныя церкви посада и Соловецкое подворье, окруженное стѣнами. Обѣ набережныя рѣки Сумы деревянныя.

Былъ день Петра и Павла, 29-го іюня, день удивительно роскошный, когда лодка Его Высочества причалила къ пристани въ виду собора; шла обѣдня, и деревянная церковь, построенная въ 1767 году, во имя Николая Чудотворца, предстала предъ нами во всей прелести яркаго дня и глубокой молитвы. Передъ церковью трапеза; иконостасъ четырехъ-ярусный и надъ нимъ большое изображеніе Спасителя. Весь храмъ полонъ древнѣйшихъ иконъ; такова древняя Новгородская Троица, въ типичномъ черномъ кольцѣ на красномъ огненномъ фонѣ, съ грузными цатами; икона Строгановскаго письма, Вознесеніе Спасителя, несомаго ангелами, въ серебряномъ кругу; такова икона Успенія Богоматери: Спаситель принимаетъ Ея душу, и Богоматерь видна наверху образа возсѣдающею въ небѣ (ризы надъ обѣими изъ цвѣтной фольги и жемчуга); таковъ образъ Преображенія, на которомъ отъ Спасителя спускаются три широкіе луча, тоже изъ фольги. Царскія врата рѣзныя, въ гроздьяхъ. Все это, вмѣстѣ взятое, дышетъ такою глубокою древностью, такою цѣльностью впечатлѣнія, что не могло не напомнить намъ Сольвычегодскаго собора.

Каменный соборъ, во имя Успенія Богоматери, находится рядомъ и построенъ въ 1668 году, но основаніе его положено гораздо раньше, въ XV вѣкѣ, Мароой Борецкою, подарившею его Соловецкому монастырю; снаружи низъ собора весь коричневый; пять куполовъ его чешуйчатые, зеленые, на длинныхъ шейкахъ. И въ немъ квадратная трапеза и массивный столбъ посрединѣ; въ столбѣ по крайней мѣрѣ полторы сажени поперечника, и, расходясь развѣтвленіемъ своимъ подъ круглыя арки, онъ является въ видѣ какого-то колоссальнаго цвѣтка, поддерживающаго весь верхъ. Сама церковь маленькая съ придѣлами Святыхъ Зосимы и Савватія; иконостасъ видимо сборный изъ очень древнихъ иконъ; оба отдѣленія церкви подъ круглыми сводами. Мы посѣтили также и отдѣльную часовеньку съ мощами соловецкаго подвижника Елисея, находящимися подъ спудомъ.

Высоко поднимаются на холмахъ оба названные храма, стоящіе бокъ-о-бокъ подлѣ самаго моста черезъ Суму. Тутъ же, также высоко, взгромоздилось въ стѣнахъ своихъ, имѣющихъ еще бойницы, подворье Соловецкаго монастыря, входъ къ которому идетъ отъ рѣки. Тутъ же, на этихъ же возвышеніяхъ, въ самомъ жизненномъ центрѣ посада, обозначается крестиками, стоящими вразбросъ, старое кладбище, не обнесенное заборомъ, и все это, вмѣстѣ взятое, церкви, мостъ, холмы, кладбище, подворье и оживленнѣйшая толпа женщинъ въ пестрѣйшихъ нарядахъ, съ быстрою рѣкой и античными, на сваяхъ, амбарчиками, составляли картину изъ ряда вонъ великолѣпную, чудесно замыкавшую наше прощаніе съ сѣвернымъ побережьемъ.

Сумскій посадъ дарованъ Мароой Посадницей Соловецкому монастырю. Въ 1586 году поставленъ тутъ острогъ, который былъ осаждаемъ финляндцами, но неудачно. Основанія острога намѣчены и по сегодня: стѣна его имѣла около одной версты длины, три сажени вышины и въ немъ было шесть башень. Въ 1806 году, въ хорошіе годы торговаго мореплаванія, посадъ имѣлъ до 148 судовъ, изъ нихъ 80 мореходныхъ; чрезъ Сумы шло снабженіе кипѣвшаго тогда работой Архангельскаго порта, такъ какъ всѣ нужные матеріалы шли туда гужомъ съ олонецкихъ заводовъ и изъ Петербурга. Будущее вѣроятно улыбнется Сумамъ, при осуществленіи Бѣломорскаго канала, которому повидимому нѣтъ причины не осуществиться.

Въ Сумахъ жителей 386 мужчинъ и 481 женщина; значительная часть, болѣе половины, старовѣры. Большихъ морскихъ судовъ у нихъ 32, шнякъ 61, изъ числа которыхъ 40 ходятъ на Мурманъ. Населеніе всего уѣзда около 31.000 человѣкъ. Говорятъ, будто въ Сумахъ, какъ и въ Кеми, очень много сутягъ, но мало ли что говорятъ, всему вѣрить не слѣдуетъ.

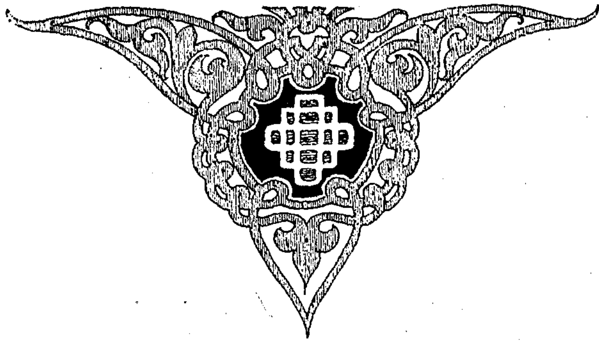
Было около половины 2-го часа дня, когда Его Высочеству, остановившемуся въ домѣ купца Воронина, доложили, что экипажи готовы. Здѣсь откланялся Великому Князю начальникъ Архангельской губерніи Пащенко и представился начальникъ Олонецкой, Григорьевъ. Намъ предстояло сдѣлать 200 верстъ почтовымъ трактомъ до Повѣнца, на Онежскомъ озерѣ, и прослѣдовать тѣмъ путемъ на Петровскій ямъ, которымъ шелъ когда-то Петръ I со своими преображенцами и тащилъ по суху,

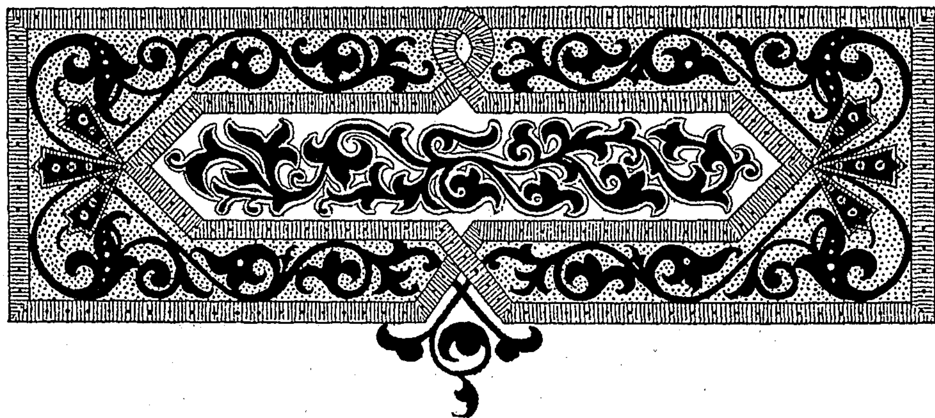

Сумлянка.

БИБЛИОТЕКА
при 23 д. доме фонтана, 36.

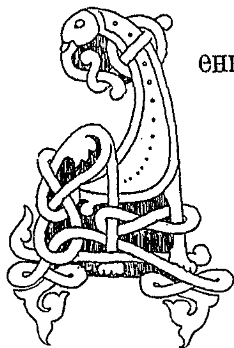
яко по морю фрегаты; здѣсь же состоялась его знаменитая встрѣча съ раскольниками; тутъ же пройдетъ проектируемый Бѣломорскій каналъ. Все это самыя любопытныя страницы былаго и будущаго. Мы почти не слыхали грохота колесъ нашихъ экипажей изъ-за громкаго »ура«, провожавшаго Великаго Князя. Могучій голосъ порога Сумы, сквозь блескъ его горѣвшихъ на солнцѣ волнъ, покрывалъ собою даже это »ура«; онъ промелькнулъ мимо насъ, весь въ пѣнѣ, брызгахъ, кудряво-бѣлый, грохочущій, и въ радужномъ сіяніи женскихъ нарядовъ, и въ дружномъ звонѣ всѣхъ посадскихъ церквей скрылось за очень крутыми холмами и извивами дороги хорошо знакомое намъ Бѣлое море.

Отъ Сумскаго посада до Петровскаго яма.

Олонецкій край. Почтовый путь отъ Бѣлаго моря. »Государева дорога« Петра Великаго. Нюхацкій походъ. Встрѣча Петра съ раскольниками. Расколъ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Выгорѣція: Даниловскій монастырь и Лекса. Петровскій ямъ.

ень былъ жаркій, блестящій. Гранитные холмы, поросшіе лѣсомъ, озера, рѣчки, болота потянулись мимо насъ, выдвигая одну за другою, какъ напримѣръ въ Сумостровѣ, Варснжи, Коросъ-Озерѣ, типическія картинки олонецкаго пейзажа.

Счастливою случайностью было то, что тѣ 193 версты, которыя предстояли намъ до Повѣнца, на Онежскомъ озерѣ — такъ близко Бѣлое море къ Балтійскому бассейну — тянулись приблизительно тѣми же мѣстами, которыми совершилъ Петръ I свой колоссальный Нюхацкій походъ, и мы ѣхали именно въ Петровъ-день, 29-го іюня. Ночью предстояло намъ остановиться для ужина въ Петровскомъ ямѣ; это то мѣсто, на которомъ останавливался и Великій Императоръ. Еще виднѣются кое-гдѣ сваи, сохранившіяся отъ его похода. Мы были, слѣдовательно, въ полной мѣрѣ окружены богатыми, благоговѣйными воспоминаніями о немъ.

Дорога, покоторой мы ѣхали, проложена съ 1876 по 1879 годъ; 154 версты достались на долю олонецкаго земства и

обошлись около 150.000 руб.; остальныя 39 верстъ по Архангельской губерніи стоили 36.000 руб. и построены казной. Дорога чрезвычайно гориста; встрѣчаются подъемы чуть ли не въ 40° и такіе спуски, что здѣсь въ полномъ ходу тормазъ-башмакъ, котораго такъ не любятъ въ Россіи и такъ высоко цѣнятъ въ Германіи. Есть мѣста положительно опасныя, съ заворотами на крутыхъ спускахъ, и уже теперь дорогу мѣстами удлиняютъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе удобными. Говорятъ, что именно вслѣдствіе этой крутизны гужевое сообщеніе Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ, на которое дорога главнымъ образомъ расчитана, идетъ очень слабо: лошади не берутъ.

Крутизны начались съ Пупокъ-Горы и Сапожничьей, такъ что мы то и дѣло тормозили экипажи. Залитая яркимъ солнцемъ мѣстность была однообразно живописна; благодаря тому, что путь проложенъ на гранитныхъ и гнейсовыхъ основаніяхъ Олонецкихъ горъ, пыли было не особенно много. Сквозь густую зелень лѣса то и дѣло мелькали озерки и рѣчки. Олонецкія горы, такъ-называемыя »Масельги«, тянутся безсчетными кряжиками, одинъ другому параллельными, съ СЗ къ ЮВ, отъ Финляндіи къ Онежскому озеру, вьются, дробятся, перебиваютъ другъ дружкѣ дорогу и наполняютъ собою весь этотъ угрюмый сѣверный край; того же направленія, и не уступая имъ въ числѣ, придерживаются и озера. Гдѣ не гора, не озеро, тамъ поросшее лѣсомъ болото и очень мало полей. Дорога совсѣмъ своевольно вьется между нихъ и идетъ нерѣдко по самому гребню кряжика, весьма неширокаго, такъ что направо и налѣво обрывы, а подъ ними болото или озерко. На станціяхъ имѣется, обыкновенно, только по четыре лошади, но къ проѣзду Его Высочества было ихъ вдесятеро и устроены временныя станціи, къ которымъ отовсюду собрался народъ, развелъ костры, ожидая проѣзда, построилъ землянки; близость такой станціи, когда мы подъѣзжали къ ней лѣсомъ, что было зачастую, сказывалась гарью и слоями синяго дымка, разстилавшагося далеко кругомъ, благодаря полному отсутствію вѣтра. При самыхъ крутыхъ спускахъ были выставлены колья съ надписью: »тормозить;« это было необходимо, потому что большинство ямщиковъ были не мѣстные, а прибывшіе издалека, даже изъ Вытегорскаго уѣзда; въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ стоялъ народъ для накатыванія и сдерживанія экипа-

жей. Останавливались мы для завтрака въ крестьянской избѣ, въВаренжѣ.

Ѣзда на быстрыхъ лошадкахъ, простоявшихся нѣсколько дней, была, послѣ долгаго странствія по морю, очень пріятна. Скоро путь нашъ не замедлилъ слиться съ такъ-называемою »Государевою дорогой«, съ путемъ Петра I, обслѣдованною недавно очень добросовѣстно г. Майновымъ, и вотъ вкратцѣ изложеніе его заключеній, освѣщающихъ одну изъ любопытнѣйшихъ и внушительнѣйшихъ страницъ исторіи Петра I.

Выѣхавъ изъ Соловокъ 15-го августа 1702 года, на тринадцати корабляхъ съ 4.000 войска, Царевичемъ Алексѣемъ и свитой, Петръ прибылъ къ деревнѣ Нюхчѣ 16-го августа. Отсюда велѣлъ онъ флоту идти обратно въ Архангельскъ, а при себѣ оставилъ только два фрегата. Началось необычайное! Оба военные фрегата были вытащены на берегъ, и потянулъ ихъ Царь за собою волокомъ на Повѣнецъ, на 160 верстъ. Онъ шелъ къ Пуль-Озеру, къ рѣкѣ Выгу, на деревню Телекину, чрезъ рѣку Мурому и Мягкозерскую, и употребилъ на это только десять дней. Мы проѣзжали тѣми же мѣстами отъ Вожмосалмы начиная по проложенной дорогѣ, со всѣми удобствами, и продѣлали указанный путь безъ малаго въ сутки. Не вѣрить пройденному Петромъ нельзя: сваи торчатъ на мѣстахъ, но вѣроятіе достигаетъ крайнихъ предѣловъ, послѣ которыхъ начинается сказка.

Въ Нюхчѣ, на Бѣломъ морѣ, Царя встрѣтило 5.000 народа, согнаннаго для работъ отовсюду. Часть ихъ пошла рубить дѣвственные тогда лѣса, закладывать топи, строить мосты; часть тащила фрегаты, гдѣ волокомъ, гдѣ водою, гдѣ на каткахъ. Самъ Петръ рубилъ лѣсъ и подставлялъ катки; выпьетъ бывало анисовки и снова за работу. На одной рѣкѣ, очень бурной, нельзя было, говорятъ, свайку вбить; Царь самъ поѣхалъ, а за нимъ, конечно, и другіе. »Лиха бѣда — сказалъ Петръ — первому оленю въ гарь кинуться, остальные всѣ тамъ же будутъ«. И дѣйствительно всѣ были тамъ! Первую мостовину Царь клалъ всегда самъ, и при этомъ и боярина, и нѣмца и всѣхъ имѣвшихся на лицо работать заставлялъ.

Въ 20-ти верстахъ отъ Нюхчи войска остановились, и Царь приказалъ устроить ямъ (станъ); тутъ были раскинуты шалаши и тотчасъ-же пошла торговля; въ 40 верстахъ отъ Нюхчи былъ

2-й ямъ, въ 5 верстахъ отъ деревни Пуль-Озера. За этимъ ямомъ идти стало хуже, труднѣе; начались болѣзни, потому что сказалось изнеможеніе. Петръ ободрялъ всѣхъ и каждаго а самъ не изнемогалъ.

Въ 80-ти верстахъ, у Вожмосалмы, былъ устроенъ 3-й ямъ. Отсюда предстояло идти въ обходъ Выгъ-озера, на цѣлыхъ 30 верстъ, или же строить мостъ черезъ проливъ; Царь рѣшилъ построить плавучій мостъ. Пока кипѣла чудесная работа, Царь хотѣлъ побывать и на праздникѣ Ильи, по зову старшины Выгозерской волости, но дождливая погода помѣшала; мѣстное преданіе сообщаетъ о словахъ Петра: »Вѣрно Илья пророкъ не хочетъ этого, дождь послалъ, но снесите ему отъ меня гостинецъ«, и вручилъ посланнымъ нѣсколько червонцевъ. Преданіе говоритъ также о томъ, что Царь крестилъ тутъ сына у крестьянина Никиты, не нашедшаго себѣ другаго кума, по бѣдности.

Переночевавъ въ Вожмосалмѣ, Государь на слѣдующій день хотѣлъ перевести войска по мосту, но было опасно; на утро все-таки перешли; въ 7 верстахъ отъ устья Выга былъ устроенъ еще ямъ; прежнія лодки, служившія на Выгъ-озерѣ, переведены сюда, и на Выгѣ поставленъ другой мостъ. 22-го августа, вечеромъ, войска перешли на лѣвый берегъ Выга, а съ этимъ вмѣстѣ трудная часть пути была пройдена, оставалось легкое. На полпути могучаго царскаго похода Выгорѣцкіе раскольники поднесли Царю хлѣбъ-соль. »Что за люди«? спросилъ Петръ. »Это раскольщики«, отвѣтили ему, »властей духовныхъ не признаютъ и за тебя, Царь, не молятся«. »Ну, а подати платятъ исправно«? спросилъ Петръ. »Народъ трудолюбивый, безъ недоимокъ«. »Живите же, братцы«, промолвилъ Царь раскольникамъ, »на доброе здоровье; о Царѣ Петрѣ пожалуй хоть не молитесь, а раба Божія Петра во святыхъ молитвахъ иногда поминайте, тутъ грѣха нѣтъ«! Конечно, весь этотъ разсказъ несетъ на себѣ характеръ раскольничьяго апокрифа, но какъ онъ хорошъ!

Слѣдующій ямъ былъ у деревни Телекиной, въ 25-ти верстахъ отъ Выгорѣцкаго. Чрезъ Машозерку и Мурому построены были мосты, остатки которыхъ видны и теперь. На полпути до Повѣнца поставленъ еще ямъ, но тутъ идти было легко, и 26-го августа войска вступили въ самый Повѣнецъ, а фрегаты спущены на Онежское озеро. Скоро, вслѣдствіе Нюхацкаго похода, зайдя

шведамъ въ тылъ, Царь, со взятіемъ Шлиссельбурга, рѣшилъ участь Невы. Изъ Повѣнца Петръ, какъ утверждаютъ нѣкоторые источники, чрезвычайно скромно писалъ Королю Польскому: »Мы, при помощи Божьей, не чаемъ быть праздны«.

Гигантскій слѣдъ царева похода, не смотря на миновавшія 180 лѣтъ, не зарастаетъ и нынѣ; сваи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣются несомнѣнно; относительно просѣкъ мнѣнія мѣстныхъ людей расходятся, и нѣкоторые не признаютъ ихъ за Петровскія, давая имъ гораздо позднѣйшее, чисто хозяйственное значеніе.

Только что сказали мы о бесѣдѣ Петра I съ раскольниками Выгорѣціи. Эта Выгорѣція, слѣдовъ которой теперь не имѣется, находилась близехонько отъ пути Великаго Князя, и поэтому умѣстно будетъ припомнить въ общихъ чертахъ о ея существованіи. Въ 1677 году взятъ былъ царскими войсками Соловецкій монастырь, послѣ раскольничьяго мятежа монаховъ. Въ 1682 г. обнародованы такъ называемыя двѣнадцать статей Царевны Софьи — основныя положенія карательныхъ законовъ противъ раскольниковъ. Разселеніе раскольниковъ на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, до Сиріи, до центральной Азіи началось. Раскольникъ бѣжалъ въ пустыню; въ пѣснѣ его говорится о пустынѣ:

Поставлю въ тебѣ малую хижу,
Полезное въ ней азъ увижу.

Раскольникъ обращается къ пустынѣ такъ:

Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя дружина!
Пришелъ азъ тебя соглядати.
Потщися мя воспріяти
И буди мнѣ яко мати,
Отъ смутнаго міра пріими мя,
Съ усердіемъ въ тя убѣгаю.
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вершинамъ,
Да гдѣ бы въ тебѣ водвориться.

Знаменитое Даниловское пустынножительство возникло въ 1694 году на рѣкѣ Выгѣ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Первыми пришли сюда послѣ »сидѣнія« и разгрома соловецкіе старцы, и самыми замѣчательными между ними были Ипатій и Корнилій, особенно первый, образовавшій цѣлое поколѣніе раскольничьихъ дѣятелей, каковы Даніилъ Викуловъ, въ честь котораго и самое

Петровскій ямъ. Поселокъ.

Фонтана, 36.

общежитіе названо Даниловскимъ, и два брата Андрей и Семенъ Даниловы. Быстро размножался расколъ по нашему сѣверу, въ различныхъ сектахъ самосожигателей, запащиванцевъ, морельщиковъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ дѣятелей выгорѣцкаго раскола является Андрей Денисовъ, происходившій отъ князей Мышецкихъ. Онъ пришелъ въ пустыню въ 1692 году, семнадцатилѣтнимъ юношей, и не только съумѣлъ соединить разрозненныхъ выговскихъ поселенцевъ и создать Даниловское общежитіе, говоритъ изслѣдователь г. Абрамовъ, »но и превратилъ это ничтожное вначалѣ поселеніе въ большой торговый и промышленный городъ-монастырь, и сдѣлалъ его центромъ безпоповщинской половины раскольничьяго міра«. До сего дня разсказываютъ о постоянныхъ сношеніяхъ его съ князьями Мышецкими и другими именитыми особами Петербурга и Москвы и о томъ, что для изученія логики, философіи и богословія Андрей ходилъ въ Кіевъ къ Өеофану Прокоповичу. Онъ умеръ въ 1730 году, слѣдовательно въ лучшихъ годахъ своихъ, и относился несомнѣнно къ явленіямъ народной жизни наиболѣе выдающимся.

Въ 1700 году съ барабаннымъ боемъ объявлено было Петромъ I на всѣхъ улицахъ и площадяхъ повелѣніе снять русское платье и одѣть нѣмецкое всѣмъ служилымъ и городскимъ людямъ; въ 1705 г. объявлены штрафы за ношеніе бородъ; въ 1724 г. началось гоненіе на »бородачевыхъ« женъ: имъ велѣно носить платья, опашни и шапки съ рогами. Все это было, конечно, съ точки зрѣнія старыхъ людей, »дѣломъ антихристовымъ«, и раскольничьи пустыни населялись все болѣе и болѣе; скоро въ Даниловскомъ общежитіи не было больше мѣста, и въ тридцати верстахъ отъ него, въ 1706—1709 годахъ, основанъ женскій монастырь Лекса, на рѣкѣ Лексѣ.

Никто не повѣритъ теперь, когда отъ Данилова и Лексы не осталось болѣе и тѣни, что пустынный край, по которому мы ѣхали, былъ когда-то перерѣзанъ дорогами, на которыхъ стояли постоялые дворы, что у даниловцевъ процвѣтали мастерства, конные и коровьи дворы, была обширная литература (А. Денисовымъ написано 115 сочиненій и составлено уложеніе), школы, различныя древнія хранилища, книжныя и живописныя лавки, были большіе капиталы, существовали свои суда, ходившія до

*

Петербурга и Вытегры. Самъ монастырь Даниловъ занималъ въ цвѣтущее время около 8 квадратныхъ верстъ въ округѣ; монастырскимъ скитамъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напримѣръ Шелтопорожскій, имѣвшій 57 дворовъ, 62 избы, 75 амбаровъ, 45 хлѣвовъ, 22 риги, не было счета и они были разсѣяны повсюду.

И всего этого нѣтъ теперь. Еслибы въ долгіе дни лютѣйшаго гоненія на раскольниковъ могъ найти себѣ хотя малое мѣсто тотъ взглядъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, который отличаетъ нынѣшнее правительство, вѣроятно не исчезли бы безслѣдно ни Даниловъ, ни Лекса, и дебрямъ Олонецкой и Архангельской губерній не пришлось бы ожидать вторичнаго оживленія. Нельзя не вспомнить, говоря о Даниловскомъ общежитіи, объ одной странной игрѣ случая, которыми такъ часто шутитъ судьба: въ числѣ его основателей былъ потомокъ князей Мышецкихъ, и жандармскій офицеръ, назначенный запечатать общежитіе, носилъ ту же фамилію.

Замѣтимъ, что въ Даниловомъ монастырѣ были люди, добывавшіе гдѣ-то серебро, въ какой-то тундрѣ къ сѣверу. Изъ серебра этого дѣлали они очень хорошо извѣстные нумизматамъ »Екатерининскіе рубли«, схожіе съ настоящими, только немного поменьше. Работали они также и другія серебряныя издѣлія. Съ удаленіемъ раскольниковъ пропали и свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія серебра. Въ 1871 году сдѣлано было заявленіе о нахожденіи сребро-свинцовой руды въ окрестностяхъ губы Печенги. Академикъ Гельмерсенъ, недавно умершій, нашелъ однако, что эти жилы прикосновенія, заключающіяся между господствующимъ здѣсь гнейсомъ и пересѣкающими его жилами діорита, разработки не стоятъ, и дальнѣйшихъ изслѣдованій произведено небыло.

Въ настоящее время въ Повѣнецкомъ уѣздѣ имѣются безпоповцы, раздѣляющіеся на два толка: даниловцевъ и филипповцевъ; первыхъ около 530 человѣкъ, а вторыхъ не болѣе 15. Еще въ сороковыхъ годахъ раскольники Данилова и Лексы давали много дѣла секретному комитету. Странны судьбы Олонецкаго края: его оживилъ расколъ и министерство внутреннихъ дѣлъ хлопотало со своей стороны о томъ, чтобы для удобства надзора за нимъ въ краѣ проводились хорошіе пути сообщенія; это было въ 1840 году.

Петровскій ямъ. Часовня.

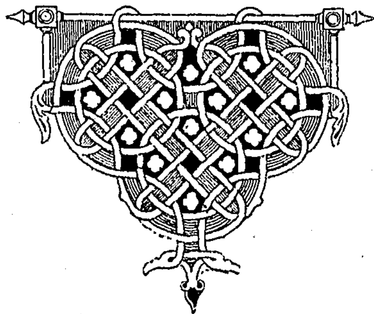
Слѣдуя крутымъ извивамъ пути, мы постоянно встрѣчали Петровскіе ямы. Во 109 верстахъ отъ Сумскаго посада, къ вечеру, въ Вожмосалмѣ, мѣстѣ очень красивомъ, переправились мы на паромѣ черезъ озеро Выгъ. Хорошенькая часовенька съ башенкой и куполочкомъ, выкрашенная желтою краской, рѣзко выдѣлялась надъ синими водами озера, окруженная сѣренькими избами деревни. Отсюда до Петровскаго яма 14½ верстъ; у Талапога-губа черезъ озеро Выгъ перевозъ; подлѣ самаго Петровскаго яма, черезъ рѣку Выгъ — другой.

Къ Петровскому яму подъѣзжали мы около полуночи. Дорога, шедшая густымъ боромъ, неожиданно уперлась въ паромъ. Рѣка Выгъ въ этомъ мѣстѣ шириной съ Невку и катитъ въ зеленыхъ берегахъ свои быстрыя, но спокойныя воды. На противоположномъ берегу въ ясномъ свѣтѣ сѣверной полуночи, словно освѣщенная голубоватымъ электрическимъ свѣтомъ, видна была новенькая, современная дорогѣ, очень красивая часовня, походящая болѣе на церковь, чѣмъ на часовню, и нѣсколько строеній. Всѣ они возникли исключительно въ силу священныхъ воспоминаній о Петрѣ, потому что поселенія не было здѣсь никакого до 1879 года; часовня освящена въ 1882 году. Ночь стояла удивительная, свѣтлая, безмолвная. Глубоко сосредоточенная лежала она въ хрустальной ясности своей надъ почивающимъ Петровскимъ ямомъ; красныя рубахи паромщиковъ, синь воды, глубокая, бархатная зелень лѣса, фырканье усталыхъ лошадей, легкій скрипъ каната на паромѣ, безконечная прозрачность зеленоватаго неба, чириканье какой-то безсонной птички, все это было бы стройно и гармонично, еслибы не комариныя полчища, одолѣвавшія насъ на берегу рѣки съ возмутительнѣйшею настойчивостью.

Переѣхавъ Выгъ, Великій Князь посѣтилъ часовню. За предложеннымъ отъ земства, при трехъ представителяхъ его, ужиномъ, бесѣда была посвящена исключительно памяти Петра Великаго. Петровскій ямъ и Петровъ-день обусловливали это. Его Высочество, какъ видно было изъ многихъ сообщеній, имъ сдѣланныхъ, зналъ лучше и полнѣе насъ литературу о Петрѣ, включительно до самыхъ первоначальныхъ источниковъ, разсыпанныхъ въ русскихъ и иностранныхъ историческихъ журналахъ. Эти сообщенія были такъ разнообразны и богаты по содержанію, что

должны быть несомнѣнно отнесены къ самымъ характернымъ воспоминаніямъ нашего далекаго путешествія.

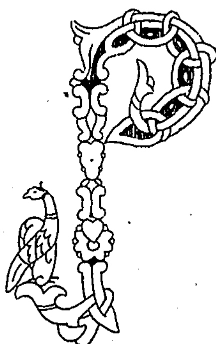
Чуть-чуть тронула заря своими огнями красноватые стволы стройныхъ сосенъ, когда, покончивъ съ роздыхомъ въ домѣ крестьянина Ваганова, мы двинулись далѣе, по пути на Повѣнецъ.

Отъ Петровскаго яма къ Повѣнцу. Повѣнецъ.

Повѣнецъ, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Россіи. Историческія свѣдѣнія. Геологическія изысканія. Вопросъ о Бѣломорскомъ каналѣ. Его направленіе. Оба городскіе собора. Отъѣздъ Онежскимъ озеромъ. Промѣры, дѣлаемые въ озерѣ. Характеристика его очертаній.

ѣзво бѣжали наши почтовыя тройки; утро было прохладно и туманъ подбирался не сразу. Дальнѣйшій путь нашъ отъ Петровскаго яма къ Повѣнцу шелъ тою же характерною олонецкою мѣстностью, гранитными кряжиками, озерами, болотами, лѣсами, какъ и прежде. Такъ же точно мелькали по сторонамъ признаки подсѣчнаго хозяйства, наиболѣе примѣнимаго въ краѣ: нивы, колосившіяся по только что расчищеннымъ лѣснымъ угодьямъ; пройдетъ два, три года — ихъ запустятъ снова подъ лѣсъ, а подъ ниву подсѣкутъ новое, свѣжее мѣсто. Между Телекиной и Масельгой, такъ говорили намъ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь слѣдовъ Петровскихъ сваевъ и мостовинъ. По замѣчанію инженеровъ, занимавшихся проведеніемъ почтоваго пути, направленіе, которому слѣдовалъ Петръ I поразительно своею вѣрностью. Очень красивъ видъ близъ деревни Телекиной, въ которой мы раннимъ утромъ мѣняли лошадей; тутъ тоже былъ Петровскій ямъ; розовое утро, розовые туманы, розовые отливы сосновыхъ лѣсовъ тихо разметывались по голубоватымъ очертаніямъ просыпавшагося озера; вся деревня была, конечно, на ногахъ, и въ маленькой часовенькѣ теплилась неугасимая лампада.

Къ 7-ми часамъ утра подъѣзжали мы къ Повѣнцу, сдѣлавъ

почти 200 верстъ въ 17 часовъ времени. Повѣнецъ, лежащій въ углу, образуемомъ заливчикомъ Онежскаго озера и быстрою, бѣгущею по камнямъ рѣчкой Повѣнчанкой, представляется съ сѣверной стороны, какъ мы убѣдились въ этомъ позже, далеко не такъ миловиднымъ, какъ съ южной, со стороны озера.

Повѣнецъ — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ всей Великой, Малой, Бѣлой и прочихъ Россій: это одинъ изъ самыхъ богатыхъ и незапутанныхъ въ дѣлахъ своихъ городовъ. Жителей въ немъ всего 482 мужчины и 348 женщинъ, но доходы города, владѣющаго большимъ количествомъ земли и сдающимъ за богатую арендную плату лѣсопильный заводъ, достигаютъ замѣчательно крупной цифры 97.650 руб.; расходовъ всего 62.988 руб., и поэтому финансовое положеніе Повѣнца одно изъ самыхъ радужныхъ какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ значеніи слова. Неудивительно, что запасный капиталъ его достигаетъ 146.924 руб. и долговъ у него нѣтъ. Подобнаго положенія поискать не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ. Если принять въ разсчетъ будущее, которое вѣроятно принесетъ съ собою прорытіе Бѣломорскаго канала отъ Повѣнца на сѣверъ, то маленькій городокъ, въ которомъ жителей менѣе, чѣмъ публики на любомъ представленіи въ Большомъ театрѣ, можетъ только радоваться; спаси его Господь отъ всякихъ предпріимчивыхъ радѣтелей и дѣятелей. Петрозаводскъ, столица Олонецкой губерніи, имѣетъ полное право завидовать Повѣнцу: доходы его 37.000 руб., расходы — 37.000 руб., запаснаго капитала — 5.000 руб. Какъ не позавидовать? Вотъ бы обратить въ пригородъ.

При Борисѣ Годуновѣ Повѣнецъ уже былъ селомъ, извѣстнымъ подъ именемъ »пристань« или »рядокъ«, а когда село это появилось на свѣтъ — неизвѣстно; съ 1784 г. село обратилось въ городъ и замѣнило въ своихъ обязанностяхъ Поданскъ. При Павлѣ I городъ упраздненъ, при Александрѣ I возстановленъ. Здѣсь, въ 1701 году, спущены были въ Онежское озеро два фрегата, перевезенные Петромъ I по-суху изъ Бѣлаго моря. Развалины чугуно плавильнаго и желѣзодѣлательнаго завода тоже напоминаютъ о Петрѣ I. Остатки петровскихъ доменныхъ печей находятся за рѣкой Повѣнчанкою; имѣются слѣды двухъ печей; камни ихъ простеклянились насквозь, такъ что нельзя не замѣ-

тить, что Петръ I не шутилъ и здѣсь и плавилъ чугунъ во всю. Невысокія развалины обнесены заборчикомъ, поросли зеленью, и шумливая Повѣнчанка, бѣгущая совсѣмъ подлѣ, нарушаетъ ихъ вѣчное молчаніе своею вѣчною говорливостью. Въ соборной церкви имѣется икона Святыхъ Петра и Павла, предъ которою Петръ I служилъ молебенъ по случаю избавленія его отъ бури на озерѣ; онъ вернулся, застигнутый бурей, отъ острова, который съ того времени называется »Воротнымъ«. Для великаго Царя поговорка: »Повѣнецъ — міру конецъ«, конечно, не существовала, потому что онъ побывалъ на сѣверѣ далеко за этимъ концомъ. Лучшія, чѣмъ теперь, времена проходили надъ мирно живущимъ Повѣнцомъ, когда шла тутъ заводская работа; лучшія времена должны непремѣнно проглянуть и въ будущемъ, когда состоится наконецъ проведеніе Бѣломорскаго канала. Насколько безвременно погибъ на восточномъ краю нашего сѣвера Екатерининскій каналъ, настолько же трудно появленіе этого новаго, совершенно необходимаго воднаго пути. Не только десятки тысячъ пудовъ трески, сельдей, тресковаго жира и ворвани, идущіе въ Петербургъ кружнымъ путемъ, на Бельты и Зундъ, съ нашего сѣвернаго моря, пошли бы здѣсь, но и обратно, товары и хлѣбъ, необходимые поморью, потянулись бы каналомъ, идя изъ Петербурга. Если Петръ I перетащилъ по-суху два фрегата отъ Нюхчи до Повѣнца, то что же будетъ значить пройти каналомъ десяткамъ миноносокъ, со всякими торпедами, въ вѣчно открытое намъ наше сѣверное море, если это будетъ нужно? Это стратегическое соображеніе далеко не пустая фантазія.

О прорытіи канала въ Олонецкихъ лѣсахъ, хотя и не для соединенія съ Бѣлымъ моремъ, а для сплава лѣса, ходатайствовалъ еще купецъ Громовъ въ 1848 году. О соединеніи Повѣнца съ Сороками на Бѣломъ морѣ постоянно ходатайствовали губернаторы, земство, поморы, частные предприниматели; Императоры Александръ I, Николай I, Александръ II были благорасположены къ этой мысли, а канала все-таки нѣтъ. Геологическія изысканія произведены были очень тщательно г. Иностранцевымъ по такъ-называемому пути соловецкихъ богомольцевъ, пути древнему, много разъ исхоженному. Богомольцы двигаются отъ Повѣнца вдоль Долгихъ озеръ; тутъ постоянно проступаютъ крупнозернистые красные гнейсы, т. е. кристаллическія породы, вслѣдъ за наноснымъ ра-

стительнымъ слоемъ. Богомольцы двигаются по самому высокому мѣсту горъ на 430 фут. надъ уровнемъ Бѣлаго моря и 168 фут. надъ Матко-Озеромъ. По сторонамъ пути ихъ тянутся цѣлыя системы моховыхъ болотъ и озерковъ, лежащихъ одно выше другаго, и между нихъ виднѣются опять-таки красные гнейсы, напоминающіе французскіе »бараньи лбы«; шрамовъ ледянаго періода на нихъ незамѣтно; мѣстами попадаются наносы съ валунами, образующими иногда огромныя скопленія красноватыхъ и сѣрыхъ гнейсовъ. По мнѣнію г. Иностранцева, обойти хребетъ Масельгу можно очень удобно. Изъ пороговъ самый значительный Ольховецъ, на рѣкѣ Телекинской, падающей на протяженіи 44 верстъ на 116 футовъ. Самое большое озеро Выгъ лежитъ въ пескахъ, почти безо всякихъ обнаженій; на немъ острововъ »двумя больше чѣмъ въ году дней«; всѣ они состоятъ изъ наносовъ и имѣютъ то же направленіе, что и Сельги.

Дальнѣйшій путь богомольцевъ идетъ отъ деревни Койницы на деревню Варнихи, Чернымъ Волокомъ, то взбираясь на Сельги, то опускаясь къ моховымъ болотамъ. Валуны попадаются до трехъ аршинъ длиной; самыя высокія точки пути лежатъ на 618 фут. надъ Бѣлымъ моремъ. Сумозеро тоже изобилуетъ островами, а рѣка Сума порогами; у самаго Сумскаго посада тѣ же валуны, пороги и тѣ же обнаженія красныхъ и сѣрыхъ гнейсовъ.

Путь для устройства водной системы совершенно возможенъ; изысканія 1869, 1870 и 1874 годовъ доказали это. Проектированное направленіе слѣдующее: Повѣнецъ, Повѣнчанка, Узкое озеро, Водло-озеро, какъ раздѣльный пунктъ, Матко-озеро, рѣка и озеро Телекинскія, Выгъ-озеро, Выгъ-рѣка. Длина всего пути была бы 219 верстъ, при чемъ каналы имѣли бы только 40 верстъ. Раздѣльное Водло-озеро поднимается надъ Онежскимъ на 31,$_5$ сажени, надъ Бѣлымъ моремъ — на 51,$_{72}$. Эти паденія предположено распредѣлить на полъ-сотню шлюзныхъ камеръ; техническихъ трудностей не предстоитъ никакихъ. Стоимость была бы около 8.000.000 руб. Любопытны нѣкоторыя геологическія, ботаническія и геодезическія свѣдѣнія, касающіяся этого края. Онежское озеро лежитъ на 276 фут. выше Бѣлаго моря и на 240 фут. выше Балтійскаго. Этою разницей уровня обоихъ морей очень хорошо объясняются постоянныя теченія, существующія въ Зундѣ и Бельтахъ. На основаніи изслѣдованій каменныхъ породъ и флоры можно утверж-

дать съ большимъ вѣроятіемъ, что когда-то въ доисторическое время Бѣлое море было соединено съ Балтійскимъ, и наши оба большія озера, Ладожское и Онежское, составляли съ ними одно цѣлое. Ледовитый океанъ и Балтійское море были тогда однимъ и тѣмъ же воднымъ пространствомъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Зундъ и Бельты высились скалы, и соединенія Балтійскаго моря съ Нѣмецкимъ не существовало.

Проектируемый Бѣломорскій каналъ, который соединитъ то, что разрушено геологическимъ переворотомъ, одинъ изъ вопросовъ, стоящихъ на очереди. Къ 1882 году министръ путей сообщенія внесъ въ комитетъ министровъ записку, которая была выслушана комитетомъ министровъ, вполнѣ согласившимся съ ея основаніями и съ необходимостью возможно скораго осуществленія проекта, и журналомъ 31-го августа всѣ обстоятельства этого дѣла доведены до свѣдѣнія Государя Императора, удостоившаго ихъ разсмотрѣніемъ 11-го сентября. Устроится ли этотъ путь на средства казны, дано ли будетъ предпочтеніе акціонернымъ основаніямъ — дѣло второстепенное. Вѣрно то, что для нашего сѣвера, для промысловъ поморья, для лѣсныхъ и минеральныхъ богатствъ Олонецкаго края, для стратегическихъ соображеній общегосударственнаго характера, возникновеніе давно ожидаемаго Бѣломорскаго канала болѣе чѣмъ желательно. Дѣло не въ томъ, что въ теченіе шести мѣсяцевъ будетъ онъ лежать подо льдомъ, дѣло въ остальныхъ шести мѣсяцахъ. Если сѣверная природа въ шестинедѣльный срокъ поднимаетъ траву, даетъ цвѣтъ и производитъ сѣмя, то не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что и Бѣломорскій каналъ послѣдуетъ ея примѣру и въ короткій срокъ навигаціи дастъ все то, чего отъ него ожидаютъ. Спорнымъ могъ бы быть вопросъ о томъ: не удобнѣе ли желѣзная дорога, хотя бы узкоколейная, но здѣсь существенными аргументами явятся лишняя перегрузка, громоздкій характеръ грузовъ — руда, хлѣбъ, лѣсъ, и большинство мнѣній склонится въ пользу канала. Сообщаютъ, что олонецкому губернатору изъ Финляндіи былъ представленъ характерный проектъ о соединеніи желѣзною дорогою Выборга съ Кемью прямымъ путемъ. Для Финляндіи это, конечно, были бы выгодно, но что сказалъ бы на это нашъ исконно-русскій Олонецкій край, для котораго стальные рельсы Выборгскаго пути были бы смертельнымъ уда-

ромъ, направивъ грузы всего нашего сѣвернаго края, Бѣлаго моря и поморья не такъ, какъ слѣдуетъ, не по адресу. Олонецкій край отъ такого удара не поправился бы никогда.

День нашего прибытія въ Повѣнецъ, 30-го іюня, былъ днемъ воскреснымъ, и Великій Князь, послѣ очень короткаго отдыха въ пароходной каютѣ, направился въ соборъ къ литургіи. Соборовъ въ Повѣнцѣ два: старый, временъ Бориса Годунова, обязанный своимъ возникновеніемъ въ 1600 году новгородскому купечеству и схимонаху Анѳиму, и новый, въ который Его Высочество направился. Оба собора деревянные, во имя Петра и Павла, и стоятъ рядомъ на самомъ берегу залива. Старый соборъ, ветхій, очень характеренъ своею малостью и грузною, шестигранною шатровою шапкой; колокольня его снесена была для очистки мѣста новому собору. Икона Петра и Павла — та самая, предъ которою молился Петръ I. Имѣется на лицо и нѣсколько иконъ, писанныхъ въ несуществующихъ сегодня раскольничьихъ монастыряхъ Даниловѣ и Лексѣ.

Вслѣдъ за возвращеніемъ изъ церкви, Его Высочество въ домѣ городскаго головы Васильева принималъ властей и представителей городскаго общества, а затѣмъ началъ служебныя посѣщенія и осмотрѣлъ: земскую больницу, богадѣльню и находящуюся тутъ-же общественную земскую библіотеку.

Повѣнецкая мѣстная команда была осмотрѣна Великимъ Княземъ на казарменномъ дворѣ. Послѣ уставнаго ученья была произведена гимнастика. Обойдя затѣмъ казармы и всѣ хозяйственныя при нихъ заведенія, Его Высочество направился въ управленіе уѣзднаго воинскаго начальника, гдѣ провѣрилъ порядокъ храненія призывныхъ и отчетныхъ листовъ, выслушалъ докладъ воинскаго начальника объ его участіи при производствѣ въ уѣздѣ призыва новобранцевъ, о всѣхъ дѣйствіяхъ, вызываемыхъ примѣненіемъ военно-конской повинности, и наконецъ разсматривалъ результаты отчетности о ходѣ въ послѣдніе три года занятій грамотностью и о состояніи въ командѣ нравственности по даннымъ штрафныхъ журналовъ. При посѣщеніи земской больницы Великій Князь обратилъ вниманіе на отличное содержаніе ея, которое могло бы быть поставлено примѣромъ для многихъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Такимъ же порядкомъ отличаются и казармы, при обходѣ которыхъ на выраженное Великимъ Кня-

Повѣнецъ. Соборъ.

земъ уѣздному начальнику удовольствіе онъ доложилъ Его Высочеству, что такимъ отраднымъ результатомъ обязанъ постоянной поддержкѣ городскаго головы, сердечно относящагося къ интересамъ войскъ. Выслушавъ такое заявленіе, Великій Князь обратился къ находящемуся тутъ же головѣ съ выраженіемъ особаго своего удовольствія.

Около семи часовъ вечера Его Высочество оставилъ Повѣнецъ на пароходѣ »Онега«, конвоируемомъ »Петромъ«; оба эти парохода были знакомы намъ съ прошлогодняго путешествія. Видъ на Повѣнецъ съ озера не лишенъ миловидности, и мы могли долго любоваться имъ, потому что выбраться изъ рѣчки Повѣнчанки въ открытую воду нашимъ довольно длиннымъ пароходамъ было не легко; мы почти касались бортами амбарчиковъ стоящихъ въ водѣ на подобіе сумскихъ. У самаго выхода въ озеро, подлѣ лѣсопильнаго завода окруженнаго лавами бревенъ, лежатъ пять небольшихъ зеленѣющихъ островковъ; городокъ расположенъ такъ низко, что кажется выступающимъ прямо изъ воды. Очень красивъ былъ видъ на зеркальную гладь Онежскаго озера въ вечернемъ освѣщеніи; множествомъ болѣе или менѣе близкихъ силуэтовъ обозначались его берега и острова, изрѣзанные въ сѣверной части неисчислимымъ количествомъ бухтъ; вдали, вправо, виднѣлись Петрозаводскія горы, къ которымъ мы направлялись; согласно маршруту, предположено было исполнить обѣщаніе, данное Великимъ Княземъ въ прошломъ году посѣтить Петрозаводскъ вторично, и оттуда уже проѣхать поперекъ Онежскаго озера въ Пудожъ, послѣдній городъ, предстоявшій нашему посѣщенію.

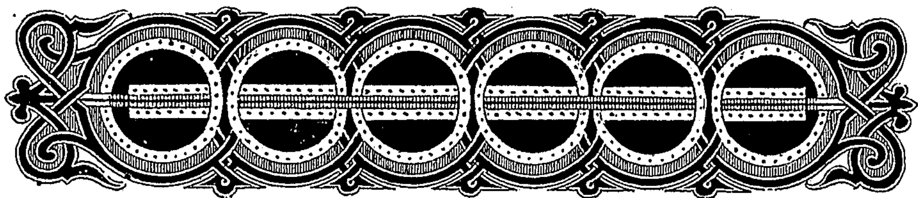
На Онежскомъ озерѣ съ 1874 года производятся тщательные промѣры; изъ 7.000.000 квадр. верстъ его поверхности снято уже около $^4/_5$, включая въ то число и самыя трудныя части, безсчетныя губы и островки сѣверной половины; въ этой части озера промѣры дѣлаются на каждыхъ пятидесяти саженяхъ, въ южной на 100 саженяхъ, такъ что карта, имѣющая быть изданною, будетъ относиться къ числу самыхъ точныхъ и подробныхъ. Опредѣлено 45 астрономическихъ пунктовъ. Насколько въ этомъ отношеніи наше знакомство съ гораздо болѣе обширнымъ Бѣлымъ моремъ плохо, видно изъ того, что на немъ такихъ пунктовъ опредѣлено пока что только десять.

Вечеръ былъ исключительно хорошъ. Отъ Повѣнца до Петро-

заводска водою 172 версты. Двигаясь по озеру, убаюканному полнѣйшимъ серебрянымъ штилемъ, мы видѣли издали Шунгу, знаменитую своею ярмаркой, мы были недалеки отъ Палеостровскаго монастыря, извѣстнаго самосожженіемъ въ немъ 2.000 раскольниковъ; намъ указали на деревню Кузоронда, населенную большею частію плотниками и на ея счетъ немного позлословили, объяснивъ, что кузорондцы по существу недовѣрчивы и что они для обезпеченія другъ отъ другъ изобрѣли особаго рода хитрые замки, которые у нихъ въ деревнѣ повсюду виднѣются. Въ этихъ же странахъ, въ Толвуйскомъ погостѣ, по повелѣнію Царя Бориса Годунова, около 1601—1605 годовъ, заключена была супруга Ѳеодора Никитича Романова — инокиня Марѳа, мать Царя Михаила Ѳеодоровича. Слѣды терема и самое мѣстонахожденіе, конечно, сгинули, но двѣ недалекія деревни называются и посегодня Ближнее и Дальнее Царево: ихъ посѣщала отошедшая въ вѣчность инокиня.

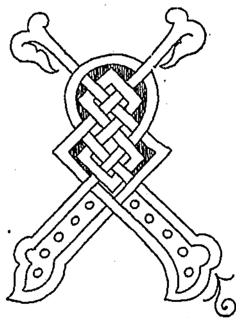
Количество острововъ въ этихъ частяхъ Онежскаго озера очень велико и всѣ они густо поросли темнозелеными хвойными лѣсами, отражавшимися своими острыми, бахромистыми вершинами въ штилевавшей серебряной водѣ. Острововъ и бухточекъ тутъ столько-же, сколько озеръ и горныхъ кряжиковъ на матерой землѣ Олонецкаго края. По розовой глади слѣдъ пароходовъ не исчезалъ, а, расходясь по двумъ линіямъ, обозначался настолько, насколько видно было воды. Кое-гдѣ взламывалъ ихъ подвернувшійся островокъ. Мы бросили не надолго якорь у Ивановскихъ острововъ, близъ которыхъ въ прошломъ году останавливалась для ночлега Великая Княгиня Марія Павловна, и къ 10-ти часамъ утра были въ Петрозаводскѣ.

Петрозаводскъ. Пудожъ.

Новый лагерь. Памятникъ Александру II. Рѣка Водла. Что такое »гнусъ«? Пудожъ. Его характеристика. Возвращеніе въ Петербургъ. Главные результаты путешествія. Приказъ 5-го іюля.

орошъ Петрозаводскъ съ озера, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Посѣщеніе Петрозаводска, собственно говоря, не входило въ нашъ маршрутъ, еслибы не проявленіе особаго сочувствія къ войскамъ со стороны мѣстнаго городскаго общественнаго управленія. Оно приняло на себя обязанность устранить тѣ неудобства въ квартированіи мѣстнаго баталіона, на которыя Великій Князь лично указалъ при посѣщеніи Петрозаводска въ прошломъ году. Еще тогда поручился городской голова за исполненіе нѣкоторыхъ по улучшенію работъ, на что Его Высочество отвѣтилъ обѣщаніемъ осмотрѣть ихъ и съ этою цѣлію посѣтить городъ вторично.

Взамѣнъ лагернаго мѣста, уже много лѣтъ бывшаго на берегу Онежскаго озера и постоянно подвергавшагося какъ вліянію сѣверныхъ вѣтровъ, которымъ оно было совершенно открыто, такъ и пыли, заносившейся въ палатки отъ проходившаго по фронту лагеря скотопрогоннаго тракта, баталіонъ владѣетъ теперь лагернымъ мѣстомъ, находящимся въ самыхъ лучшихъ санитарныхъ условіяхъ. Кромѣ того, холодныя баталіонныя казармы вновь оконопачены, что, по суровости здѣшнихъ зимъ, было совершенно необходимо и, наконецъ, вмѣсто сгнившихъ и не соотвѣтствовавшихъ составу баталіона столовыхъ, требовавшихъ раздѣленія обѣдавшихъ на нѣсколько очередей, теперь отстроена

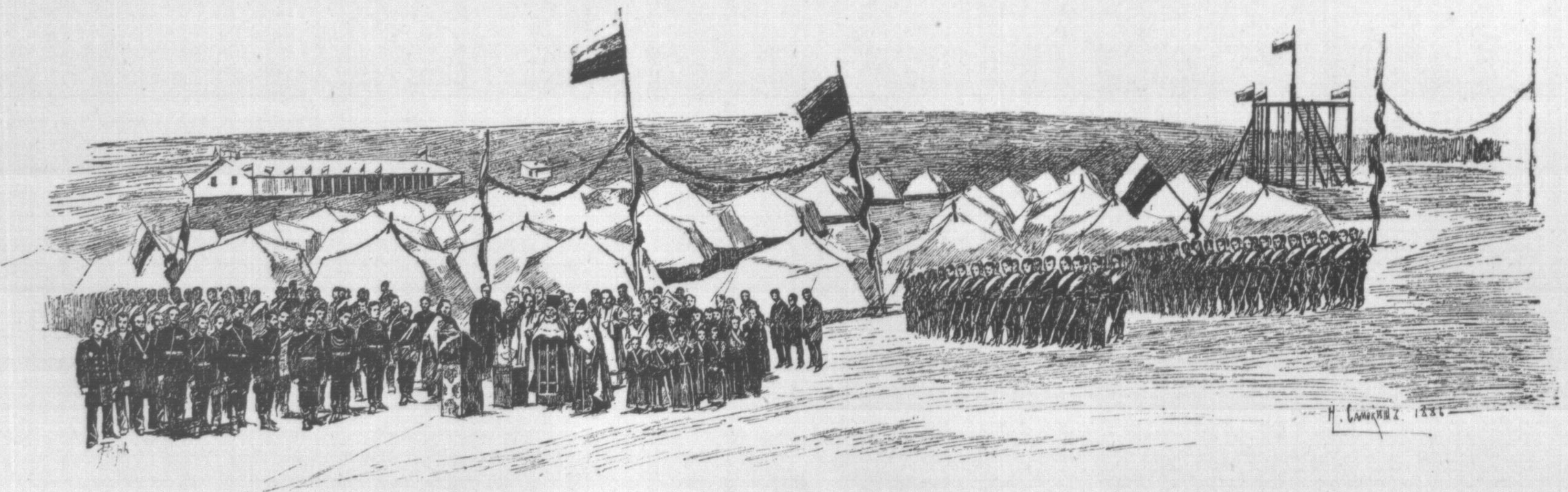
обширная и свѣтлая столовая, вмѣщающая въ себѣ весь личный составъ баталіона.

Олонецкій губернаторъ представилъ Его Высочеству, еще до выѣзда Великаго Князя изъ Петербурга, объ окончаніи перечисленныхъ работъ протоколъ мѣстной думы, съ ходатайствомъ о посѣщеніи города по возвращеніи съ береговъ Ледовитаго океана. Исполняя это ходатайство думы, Его Высочество прибылъ въ городъ 1-го іюля, около 10 часовъ утра. Какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, особенно роскошный день озарялъ Петрозаводскъ, расположенный по скату берега и разбитый на правильные четвероугольники улицами, идущими параллельно побережью, и улицами къ нимъ перпендикулярными. Такъ какъ послѣднія почти во всю ихъ длину видны были съ палубы подходившаго парохода, были освѣщены самымъ яркимъ солнцемъ и полны людьми, торопившимися къ главной улицѣ, по которой Его Высочеству слѣдовало проѣхать, то видъ представлялся особенно оживленнымъ, подвижнымъ. Сбѣгая съ горныхъ откосовъ, пестрыя массы людскія длинными лентами тянулись къ берегу и выползали на подмостки пристани, тянувшейся зигзагами далеко въ озеро, къ самому пароходу.

На пристани ожидали прибытія Великаго Князя власти, представители общества и городскія дамы. Его Высочество прослѣдовалъ къ коляскѣ прямо въ Воскресенскій соборъ, гдѣ встрѣченъ преосвященнымъ Павломъ, во главѣ всего городскаго духовенства въ пасхальныхъ ризахъ и стихаряхъ, привѣтствованъ сердечнымъ словомъ и отслушалъ многолѣтіе.

Изъ собора Великій Князь направился прямо къ баталіону, стоявшему лагеремъ на вновь отведенномъ подъ него мѣстѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ города, возлѣ петербургской почтовой дороги, въ совершенно сухой, возвышенной и даже живописной мѣстности, надъ небольшимъ ручьемъ. Когда обрастутъ деревцами прямолинейныя очертанія лагеря, онъ будетъ несомнѣнно красивъ.

Баталіонъ былъ выстроенъ въ 4-хъ-взводной колоннѣ впереди лагеря. Поздоровавшись и обойдя ряды, Его Высочество избралъ 3-ю роту для уставнаго ученья и 4-ю для гимнастики, а изъ новобранцевъ первыхъ двухъ ротъ приказано было составить сводную роту; произведя имъ рядъ осмотровъ, Великій Князь подробно ознакомился съ лагеремъ, входилъ въ палатки

Петрозаводскъ. Освященіе новаго лагеря.

22-й советской школы
БИБЛИОТЕКА
при 23 д. доме Фонтанка, 36

офицеровъ и нижнихъ чиновъ, въ офицерское собраніе и въ устроенную по образцу красносельскаго большаго лагеря обширную солдатскую столовую и кухню. Изъ лагеря Его Высочество проѣхалъ къ зимнимъ казармамъ и вновь отстроенной столовой. Работы исполнены отлично. По окончаніи ихъ осмотра, Августѣйшій Главнокомандующій обратился къ представителямъ мѣстнаго городскаго общества съ выраженіемъ горячей благодарности за вниманіе къ интересамъ войскъ, которые онъ, Великій Князь, всегда такъ близко принимаетъ къ сердцу, при чемъ подалъ городскому головѣ руку.

Такъ какъ замѣчательности Петрозаводска были осмотрѣны нами въ прошломъ году и главная цѣль пріѣзда была достигнута, то намъ предстояло начало конца путешествія — переѣздъ въ Пудожъ. Впрочемъ, было нѣчто новое, слѣдъ истекшаго года — это приготовленный къ открытію *) и почти совсѣмъ законченный, еще накрытый навѣсомъ, памятникъ Царю-Освободителю. Императоръ стоитъ въ порфирѣ, со свиткомъ въ рукѣ; онъ отлитъ литейщикомъ Морандомъ по модели Шредера, сдѣлавшаго для Петрозаводска также и изображеніе Петра I; весь постаментъ — монолитъ тивдійскаго матюковскаго камня въ 900 пудовъ вѣса; до отдѣлки имѣлъ онъ 1.200; стоимость памятника около 20.000 рублей. Памятникъ поставленъ на средства олонецкаго губернскаго земства, которое, какъ мы уже замѣтили, относится къ очень дѣятельнымъ, не смотря на то, что оно не особенно богато: его деньги есть и въ почтовомъ пути отъ Бѣлаго моря, и въ гидрографическихъ работахъ на Онежскомъ озерѣ, и въ осушкѣ Олонецкихъ болотъ и въ изслѣдованіяхъ Бѣломорскаго канала.

Въ исходѣ 3-го часа были мы снова на пароходѣ, чтобы сдѣлать водою 105 верстъ; на пристани командиръ мѣстнаго баталіона доложилъ Его Высочеству о состоявшемся въ средѣ подчиненныхъ ему чиновъ рѣшеніи поставить въ лагерѣ часовню во имя Св. Владиміра, которая бы служила памятникомъ заботливаго вниманія Августѣйшаго Главнокомандующаго къ существеннымъ интересамъ баталіона. Далеко въ озеро, на цѣлыхъ 45 верстъ, провожали Великаго Князя представители и представительницы мѣстнаго общества на пароходѣ »Царь«, провожали съ музыкой. Погода была такъ же хороша, какъ и вчера, и бла-

*) Открытъ 30-го августа 1885 года.

годаря ясности воздуха, пудожскій восточный берегъ озера, къ которому мы направлялись, поднимаемый миражемъ, былъ видѣнъ намъ почти со стоверстнаго разстоянія.

Ночь на 2-е іюля была удивительно хороша, тепла, безмятежна. Мы входили въ рѣку Водлу когда сумерки налегли на озеро, спустились по береговымъ лѣсамъ. Кое гдѣ съ плотовъ и береговъ сіяли красными огнями костры и обозначались, довольно рѣдко, барки и лодченки; часто поперекъ пути парохода стремглавъ проносилась ночная птица и, крикнувъ, изчезала. Рѣка Водла, мало кому извѣстная, мало посѣщаемая, достаточно глубока и широка, чтобы принять въ себя озерный пароходъ. Двигаясь между зеленыхъ, поросшихъ плотнымъ лѣсомъ глубоко молчаливыхъ береговъ, мы слушали съ перемѣнною ясностью отдачу звуковъ колесъ нашего парохода. Едва только вошли мы въ Водлу, какъ подверглись нападенію необозримыхъ полчищъ комариныхъ; тишина въ воздухѣ и малый ходъ парохода обусловливали то, что полчища эти росли по мѣрѣ движенія нашего вверхъ по рѣкѣ; мѣстность лѣсистая и болотистая, мало посѣщаемая, видимо создана для распложенія комаровъ; утромъ предстояло намъ убѣдиться въ томъ, что въ ней имѣются и другія прелести: оводы, шершни, шмели всѣхъ сортовъ и величинъ, обзываемые здѣсь очень типичнымъ именемъ »гнуса«; гнуснѣе этихъ полужесткокрылыхъ трудно представить себѣ что-либо. На Мурманѣ »гнусомъ« называютъ только мышей и крысъ.

Было за-полночь, когда мы причалили къ правому берегу рѣки близъ лѣсопильнаго завода Русанова, съ тѣмъ чтобы прибыть въ Подпорожье и затѣмъ въ Пудожъ своевременно. Комарамъ не трудно было преслѣдовать насъ до этого мѣста, но здѣсь, при остановкѣ, они одолѣли въ полной мѣрѣ, чему не мало способствовала близость лѣсопильнаго завода. Ихъ было такъ много, что, насѣдая на пароходныя снасти, они словно одѣвали ихъ какими-то футлярами, и стоило провести по нимъ чѣмъ-либо, рукой или вѣткой, чтобы снять цѣлую коросту комариной трухи и видѣть къ полнѣйшему своему отчаянію, что на только-что очищенную снасть уже насѣлъ новый толстый чехолъ звонко жужжавшаго гнуса. Оставалось одно: скрыться въ каюты и накурить въ нихъ до невозможности персидскимъ порошкомъ.

Петрозаводскъ. Памятникъ Императору Александру II.

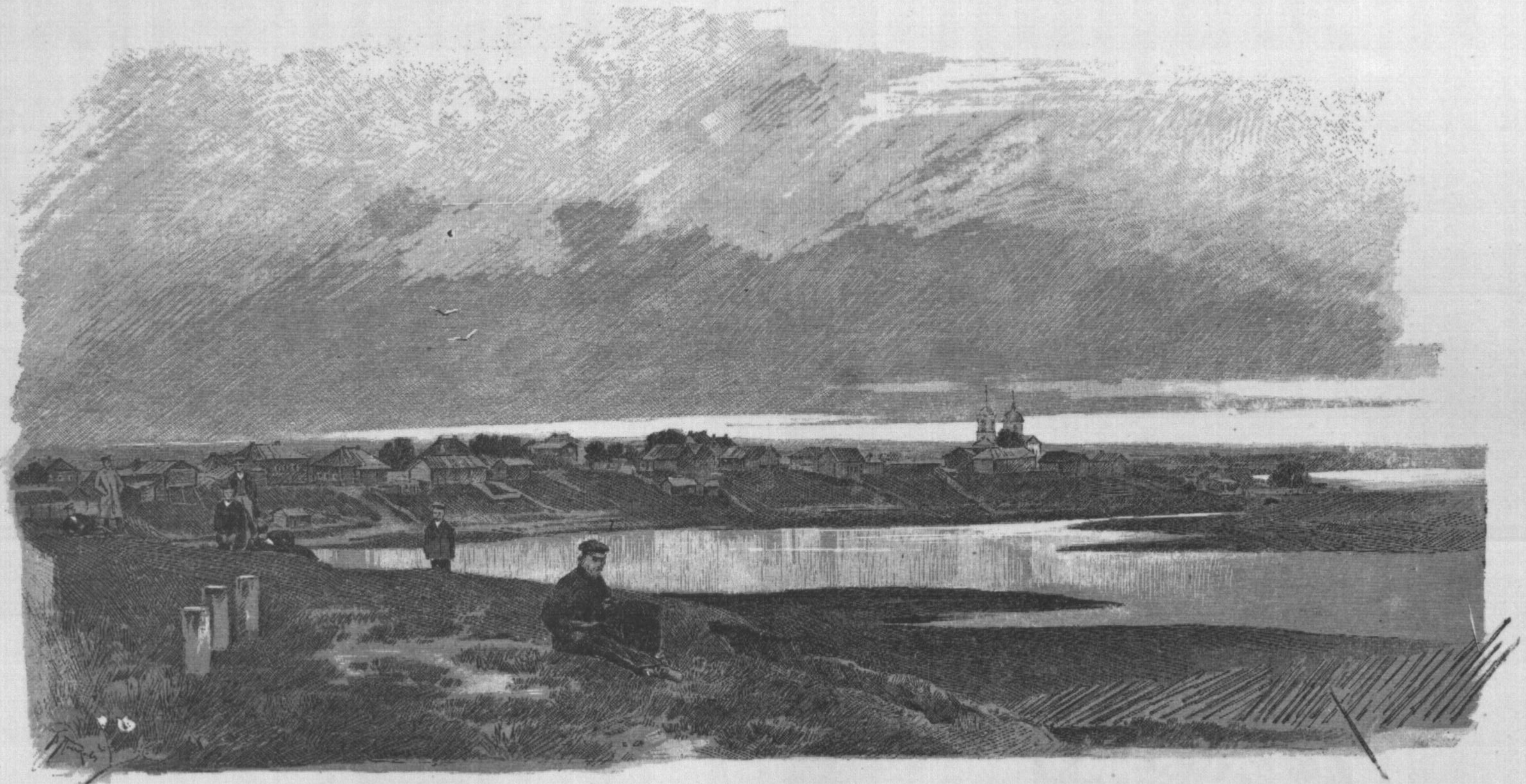
Около 7-ми часовъ утра, 2-го іюля, тронулись мы дальше и остановились близъ деревни Подпорожье; отсюда предстояло сдѣлать въ экипажахъ 9 верстъ до Филимонихи, затѣмъ переѣхать на правый берегъ рѣки Водлы къ деревнѣ Гурьевой, отъ которой, опять-таки въ экипажахъ, оставалось до Пудожа всего 1½ версты. Въ той части рѣки Водлы, которую миновали мы на лошадяхъ, есть Мневскій порогъ, въ ½ сажени паденія; если бы не онъ, то Пудожъ былъ бы соединенъ съ Онежскимъ озеромъ водянымъ путемъ; мѣстное земство ходатайствуетъ объ осуществленіи этого пути и, согласно сообщеніямъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ людей, разстояніе отъ Невы къ Архангельску было бы сокращено на цѣлыхъ 300 верстъ, и транзитъ трески, семги и льна не долженъ бы былъ давать крюкъ на Вытегру. Шлюзованіе стоило бы около 80.000 рублей; производительность этой затраты подлежала бы впрочемъ обсужденію. Въ навигацію 1884 года ходили между Вознесеньемъ и Подпорожьемъ пароходы купца Фогеля, но за смертью его рейсы прекратились и возобновленія ихъ здѣсь желаютъ очень сильно. Говорятъ, что, благодаря своему отчужденному положенію, Пудожъ замираетъ иногда совершенно, и бываютъ дни, что на рынкахъ его ни мяса, ни рыбы достать нельзя.

Мы не могли не вспомнить »двигающагося лѣса« въ Шекспировскомъ »Макбетѣ«, когда, сойдя съ парохода, сѣли въ экипажи для переѣзда въ Пудожъ и взглянули на себя. Единственною слабою защитой противъ одолѣвавшаго насъ дневнаго »гнуса«, противъ необозримыхъ полчищъ шмелей, шершней, ось и оводовъ, было то, что, нарвавъ древесныхъ вѣтокъ, мы окружили себя ими, понасовавъ куда только было возможно, во всѣ отверстія экипажей, и не останавливаясь ни одной минуты въ отмахиваніяхъ. Въ жгучихъ лучахъ іюльскаго солнца, въ густыхъ облакахъ горячей пыли, »гнусъ« становился дерзокъ до невѣроятія; сентиментальное жужжаніе ночныхъ комаровъ смѣнило рѣзкое жужжанье болѣе крупныхъ особей. Что должны были испытывать бѣдныя лошади, можно себѣ вообразить, такъ какъ »гнусъ«, однажды впившись въ коня и ублажаясь его кровью, не отпадаетъ даже при непосредственномъ прикосновеніи къ нему кнута или ерзающей по коню сбруи: онъ упитывался, наслаждался въ полномъ смыслѣ этого слова, до смерти. Намъ сооб-

щили, что проселочная дорога отъ Подпорожья къ Пудожу, по которой мы ѣхали, вся состояла изъ косогоровъ и промоинъ, и что только къ пріѣзду Его Высочества, благодаря особенной заботливости земства, она обращена въ ровную, гладкую и снабжена даже трубами и мостами.

Около 9½ часовъ утра увидѣли мы Пудожъ, стоящій на холмистомъ берегу Водлы и отдѣленный отъ нея небольшими заливными лугами. Время прибытія Великаго Князя въ Пудожъ совпало со столѣтіемъ существованія города. Въ одномъ изъ оффиціальныхъ описаній говорится, что городокъ стоитъ на трехъ рѣкахъ: Водлѣ, Пудогѣ и Журавкѣ и трехъ озерахъ, и что онъ живописенъ. Расположенъ онъ на холмахъ дѣйствительно не дурно и сравнительно чисто, благодаря пескамъ. Есть ли какое-либо историческое прошедшее у Пудожа? Несомнѣнно есть, но оно такъ же скромно, какъ и судьбы рѣки Водлы, на которой онъ стоитъ. Учрежденъ онъ Екатериной II въ 1785 году изъ села Пудога, при Павлѣ I упраздненъ, при Александрѣ I возстановленъ. Въ концѣ XVII вѣка былъ онъ извѣстенъ какъ мѣсто особеннаго распространенія раскола. Церквей въ немъ двѣ. Соборъ во имя Св. Троицы, внутренность котораго покрыта деревяннымъ куполомъ, окрашеннымъ въ голубую краску; онъ состоитъ изъ двухъ церквей: лѣтней и зимней, отдѣленныхъ одна отъ другой каменною стѣной и обѣ онѣ съ деревянными рѣзными иконостасами; другая церковь города — кладбищенская. Жителей въ Пудожѣ 1.426 человѣкъ; доходы — 3.951 руб., расходы — 3.951 рубль, то-есть полнѣйшее совпаденіе; запаснаго капитала всего 1.061 рубль, и неудивительно, что Пудожъ считается однимъ изъ бѣднѣйшихъ городовъ не только Олонецкой губерніи, но и вообще Россіи. Говорятъ, будто имя города идетъ отъ рѣки Пудоги, а Пудога названа такъ потому, что плыла по ней когда-то какая-то дуга въ одинъ пудъ вѣсомъ. Это, конечно, осколокъ какой-то легенды, свидѣтельствующій развѣ о томъ, что Пудожъ изобиловалъ когда-то лѣсами. Еще въ 1828 году тогдашнее министерство финансовъ ходатайствовало о допущеніи пудожскихъ подрядчиковъ къ заготовкѣ лѣса »несогласно узаконеніямъ«, и лѣса порѣдѣли.

Въ Пудожскомъ уѣздѣ 29.000 жителей; главное дѣло — льноводство, но оно все-таки не превышаетъ годовой продажи на

Пудожъ.

22-й советской школы
БИБЛИОТЕКА
при 23 н. Дома Фонтанка, 36

15.000 руб. въ самомъ уѣздѣ; ленъ этотъ хорошихъ качествъ и извѣстенъ въ продажѣ подъ именемъ »Корелки«; цѣна его здѣсь отъ 3½ до 4½ рублей пудъ; а въ Петербургѣ — около 8-ми рублей.

По пріѣздѣ въ Пудожъ, чистенькій, разряженный и расцвѣченный, сквозь густыя толпы народа, собравшагося, не смотря на рабочую пору, издали, Великій Князь направился прямо въ Троицкую церковь, а затѣмъ въ отведенное ему помѣщеніе въ домъ купца, почетнаго мироваго судьи Базегскаго, единственный каменный во всемъ городѣ; здѣсь Его Высочество принялъ немедленно властей и другихъ представителей, а затѣмъ прослѣдовалъ въ казармы Пудожской мѣстной команды.

Команда, въ составѣ взвода, представилась Его Высочеству на казарменномъ плацу. Обойдя ряды и произведя уставное ученье, Великій Князь осмотрѣлъ гимнастику и посѣтилъ затѣмъ казармы, кухню и столовую. Повѣрка дѣлопроизводства въ управленіи уѣзднаго воинскаго начальника заключалась въ выясненіи значенія книгъ для отчетности по запасу, въ докладахъ воинскаго начальника о всѣхъ его дѣйствіяхъ, вызываемыхъ созывомъ государственнаго ополченія и пріемомъ новобранцевъ, объ условіяхъ выбора послѣднихъ при назначеніи въ войска, о порядкѣ перечисленія людей изъ запаса въ отставку и о практическомъ примѣненіи требованій въ отношеніи сличенія отчетности управленія по запаснымъ, съ соотвѣтствующими данными мѣстной полиціи. Въ заключеніе просмотрѣнъ былъ мобилизаціонный планъ, отъ вѣрности соображеній котораго прямо зависитъ успѣхъ перехода арміи изъ мирнаго на военное положеніе.

Посѣтивъ затѣмъ земское училище и богадѣльню на 26 человѣкъ, устроенную на средства купцовъ, братьевъ Малокрошечныхъ, мужскую и женскую земскія больницы, послѣ завтрака, около 3-хъ часовъ пополудни, Великій Князь направился обратно на Гурьево и Подпорожье; представители города выѣхали проводить Августѣйшаго Гостя до Подпорожья. У пристани, обвитой зеленью, ожидалъ насъ пароходъ и знакомые намъ изъ горькаго опыта назойливые »гнусы«; мы взошли на палубу, запасшись достаточнымъ количествомъ вѣтвей; шмели и оводы, не покидавшіе насъ даже въ домѣ, въ которомъ останавливался Великій Князь, и облипавшіе потолки и окна его живыми, жуж-

жавшими коврами, тутъ, подъ брезентомъ палубы, при полнѣйшемъ отсутствіи вѣтра, при тридцатиградусномъ жарѣ, сдѣлались невыносимыми. Необозримыя, блестящія полчища ихъ устремлялись къ пароходу отъ обоихъ лѣсныхъ, болотистыхъ береговъ рѣки и провожали насъ неуклонно, безостановочно, до невѣроятности дерзкіе и изворотливые. Тутъ, въ этихъ тихихъ, забытыхъ странахъ имѣетъ мѣсто обмазываніе рабочихъ людей въ рабочую пору дегтемъ, какъ единственное средство защиты. Мы надѣялись, что, оставивъ рѣку и выйдя въ открытое озеро, мы немедленно избавимся отъ гнуса, но это было на долгое время тщетною надеждою. Оводы и шмели какъ будто выползали откуда-то на самомъ пароходѣ и провожали насъ не одинъ часъ времени. Намъ припомнился разсказъ таможенныхъ солдатиковъ на Бѣломъ морѣ о томъ, что мѣстные комары терзаютъ ихъ даже на открытой водѣ; комары прячутся въ карбасѣ на берегу, скрываются въ дождь и вѣтеръ, но, стоитъ установиться погодѣ, и они тутъ какъ тутъ, не смотря на стоверстное разстояніе, отдѣляющее карбасъ отъ матерой земли.

Дальнѣйшій путь Его Высочества отъ восточнаго берега Онежскаго озера къ Петербургу можно назвать почти непрерывнымъ. Для перемѣны лоцмановъ останавливались мы у Пидмы; въ Лодейномъ-Полѣ посѣтилъ Великій Князь соборъ, и здѣсь же откланялся Его Высочеству олонецкій губернаторъ Григорьевъ.

4-го іюля, въ 8 часовъ утра, были мы въ Петербургѣ. Его Высочество встрѣченъ представителями военныхъ и гражданскихъ властей на пристани и прослѣдовалъ немедленно въ Царское-Село, къ Августѣйшимъ дѣтямъ своимъ, а оттуда въ Красносельскій лагерь. Послѣ лагернаго сбора войскъ, какъ извѣстно, предстояло состояться свиданію Государя Императора и Императора Австрійскаго въ Кремзирѣ, и Великій Князь долженъ былъ сопутствовать своему Державному брату. На обратномъ пути оттуда Его Высочество предпологалъ посѣтить Нижній-Новгородъ.

Не позже какъ на слѣдующій день по прибытіи Великаго Князя въ Красносельскій лагерь, по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, отъ 5-го іюля, отданъ былъ слѣдующій приказъ:

Съ 25-го мая по 4-е іюля текущаго года Я осмотрѣлъ слѣдующія части мѣстныхъ войскъ Высочайше ввѣреннаго Мнѣ округа: Архангелогородскій и

Петрозаводскій мѣстные баталіоны, вторыя и третьи роты 2-го и 3-го резервныхъ пѣхотныхъ баталіоновъ, мѣстныя команды: Островскую, Сійскую, Холмогорскую, Кемскую, Мезенскую, Онежскую, Повѣнецкую и Пудожскую, а также Архангелогородскій мѣстный лазаретъ, и ознакомился съ дѣлопроизствомъ въ управленіяхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ: Островскаго, Новоржевскаго, Холмскаго, Демянскаго, Валдайскаго, Архангельскаго, Повѣнецкаго и Пудожскаго и канцелярій командъ: Мезенской, Кемской, Холмогорской и Онежской.

Поименованныя части Я нашелъ въ слѣдующемъ состояніи:

Строевое образованіе. Осмотрѣнныя части мѣстныхъ войскъ отличаются хорошимъ одиночнымъ обученіемъ, бодрымъ видомъ людей, правильною стойкой, молодцоватою выправкою, вниманіемъ и тишиною во фронтѣ и вѣрнымъ исполненіемъ требованій устава при производствѣ строевыхъ ученій. Выше прочихъ Я ставлю роты резервныхъ баталіоновъ и Холмогорскую мѣстную команду; слабѣе показалась Мезенская мѣстная команда. Въ Архангелогородскомъ баталіонѣ и въ нѣкоторыхъ изъ командъ 2-й мѣстной бригады замѣчено лишь неправильное употребленіе при строевыхъ упражненіяхъ учебнаго гимнастическаго шага.

Гимнастика и фехтованіе. Въ этихъ отдѣлахъ обученія повсюду замѣтенъ желаемый успѣхъ, и въ особенности въ Холмогорской мѣстной командѣ, гдѣ гимнастическія упражненія, отъ фельдфебеля до послѣдняго рядоваго, были исполнены образцово. Необходимо содержать гимнастическія машины въ большемъ порядкѣ, въ особенности въ Мезенской мѣстной командѣ, гдѣ городокъ совсѣмъ обветшалъ.

Обмундированіе и снаряженіе. Не смотря на встрѣченныя ротами — 2-го и 3-го резервныхъ баталіоновъ нѣкоторыя затрудненія при постройкѣ одежды, всѣ осмотрѣнныя войска представились Мнѣ щеголевато обмундированными и въ исправномъ снаряженіи. Въ пригонкѣ и постройкѣ Я не замѣтилъ особыхъ отъ правилъ отступленій.

Грамотность. Судя по представленнымъ Мнѣ сравнительнымъ даннымъ за послѣдніе 3 года, Я долженъ сказать, что еще во многихъ частяхъ необходимы серьезныя усилія для достиженія лучшихъ результатовъ.

Въ Мезенской мѣстной командѣ за указанный періодъ времени не только ни одинъ нижній чинъ не обучился грамотѣ, но и самаго занятія этого не производилось. Ссылку начальника команды на разбросанное по обывателямъ квартированіе нижнихъ чиновъ, какъ на причину такого явленія, нельзя признать уважительною уже потому, что чѣмъ труднѣе извѣстное дѣло, тѣмъ большія усилія потребны для достиженія въ немъ успѣха, и къ тому же въ сосѣдней съ Мезенской, въ Кемской мѣстной командѣ, при томъ же невыгодномъ способѣ размѣщенія людей и сравнительно болѣе тяжелой службѣ, за то же время обучено между тѣмъ грамотѣ 18 изъ 34-хъ подлежавшихъ обученію.

Нравственность. Изъ сравнительной общей таблицы о числѣ преданныхъ суду и подвергшихся дисциплинарнымъ взысканіямъ въ осмотрѣнныхъ ча-

стяхъ, Я заключаю, что на поддержаніе нравственности въ Архангелогородскомъ мѣстномъ баталіонѣ, Островской, Мезенской и Сійской командахъ слѣдуетъ обратить большее вниманіе. При пересмотрѣ штрафныхъ журналовъ Я замѣтилъ, что самыя взысканія иногда налагались безъ точнаго соблюденія правилъ дисциплинарнаго устава. Въ Мезенской мѣстной командѣ изъ 124-хъ и въ Сійской мѣстной командѣ изъ 16-ти случаевъ общаго числа взысканій за 1884 и 1885 гг., въ первой 122 и во второй всѣ 15 наложены исключительно лишь офицерами, притомъ взысканія эти не превышали предоставленныхъ власти начальникамъ изъ нижнихъ чиновъ. Такое явленіе можетъ быть объяснено незанесеніемъ всѣхъ взысканій въ штрафные журналы или тѣмъ, что начальники изъ нижнихъ чиновъ, въ ущербъ ихъ авторитета, не пользуются закономъ предоставленною имъ властью. Такія упущенія, увѣренъ, были бы своевременно устранены, если бы повѣрка журналовъ производилась въ законѣ указанномъ порядкѣ. Изъ подробно Мною разсмотрѣннаго ордера одного изъ начальствующихъ лицъ Я видѣлъ, что журналы эти имъ вовсе не были повѣрены, ни даже просмотрѣны.

Казармы и хозяйство. Казармы и хозяйственныя при нихъ заведенія вездѣ содержатся въ полномъ порядкѣ и обставлены для квартирующихъ возможными удобствами. Лишены казармъ въ настоящее время лишь мѣстныя команды въ Мезени и Кеми, изъ которыхъ въ первомъ городѣ онѣ должны быть вновь построены военно-инженернымъ вѣдомствомъ и во второмъ — будутъ построены мѣстнымъ городскимъ управленіемъ. Начальнику 2-й мѣстной бригады установить временную отчетность за ходомъ постройки казармъ въ этихъ городахъ и доносить Мнѣ въ случаѣ замѣченной медленности.

Останавливаетъ на себѣ особое Мое вниманіе улучшеніе лагеря Петрозаводскаго мѣстнаго баталіона: взамѣнъ мѣстности на берегу Онежскаго озера, подверженной постояннымъ вѣтрамъ и пыли отъ проходящаго вдоль передней линейки скотопрогоннаго тракта, на которой засталъ Я баталіонъ въ прошломъ году и до того много лѣтъ тамъ расположенный, нынѣ лагерная обстановка неузнаваема: лагерь разбитъ на сухой и возвышенной мѣстности, окруженной кустарникомъ и внѣ вреднаго вліянія сѣверныхъ вѣтровъ; гг. офицеры имѣютъ хорошо устроенную общую столовую и библіотеку, а нижніе чины — обширныя столовыя и кухни, не уступающія соотвѣтствующимъ постройкамъ лагеря Красносельскаго. Современными удобствами баталіонъ пользуется благодаря сочувствію къ нему городскаго общественнаго управленія и похвальной заботливости и распорядительности баталіоннаго командира.

Пища, хлѣбъ и квасъ въ дни смотровъ повсюду были отличнаго качества, вполнѣ соотвѣтствовавшаго требованіямъ утвержденныхъ раскладокъ, правильно соображеннымъ съ данными на продовольствіе средствами и мѣстными на продукты цѣнами. При обходѣ столовыхъ и кухонь Я замѣтилъ, что тѣ улучшенія въ хозяйствѣ, на которыя было указано въ Моемъ приказѣ по округу сего года за № 11, еще не введены во многихъ частяхъ, квартирующихъ сравнительно ближе къ Петербургу, въ то время какъ Архангело-

городскій мѣстный баталіонъ и Холмогорская команда успѣли ихъ примѣнить съ полнымъ успѣхомъ *). Въ кухнѣ одной изъ мѣстныхъ командъ Я не нашелъ вывѣшенной на стѣнѣ ежедневной раскладки. Въ частяхъ 1-й мѣстной бригады унтеръ-офицеры, обѣдая въ столовыхъ вмѣстѣ съ рядовыми, сидятъ за особыми столами. Признавая каждую изъ мѣръ, содѣйствующихъ возвышенію въ войскахъ почета унтеръ-офицерскаго званія, заслуживающею вниманія, порядокъ этотъ принятъ къ руководству и въ другихъ частяхъ Высочайше ввѣреннаго Мнѣ округа, тамъ, гдѣ онъ можетъ быть примѣненъ безъ особыхъ неудобствъ.

Служебные и домашніе наряды. Сличая между собою данныя составленной общей вѣдомости и фактически на мѣстѣ повѣривъ нѣкоторыя изъ нихъ, Я убѣдился, что на ограниченіе расхода людей на службу не вездѣ обращено полное вниманіе. Въ командахъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ обстановки, встрѣчается въ нарядахъ большое разнообразіе, при томъ въ частяхъ одной и той же бригады. Въ однѣхъ командахъ значатся особые посты у пороховыхъ погребовъ, сторожа у стрѣльбищныхъ валовъ, провіантскихъ складовъ, въ управленіяхъ и командныхъ канцеляріяхъ, въ то время какъ другія команды нашли возможность обойтись безъ нѣкоторыхъ изъ этихъ нарядовъ; въ однѣхъ допущенъ нарядъ въ канцеляріи вѣстовыхъ и въ командахъ конюховъ, тогда какъ въ другихъ командахъ такихъ нарядовъ не имѣется; однѣми случайные посты въ гражданскихъ больницахъ, въ случаѣ содержанія арестантовъ, показываются въ ряду нарядовъ постоянныхъ, другими — временныхъ; въ одной изъ командъ къ исправленію обязанностей кашевара и хлѣбопека назначенъ 1 человѣкъ, въ другой — сравнительно небольшаго состава — 2 и 3. Отъ вѣрности опредѣленія расхода людей на службу прямо зависитъ и степень благосостоянія частей: чѣмъ, при извѣстномъ ограниченномъ штатѣ, общій нарядъ въ командѣ будетъ меньше, тѣмъ останется больше времени для производства прочихъ учебныхъ занятій и для отдыха. Придавая крайне важное значеніе сокращенію въ войскахъ служебныхъ нарядовъ и признавая полезнымъ объединеніе ихъ въ районѣ каждой бригады, предписываю начальникамъ 1-й и 2-й мѣстныхъ бригадъ объявить, особо для каждой команды, въ приказѣ по бригадѣ расписаніе всѣхъ ими признаваемыхъ нарядовъ людей на службу. Только при выясненіи — до послѣдняго человѣка — служебнаго расхода и можно вывести правильное заключеніе о соотвѣтственности дѣйствительной потребности и штатовъ частей. Самое уравненіе службы между командами — въ чемъ нынѣ еще встрѣчается такая потребность — немыслимо безъ предварительнаго и точнаго выясненія дѣйствительно неизбѣжныхъ нарядовъ.

Остроги и больницы. Посѣтивъ во всѣхъ поименованныхъ городахъ остроги и больницы, Я нашелъ въ первыхъ хорошія помѣщенія для караула, а вторыя соотвѣтствующими санитарнымъ требованіямъ и содержаніе въ нихъ

*) Примѣненіе это Я видѣлъ и въ Московскомъ военномъ округѣ, во многихъ частяхъ 18-й мѣстной бригады.

больныхъ воинскихъ чиновъ вполнѣ удовлетворительнымъ, хотя и дорогимъ по сравненію со стоимостью ихъ содержанія въ войсковыхъ лазаретахъ.

Состояніе управленій уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ и канцелярій начальниковъ мѣстныхъ командъ. Всѣ управленія и канцеляріи удобно помѣщены въ хорошо содержанныхъ зданіяхъ и удовлетворительно обставлены. При произведенной Мною повѣркѣ дѣлопроизводства и мобилизаціонной отчетности, Я убѣдился въ повсемѣстномъ ихъ, сравнительно съ прошлогоднимъ смотромъ Моимъ, улучшеніи. На мѣстѣ высказавъ замѣчанія, на этотъ разъ, также какъ и въ прошломъ году, могу повторить, что степень исправности прямо зависѣла отъ степени личной подготовки уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ. Начальникамъ мѣстныхъ бригадъ требовать отъ подчиненныхъ имъ воинскихъ начальниковъ такихъ основательныхъ знаній, при которыхъ они могли бы на самомъ дѣлѣ постоянно фактически лично провѣрять правильность веденія направляемаго ими дѣлопроизводства. Изъ осмотрѣнныхъ Мною управленій лучшими признаю Демянское и Холмское, а болѣе слабыми Архангельское и Валдайское.

Состояніе Архангелогородскаго мѣстнаго лазарета. Лазаретъ помѣщенъ въ деревянныхъ зданіяхъ военно-инженернаго вѣдомства и содержится въ большомъ порядкѣ. Больные были видимо довольны оказываемою имъ попечительностью и никто изъ нихъ претензіи мнѣ не заявилъ. Успѣхъ пользованія больныхъ, судя по общимъ результатамъ, можетъ быть названъ благопріятнымъ и въ средѣ баталіона лазаретъ пользуется должнымъ довѣріемъ.

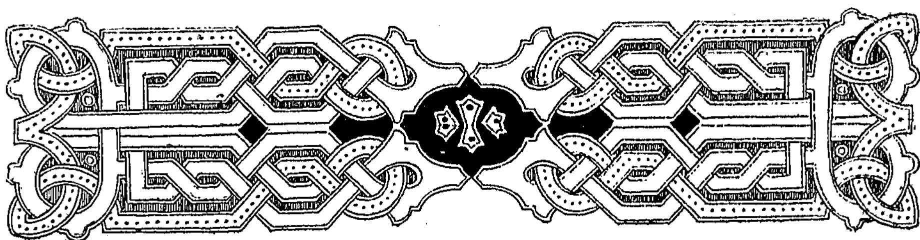
Объявляя о такихъ результатахъ Моего осмотра мѣстныхъ войскъ, для руководства имъ въ будущемъ, высказываю твердую увѣренность въ дальнѣйшемъ ихъ несомнѣнномъ совершенствованіи, къ чему наиболѣе вѣрнымъ залогомъ служитъ лично замѣченная Мною преданность гг. офицеровъ своему долгу, какъ и готовность ихъ всегда точно, по мѣрѣ силъ и возможности исполнять закономъ возложенныя на нихъ обязанности.

Обращаю особенное вниманіе на утвержденіе въ частяхъ мѣстныхъ войскъ мѣръ къ правильному воспитанію нижнихъ чиновъ и къ возможному, путемъ распространенія грамотности, умственному ихъ развитію. Надо помнить, что нравственный и въ нѣкоторыхъ случаяхъ только грамотный солдатъ можетъ съ честію исполнять караульную и конвойную службу, которая главнымъ образомъ и падаетъ на мѣстныя войска.

Подписалъ: Главнокомандующій войсками,

Генералъ-Адъютантъ *ВЛАДИМІРЪ*.

Нижній-Новгородъ. Ярмарка.

Причины посѣщенія Ихъ Высочествами Нижняго. Прибытіе. Легенда. Историческое о городѣ и ярмаркѣ. Главный ярмарочный домъ. Преображенскій соборъ. Гробница Минина. Кадетскій корпусъ графа Аракчеева. Новодѣвичій монастырь. Лагерь. Выставочный павильонъ. Значеніе кустарно-промышленной выставки. Пароходство Зевеке.

ремзирское свиданіе Государя Императора съ Императоромъ Австрійскимъ, произведшее на весь европейскій міръ огромное впечатлѣніе, состоялось 15-го августа. Государя сопровождали: Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ Августѣйшею супругою своею Маріею Павловною и Великій Князь Георгій Александровичъ. 16-го августа Высочайшіе Путешественники были въ Кіевѣ, гдѣ и провели четверо сутокъ и направились обратнымъ путемъ въ Петербургъ черезъ Москву. Изъ нашей первопрестольной столицы Ихъ Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна прослѣдовали въ Нижній-Новгородъ для посѣщенія ярмарки и выставки кустарно-промышленной и сельско-хозяйственной.

Эта выставка — починъ и починъ очень многозначительный. Дѣло въ томъ, что члены нижегородскаго городскаго и биржеваго обществъ и нижегородскаго отдѣленія техническаго общества, принявшіе на себя устройство кустарно-промышленной и сельско-хозяйственной выставки, видя неоднократныя доказательства тому, что Великій Князь постоянно благосклонно относится

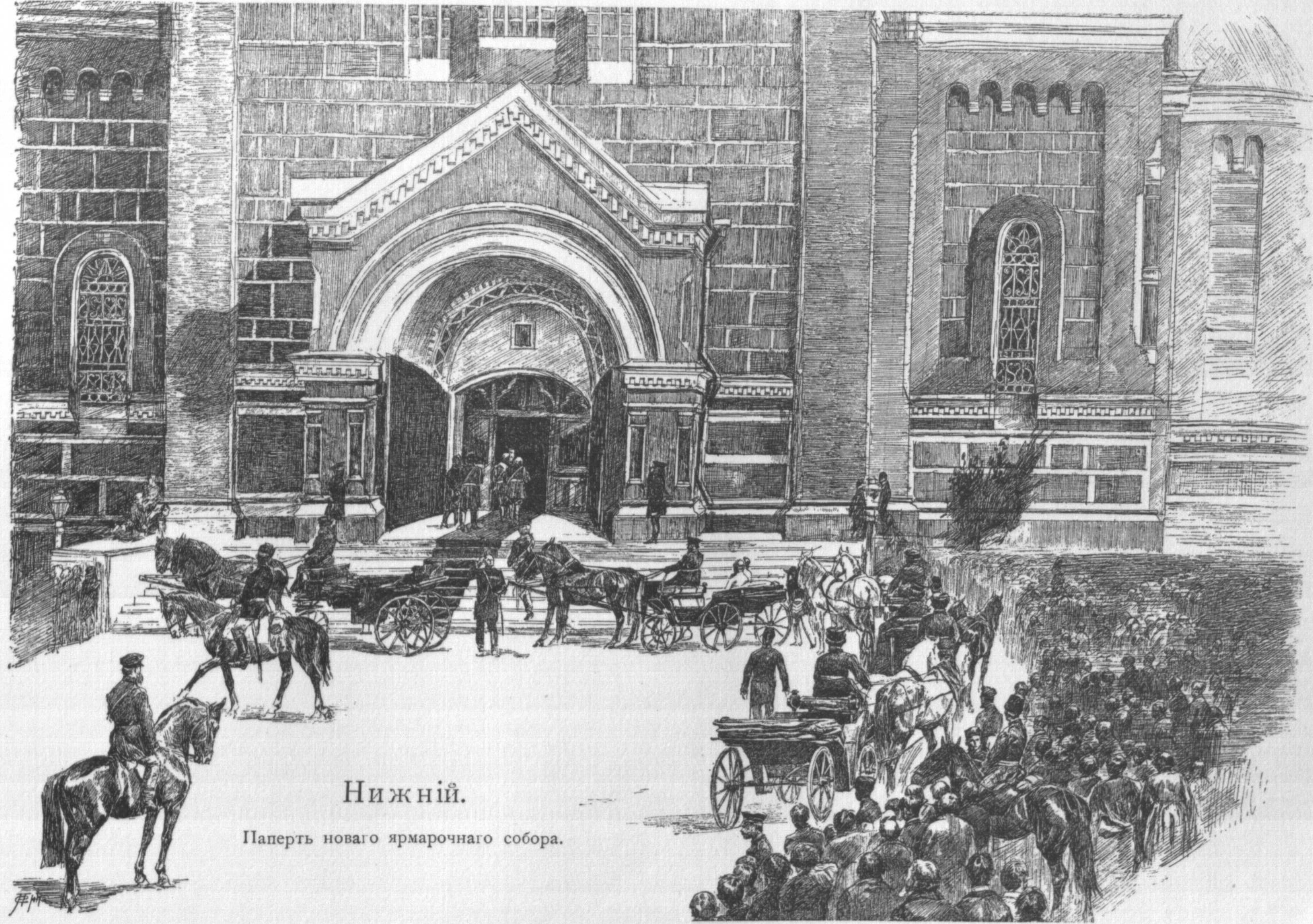
къ интересамъ нашей промышленности, изъявили желаніе, чтобы Его Высочество соизволилъ принять эту выставку подъ свое покровительство. Составленный по этому поводу адресъ былъ доставленъ въ Петербургъ въ мартѣ мѣсяцѣ особою депутаціей, которую Великій Князь удостоилъ милостивымъ принятіемъ. Съ послѣдовавшаго затѣмъ Высочайшаго соизволенія Его Высочество принялъ выставку подъ свое покровительство, и такимъ образомъ было предрѣшено совершившееся путешествіе въ Нижній.

Въ одной изъ мордовскихъ пѣсень основаніе Нижняго разсказывается такъ: ѣхалъ русскій князь мурза по Волгѣ; на ту пору мордва въ бѣлыхъ своихъ балахонахъ молилась на горѣ Богу; спросилъ мурза своихъ воиновъ: »что это за березникъ мотается, шатается, къ землѣ матушкѣ на востокъ приклоняется«; князю объяснили, что это мордва Богу молится. Старики изъ мордвы, узнавъ о прибытіи русскаго князя, послали ему съ молодыми людьми говядины и пива; молодые люди говядину съѣли, пиво выпили, а князю принесли земли да воды. Князь поплылъ далѣе по Волгѣ; гдѣ кинетъ на берегъ горсть принесенной земли, тамъ быть городу, гдѣ броситъ щепотку тамъ быть селу. Такъ покорилась русскимъ земля мордовская.

Такъ, будто-бы, возникъ и Нижній изъ горсточки земли брошенной русскимъ княземъ мурзою. Несомнѣнно что Нижній основанъ въ 1222 году Великимъ Княземъ Юріемъ II Всеволодовичемъ и, по словамъ Соловьева, является фактомъ наступательнаго движенія нашего на Азію, на финскія племена и, по справедливому замѣчанію Гацискаго, является первымъ звеномъ той исторической цѣпи событій, которая на нашихъ глазахъ завершилась, пока-что, въ Мервѣ.

Въ 1350 году въ отпоръ Великому Княженію Московскому образовалось здѣсь свое Великое Княженіе, но въ концѣ XIV вѣка подчинилось Москвѣ. Татарское владычество, Іоаннъ Грозный, лихолѣтье — все это живописалось въ исторіи Нижняго; ярко теплится въ немъ имя Минина; тутъ же имѣютъ что поразсказать легенды и исторія о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ; отсюда шелъ Петръ I въ персидскій походъ; здѣсь представился Екатеринѣ II геніальный механикъ-самоучка Кулибинъ; здѣсь же передала Императрицѣ, оставшись съ нею наединѣ, свою глубоко-трагическую

22-я советской школы
БИБЛИОТЕКА
при 23 д. доме Фонтанка 36.

Нижній.

Паперть новаго ярмарочнаго собора.

судьбу извѣстная Осокина, и Екатерина велѣла снять съ нея кандалы; извѣстна также легенда о »Кунавинской кумѣ«. Что касается до ярмарки, то, зародившись въ Скоморошкахъ, побывавъ временно въ Василѣ и Лысковѣ, открыта она въ Нижнемъ, оффиціально съ 1817 года; гостиный дворъ ея построенъ былъ, подъ наблюденіемъ генерала Бетанкура, въ 1822 году; центръ его въ главномъ ярмарочномъ домѣ.

Много уже вѣковъ замышляютъ »оползни« горъ, на которыхъ красуется Нижній, снять съ него красоты, принизить его горы, и все-таки это не удается имъ. Красивъ и высокъ Нижній, какъ прежде. Послѣдній большой оползень совершился въ 1867 году надъ соляными амбарами; когда-то, въ 1597 году, разрушенъ подобнымъ оползнемъ Печерскій монастырь, основанный въ XIV вѣкѣ; онъ снесъ его долой и достигъ только того, что монастырь этотъ стоитъ попрежнему, только немного повыше. Боязнь этихъ оползней принудила очень недавно срѣзать такъ называемую Муравьевскую башню — »дылду«, надъ которою въ свое время много трунили и которая была такъ характерна своимъ длиннымъ розовымъ очертаніемъ на нагорномъ берегу Волги, обращенная циферблатомъ своихъ часовъ къ лежащей по другую сторону Оки ярмаркѣ.

Рухляки, изъ которыхъ состоятъ горы Нижегородскія, причина этихъ оползней. Толкуютъ, будто безсчетные свистки волжскихъ пароходовъ пошевеливаютъ ихъ, но это несомнѣннѣйшая неправда, потому что, еслибы звуки способны были двигать рухляки, то 22-го августа, въ день пріѣзда сюда Великаго Князя и Великой Княгини, отъ безконечныхъ »ура«, шедшихъ отъ многихъ десятковъ тысячъ голосовъ, они должны бы были двинуться непремѣнно. Они не двинулись.

Съ небольшимъ въ 10 часовъ утра прибыли сюда изъ Москвы Ихъ Высочества, и тутъ же на вокзалѣ представились имъ: начальникъ 3-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Корево, начальникъ губерніи, управляющій ярмаркой, генералъ-майоръ Барановъ и губернскій предводитель дворянства Зыбинъ. Сѣвъ въ экипажи и проѣхавъ поперекъ ярмарки, вступили Ихъ Высочества въ новый ярмарочный соборъ, гдѣ привѣтствованы епископомъ Нижегородскимъ и Балахнинскимъ Модестомъ и отслушали многолѣтіе. Жаль, очень жаль, что, сообщая о первыхъ шагахъ Ихъ Высочествъ въ Нижній, говоря

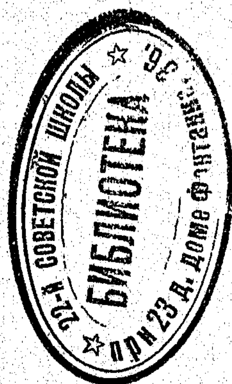
о соборѣ, приходится, чтобы быть справедливымъ, отнестись къ этому монументальному сооруженію несочувственно. Это тѣмъ болѣе жаль, что первый камень его, въ 1881 году, въ іюлѣ, положенъ былъ собственноручно Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Постройка обошлась въ 508.000 руб. ярмарочному купечеству, обложившему себя для этой цѣли особымъ сборомъ. Построенъ онъ по проекту архитектора Даля, умершаго до окончанія постройки; доведенъ до конца архитекторомъ Килевейномъ. Всѣ пять шатровыхъ куполовъ его, кубическое основаніе, почти плоскія абсиды, расчлененія стѣнъ, ихъ пилястрированіе, до такой степени неорганичны, такъ мало связаны одно съ другимъ, такъ несочувственны въ размѣрахъ, что невольно сомнѣваешься въ томъ: исполненъ ли проектъ такъ, какъ онъ задуманъ? Краснѣющая нагота кирпичей и зелень шатровыхъ куполовъ только увеличиваютъ невыгоду впечатлѣнія, и несуразная масса собора рѣшительно подавляетъ собою невысокія зданія лежащей вокругъ него ярмарки. Нѣкоторое исправленіе возможно, если оштукатурить и окрасить его.

Вдоль ярмарочныхъ линій, обрамленныхъ народомъ, Ихъ Высочества, для кратковременнаго отдыха и пріема властей и представителей, направились въ главный ярмарочный домъ. На площади передъ домомъ былъ выставленъ почетный караулъ, рота со знаменемъ отъ 9-го пѣхотнаго полка. На правомъ флангѣ стояли старшія надъ полкомъ начальствующія лица, на лѣвомъ — депутація отъ Нѣжинскаго пѣхотнаго полка, шефомъ котораго состоитъ Ея Высочество Великая Княгиня. Привѣтствовавъ начальство и поздоровавшись съ людьми, Его Высочество обошелъ ряды. Съ депутатами отъ нѣжинцевъ Великій Князь вспоминалъ время недавняго своего пребыванія въ Ярославлѣ. Отпустивъ караулъ, Его Высочество направился въ главный домъ, гдѣ Великая Княгиня, Августѣйшій Шефъ нѣжинцевъ, приняла членовъ депутаціи.

Ярмарочный Главный Домъ, центръ обращенія тѣхъ миліардовъ, которые за все время существованія ярмарки перешли черезъ Нижній, служитъ во время ярмарки постояннымъ мѣстопребываніемъ губернатора, такъ какъ губернаторскій домъ находится отсюда въ шести верстахъ, въ Кремлѣ, за Окой. При томъ безустанномъ наплывѣ всякаго народа, при пестротѣ и количествѣ массъ его,

Нижній Новгородъ. Главный ярмарочный домъ.

22-й советской школы
БИБЛИОТЕКА
при 23 д. доме

которыя имѣютъ мѣсто, присутствіе представителя власти въ центрѣ самой ярмарки необходимо. Главный Домъ очень старъ, длиненъ, своеобразенъ. Однимъ фронтономъ съ колоннами выходитъ онъ на площадь, другимъ обращенъ въ сторону бульвара и густо отѣненъ столѣтними осокорями, тянущими вѣтви свои къ его окнамъ. Подъ самымъ домомъ въ галереяхъ идетъ торговля и будто выползаетъ отсюда по всѣмъ направленіямъ на цѣлыхъ 16 квадратныхъ верстъ ярмарки, выползаетъ на волжскіе и окскіе пески, вплоть до неисчислимыхъ хлѣбныхъ, чайныхъ и рыбныхъ каравановъ, на нихъ пріютившихся. Но 16 квадратныхъ верстъ — это еще не все, потому что вплотную къ пескамъ подтянуты безсчетныя суда, непосредственно соединяемыя сходнями; за судами въ глубокой водѣ стоятъ пароходы, и все это та же ярмарка, знаменитая ярмарка, когда-то Макарьевская, существовавшая у монастыря этого имени, но съ 1817 года перенесенная въ Нижній-Новгородъ. Замѣтимъ, что ко дню пріѣзда Ихъ Высочествъ въ ярмарочномъ районѣ значилось 2.694 судна, поверхность и вмѣстимость которыхъ надо прибавить къ 16 квадратнымъ верстамъ.

Роскошная совокупность всего этого представилась глазамъ нашимъ, когда, принявъ въ Главномъ Домѣ властей, представителей дворянства и именитаго всероссійскаго купечества, Ихъ Высочества направились въ экипажахъ чрезъ плавучій мостъ на Окѣ въ самый городъ для посѣщенія Преображенскаго собора. Предстояло подняться отъ низменной ярмарки къ самой вершинѣ кремля. Внушительная декорація Нижняго высилась передъ нами во всей ея высотѣ и широтѣ, расцвѣченная безсчетными флагами, двигавшаяся людьми, гудѣвшая всѣми своими колоколами. Отъ Главнаго Дома до собора, находящагося подлѣ дома начальника губерніи, около 6 верстъ. Ѣхать приходится Нижнимъ-Базаромъ и подниматься Зеленскимъ спускомъ, глубоко врѣзаннымъ въ самое тѣло кремлевской горы. Съ грохотомъ колесъ экипажей пронеслись мы подъ воротами старинной стѣны и, выйдя изъ нихъ, очутились въ глубокой тишинѣ городскаго Преображенскаго каѳедральнаго собора: влѣво отъ входа виднѣлась подъ красивою сѣнью могила Минина. Ихъ Высочества были встрѣчены и здѣсь архипастыремъ Модестомъ и прослушали многолѣтіе.

Соборъ построенъ въ 1221 году, но много, много разъ пере-

страивался. Въ немъ есть церковь верхняя и церковь въ подвальномъ этажѣ. Въ верхней свѣтло поблескиваютъ шесть стройныхъ, облицованныхъ алебастромъ столбовъ; синими кассетами расписаны изгибающіяся надъ ними арки; по стѣнамъ фресковыя изображенія; изнутри видны всѣ пять куполовъ, обильно снабженные окнами; въ главномъ корпусѣ окна въ два свѣта. Въ соборѣ почиваютъ многіе изъ великихъ князей и княгинь нижегородскихъ, цѣлый рядъ митрополитовъ и между ними Питиримъ, такъ много извѣстный въ судьбахъ поволжскаго раскола.

Съ глубокимъ вниманіемъ и почтеніемъ отнеслись Высокіе Посѣтители къ гробницѣ Минина. Она поставлена по проекту архитектора Даля, строителя ярмарочнаго собора, и сдѣлана удачно. Великій гражданинъ Нижняго почиваетъ въ подвальной церкви, къ которой сходятъ внизъ по сторонамъ очень красивой шатровой сѣни, высящейся въ верхней церкви. Узорчатая размалевка внутреннихъ и внѣшнихъ частей мавзолея строга, выдержана и вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру сооруженія. Немного нужно было усилій воображенія, чтобы вспомнить то лихолѣтіе, когда прозвучалъ голосъ человѣка, почивающаго теперь въ этой могилѣ, подъ сѣнью знаменъ ополченій 1812 и 1856 годовъ. Петръ I и многія державныя лица, посѣщавшія соборъ, поклонялись этому праху »Миновича«, лежащаго здѣсь »избавителя Россіи«. Полусвѣтъ подвальнаго этажа только способствуетъ ясности воспоминанія, и мѣсто это, безусловно, одно изъ святыхъ мѣстъ нашей Россіи.

Въ сосѣдствѣ собора, въ кремлѣ, находится Нижегородскій графа Аракчеева корпусъ, куда вслѣдъ за тѣмъ и направились Ихъ Высочества. Корпусъ этотъ былъ помѣщенъ по волѣ Императора Николая I въ 28-ми верстахъ отъ Новгорода, въ 4-мъ округѣ военныхъ поселеній. На содержаніе корпуса, кромѣ суммъ, ассигнованныхъ изъ Государственнаго Казначейства, поступали: часть процентовъ съ 2½ милл., пожертвованныхъ дворянствомъ двадцатисеми губерній на устройство губернскихъ кадетскихъ корпусовъ, и проценты съ 300.000 руб., внесенныхъ графомъ Аракчеевымъ. Это былъ первый изъ губернскихъ корпусовъ. Чрезъ мѣсяцъ по открытіи корпуса графъ Аракчеевъ скончался; чрезъ двѣ недѣли послѣдовалъ указъ, чтобы доходы съ Грузинскаго имѣнія графа шли всегда на воспитаніе юношей этого корпуса. Корпусу пере-

Нижній. Павильонъ выставки.

22-й советской школы
БИБЛИОТЕКА
при 23 д. доме фонтанке, 36.

дана библіотека графа и многія изъ его вещей, хранящихся въ немъ и понынѣ. Ихъ Высочества обошли большую часть зданія; юноши и дѣти-кадеты, выстроенные фронтомъ, глядѣли весело, бодро. Помѣщеніе и порядокъ безупречны. Въ корпусѣ два полные оркестра, духовой и струнный, составленные изъ кадетъ. Ихъ Высочества слушали очень хорошую, осмысленную игру перваго изъ нихъ, и нельзя не замѣтить, что подобное участіе музыки въ дѣлѣ воспитанія, если только оно не идетъ въ ущербъ прямому назначенію корпуса, какъ въ данномъ случаѣ, въ высшей степени полезно и должно вызвать подражанія. Изъ числа вещей, оставшихся послѣ графа Аракчеева, слѣдуетъ упомянуть объ очень хорошемъ портретѣ его, во весь ростъ, писанномъ масляными красками, и о бронзовомъ бюстѣ; ни въ томъ, ни въ другомъ графъ не польщенъ; бюстъ, по плечи, безо всякаго одѣянія, и на шеѣ виситъ, отлитый съ нимъ заодно, медальонъ, съ изображеніемъ Императора Александра I. Много воспоминаній вызывалось взглядомъ на стеклянный бокалъ и такую же рюмку, которыми чокнулись въ Тильзитѣ Императоры Александръ I и Наполеонъ.

Довольно далекъ былъ переѣздъ отъ корпуса къ Новодѣвичьему монастырю, составлявшему слѣдующій пунктъ посѣщенія. Крестовоздвиженскій первоклассный общежительный дѣвичій монастырь лежитъ въ густой зелени старыхъ деревъ своихъ, за такими же старыми стѣнами. Основанъ онъ въ концѣ прошлаго столѣтія; церквей въ немъ три и купола ихъ глядятъ вплотную одинъ подлѣ другаго въ обильной листвѣ. Ихъ Высочества прослушали въ соборной церкви многолѣтіе и сквозь густые ряды инокинь прошли въ помѣщеніе настоятельницы монастыря на чашку чая. Монахинь и послушницъ 174, на испытаніи 55; должно быть между ними много мастерицъ рукодѣлій, потому что работы, разложенныя на одномъ изъ столовъ, свидѣтельствовали объ этомъ несомнѣнно. Средства монастыря достаточны; это благотворители и вкладчики, родственники которыхъ погребаются или въ самомъ монастырѣ, или на монастырскомъ кладбищѣ. При монастырѣ училище на десять дѣвочекъ.

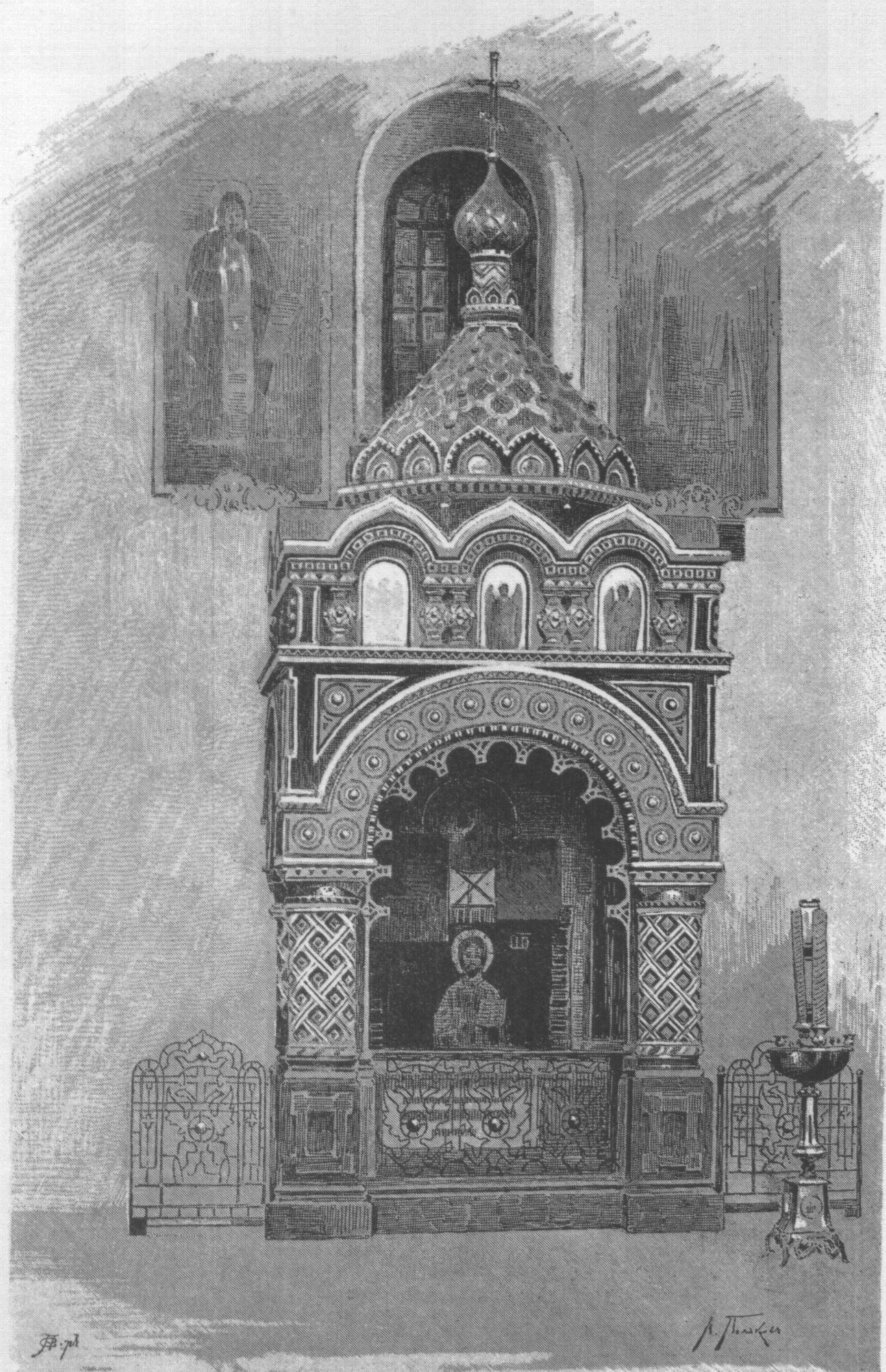
Въ сосѣдствѣ монастыря расположенъ лагерь 1-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи; для совмѣстнаго занятія съ пѣхотой присоединяются къ нему двѣ батареи 3-й артиллерійской бригады и Оренбургскій казачій полкъ. Чрезвычайно оживлена была кар-

тина лагеря, расположеннаго на самыхъ вершинахъ приволжскихъ горъ; тамъ, гдѣ открывается видъ на понизовье, на лежащую глубоко и далеко внизу ярмарку, онъ удивительно роскошенъ. Лагерь былъ весь обвѣшенъ тройными рядами гирляндъ и двигался — такъ казалось — неисчислимымъ множествомъ флаговъ. На аркахъ значились имена городовъ и мѣстечекъ, всѣмъ знакомыя съ послѣдней Турецкой войны и имѣвшія отношеніе съ участіемъ въ ней Великаго Князя. Ихъ Высочества обошли и объѣхали лагерь и побывали въ офицерской столовой, гдѣ Великій Князь бесѣдовалъ съ участниками войны и вызвалъ не одно воспоминаніе, особенно интересуясь ранеными тогда офицерами. Солдатики, народъ, казаки на юркихъ коняхъ своихъ перепутывались самымъ картиннымъ образомъ, и любо было смотрѣть на то, какъ при отъѣздѣ оренбургцы подвижною лавой окружали великокняжескую коляску, заскакивая впередъ и сплочиваясь за нею.

Очень далекъ отсюда былъ обратный переѣздъ къ центру ярмарки — къ выставкѣ, главной причинѣ прибытія Ихъ Высочествъ.

Выставка помѣщалась въ особомъ зданіи — павильонѣ, устроенномъ на ярмарочномъ обводномъ каналѣ, на сваяхъ. Она, находясь въ центрѣ ярмарки, нисколько не стѣснила ея и, такъ сказать, не занимаетъ мѣста. Конкурсъ предоставилъ постройку архитекторамъ Лемке и Григорьеву на коммерческомъ правѣ за 21.000 руб. Павильонъ очень красивъ и занимаетъ площадь въ 400 кв. саженъ. Весь расходъ по устройству простирается до 27.000 руб. и будетъ покрытъ губернскимъ земствомъ и городскими думами Нижегородской губерніи, а также доходами съ самой выставки.

Ихъ Высочества провели на выставкѣ около двухъ часовъ времени, очень подробно разсматривая ее и выслушивая объясненія. Кустарное производство въ Россіи вообще настолько народно, такъ развито, даетъ заработки такой массѣ народа, проявляетъ такія удивительныя способности нашего простолюдина производить вещи поразительныхъ достоинствъ инструментами самыхъ первобытныхъ свойствъ, что выдвинуть его впередъ, выдвинуть совершенно самостоятельно и оказать всевозможную помощь — необходимо. На выставкахъ

Гробница Минина въ соборѣ.

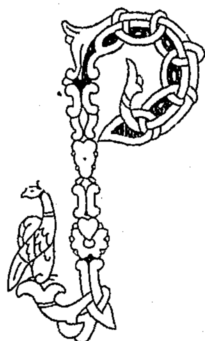
въ Москвѣ и, кажется, въ Петербургѣ были отдѣлы кустарнаго производства; здѣсь, въ Нижнемъ, впервые вошло оно даже въ названіе выставки. Должно надѣяться, что оно проявится, наконецъ, и вполнѣ самостоятельно. Починъ сдѣланъ Нижегородскою губерніей. Что̀ еслибы испытать всероссійскую выставку исключительно кустарную, безъ примѣси фабричнаго производства? Здѣсь, въ Нижнемъ, посѣщеніе Великаго Князя вызываетъ надежду на это. То, что дала здѣсь одна губернія, дала далеко не полно и не въ подобающемъ правдѣ количествѣ, узаконяетъ надежду о возможности будущей выставки, существующей, пока-что̀, только въ мечтѣ, но способной вызвать безсчетное множество самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Наше кустарное дѣло — дѣло народное; оно чрезвычайно велико, и почину Нижняго-Новгорода надобно желать всевозможнаго благополучія.

Къ 6-ти часамъ Ихъ Высочества были у Сибирской ярмарочной пристани для обѣда, даннаго ярмарочнымъ купечествомъ на пароходѣ. Пароходъ-монстръ, назначенный для этого, была »Магдалина«, американскій пароходъ Зевеке, новой системы. Ненагруженный сидитъ этотъ пароходъ только 3 четверти; нагруженный 22.000 пудовъ, опускается онъ до 7½ четвертей, то-есть особенно пригоденъ для прискорбнаго обмелѣнія Волги. Стоимость его 120.000 руб., и характерно то, что громадное колесо помѣщено сзади, въ хвостѣ парохода. Такихъ пароходовъ у Зевеке въ настоящее время пять. Первый пароходъ американскаго типа построенъ Зевеке въ 1871 году, назывался тогда »Переворотъ«, называется сегодня »Колорадо«. Очень хорошо пошли дѣла Зевеке со времени ликвидаціи дѣлъ общества »Камско-Волжскаго«, часть пароходовъ котораго перешла къ нему. Пароходы съ заднимъ колесомъ — дѣло послѣдняго времени и, насколько возможно, удачно борются съ мелководіемъ Волги, особенно въ плесахъ Казанскомъ и Рыбинскомъ.

Обѣдъ на пароходѣ »Магдалина« удался вполнѣ; столовый залъ, въ 140 ф. длины, при очень небольшой ширинѣ, казался роскошною лентою золота и серебра, блиставшей сервировкою, оттѣняемой цвѣтами, растеніями и богатыми одѣяніями дамъ.

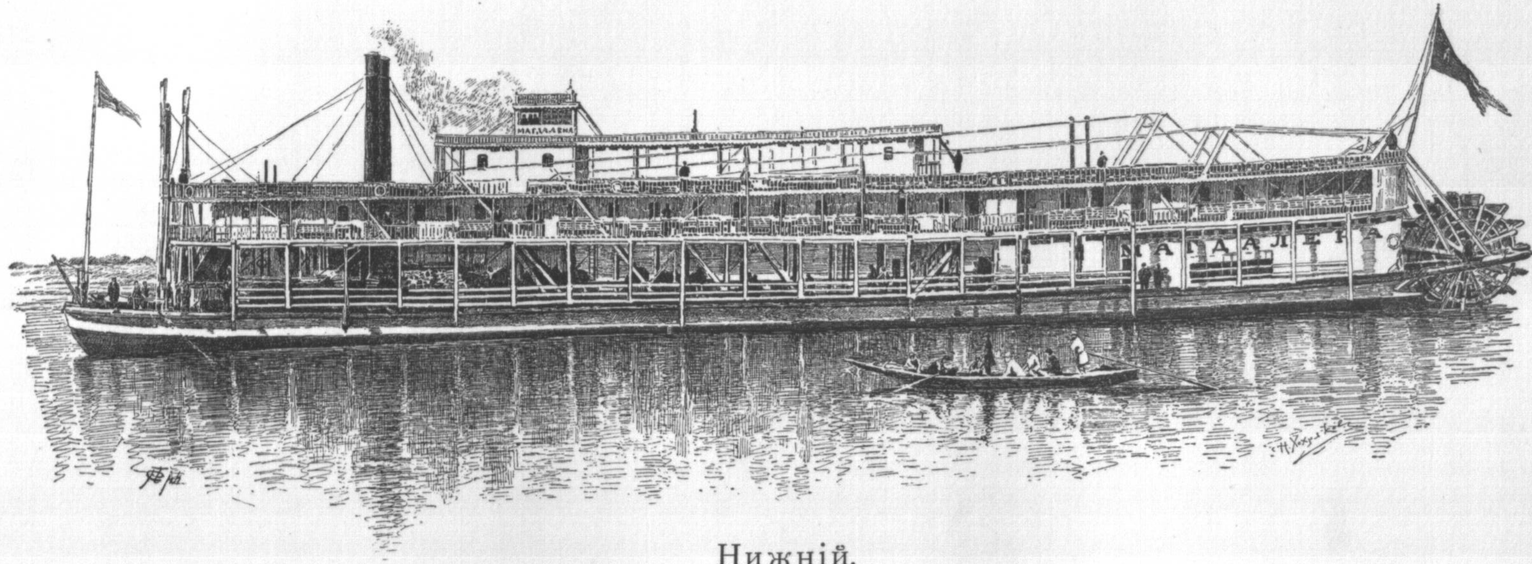
Осмотръ ярмарки. Мануфактурныя производства: Никольское — Саввы Морозова, Богородско-Глуховское, товарищество Викулы Морозова, товарищество Тверской мануфактуры и др. Чайная торговля Губкина-Кузнецова. Характеръ и нужды чайной торговли. Мѣховое дѣло Сорокоумовскаго и Козлова. Фарфоры и фаянсы Кузнецова. Стекло Нечаева-Мальцева. Склады Караванъ-Сарая. Поѣздка по Самокату. Народныя столовыя и кухни. Ночлежные дома. Сибирская пристань. Пески, желѣзо и рыба.

ѣзкій вѣтеръ дуетъ во весь второй день пребыванія Ихъ Высочествъ въ Нижнемъ; 23-е августа, было однимъ изъ самыхъ дождливыхъ, холодныхъ, непривѣтливыхъ. Насколько упало дождя на ярмарку за этотъ день, можно было убѣдиться на слѣдующій, 24-го августа, когда коляска Ихъ Высочествъ, запряженная четверикомъ, съ однимъ изъ характернѣйшихъ, типичнѣйшихъ кучеровъ на козлахъ, двигалась по немощенымъ, удаленнымъ частямъ ярмарки, по Самокату, близъ народныхъ трактировъ, ночлежныхъ домовъ, столовыхъ и чайныхъ; коляска словно ныряла по глубокимъ рытвинамъ, полнымъ слякоти, и мастерски управляемая четверка, вся собранная, вся взятая въ руки, несомнѣнно свидѣтельствовала о томъ, что будутъ даны кучеру серебряные часы, непремѣнно будутъ даны.

Осмотръ ярмарки былъ главнымъ дѣломъ этихъ двухъ дней; 23-е августа, кромѣ того, судя по количеству и характеру цѣлаго ряда учрежденій, посѣщенныхъ Ихъ Высочествами, было посвящено педагогіи и благотворительности.

Осмотръ Нижегородской ярмарки — это легко сказать. Волей-неволей приходится придерживаться только крупныхъ чертъ, только общихъ набросковъ; 25-го августа закроется ярмарка, спустится флагъ, сведутся концы съ концами, и тогда получатся опредѣленныя цифры. Цифры эти уже намѣчены довольно четко: какой бы ни былъ исходъ ярмарки, но она все-таки центральное, русско-европейско-азіатское всероссійское торжище; отъ него протоптаны историческія тропочки до Тибета и Амура съ одной стороны, до Америки на западъ съ другой. Что бы ни сказали будущія цифры, сколько бы векселей ни было протестовано, но вѣрно то, что существуютъ уже рынки ситцеваго, льнянаго,

Нижній.

Пароходъ »Великая Княгиня Марія«, именовавшійся прежде »Магдалина«.

фаянсоваго, чайнаго товара, отвоеванные нашимъ купечествомъ; есть предметы производствъ, не исключая кустарнаго, къ которому привѣшиваются иностранныя пломбы иностранцами и продаются намъ же за произведенія чужой земли. Какъ ни мелка стала Волга, какъ бы ни становились могучи пески въ ней, но наша народная торговля и производительная сила еще могущественнѣе, еще упорнѣе. Не такіе дурные годы переживали мы, и не изъ Нижняго ли пошли и Мининъ, и Пожарскій?

Въ два дня посѣщенія ярмарки Ихъ Высочества объѣхали и обошли всѣхъ крупнѣйшихъ представителей производствъ и торговли. Начали съ одной изъ старѣйшихъ, почтеннѣйшихъ фирмъ, или, лучше сказать, съ трехъ самостоятельныхъ крупныхъ фирмъ, трехъ братьевъ Морозовыхъ, преемниковъ извѣстнаго Саввы Морозова, основавшаго мануфактурное производство въ 1797 году; этотъ Савва Морозовъ былъ когда-то помощникомъ ткача, съ жалованіемъ по 5 руб. въ годъ; началъ онъ съ того, что поставилъ семь станковъ; теперь ихъ многія тысячи, и десятки тысячъ людей живутъ ими, и глубоко въ Азію шествуетъ нашъ мануфактурный товаръ и одолѣваетъ англійскій.

Потомкамъ Саввы Морозова принадлежатъ въ настоящее время три громадныхъ производства: 1) »Никольская мануфактура Саввы Морозова Сынъ«, Владимірской губерніи, Покровскаго уѣзда, работаетъ и отдѣлываетъ въ годъ свыше 1 милліона кусковъ товара, даетъ работу 18.125 человѣкамъ рабочихъ и на жалованье имъ расходуетъ 2.035.000 рублей; 35 паровыхъ котловъ въ 1.078 лошадиныхъ силъ двигаютъ механизмы; веретенъ около 128.000; самоткацкихъ станковъ свыше 1.950; въ вѣчномъ владѣніи товарищества 35.555 десятинъ земли, изъ нихъ 20.000 строеваго и дровянаго лѣса, кромѣ того имѣется 1.088 десятинъ торфяныхъ залежей; при фабрикахъ двѣ больницы на 210 кроватей, два училища съ 600 учениковъ, имѣются ремесленные курсы, дѣтскій пріютъ съ колыбельней и богадѣльня; отъ Орѣховской станціи Московско-Нижегородской желѣзной дороги на фабрику проведена своя вѣтвь; на фабрикѣ 2 артезіанскихъ колодца, дающіе воды въ день свыше 465.000 ведеръ. 2) »Компанія Богородско-Глуховской мануфактуры« въ Москвѣ; фабрика при сельцѣ Глуховѣ имѣетъ около 83.000 веретенъ и 1.700 механическихъ станковъ; рабочихъ около 10.000 человѣкъ; паровые двигатели въ

700 лошадиныхъ силъ; больница на 300 человѣкъ, училище съ 800 учащихся, пріютъ, убѣжище для сиротъ; годовой сбытъ около 10 милліоновъ рублей. 3) »Товарищество мануфактуръ Викула Морозова съ сыновьями« въ мѣстечкѣ Никольскомъ: 40.000 веретенъ, 1.260 механическихъ станковъ, работаетъ около 5.000 человѣкъ; годовой оборотъ около 6 милліоновъ рублей, больница на 60 кроватей, школа — на 250 человѣкъ. Изъ приведеннаго бѣглаго перечня видно, что одни потомки Саввы Морозова даютъ заработокъ свыше чѣмъ 35.000 рабочихъ. Всѣ эти неоглядныя полосы ситца, зефира, тика, демикотона, миткалей, бархатовъ, рипсовъ, пике, со всѣми ихъ безконечными подраздѣленіями, способныя опоясать землю, тянутся отъ названныхъ мануфактуръ далеко въ Сибирь, Персію, Бухару, Хиву, Китай, Мервъ, не забывая ни Россіи, ни Царства Польскаго, ни Финляндіи. Роскошь и достоинство отдѣлки безупречны, рисунки и колера то и дѣло совершенствуются.

Не менѣе внушительны производительныя силы другихъ мануфактуристовъ. Крупнѣе прочихъ является, начавшее свое дѣло въ 1859 году, »Товарищество Тверской мануфактуры«; оно имѣетъ около 74.000 прядильныхъ веретенъ и 2.185 ткацкихъ станковъ, рабочихъ 6.000 человѣкъ, школу на 1.200 человѣкъ, больницу на 100 коекъ, колыбельню, пріютъ, родильный пріютъ, богадѣльню; продажа товаровъ достигаетъ суммы 6.000.000 рублей. Изъ числа другихъ видныхъ дѣятелей этой отрасли нашей производительности въ дѣлѣ ситцевъ, бархатовъ, шелковъ, льнянаго товара посѣщены были: Третьяковъ и Коншинъ, Носовы, Лабзинъ, Осиповъ, Сапожниковъ, два Барановыхъ и др. Безконечными вереницами раскатывались предъ Ихъ Высочествами куски замѣчательнѣйшихъ матерій всѣхъ видовъ, цвѣтовъ, размѣровъ, достоинствъ, начиная отъ 8-ми-копѣечныхъ ситцевъ до златотканыхъ парчей и матерій на бухарскіе халаты въ 35 рублей аршинъ. И все это вытаскивалось изъ необозримыхъ грудъ, въ которыхъ и разобраться-то трудно. Хотя нѣкоторое спеціализированіе работъ и существуетъ (есть, напримѣръ, обширныя мануфактуры, работающія только красные миткали), но въ общемъ многія производства идутъ рука объ руку, и, право, трудно сказать: кто и въ чемъ отстаетъ одинъ отъ другаго.

Во главѣ нашей чайной торговли стоитъ домъ А. Губкина; наслѣдникъ его Кузнецовъ. Ящики и цибики громоздятся стѣнами, выползаютъ во внутренніе дворы, имѣютъ свои неизсякаемые источники подлѣ Сибирской пристани, гдѣ въ характерныхъ, рогожевыхъ павильончикахъ обрѣтаются приказчики, пробуются и раскупаются различные чаи. Стальной совокъ пробуравливаетъ цибикъ, щепоть чая кладется въ особый небольшой чайничекъ, держится въ кипяткѣ ровно пять минутъ — и стоимость цибика опредѣлена. Нижегородскіе склады находятся въ прямой, непосредственной связи съ русскими торговыми домами Токмакова, Молоткова, Пяткова, Молчанова, Родіонова и К°, крѣпко сидящими въ самомъ Китаѣ и небоящимися какой-либо конкуренціи. Все чайное дѣло, не смотря на разнообразіе сортовъ чая, дѣлится на два главные, такъ-сказать, органическіе отдѣла: байховые чаи, разсыпные, тѣ, что распиваются нами, и кирпичные, плиточные чаи, дешевые, потребляемые инородцами и идущіе въ простой народъ что ни годъ, то больше. На два отдѣла дѣлится оно и по характеру ввоза: чай, идущій сухимъ путемъ, чрезъ Кяхту, и привозимый моремъ черезъ западную границу; тутъ, по вопросу о доставкѣ, чернымъ призракомъ поднимается, по словамъ торговыхъ людей, необходимость пересмотра и установленія большей соразмѣрности въ пошлинахъ того и другаго пути. Министерству финансовъ эта нужда извѣстна, и оно, конечно, подумаетъ о ней. Настоятельность пересмотра изображается въ цифрахъ: въ 1865 году нашъ отпускъ мануфактурныхъ товаровъ въ Китай по оптовой мѣновой въ Кяхтѣ торговлѣ достигалъ почтенной суммы: 4.775,000 руб.; въ 1884 году онъ понизился до 1.552.000 руб. Горячее пожеланіе купечества состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлана была разница въ пошлинахъ за чай, покупаемый нами у китайцевъ на деньги и вымѣниваемый отъ нихъ на наши товары. Не сдѣлать этого значитъ понизить все наше мануфактурное производство, находящееся въ тѣснѣйшей связи съ чайнымъ дѣломъ. Ихъ Высочества посѣтили, кромѣ Губкина, еще чайный торговый домъ Боткина, испробовали чаи и опредѣлили ихъ достоинства по аромату, и при обоихъ посѣщеніяхъ выслушивали какъ объясненія, такъ и выраженія пожеланій и нуждъ. На нынѣшнюю ярмарку привезено Кяхтинскаго и Ханькаускаго чаю 65.000 ящиковъ отъ 123

до 160 рублей, кирпичнаго мелкаго 30.000 ящиковъ отъ 77 до 80 рублей и кирпичнаго зеленаго 23.000 ящиковъ, отъ 65 до 67 рублей. Около 100.000 ящиковъ пришло чрезъ Сибирь, остальные изъ Одессы и Лондона.

Большой интересъ представляло посѣщеніе фирмъ Сорокоумовскаго, основанной въ 1793 году, и Козлова, торгующихъ мѣхами. Какъ въ мануфактурныхъ складахъ вытягивались безконечные аршины кусковъ, такъ громоздились здѣсь предъ Ихъ Высочествами различные мѣха, поочередно закрывая одни другіе. Къ концу осмотровъ лежали цѣлые курганы мѣховъ. Дешевыя шкуры оленей, лосей, бѣлыхъ волковъ, свѣтлыхъ лисицъ, шкуры изъ лапокъ и головокъ накрывались цѣннѣйшими соболями, черными лисицами, песцами, бобрами; связочка очень небольшая, изъ десяти штукъ соболей, стоитъ 2.000 руб., ротонда изъ совершенно черной лисицы 3.000 руб. И все это грудами, курганами. Цѣлыя мозаики мѣховъ завѣшивали стѣны, покрывали полы и столы помѣщеній; куницы, норки, горностаи, выхухоли, медвѣди, еноты, ильки пестрѣли въ глазахъ, перебивая другъ дружкѣ дорогу, удовлетворяя всѣмъ вкусамъ, всѣмъ требованіямъ. Тепла въ этихъ мѣхахъ можетъ хватить на всевозможныя полярныя зимы. Всѣ сырые пушные товары, идущіе съ Амура и изъ областей Якутской и Забайкальской, доставляются въ Москву, главнымъ образомъ почтой и поступаютъ въ Московскую таможню, которая, какъ объясняютъ купцы, не признавая яко-бы этотъ товаръ за русскій, взимаетъ съ него за свой родной продуктъ отъ 15 до 30 руб. золотомъ съ пуда; это было-бы болѣе чѣмъ странно, и ходатайство купцовъ, представленное ими въ министерство финансовъ, года два тому назадъ, будетъ вѣроятно разъяснено имъ какъ слѣдуетъ.

Фарфоры и фаянсы Кузнецова наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что эта отрасль промышленности нашей дѣлаетъ свое дѣло. Всякихъ чашекъ, начиная отъ характерныхъ персидскихъ и бухарскихъ, шествующихъ глубоко въ Азію, здѣсь было какъ разъ столько, чтобы распивать безсчетные цибики всякихъ чаевъ. Фирма Кузнецова существуетъ съ 1832 года и имѣетъ четыре фабрики въ губерніяхъ: Владимірской, Тверской и Харьковской и въ городѣ Ригѣ. На нихъ 4.000 рабочихъ, при каждой школа на 100 человѣкъ и больница на 20 коекъ; фарфоровую глину добываютъ

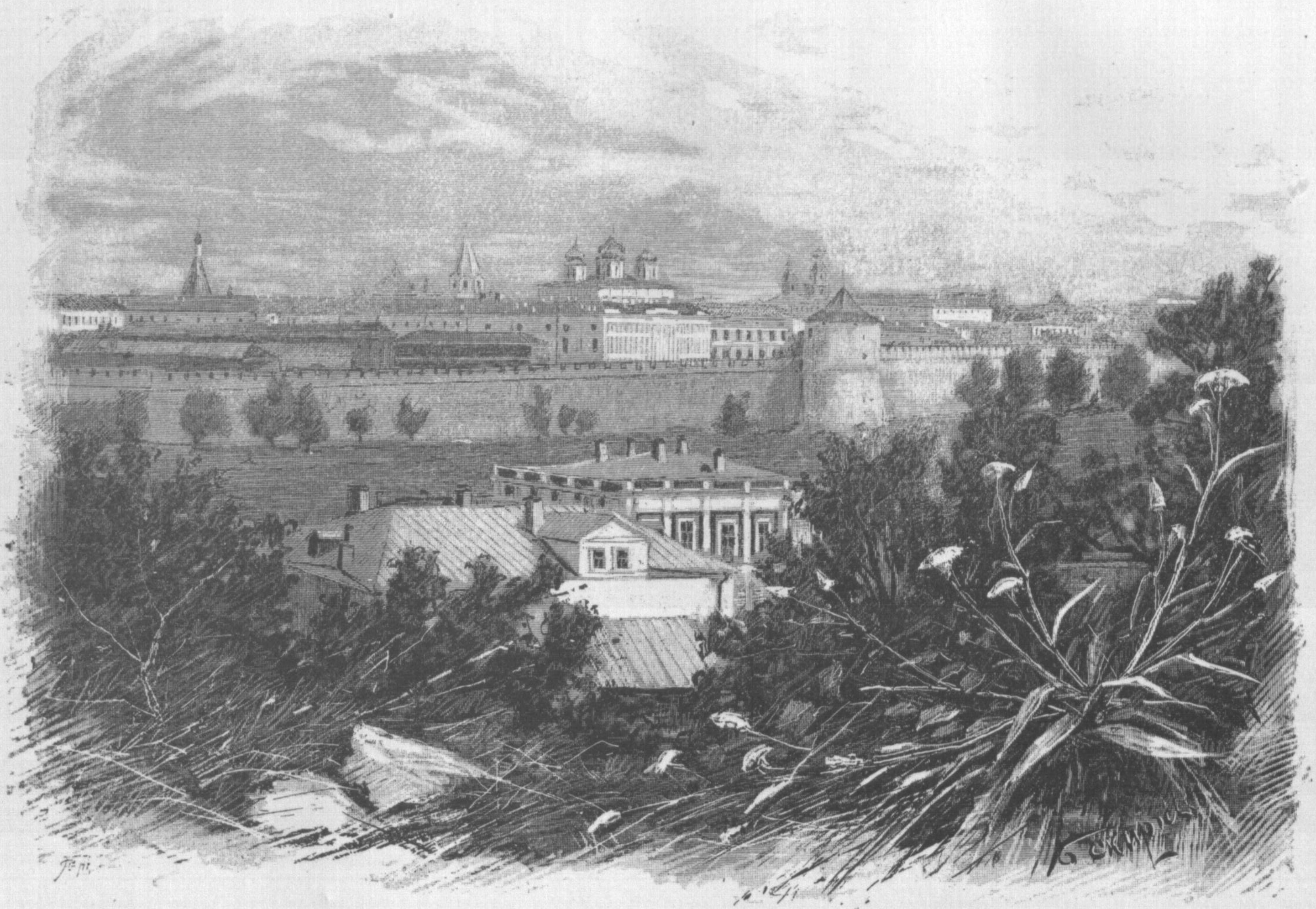
на собственномъ заводѣ въ Елизаветградскомъ уѣздѣ. Годовой оборотъ около 3.000.000 рублей: 80% идутъ въ Россію, а 20% — въ Персію и Среднюю Азію. Особенно хорошо, что фирма Кузнецова нашла себѣ путь въ Прибалтійскій край, прочно утвердилась въ Ригѣ, гдѣ имѣетъ свои центральные склады. Она отвоевала себѣ и дальнѣйшую дорогу, потому что изоляторы телеграфныхъ проводовъ для Голландіи были изготовлены ею и фигурируютъ въ мануфактурныхъ центрахъ самой мануфактурной страны Европы. Это хорошій знакъ, добрый починъ. Стекляное дѣло Нечаева-Мальцева — тоже одно изъ громкихъ именъ — не только оттѣсняетъ, но уже оттѣснило заграничные товары; тяжелые свинцовые хрустали ея могутъ выдержать всякое сравненіе. Особенно ходокъ какъ у нея, такъ и у Кузнецова такъ-называемый дешевый товаръ; онъ находитъ сбытъ самый широкій, самый полезный и вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ того огромнаго рынка, который имѣетъ предъ собою.

Для подробнаго обозрѣнія Ихъ Высочествами избраны были, конечно, только самыя характерныя, самыя разнообразныя торговли и производства. Многія изъ нихъ имѣли своихъ представителей на Антверпенской всемірной выставкѣ, привлекавшей десятки тысячъ народа именно во время пребыванія Ихъ Высочествъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и вызвавшей со стороны европейскихъ цѣнителей тотъ отзывъ, что »мануфактурная часть русскаго отдѣла самая богатая и разнообразная и составляетъ славу Россіи«. Кромѣ перечисленныхъ фирмъ посѣщены были: складъ зеркалъ Смольяниновыхъ, торговля скупнымъ товаромъ Титова, существующая болѣе ста лѣтъ; Кудринъ, товарищество на паяхъ, служащее обмѣну всякихъ товаровъ съ центральною Азіей; дома Хлѣбникова, Корниловыхъ, Немирова-Колодкина, занимающіеся ювелирнымъ, золотымъ и серебряннымъ производствомъ; Бухарецъ Солейбай-Алемжанъ съ его туркестанскими коврами, »каракулями« — овчинками, шелковыми и полушелковыми халалатами и особымъ, специфическимъ запахомъ помѣщенія; обойдены были нѣкоторые изъ складовъ Караванъ-Сарая, съ тѣмъ же запахомъ, тѣми же товарами, и осмотрѣнъ внутренній дворъ его, съ фонтаномъ для омовеній посрединѣ. Глубоко грязны были нѣкоторые переходы, но жизни, движенія, кликовъ, флаговъ было

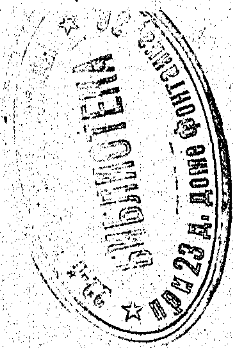
еще больше. Каракулей всѣхъ сортовъ привезено до 300.000 штукъ и продавали отъ 40 до 45 руб. десятокъ.

Мы упомянули, что Ихъ Высочества проѣхали по Самокату. Это, такъ-сказать, подвальный, самый населенный этажъ чудовищной ярмарки. Самокатъ расположенъ на самой окраинѣ, за татарскою мечетью, за соединительнымъ каналомъ, близъ Мещерскаго озера, того озера, изъ котораго запрещено брать воду не только для питья, но даже и для прачешныхъ. Тутъ вѣчные балаганы, вѣчные трактиры, тутъ ночной разгулъ и надзоръ полиціи. Прежде — такъ сообщаютъ — мало проходило ночей безъ убійствъ; за послѣдніе годы ихъ нѣтъ вовсе, что должно приписать отчасти уменьшенію разгула и, конечно, умѣлой концентраціи этого разгула. Объѣздъ Самоката былъ очень живописенъ, не смотря на непролазную грязь и то и дѣло возобновлявшійся дождикъ. Русская архитектура любитъ балкончикъ; балкончиками всѣхъ длинъ, высотъ и ширины обведены, обвѣшены деревянные дома, трактиры и другія заведенія Самоката; съ нихъ, обставленныхъ вплотную народомъ, изъ оконъ, съ крышъ глядѣли на великокняжескій объѣздъ люди, и возгласамъ не было конца. Этюды для художника кишмя кишѣли отовсюду; по непролазной грязи, стараясь забѣжать впередъ, стремились женщины и мужчины, русскіе, татары, бухарцы, люди пестрые, темные, заплатанные, которыхъ нельзя было отнести къ какой-либо національности. Особенно счастливы были тѣ, кому приходилось быть подлѣ коляски Ихъ Высочествъ, когда приходилось сдерживать лошадей, лавируя между рытвинами и косогорами или поднимая коляску съ низкаго мѣста на высокое, такъ что можно было опасаться за недостаточную подвижность дышла. Пестротѣ картины много способствовали рисунки и фигуры, красовавшіеся на лицевыхъ сторонахъ балагановъ, всѣ эти драконы, полулюди, сирены, волшебники.

Ихъ Высочества посѣтили народную кухню, чайную и народную столовую, безспорно полезнѣйшія учрежденія. Этихъ заведеній нѣсколько. Въ кухнѣ, заплативъ 3 коп., вы можете готовить свое кушанье; за 8 коп. получаете вы 2 блюда; за 5 коп. — щепотку чая и сахаръ. Здѣсь же кормится масса всякихъ сидѣльцевъ, рабочихъ, крючниковъ, возчиковъ, за которыхъ уплачиваютъ хозяева отъ 10-ти до 20-ти руб. и болѣе, за все время

Нижній Новгородъ. Видъ на кремль.

БИБЛИОТЕКА
при 23 д. доме фонтанка

ярмарки. Эти заведенія — маленькіе бараки; чтобы войти въ нихъ, благодаря глубокой крязи, подлѣ коляски Ихъ Высочествъ накладывались доски. Ночлежный домъ на Самокатѣ (другой существуетъ въ самомъ городѣ) построенъ въ 1881 году, стоилъ 40.000 руб. и можетъ пріютить 528 человѣкъ ночлежниковъ; это огромное желѣзное полуцилиндрическое зданіе; нары въ немъ тоже желѣзныя, въ два яруса.

На Сибирской пристани произведена была пожарная тревога. Благоустройство этой части болѣе чѣмъ важно, и надо отдать справедливость разумности этого устройства. Существующія пожарныя части съ каланчами и выѣздными бочками и бочки, стоящія въ разныхъ мѣстахъ, ничто въ сравненіи съ паровыми трубами. Благодаря пожарнымъ пароходамъ, находящимся постоянно подъ парами, и длинѣ пожарныхъ шланговъ, можно въ полномъ смыслѣ слова залить ярмарку въ данномъ мѣстѣ; струи воды изъ двухъ и болѣе шланговъ могутъ быть сведены къ центру ярмарки, на крышу театра. Случаевъ пожара бывало много, но они немедленно прекращались въ зародышѣ. Сибирская пристань служитъ между прочимъ складомъ чаевъ и хлопка; послѣдняго привезено: Хивинскаго 30.000 пудовъ, по 8 руб. 50 к.; Бухарскаго и Ташкентскаго до 60.000 пудовъ, по 7 руб. 80 к.; Персидскаго, Мазандаранскаго, Кабинскаго и Хоросанскаго до 30.000 пудовъ; послѣдніе четыре, равно какъ Ташкентскій, продажи не имѣли.

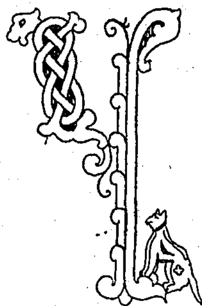
На паровомъ катерѣ проѣхали Ихъ Высочества по Окѣ, на Пески, къ складамъ желѣза и рыбы. Надо было маневрировать съ великою ловкостью, чтобы пройти между всѣхъ этихъ баржъ, барокъ, полубарокъ, косовыхъ и даже древнихъ коноводокъ, чтобы добраться до Песковъ, чтобы не задѣть за причалы и не коснуться громадныхъ неуклюжихъ рулей, скрывающихъ свои широкія боковыя поверхности подъ водой. Всего привезено въ нынѣшнемъ году на ярмарку около 8.215.500 пудовъ желѣза, и эта отрасль торговли, одна изъ существеннѣйшихъ, вызываетъ въ нынѣшнемъ году наибольшее количество жалобъ. Желѣзные ряды тянутся въ безконечность. Вы шествуете вдоль цѣлыхъ формацій металла, вытянутыхъ изъ нѣдръ Уральскихъ горъ и положенныхъ на мягкую песчаную поверхность. Желѣзо сортовое, листовое, литье чугунное, чугунъ, сталь томленая, желѣзная проволока, гвоздь, все это чередуется передъ вашими глазами,

правильно разложенное и установленное. Имена самыхъ крупныхъ производителей, извѣстныхъ по всей Россіи: Демидовъ Стенбокъ-Ферморъ, Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, Яковлевъ, Балашевъ, Сергіевско-Уфалейцы и др. чередуются съ именами торговыхъ фирмъ Журавлева, Рукавишникова, Пастухова и т. д., значащихся на черныхъ дощечкахъ бѣлою прописью. Это трауръ, если хотите, и онъ справедливъ, какъ выраженіе состоянія нашего желѣзнаго рынка. Какъ, почему и чѣмъ помочь — вопросы существенные. Вотъ табличка желѣза и чугуна, привезеннаго на ярмарку со всѣхъ нашихъ заводовъ:

Желѣза сортоваго	4.007.000	пудовъ.
» листоваго	3.509.000	»
Чугуна	215.000	»
Чугуннаго литья	254.000	»
Стали томленой	92.000	»
Желѣзной проволоки	78.000	»
Гвоздя	30.500	»
Издѣлій	30.000	»
	8.215.500	пудовъ.

* * *

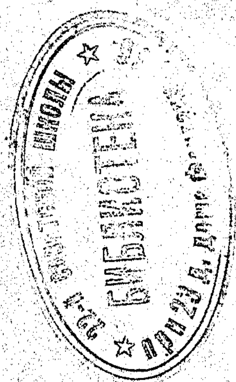
Лучшіе виды Нижняго. Посѣщеніе различныхъ воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Реальное училище. Маріинская женская гимназія. Александровскій дѣтскій пріютъ. Маріинскій институтъ. Маріинское родовспомогательное заведеніе. Второй дѣтскій пріютъ. Дворянскій институтъ Императора Александра II. Празднество въ Караванъ-Сараѣ. Цифровыя данныя о ярмаркѣ. Вопросъ о торговлѣ съ Китаемъ. »Бесѣда« 23-го августа Закрытіе ярмарки. Поѣздка по Волгѣ. Борьба съ обмелѣніемъ. Отъѣздъ.

ертою очень характерною жизни Нижняго-Новгорода является обмираніе самаго города, лежащаго на высотахъ, на все время ярмарки, расположенной глубоко внизу за Окой. Видъ на ярмарку съ высоты удивительный. Лучшими видами надобно признать безъ сомнѣнія два: видъ изъ двухъ угловыхъ оконъ третьяго этажа губернаторскаго дома и видъ изъ сада, окружающаго домъ, принадлежавшій когда-то бывшему генералъ-губернатору Огареву, расположенный на самомъ краю Нижняго, вверхъ по Окѣ. Ихъ Высочества посѣтили и этотъ садъ 24-го августа.

Нижній. Видъ на мостъ и ярмарку отъ Благовѣщенскаго монастыря.

БИБЛИОТЕКА
школы
при 23 д. Доме

Красиваго вида сдѣлать нельзя: онъ родится съ тою или другою мѣстностью и присущъ ей, какъ ея геологическій характеръ. Наслажденіе видомъ, какъ чувство вполнѣ самостоятельное, насколько подсказываетъ исторія, родилось въ человѣчествѣ сравнительно довольно поздно; оно сказалось ясно только съ того времени, когда, въ началѣ Возрожденія, въ Италіи, пѣвецъ Лауры, мечтательный Петрарка, сталъ восходить съ этою цѣлью на горы. Въ исторіи искусства пейзажная живопись, имѣющая тотъ же источникъ, родилась гораздо позднѣе прочихъ, слѣдомъ за Возрожденіемъ.

Тѣ два вида, о которыхъ мы упомянули, относятся безспорно къ самымъ блестящимъ, самымъ роскошнымъ въ Россіи. Предпочтеніе слѣдуетъ отдать виду изъ губернаторскаго дома; хотя оба они очень похожи одинъ на другой, но послѣдній имѣетъ то преимущество, что въ немъ участвуютъ два элемента, отсутствующіе въ Огаревскомъ: башни и стѣны кремля, находящіяся на первомъ планѣ, и близость Волги съ пристанями пароходныхъ обществъ и безконечностью панорамы низовой стороны ея. Общее обоимъ видамъ: ярмарка, раздѣленная на прямоугольники съ нумерованными линіями, занимающая почти прямой уголъ сліянія Волги и Оки; безконечное побережье Сибирской пристани, тянущейся вдоль Волги и Песковъ, расположенныхъ по Окѣ, загруженныхъ товарами, тюками всѣхъ сортовъ и величинъ, бочками, разсыпанными безъ числа, между которыми снуютъ тысячи людей, ломовики и городскіе экипажи, кажущіеся съ высоты такими маленькими; общее обоимъ видамъ на этотъ людской муравейникъ — вереницы судовъ, маковки множества церквей и, наконецъ, эта необозримая даль лѣсовъ, луговъ и полей, по которой поблескиваютъ мѣстами гдѣ Волга, гдѣ Ока, а гдѣ и невеликое озерко, даль, не имѣющая границы, на тающихъ голубыхъ тѣняхъ которой въ хорошую погоду вырисовывается отстоящая отсюда за тридцать верстъ Балахна.

Значительная часть дня 23-го августа посвящена была Ихъ Высочествами посѣщенію цѣлаго ряда благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, которыя раскрылись передъ нами будто-бы роскошнымъ вѣеромъ, одно вслѣдъ за другимъ. Посѣтивъ епископа Модеста и классическую гимназію, Ихъ Высочества прослѣдовали на освященіе вновь построеннаго зданія Нижегородскаго реальнаго училища.

Это училище было открыто въ 1877 году съ двумя классами, теперь ихъ семь, и всего окончило курсъ въ VI и VII классахъ 56 учениковъ, изъ которыхъ 24 поступили въ высшія спеціальныя учебныя заведенія. Къ 20-му августа въ немъ состояло 182 ученика; на содержаніе училища въ 1884 году издержано 25.300 руб.; участвуютъ въ содержаніи: государственное казначейство, губернское земство и городское общество въ равной части, и кромѣ того городское общество отпускаетъ по 2.000 руб. на содержаніе училищнаго дома. При училищѣ библіотека съ 6.000 томовъ, естественно-историческій кабинетъ и химическій классъ, состоящіе изъ 1.500 предметовъ и приборовъ; въ физическомъ кабинетѣ 381 приборъ. Изъ числа стипендій десять имени Александра I и двѣ Александра II. Новое зданіе, освященное въ присутствіи Ихъ Высочествъ мѣстнымъ архипастыремъ, построено роскошно, просторно, удобно. Со времени этого освященія прежнее имя училища должно уступить мѣсто другому: по испрошеніи Высочайшаго соизволенія, оно будетъ именоваться »Владимірскимъ«.

Маріинская женская гимназія открыта въ 1859 году и на содержаніе ея расходуется около 22.000 руб.; участвуютъ въ этомъ: государственное казначейство, губернское и уѣздное земство и городское общество; самая крупная часть сборовъ, 8.500 руб., составляется изъ платы за ученіе. Число ученицъ 412. Въ попечительномъ совѣтѣ находятся представители учрежденій, участвующихъ во взносахъ на содержаніе гимназіи. Къ пріѣзду Ихъ Высочествъ ученицы были всѣ въ сборѣ, и очень красиво было видѣть всю эту массу дѣвочекъ и дѣвушекъ, глубоко присѣдавшихъ при появленіи Августѣйшихъ Гостей молчаливымъ и красивымъ реверансомъ: это была какъ будто-бы живая волна молодыхъ, большею частью свѣжихъ головокъ. Ихъ Высочества обошли всѣ помѣщенія.

Нижегородскій Александровскій дѣтскій пріютъ существуетъ съ 1845 года, помѣщается въ собственномъ домѣ и содержится на проценты съ пріютскаго капитала 100.000 руб., доходы съ Главнаго Ярмарочнаго Дома, членскіе взносы, взносы городской управы и единовременныя пожертвованія. »Александровскимъ« называется онъ съ 1885 года, со дня исполнившагося сорокалѣтія его существованія. Мальчиковъ, живущихъ въ пріютѣ, 40; прихо-

дящихъ 35; первые обходятся пріюту 90 руб., вторые по 30. По достиженіи 12 лѣтъ, по выдержаніи экзамена, дѣти переводятся въ состоящее при пріютѣ »ремесленное училище«, существующее съ 1878 года. Оно содержится на тѣ же средства, что и пріютъ; въ немъ 30 мальчиковъ, обучающихся мастерствамъ: портняжному, сапожному и переплетному, и содержаніе каждаго изъ воспитанниковъ обходится пріюту до 100 руб.; курсъ пятилѣтній; годовой заработокъ въ ремесленномъ училищѣ по всѣмъ тремъ мастерскимъ 4.200 руб., поступающихъ въ общую сумму его расходовъ.

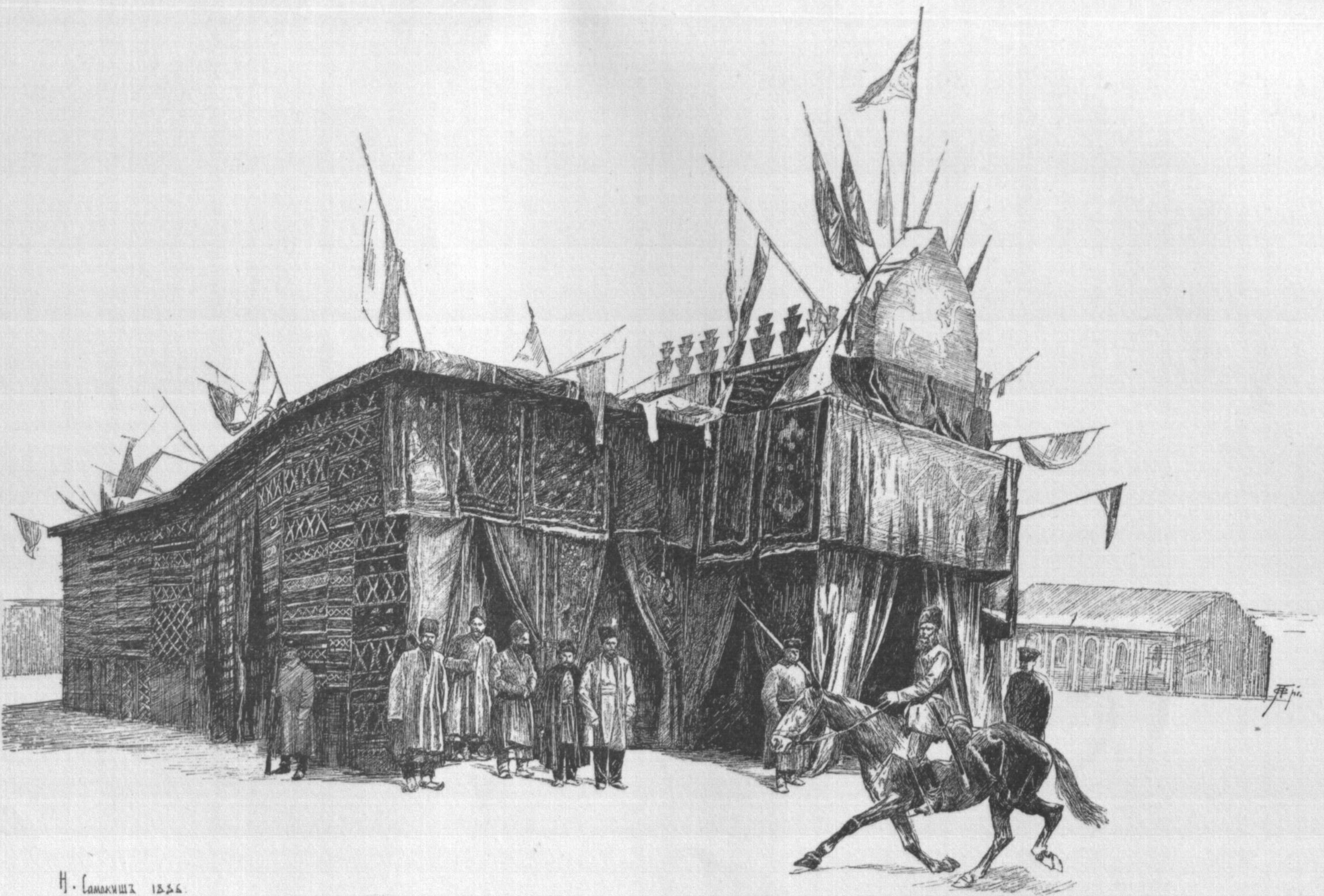
Нижегородскій Маріинскій институтъ благородныхъ дѣвицъ основанъ дворянствомъ въ 1852 году, въ ознаменованіе дня бракосочетанія Императора Александра II. Въ 1858 году помѣщенъ институтъ въ то зданіе, въ которомъ находится и которое построено опять-таки на средства нижегородскаго дворянства. Въ 1875 году онъ преобразованъ изъ закрытаго трехкласснаго въ семиклассный, съ допущеніемъ полупансіонерокъ и приходящихъ. Въ немъ 260 дѣвицъ. Проценты съ капиталовъ и сборы съ учащихся даютъ институту до 53.000 руб. въ годъ; недостающія на содержаніе его 6—9 тысячъ рублей приплачиваетъ управленіе учрежденій Императрицы Маріи. Съ открытія института окончили курсъ 304 дѣвицы, изъ нихъ съ шифрами 26. Посѣщеніе института Ихъ Высочествами ознаменовалось раздачей Ея Высочествомъ наградъ за прошлый учебный годъ. Одна за другою подходили къ Великой Княгинѣ дѣвицы и дѣвочки и вслѣдъ за глубокимъ поклономъ принимали изъ рукъ Ея Высочества присужденную награду. Розданы были: 1 шифръ, 1 золотая медаль, 2 серебряныя и 26 книгъ. Выпущено въ нынѣшнемъ году 28 дѣвицъ. Моложе десятилѣтнихъ въ институтѣ нѣтъ. По окончаніи акта Ихъ Высочества посѣтили начальницу института и отбыли, спускаясь по лѣстницѣ между непрерывныхъ шпалеръ дѣвицъ и дѣвочекъ.

Посѣщенное вслѣдъ затѣмъ Маріинское родовспомогательное заведеніе съ сиропитательнымъ отдѣленіемъ открыто въ 1869 году въ память посѣщенія Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и Цесаревной Маріей Ѳеодоровной, нынѣ царствующими Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей. Зданіе, въ которомъ оно помѣщается, сооружено городомъ и освящено въ 1882 году. Сиропитательное заведеніе от-

крыто въ 1878 году. Въ прошломъ 1884 году въ заведеніяхъ было: въ родовспомогательномъ 181 роженица, въ сиропитательномъ 31 питомецъ. Содержится заведеніе на городскія средства; кроватей въ заведеніи 25, изъ нихъ только три для платящихъ. Пріютъ назначенъ для родившихся и осиротѣвшихъ въ родовспомогательномъ заведеніи младенцевъ; въ немъ содержатъ ихъ до десятилѣтняго возраста, а затѣмъ опредѣляютъ въ учебныя заведенія. Стоимость содержанія заведенія и пріюта около 8.000 рублей въ годъ. Тутъ же находится Александровская безплатная лѣчебница для приходящихъ, учрежденная въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II. Число больныхъ ежедневно отъ 30 до 50; лѣкарства безплатны. Съ особенною заботливостью и сердечною привѣтливостію обходила Ея Высочество рожeницъ и ко многимъ изъ нихъ обращалась съ милостивымъ словомъ. Не забывала Великая Княгиня ласками своими и малютокъ, которыя, какъ бы сговорившись, были во время посѣщенія чрезвычайно тихи и скромны.

Нижегородскій второй дѣтскій пріютъ, съ Высочайшаго соизволенія, будетъ называться отнынѣ »Маріинскимъ«, именемъ посѣтившей его Великой Княгини. Онъ существуетъ съ 1852 года, помѣщенъ въ зданіяхъ, ему принадлежащихъ, и содержится на проценты съ пріютскаго капитала 100.000 руб., доходы съ Главнаго Ярмарочнаго Дома, членскіе взносы, средства, отпускаемыя городскою управой, и единовременныя пожертвованія. Дѣвочекъ въ пріютѣ 155; приходящія платятъ по 30 руб., живущія въ немъ 105 дѣвочекъ — по 90 руб. При пріютѣ существуетъ мастерская для обученія рукодѣліямъ.

Послѣднимъ былъ посѣщенъ Нижегородскій дворянскій институтъ Императора Александра II, основанный въ 1884 году, въ память пріѣзда въ 1837 году въ Нижній Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, впослѣдствіи Императора Александра II. Институтъ имѣетъ широкою цѣлью доставить воспитывающемуся въ немъ юношеству всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія, кромѣ не-христіанъ, общее образованіе и служитъ приготовительнымъ заведеніемъ для поступленія въ университеты и другія высшія заведенія. Институтъ этотъ классическій, восьмиклассный и при немъ существуетъ пансіонъ. Онъ содержится на счетъ суммъ Нижегородскаго дво-

Павильонъ Караванъ Сарая.

рянскаго банка, до 43.000 руб. ежегодно, изъ процентовъ небольшихъ капиталовъ и платы съ пансіонеровъ. Воспитанниковъ въ немъ 250 человѣкъ.

При всѣхъ посѣщеніяхъ длиннаго ряда перечисленныхъ учрежденій Ихъ Высочества внимательно обходили зданія, выслушивали объясненія сопровождавшаго ихъ начальствующаго персонала, милостиво разговаривали съ воспитанниками, воспитанницами и больными. Въ учебныхъ заведеніяхъ раздавалось пѣніе народнаго гимна и »Славься«, двери и стѣны пестрѣли вензелями и гирляндами.

23-е августа завершилось празднествомъ въ Караванъ-Сараѣ, 24-е — обзоромъ выставки при электрическомъ освѣщеніи и ужиномъ, предложеннымъ членами комитета и экспонентами выставки. Въ Караванъ-Сараѣ устроенъ былъ роскошный павильонъ, весь обложенный и обвѣшанный персидскими дорогими коврами, стоимостью приблизительно до 100.000 руб. Устройствомъ праздника руководилъ персидскій генеральный консулъ Миръ-Джафаръ-ханъ; при электрическомъ освѣщеніи усовершенствованными электрическими лампами персидскіе ковры стѣнъ, потолка и пола отливали глубоко мягкими, бархатными цвѣтами; особенно хорошъ былъ углубленный альковъ съ портретами Ихъ Высочествъ, весь въ цвѣтахъ. Ужинъ состоялъ изъ персидскихъ блюдъ: гаржари-пловъ, бера-беріашъ, куки, мураба, очень характерныхъ, любопытныхъ, но не на европейскій вкусъ. Во время ужина пѣли и плясали цыгане. Ужинъ 24-го августа, напротивъ того, былъ чисто русскій, и приготовленія отдѣльныхъ блюдъ его приняли на себя главные рестораторы ярмарки: Барбатенко, Ермолаевъ Егоровъ.

Ярмарка нынѣшняго 1885 года должна быть отнесена къ числу посредственныхъ по количеству дѣлъ. Вотъ нѣкоторыя любопытныя цифры, ея касающіяся. Съ начала навигаціи по 21-е августа грузилось и отправилось:

Пароходовъ	1.037
Баржъ	438
Прочихъ судовъ	935
	2.410

Пришло и разгрузилось:

Пароходовъ	807
Баржъ	783
Прочихъ судовъ	1.695
	1.285

Объявленная стоимость товаровъ достигала 30.953.000 руб.; въ прошломъ, 1884 году — 30.729.000 руб.; такъ замѣчательно близки обѣ приведенныя цифры!

Полицейскихъ чиновъ на ярмаркѣ было 394; изъ нихъ петербургскихъ и московскихъ по 73 человѣка. Тутъ же находился баталіонъ Новоингерманландскаго полка и сотня казаковъ. Этими силами поддерживался вполнѣ удовлетворительный порядокъ.

Во всѣ дни пребыванія Ихъ Высочествъ городъ былъ богато иллюминованъ. Глубокая темень покрывала въ ночи спавшую ярмарку, за то нагорный берегъ сіялъ огнями. Особенно красиво выдавались въ глубокомъ мракѣ многочисленные нижегородскіе спуски, сбѣгающіе зигзагами; словно застывшія молніи бѣжали огни съ вершинъ къ Нижнему Базару. На вершинахъ этихъ именно горъ въ незапамятныя времена жилъ другъ и помощникъ Соловья-Разбойника — Мордвинъ Скворецъ и тутъ же жилъ чародѣй Дятелъ, схороненный близъ нынѣшняго Благовѣщенскаго монастыря, на который надвигаются несущія отъ этого легендарнаго чародѣя имя свое Дятловы горы.

Если одною изъ ближайшихъ цѣлей прибытія Ихъ Высочествъ на ярмарку было ознакомленіе Великаго Князя съ ея нуждами, то одна изъ великихъ нуждъ, не только ярмарки, но всероссійская нужда, бросалась сама собою въ глаза въ громадныхъ отмеляхъ Волги, лежавшихъ тяжелыми, хотя и розовыми пластами по всей ея ширинѣ и длинѣ. Кому случалось видѣть нашу великую рѣку прежде, тотъ не могъ не сознаться, что такого обмелѣнія, такой тигристости не бывало никогда. Вода 21-го августа истекшаго года была на три вершка ниже уровня 21-го августа 1882 года, а этого совсѣмъ достаточно, чтобы характеризовать положеніе дѣла. Пески продвинулись на такихъ мѣстахъ, на которыхъ искони вѣковъ бѣжала вода, и съ вышины кремля виднѣлись они всюду, во всю безконечную даль. Капитальныхъ работъ для улучшенія Волги не производится; для

расчистки фарватера имѣются только временно полезныя приспособленія: подвижныя плотины Янковскаго, землечерпательныя машины, Базеновскіе аппараты и грабли Быкова. Необходимо регулировать матушку-Волгу, прекратить возможность размыванія береговъ и ихъ обвалы устройствомъ въ необходимыхъ мѣстахъ дамбъ. Очень сочувственно отнеслось наше купечество къ мѣрѣ, разрѣшенной министерствомъ путей сообщенія, чтобы дамбы строились изъ старыхъ, затопленныхъ судовъ; временная мѣра эта не пропадетъ безслѣдно и въ томъ случаѣ, если рѣшено будетъ перейти къ системѣ капитальныхъ улучшеній. До того слѣдуетъ во всякомъ случаѣ — и надо прибавить, что этому вполнѣ сочувствуетъ крупное купечество — сдѣлать надзоръ за плаваніемъ болѣе внушительнымъ. Неправильно веденное, остановившееся поперекъ фарватера судно тотчасъ же обусловливаетъ заносъ; обычный порядокъ обращенія къ мировому судьѣ, когда навигація кипитъ и по рѣкѣ двигаются милліоны, едва-ли удовлетворителенъ; практичнѣе было бы административное наложеніе штрафовъ. Стоитъ взять въ руки списокъ перекатовъ Волги, составленный въ вѣдомствѣ путей сообщенія, чтобъ ужаснуться ихъ количеству; чудесными розовыми иллюстраціями къ нему являются тѣ пески, которые проступили массами въ нынѣшнемъ году и могутъ проступить еще въ большемъ количествѣ въ будущемъ.

Другая существенная нужда, представшая Великому Князю, это горючій вопросъ о китайскихъ и среднеазіатскихъ рынкахъ. Фабрики у насъ есть; онѣ работаютъ удивительно, онѣ громадны; имъ необходимо не только обезпеченіе, но и регулированіе сбыта. При этомъ не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ упускать изъ виду той глубокой связи, которая существуетъ между всѣми отраслями торговли. Напримѣръ связь между чайною и мануфактурною торговлей въ Кяхтѣ такъ сильна, что какое-либо распоряженіе, касающееся одной изъ нихъ, неминуемо касается другой, не говоря уже о всемъ мѣстномъ населеніи, живущемъ на длинныхъ путяхъ этой торговли. Возчики до Кяхты заработываютъ ежегодно до двухъ милліоновъ рублей; они везутъ въ Россію чай, изъ Россіи — мануфактурные товары. Путь отъ Кяхты на Иркутскъ, Томскъ, Тюмень, Екатеринбургъ, Пермь считаетъ въ числѣ заинтересованныхъ не только возчиковъ, но

также многія пароходныя и желѣзнодорожныя общества, и все то, что съ ними такъ или иначе связано.

До сихъ поръ, насколько помнится, устройство каравановъ принимали на себя исключительно торговые люди; тутъ, конечно, не могло быть единства, и правительственное воспособленіе сказывалось только въ общихъ чертахъ. Регулированіе этого важнаго дѣла, упорядоченіе кровообращенія между рынкомъ и производителемъ со всего азіатскаго востока на весь русскій западъ—потому что относительно Азіи Россія западъ—подлежало-бы давно не только обсужденію, но и приведенію въ исполненіе. 23-го августа, вечеромъ, въ Колонной залѣ Главнаго Дома состоялась »бесѣда« главнымъ образомъ по этому вопросу, не отклонявшая и другихъ. Предсѣдательское мѣсто занялъ Его Высочество, подлѣ него Великая Княгиня, по сторонамъ — начальникъ губерніи, предсѣдатель ярмарочнаго биржеваго комитета и члены его. Противъ этого стола, обратясь къ нему лицомъ, сидѣли представители нашего торговаго и фабричнаго міра, представители многомилліонныхъ капиталовъ, великой выдержки и знанія дѣла, люди, имена которыхъ пользуются самою громкою извѣстностью, которые даютъ заработки не одному милліону народа, богадѣльни и больницы которыхъ ублажаютъ и облегчаютъ во имя Христа не одинъ десятокъ тысячъ нуждающихся. Откровенно говоря, впечатлѣніе этой »бесѣды«, того, что говорилось, того, что желалось, было замѣчательно. По открытіи засѣданія говорилъ первымъ Тимоѳей Морозовъ, говорилъ о китайской торговлѣ и организаціи экспедиціи; слѣдовали рефераты: П. Шайкина — о чайной торговлѣ вообще, Н. Кудрина — о среднеазіатской торговлѣ, М. Шипова — о выгодности водяныхъ путей и улучшеніи въ особенности Волги, В. Аксенова — о министерствѣ торговли, промышленности и земледѣлія, А. Морокина — объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей питейнаго устава. Съ глубокимъ вниманіемъ выслушивались всѣ эти доклады. Не пропало ни одного слова изъ того, что сказано было Великимъ Княземъ въ заключеніе. Его Высочество говорилъ очень сжато, ясно и громко. Изъ словъ Великаго Князя явствовало, что существенный вопросъ »бесѣды« — урегулированіе караванной торговли съ Китаемъ — вопросъ насущный; что необходимо придать тому, что было до сихъ поръ случайно, правильность часоваго механизма,

Нижній. Макаріевская часовня. Закрытіе ярмарки.

что необходимо всестороннее обсужденіе вызываемыхъ этимъ дѣломъ соображеній; что купечеству, а не кому другому предстоитъ это обсужденіе и выборъ лицъ или лица, которому предоставлено будетъ руководить исполненіемъ, и что Его Высочество не отказываетъ въ своемъ высокомъ покровительствѣ. Глубокая благодарность купечества была тутъ же выражена предсѣдателемъ ярмарочнаго биржеваго комитета отъ лица всѣхъ.

Послѣдній день пребыванія Ихъ Высочествъ въ Нижнемъ, 25-го августа, былъ днемъ закрытія ярмарки, совершившагося на этотъ разъ особенно торжественно, потому что Августѣйшіе Гости Нижняго приняли участіе въ крестномъ ходѣ отъ ярмарочнаго собора къ Макаріевской часовнѣ и присутствовали при богослуженіяхъ. Погода хмурилась, но не разражалась дождемъ, и десятки тысячъ людей съ непокрытыми головами, осѣнявшіеся крестнымъ знаменіемъ, въ великомъ порядкѣ и съ подобавшимъ благочестіемъ, стояли шпалерами или шли за длинною вереницей образовъ и хоругвей, собранныхъ отъ многихъ церквей нижегородскихъ. Когда спущенъ былъ флагъ, представители ярмарочнаго купечества собрались въ Колонной залѣ Главнаго Дома для принесенія Ихъ Высочествамъ благодарности за посѣщеніе ярмарки и вниманіе, ими оказанное, къ нуждамъ торговли. Ихъ Высочества милостиво разговаривали со многими изъ представителей.

Ровно въ полдень все любопытствовавшее, подвижное, пестрое населеніе города и ярмарки столпилось вдоль многоярусныхъ откосовъ кремлевской горы, подлѣ пристани Общества »Кавказъ и Меркурій«. Громадный пароходъ »Іоаннъ Грозный« стоялъ подъ парами, весь расцвѣченный флагами и гирляндами, обрисовывавшимися очень красиво по бѣлымъ очертаніямъ парохода-монстръ. Предстояла поѣздка по Волгѣ до Телячьяго Брода верстъ 15 въ одинъ конецъ, и завтракъ на пароходѣ, предложенный Ихъ Высочествамъ отъ пароходовладѣльцевъ. Согласно предположеніямъ, это должна была быть вторая поѣздка, такъ какъ первая проектировалась наканунѣ въ Балахну, въ одинъ изъ виднѣйшихъ центровъ кустарнаго производства, но она не состоялась вслѣдствіе невозможной погоды и обусловила присылку депутаціи отъ балахнинцевъ, принятую Ихъ Высочествами. Поѣздка къ Телячьему Броду состоялась и была вполнѣ роскошна.

На кормѣ, въ сосѣдствѣ того стола, за которымъ помѣщались

Ихъ Высочества, въ роскошнѣйшихъ нарядахъ размѣстились пѣвицы хора Барбатенки. Хоры, музыка, какъ извѣстно, необходимая, безусловная принадлежность Нижегородской ярмарки да и вообще русской застольной бесѣды. Такъ было это еще во времена витязей и гридней; такъ это дѣлается и сегодня. Эта потребность музыки, вызвавшая по Россіи цѣлый рядъ музыкальныхъ школъ, композиторовъ, идущая вглубь любой деревни, выражающаяся въ присутствіи органовъ въ самомалѣйшихъ трактирахъ, всегда находила и находитъ широкое примѣненіе на Нижегородской ярмаркѣ. Тысячами можно считать здѣсь всякихъ производителей музыки. Сказанія о бывшихъ помѣщичьихъ хорахъ находятъ подражателей и въ наши дни, въ другой формѣ, конечно. На »Іоаннѣ Грозномъ« раздавались голоса хора отъ Барбатенки, несомнѣнно не лишеннаго достоинствъ, но намъ довелось слышать дважды удивительный хоръ одного изъ богатыхъ гражданъ Нижняго, В. М. Рукавишникова. Содержаніе хора этого обходится, говорятъ, въ годъ до 40.000 руб., и если избытокъ средствъ находитъ себѣ такое прекрасное, истинно-художественное помѣщеніе, то этому можно только радоваться. Хоръ этотъ поетъ по воскресеньямъ въ Троицкой церкви, и она бываетъ полна; говорятъ также, что, кромѣ этой церкви, хора Рукавишникова не услышите вы нигдѣ, какъ только у хозяина. Пріѣздъ Ихъ Высочествъ обусловилъ отступленіе отъ принятаго правила, и мы слышали его два раза. Это удивительный хоръ, съ огромнымъ репертуаромъ духовнаго и опернаго пѣнія, хоръ, мастерски воспроизводящій и всякую русскую пѣсню.

Едва только двинулся »Іоаннъ Грозный« подъ грохотъ великаго »ура«, раскатывавшагося съ откосовъ, какъ раздалась на кормѣ завѣтная пѣсня »Внизъ по матушкѣ по Волгѣ«. Мы шли дѣйствительно внизъ по Волгѣ, между двухъ декорацій обоихъ береговъ, вдоль пароходовъ, баржъ, расшивъ, полныхъ любопытствовавшаго народа. По голубому небу вырѣзывались двигавшіяся очертанія Нижегородскаго кремля, а внизу, подлѣ зеленѣвшаго берега, вытягивались лентой пристани пароходныхъ обществъ: »Кавказа и Меркурія«, »Самолета«, Любимова, Каменскаго, Бугрова и др. Пароходъ нашъ сопровождала »Цесаревна Марія«, отходившая въ Астрахань. По соблюденіи установленныхъ правилъ, имя »Іоанна Грознаго«, имя нашего парохода, исчезнетъ и замѣнится

именемъ »Великій Князь Владиміръ«; другой волжскій пароходъ »Нижегородецъ« будетъ названъ именемъ »Великая Княгиня Марія«; это имя присвоено будетъ отнынѣ и лучшему пароходу общества »Самолетъ«. Вслѣдъ за сопровождавшею насъ »Цесаревной Маріей« шли еще четыре парохода четырехъ обществъ, задержавшіе часъ отхода для сопутствія Ихъ Высочествамъ. Роскошная флотилія наша, отъ поры до времени посвистывая на разные тоны, двигалась небольшимъ ходомъ, для того, чтобы красота береговъ могла запечатлѣться съ большею ясностью въ памяти и не улетучивалась слишкомъ быстро. По пути къ Телячьему Броду видѣли мы за работой для расчистки фарватера грабли Быкова и землечерпательныя машины, проѣзжали мимо подвижныхъ плотинъ, ловко минуя обнаженные мелководіемъ пески, просовывавшіеся отовсюду къ непомѣрно съузившемуся фарватеру. Глядя на эту узкую полоску воды нашей великой Волги, заявленія, имѣвшія мѣсто въ »бесѣдѣ« 23-го августа, иллюстрировались самымъ нагляднымъ образомъ.

Пока двигался пароходъ и, подойдя къ Телячьему Броду, остановился, чтобы пропустить мимо себя своихъ четырехъ конвоировъ, направлявшихся къ далекой Астрахани, на кормѣ раздавались одна лучше другой наши русскія пѣсни, не безъ примѣси романса однако. День былъ почти совершенно ясный, и мы тянулись вдоль колоссальной декораціи волжскихъ береговъ; женщины хора, въ бархатныхъ сарафанахъ, массивно шитыхъ золотомъ, въ богатыхъ кокошникахъ, длинныхъ серьгахъ и многоярусныхъ ожерельяхъ, составляли тоже своеобразную, красивую, но небольшую декорацію, совершенно подходившую къ цвѣтистой, раскатистой пѣснѣ. И какъ хороша, какъ задушевна была эта пѣсня, раздававшаяся надъ великою путиною русской земли, путиною, полною жизни, движенія и отягченною неисчислимыми караванами богатствъ, шествующихъ къ ней и по ней, отовсюду.

Возвратились Ихъ Высочества въ Нижній къ 3-мъ часамъ и прослѣдовали прямо въ выставочный павильонъ, гдѣ имѣла мѣсто раздача наградъ, присужденныхъ экспонентамъ. Въ 7½ часовъ вечера состоялся въ Колонной залѣ Главнаго Дома обѣдъ, данный Ихъ Высочествами представителямъ дамскаго, административнаго, торговаго и городскаго обществъ, при чемъ въ концѣ обѣда,

поднявъ бокалъ, Великій Князь сказалъ слово благодарности за пріемъ, оказанный ему и Великой Княгинѣ. Какъ во время обѣда, такъ и по окончаніи его Рукавишниковскій хоръ, чередуясь съ военнымъ оркестромъ музыки, исполнилъ хорошую, разнообразную програму; послѣ обѣда Ихъ Высочества милостиво разговаривали со многими изъ приглашенныхъ ими гостей.

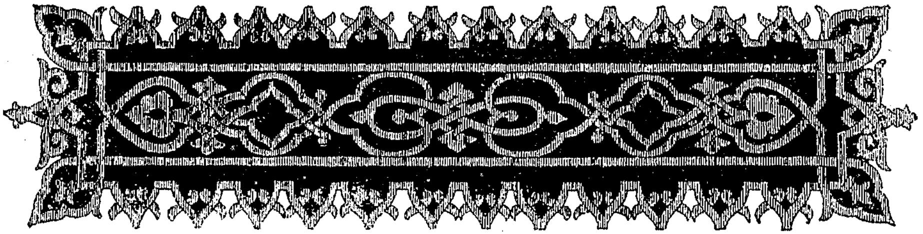
Отъѣздъ назначенъ былъ въ тотъ же вечеръ. Глубокая темень лежала надъ ярмаркой и Нижнимъ, когда по пути къ вокзалу сквозь огненную дорожку ярко пылавшихъ безсчетныхъ факеловъ, трепетъ которыхъ и опадавшія искры заставляли опасаться за спокойствіе экипажныхъ лошадей, Ихъ Высочества прибыли на желѣзную дорогу, гдѣ ожидали ихъ городскія дамы и представители властей и общества. Въ который уже разъ засвидѣтельствована была Великому Князю глубокая благодарность купечества за его теплое вниманіе къ нуждамъ отечественной торговли и промышленности. Купечество видѣло въ его лицѣ, какъ справедливо сказалъ преосвященный Модестъ въ привѣтственной рѣчи своей въ день пріѣзда, оно »видѣло въ его лицѣ благочестивѣйшаго нашего Государя, видѣло его царское къ городу и торжищу благоволеніе«.

Ихъ Высочества отбыли съ экстреннымъ поѣздомъ по пути на Москву, но прибытіе въ нашу первопрестольную и дальнѣйшее слѣдованіе къ Петербургу должны были испытать задержку. Дѣло въ томъ, что Его Высочество уже по пріѣздѣ въ Нижній узналъ, что дворяне и представители другихъ сословій Владимірской губерніи разсчитывали представиться ему по пути сюда на вокзалѣ во Владимірѣ. Поѣздъ проходилъ ночью, и представленіе не состоялось. Изъ Нижняго Великій Князь приказалъ передать въ г. Владиміръ свою благодарность за оказанное ему вниманіе, на что̀ управляющій губерніей ходатайствовалъ о посѣщеніи города на обратномъ пути и принятіи отъ мѣстнаго городскаго общества завтрака на вокзалѣ желѣзной дороги. Послѣдовало согласіе Ихъ Высочествъ, и этимъ обусловилась возможность посѣтить Владиміръ и въ немъ одну изъ святыхъ святынь Русской земли — Владимірскій соборъ.

Несомнѣнно, что далеко по Россіи пойдетъ изъ Нижняго вѣсть о пребываніи тамъ брата Государева; много вызоветъ она начинаній, но двѣ существенныя черты отмѣчены уже и теперь съ

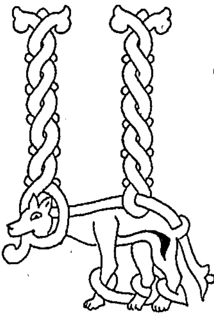
полною яркостью: вниманіе къ кустарному дѣлу и урегулированіе торговли съ Китаемъ. Та и другая чрезвычайно важны и обращеніе къ нимъ совершенно своевременно. Хотя торгово-промышленный интересъ ярмарки постоянно задвигалъ собою собственно городъ Нижній, но Ихъ Высочества видѣли многое и тамъ; они посѣтили войска, посѣтили рядъ педагогическихъ и благотворительныхъ учрежденій. Его Высочество не могъ не замѣтить того вниманія, съ которымъ городское управленіе относится къ нуждамъ полевыхъ и мѣстныхъ войскъ. Безъ великой рѣчистости, но съ полнымъ сознаніемъ долга дѣлается то, что нужно, и значительная скромность не укрыла отъ взгляда Великаго Князя полезнаго значенія того, что дѣлается. Вообще говоря, и это глубоко отрадно, на Нижегородской ярмаркѣ было много цѣльныхъ, прочныхъ русскихъ людей; умѣть замѣтить этихъ скромныхъ, безшумно работающихъ — половина сдѣланнаго дѣла.

ВЛАДИМІРЪ.

Историческое о городѣ и храмахъ. Прибытіе Ихъ Высочествъ. Посѣщеніе собора. Хозяйничанье съ древностью въ прошломъ вѣкѣ. Фрески. Реставраціи послѣднихъ лѣтъ. Неожиданныя открытія. Могильныя ниши. „Комары“. Усыпальницы Великихъ Князей и Святителей. Огненная жертва 1237 года. Великая Княгиня Агаѳія и ея семья. Епископъ Митрофанъ. Келарь священникъ Патрикій. Торжество 3-го ноября 1884 года. Легенды. Общее впечатлѣніе. Отъѣздъ.

ѣльнѣе, чѣмъ гдѣ въ Россіи, кромѣ одного только Кіева, путешествующій окружается цѣлымъ міромъ внушительнѣйшихъ воспоминаній, не только преданіями и легендами, а правдой бытописанія, именно во Владимірѣ. Относительно него даже Москва — и та юница. Семьсотъ-двадцать-семь лѣтъ тому назадъ, въ 1158 году, повѣствуетъ лѣтописецъ, Св. Благовѣрный Князь Андрей Боголюбскій, сынъ Юрія Долгорукаго, поставилъ соборный храмъ Успенія. Такъ высится онъ и понынѣ, съ тою только разницей, что, 27 лѣтъ спустя послѣ его построенія, вслѣдствіе пожара, Всеволодъ Георгіевичъ, тогда уже не князь, а Великій Князь, распространилъ храмъ, раздвинулъ его стѣны, устроивъ въ прежнихъ арки для выхода въ пристройки, такъ что Андреево построеніе находится, такъ-сказать, въ одѣяніи построенія Всеволодова; онъ же прибавилъ къ одному луковицеобразному золоченому куполу еще четыре незолоченые, и такъ и красуются они понынѣ въ своей исторической пестротѣ. Много ли во всей Европѣ однолѣтковъ Владимірскаго собора, много ли сохранившихся цѣлостно настолько, какъ онъ? Кромѣ того, тутъ почиваютъ цѣлые ряды

мучениковъ великокняжескихъ и духовныхъ; кромѣ того здѣсь совершилась великая драма гибели Великой Княгини Агаѳіи, одна изъ богатѣйшихъ картинъ нашей исторіи, никогда и нигдѣ, если не ошибаемся, не воспроизведенная нашими художниками.

26-го августа, въ памятный день Бородинской кровавой битвы, утромъ, поѣздъ Ихъ Высочествъ остановился у Владимірскаго вокзала, отъ котораго видъ на высокій кремль, на его стѣны и церкви очень красивъ. Погода была не особенно хороша; какъ вездѣ — толпы народа, клики, гирлянды. На перронѣ выставленъ былъ почетный караулъ, рота со знаменемъ отъ 11-го Псковскаго полка. Послѣ представленія начальствующихъ лицъ, находившихся на правомъ флангѣ, Его Высочество обошелъ ряды. Слѣдовало представленіе Ихъ Высочествамъ мѣстныхъ властей, дворянъ и представителей сословій. Въ городъ, по довольно крутому подъему, между шпалеръ Псковскаго пѣхотнаго и Нарвскаго драгунскаго полковъ, Ихъ Высочества прослѣдовали прямо въ соборъ, гдѣ высокопреосвященный Ѳеогностъ совершилъ соборнѣ краткое богослуженіе. Ихъ Высочества, Великій Князь и Великая Княгиня, приложившись ко кресту и окропленные святою водой, направились поклониться мощамъ Великихъ Князей Андрея, Георгія и Глѣба, почивающихъ въ богатыхъ ракахъ. Массивныя крыши ихъ были подняты и очертанія почивающихъ святыхъ видѣлись совершенно ясно. Преосвященный приподнялъ лежащую на груди Глѣба Андреевича руку. Когда, много лѣтъ назадъ, Императоръ Павелъ посѣтилъ соборъ, съ Великими Князьями Александромъ Павловичемъ и Константиномъ Павловичемъ, то тоже приподнималъ эту руку и, подозвавъ Великихъ Князей, сказалъ имъ: »поглядите, ручки князя какъ живаго«. При посѣщеніи собора Императоромъ Николаемъ было сдѣлано то же самое.

Вслѣдъ за поклоненіемъ мощамъ послѣдовалъ продолжительный, внимательный, полный высокаго интереса обходъ собора. Владимірскій епархіальный Владыко давалъ необходимыя объясненія.

Впечатлѣніе, производимое соборомъ, удивительно цѣльно и величественно. Цѣльность была бы полною, если бы не высокій, чуть-ли не шести-ярусный рѣзной, золоченый иконостасъ въ итальянскомъ вкусѣ, съ италіанизованными образами. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, послѣ посѣщенія собора Ека-

териною II, и на средства, ею данныя, два епископа, Павелъ и Іеронимъ, отступили отъ прямаго смысла рескрипта Императрицы, »рекомендовавшей« древность сего зданія сохранить и поддержать наилучшимъ образомъ. Все, что было сдѣлано ими, сдѣлано въ стилѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ нашимъ, русскимъ; таковъ именно иконостасъ. Но было нѣчто и хуже этого: многіе оклады и вѣнцы съ древнихъ образовъ и многіе предметы ризницы пошли на сплавъ, и получено 5½ пудовъ серебра, изъ котораго сдѣланы лампады и потиръ. Какова должна была быть художественно-историческая цѣнность погибшихъ вещей! Того же глубоко-прискорбнаго пріема, практикуемаго, къ позору нашему, и теперь во многихъ мѣстахъ Россіи, придержались и въ 1810 году, когда снесли поврежденную молніей въ 1806 году древнюю колокольню, и построили новую, имѣющую претензію на готическіе мотивы. Все это звучитъ глубокою фальшью, и если бы не значеніе и объемистость всей дѣйствительной древности собора, въ которой эти художественныя неурядицы какъ бы тонутъ, то мы утратили бы безвозвратно одинъ изъ роскошнѣйшихъ памятниковъ до-московской Россіи.

Всѣ пять куполовъ и многія окна въ стѣнахъ обильно заливаютъ соборъ свѣтомъ. Древняя живопись тоже очень свѣтла по своему тону. Если вспомнить невеликое количество свѣта, отличающее наши московскіе и кіевскіе соборы, темноту ихъ ликовъ и мракъ, залегающій по вершинамъ сводовъ, то не трудно придти къ заключенію, что наша древнѣйшая до-московская архитектура и живопись были гораздо ближе къ своему византійскому источнику — къ обилію свѣта и простора.

Соборъ весь сіяетъ древними ликами и не только одиночными, но изображеніями цѣлыхъ сценъ святаго писанія. Еще въ 1859 году академикъ Солнцевъ нашелъ подъ известью и штукатуркой остатки фресковыхъ изображеній XII вѣка. Когда, въ 1882 году, преосвященный Ѳеогностъ, самолично обводившій Ихъ Высочества по собору, задумалъ его обновленіе и возсозданіе, приступлено было къ подробнымъ розыскамъ древней живописи. Находки на стѣнахъ храма, подъ штукатуркой за иконостасомъ, были поразительны, какъ по количеству, такъ и по свѣжести того, что сохранилось, и вызванные сюда члены Московскаго археологическаго общества не замедлили признать въ нихъ стѣно-

пись XII вѣка, временъ Великаго Князя Андрея Боголюбскаго, живопись самаго чистѣйшаго византійскаго пошиба. Лѣтопись сообщаетъ, что соборъ былъ расписанъ въ 1161 году; въ 1408 году Великій Князь Василій Дмитріевичъ повелѣлъ дополнить это расписаніе русскимъ художникамъ Иконину и Рублеву, и этимъ внесенъ въ соборъ второй существенный вкладъ другихъ людей, другаго древняго времени. Начавшаяся съ 1882 года реставрація производилась подъ наблюденіемъ особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ такого авторитетнаго лица, какъ г. Забѣлинъ; возстановленіе самой живописи поручено было иконописцу села Палеха, Вязниковскаго уѣзда, Сафонову.

Пока шли эти работы, случай открывалъ одинъ за другимъ памятники еще болѣе высокаго значенія, свѣянные временемъ и засоренные мусоромъ, а именно цѣлый рядъ гробницъ великокняжескихъ, княжескихъ и высшихъ дѣятелей духовенства. Въ настоящее время, если вы стоите посрединѣ собора, вы находитесь въ цѣломъ кольцѣ могилъ, каменныхъ гробовъ, взирающихъ на васъ изъ-подъ надписей своихъ; большинство этихъ гробовъ расположено въ небольшихъ нишахъ — »комарахъ«, устроенныхъ вѣроятно великимъ княземъ Всеволодомъ при расширеніи храма, указавшимъ, гдѣ, какъ и кого погребать и перенесшимъ многихъ изъ почившихъ сюда, въ новыя ихъ усыпальницы. Если, какъ сказано, свѣтла была древняя русская живопись, свѣтлы были и соборы, то подъ стать имъ и впечатлѣніе этихъ простыхъ каменныхъ бѣлыхъ гробницъ; мысль о смерти, хотя вы въ полномъ смыслѣ слова окружены смертью, отъ васъ чрезвычайно далека, и вы сознаете, что почившіе не умерли, а только переселились.

Печаленъ былъ видъ этихъ могилъ до ихъ возстановленія; многія были совсѣмъ задѣланы, другія разбились; въ отверстія навалился мусоръ и щебень, и пришлось выбирать ихъ оттуда, освобождая кости усопшихъ; на нѣкоторыхъ изъ княжескихъ мощей, увидѣвшихъ вторично на краткій срокъ свѣтъ Божій, при перемѣнѣ на гробницахъ ихъ камней, видны были одежды, ткани, обувь, нѣкоторые полуистлѣвшіе предметы, даже пучечекъ красной вербы съ сохранившимися бѣленькими росточками. Освобождены были и гробницы Святителей, и при совершеніи заупокойныхъ литій бренные останки ихъ одѣты новыми пеле-

нами. Прототипомъ для возстановленія всѣхъ комаровъ послужила гробница епископа Луки, сохранившаяся вполнѣ, такъ какъ она была заложена наглухо въ очень давнее время: это бѣлокаменный гробъ о двухъ скатахъ крыши подъ невысокою полукруглою арочкой въ стѣнѣ; такіе гробы глядятъ на васъ отовсюду, словно бѣлыя очи изъ-подъ полукруглой арки и надписи, означающейся темною бровью. Мрачности въ этомъ царствѣ смерти нѣтъ никакой. Да и откуда взяться ей, этой мрачности, когда передъ вами всплываютъ одни за другими такія внушительныя, полныя блеска воспоминанія, какъ огненная жертва великокняжеской семьи 1237 года? Вотъ она.

Татары исполосовали Россію. Многострадальнѣе всѣхъ былъ именно Владиміръ, потому что въ тѣ дни это былъ городъ великокняжескій, первопрестольный городъ, почти первый по пути татаръ, городъ устроенный, богатый, съ храмами, полными сокровищъ, »яко тогда знаменитѣйшій и столичный великихъ князей градъ«, гдѣ восходили они на княженіе (преимущество, перенесенное впослѣдствіи въ Москву). Соборъ былъ такъ богатъ, что паникадиламъ и сосудамъ золотымъ и серебрянымъ не было числа; безъ числа были и порты, шитыя золотомъ и жемчугомъ; по словамъ лѣтописи, »яже вѣшали на праздникъ въ двѣ верви, отъ Золотыхъ Воротъ до владычнихъ сѣній, въ двѣ же верви чюдныхъ«.

Поручивъ защиту Владиміра двумъ сыновьямъ своимъ и покинувъ семью, благовѣрный князь Георгій съ племянниками сталъ станомъ на берегахъ рѣки Сити, собирая войско противъ татаръ. Батый тѣмъ временемъ взялъ Владиміръ и пожегъ, и порубилъ его. Нетронутымъ оставался только соборъ. Тяжелыя двери его были заперты, и долго должны были ломиться въ нихъ татары. Весь помостъ собора былъ полонъ людьми, запершимися въ немъ, предъ образомъ Владимірской Божіей Матери, тогда еще не перенесеннымъ въ Москву (святая икона эта была писана самимъ евангелистомъ Лукой и перенесена въ Москву только въ 1395 году; на мѣстѣ ея имѣется теперь точная, старинная копія). Виднѣлись тутъ, на помостѣ, бояре и боярыни, народъ, старцы и дѣти, и много ихъ было, и всѣ молились подъ страшные звуки ломившихся въ двери татаръ. А наверху, на всходныхъ палатахъ, пребывала Великая Княгиня Агаѳія со своею

дочерью, снохами и внучатами, большая великокняжеская семья, въ трехъ поколѣніяхъ, окруженная боярскими женами. Тутъ же находился епископъ Митрофанъ. Подъ неустанный грохотъ въ дверяхъ соборныхъ, подъ стенанія колѣнопреклоненной на помостѣ церковномъ толпы, облекалъ Святитель великокняжескую семью въ монашескій образъ, въ схиму, и пріобщалъ Св. Таинъ.

Когда двери соборныя уступили наконецъ усиліямъ татаръ и все, находившееся на помостѣ церковномъ, было посѣчено и истерзано, а сокровища разграблены, замѣтили татары и великокняжескую семью, находившуюся высоко, на палатахъ. Къ нимъ велъ потайный ходъ; тамъ, думалось татарамъ, имѣются главныя сокровища. Ласки и угрозы не открывали имъ хода наверхъ. Тогда натасканъ былъ въ храмъ хворостъ и зажженъ, и все погибло въ пламени, все — кромѣ иконы Божіей Матери... На берегахъ Сити тѣмъ временемъ сложилъ свою вѣнчанную голову и великій князь Георгій.

Духовное, невидимое присутствіе этой огненной жертвы ясно сознавалось нами въ живомъ разсказѣ преосвященнаго Ѳеогноста, обводившаго Ихъ Высочества по собору и указывавшаго мѣсто палатъ. Въ бѣлыхъ комарахъ почивали кругомъ вещественныя доказательства былаго — многострадальныя мощи.

И много, много было такихъ страданій во Владимірскомъ соборѣ. Вотъ еще одно. Въ 1485 году, уже на самомъ исходѣ татарскаго ига, Владиміръ былъ взятъ ордынскимъ царевичемъ Талычемъ; нижегородскій бояринъ, измѣнникъ Карамышевъ, тайно провелъ ихъ окрестными лѣсами. Въ городѣ, по словамъ лѣтописи, не было даже намѣстника, и онъ былъ взятъ и разграбленъ. Соборному ключарю, священнику Патрикію, поручены были сокровища храма; онъ скрылъ ихъ, и не узнали татары, гдѣ они, не смотря на то, что палили священника огнемъ, забивали ему подъ ногти спицы, сдирали кожу и, продѣвъ насквозь его веревку, влачили, привязавъ къ конскому хвосту, по городу. Замученъ былъ Патрикій, но не выдалъ достоянія церковнаго; тѣло его почиваетъ на границѣ Рязанской и Владимірской губерній, на озерѣ Святѣ. Какъ не перенести его въ соборъ? — вѣдь это его достояніе! Кажется что это слѣдовало бы сдѣлать непремѣнно.

Сколько видѣлъ соборъ Владимірскій вѣнчаній на великое

княженіе! сколько разъ оглашался онъ звуками свадебныхъ и похоронныхъ пѣсень духовныхъ! Еще недавно, въ 1884 году, видѣлъ соборъ одну изъ чрезвычайно рѣдкихъ, высокохудожественныхъ службъ церковныхъ. Когда окончено было возобновленіе его, то мощи трехъ Святыхъ Великихъ Князей, Георгія, Андрея и Глѣба, перенесенные на два съ половиною года въ Георгіевскій соборъ, возвращались въ свое завѣтное обиталище. Это было 3-го ноября. Въ глубокую зиму вѣяло тогда надъ Владиміромъ вѣчною весной православія, когда, покачиваясь на плечахъ тѣхъ людей, между которыми, нѣтъ сомнѣнія, въ тяжелую годину могутъ проявиться и проявятся отцы Патрикіи, богатыя раки святыхъ, одна за другою, втянулись въ соборъ и заняли свои мѣста. Налѣво отъ входа между столбовъ почиваетъ Андрей Боголюбскій; направо противъ него — Георгій; подлѣ алтаря съ правой стороны — Глѣбъ.

И какъ спокойно свѣтелъ, какъ одухотворенъ возсозданный соборъ. А вѣдь было же это когда-то и не разъ, что среди него, опустѣвшаго и ограбленнаго, птицы вили свои гнѣзда и гулялъ вѣтеръ. Такимъ былъ онъ еще въ началѣ XVIII вѣка, ко времени открытія мощей Андрея и Глѣба. Теперь это одна изъ внушительнѣйшихъ святынь земли Русской. Нужны не дни, а недѣли, чтобы подробно ознакомиться съ соборомъ, съ его вещественными сокровищами, съ его историческимъ и легендарнымъ богатствомъ. Какъ красиво преданіе о томъ, что при Іоаннѣ Васильевичѣ, во время нашествія Девлетъ-Гирея, благовѣрные князья поднимались изъ гробовъ своихъ и уносились на брань на снѣговидныхъ коняхъ. Очень любопытны стихи на гробницахъ княжескихъ; тѣ, что читаются надъ Георгіемъ и Андреемъ, согласно преданію, сочинены Императрицей Екатериной II; надъ гробницей епископа Платона, умершаго въ 1757 году, читается очень длинное стихотвореніе и — что очень рѣдко, примѣръ едва ли не единственный, — акростихъ очень хитростнаго сложенія, первыя буквы строкъ котораго, въ перемежку чрезъ строку, изображаютъ слова: »преосвященный епископъ Платонъ«. Какъ умилительно хорошо письмо этого Платона Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, писанное въ 1753 году, о »переоблаченіи« мощей великокняжескихъ въ новыя одѣянія, въ »бѣлые пристойные хитоны«, въ великокняжескія порфиры парчевыя, обшитыя вмѣсто горностая

»подобнымъ бархатомъ«; какъ подъ святыя главы мощей положены были три золотаго глазета подушки; »да на главы же и лица ихъ святопочивающія сдѣланы изъ бѣлаго шолковаго фліору три капи; на нетлѣнныя же руцѣ съ таковоже фліору такожъ и на носъ сдѣланы пристойныя каптурки«. Мы видѣли эти фліоры, капи и каптурки и приложились къ бережно одѣтымъ мощамъ. Прежнія одѣянія ихъ, темные лоскуты, разложенные по бѣлому полотну, были тоже представлены Ихъ Высочествамъ. Къ этому времени яркіе лучи осенняго солнца, осиливъ непогоду, глянули во всю силу свою сквозь многія окна стѣнъ и куполовъ, и вѣтхій деньми соборъ, играя всѣми красками живописи, всѣми оглавіями безсчетныхъ ликовъ и матовыми отблесками бѣломраморныхъ гробницъ, благолѣпно окружалъ насъ и нависалъ надъ нами въ молчаливомъ, но сознательномъ величіи.

Слѣдуетъ сказать, что возобновленному собору посчастливилось и тѣмъ, что въ средѣ его духовенства нашелся и хорошій описатель — это протоіерей Виноградовъ; благодаря яснымъ и мастерскимъ указаніямъ его, въ »Исторіи Владимірскаго каѳедральнаго собора« можно легко разобраться съ тѣмъ обильнымъ историческимъ и археологическимъ матеріаломъ, который присущъ собору. Еслибы всѣ наши главныя святыни обладали такими описателями, путешествующій былъ бы счастливъ и вразумленъ.

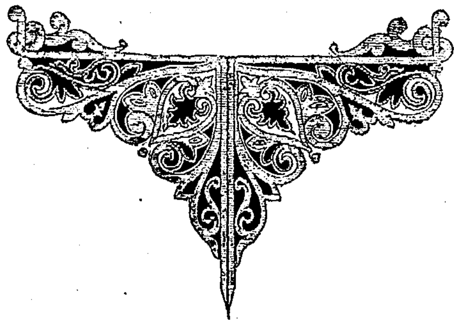
Замѣтимъ, въ заключеніе, что день пріѣзда Ихъ Высочествъ, 26-е августа, совпалъ со днемъ празднества одной изъ двухъ священнѣйшихъ иконъ собора.

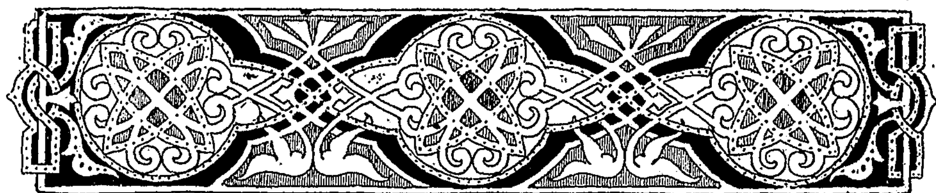
Послѣ окончанія осмотра собора, Ихъ Высочества посѣтили начальную ремесленную школу, находящуюся подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, земскую гимназію, домъ дворянства и находящееся въ немъ дворянское училище. Залъ дворянскаго дома въ два свѣта очень хорошъ. Портретъ Государя Императора окруженъ бронзовыми гербами уѣздовъ Владимірской губерніи; нѣкоторые изъ нихъ типичны: на Ковровскомъ гербѣ — векша грызетъ орѣшки; въ гербѣ Шуйскаго уѣзда видѣнъ правильный паралеллепипедъ, и на немъ буквы Ш. М., что означаетъ: шуйское мыло.

Ровно въ часъ пополудни, послѣ завтрака на вокзалѣ, Ихъ Высочества направились дальше къ Москвѣ, при чемъ была сдѣлана еще одна непродолжительная остановка въ Павловѣ, со-

гласно просьбѣ мѣстныхъ жителей, заявленной еще въ Нижнемъ. Павлово—это тоже одинъ изъ центровъ кустарей, и просьба ихъ объ остановкѣ была вполнѣ естественна. Народу было столько, что трудно было двинуть поѣздъ; мальчишки, не находившіе себѣ мѣста въ плотной толпѣ взрослыхъ, то и дѣло шмыгали подъ вагонами.

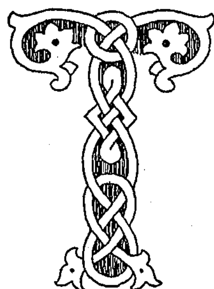
27-го, утромъ, Ихъ Высочества высадились въ Колпинѣ. Великая Княгиня направилась въ Царское-Село, а Великій Князь прослѣдовалъ немедленно въ Усть-Ижорскій саперный лагерь.

УСТЬ-ИЖОРСКІЙ ЛАГЕРЬ.

Возникновеніе лагеря. Прибытіе Великаго Князя. Взрывы горновъ. Огонь боевыми зарядами. Работы по инженерной атакѣ. Крѣпостной маневръ. Искусственныя препятствія. Наводка моста. Подводныя мины. Каменометы. Отъѣздъ въ Царское-Село.

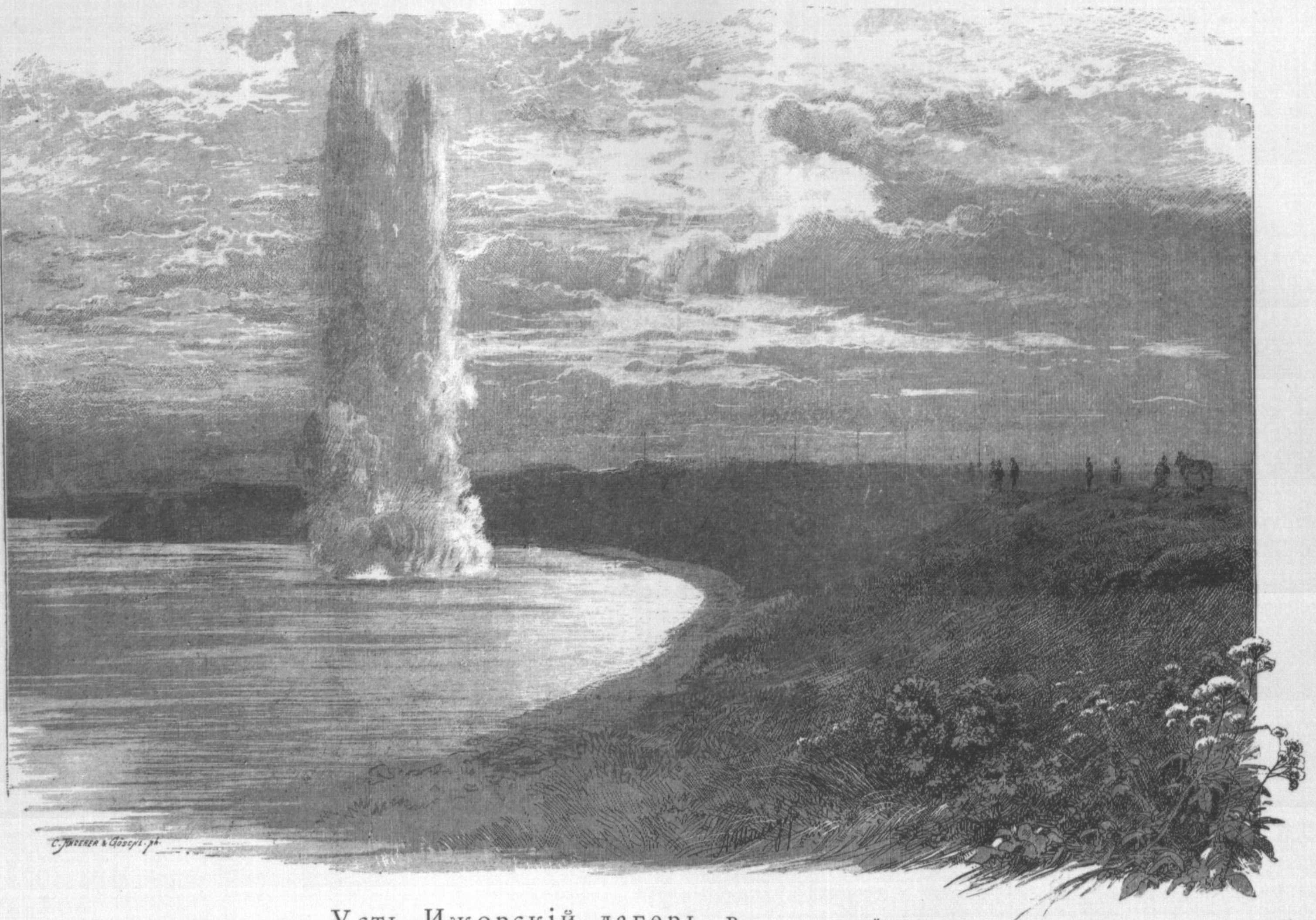
о мѣсто, на которомъ теперь на берегу Невы, въ 25-ти верстахъ отъ Петербурга, раскинутъ Усть-Ижорскій саперный лагерь, представляло восемнадцать лѣтъ тому назадъ пустырь съ чахлою травкою, влачившею свое жалкое существованіе между безсчетныхъ ямъ, изъ которыхъ на сосѣдніе кирпичные заводы вынуты были массы глины и песку. Значительная часть этого песка, преобразившись въ кирпичи, пошла на постройки въ Петербургѣ, на новые дома и надбавки этажей, которыя, за послѣднее двадцатилѣтіе сдѣлали многія улицы столицы неузнаваемыми. Мѣсто это принадлежало графу Шувалову и только очень недавно уступлено въ собственность военному вѣдомству. Когда рѣшено было перевести саперный лагерь изъ Петергофа, съ Бабьихъ-Гонъ, гдѣ онъ издавна находился, выбрано было подъ новый лагерь именно это мѣсто, представлявшее много удобствъ для артиллерійской стрѣльбы и саперныхъ работъ.

Семьнадцать лѣтъ стоятъ тутъ саперы, и мѣста этого не узнать, какъ не узнать окрестностей Краснаго-Села и Дудергофа. Между правильно разбитыхъ садиковъ и насаженныхъ аллей бѣлѣютъ постоянныя барачныя постройки, а на лѣтнее время разбиваются палатки. Утромъ видны тутъ молчаливыя сапер-

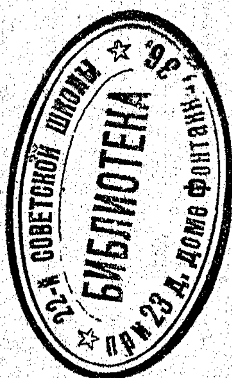
ныя работы и слышатся могучая пальба артиллерійскихъ орудій и взрывы, а вечеромъ — наша беззавѣтная солдатская пѣсня. Барабанъ призываетъ на молитву утромъ, призываетъ вечеромъ и все это съ такою-же точностью, съ какою восходитъ и заходитъ солнце.

Особенно характерно подъѣзжать къ лагерю, не отъ Невы, на берегу которой онъ раскинутъ, но съ которой не видѣнъ, а отъ Колпинской станціи желѣзной дороги, т. е. именно тѣмъ путемъ, которымъ прослѣдовалъ Великій Князь Главнокомандующій, утромъ 27-го августа. Здѣсь вправо отъ дороги поднимаются разные крѣпостныя и полевыя укрѣпленія, а влѣво, подлѣ самаго лагеря, будто красивенькія игрушки, но въ натуральную величину, тѣснясь одни къ другимъ, виднѣются безчисленныя и разнообразныя, всевозможныя военныя работы саперъ: бараки, избы, мосты, печки, сапы, изгороди, плетни, траншеи, блиндажи и многое другое. Правильность этихъ работъ можетъ поспорить только съ серьезностью того значенія, которое могутъ онѣ имѣть въ примѣненіи къ военному времени. Сколько жизней поддержатъ и спасутъ онѣ, сколько фатальныхъ непріятностей нанесутъ непріятелю? А въ чемъ-же, какъ не въ этомъ, значеніе сапернаго дѣла, которое за послѣднее время выдвигается впередъ все болѣе и болѣе. Войска, какъ учитъ современная тактика, находятся въ военное время только въ трехъ положеніяхъ: въ движеніи, въ бою или на отдыхѣ, и во всѣхъ трехъ инженерное искусство является въ качествѣ радѣтеля о другихъ родахъ войскъ, о своихъ собратьяхъ. Въ этомъ служеніи собратьямъ, не говоря о значеніи для непріятеля, сказывается, если можно такъ выразиться, особенная симпатичность военно-инженернаго дѣла.

Къ пріѣзду Великаго Князя собраны были близъ шоссе, ведущаго изъ лагеря въ Колпино, у артиллерійскаго полигона, три саперные баталіона 1-й саперной бригады. Здѣсь же ожидали Его Высочество: начальникъ лагеря и командиръ л.-гв. сапернаго баталіона флигель-адъютантъ полковникъ Случевскій и другія начальствующія лица. Почетный караулъ, рота Его Величества л.-гв. сапернаго баталіона со знаменемъ и хоромъ музыки, поставленъ былъ на самомъ шоссе. Выйдя изъ коляски, Августѣйшій Главнокомандующій принялъ рапортъ начальника лагеря, обошелъ почетный караулъ, а затѣмъ прошелъ вдоль фронта

Усть-Ижорскій лагерь. Взрывъ подводной мины.

22-й советской школы
БИБЛИОТЕКА
при 23 д. дома Фонтанки 36.

саперныхъ баталіоновъ, милостиво здороваясь съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно. Обойдя баталіоны, Его Высочество возвратился къ почетному караулу, пропустилъ его церемоніальнымъ маршемъ, а затѣмъ подошелъ къ выстроенному близъ полигона взводу роты офицерской стрѣлковой школы и тоже поздоровался съ нимъ. Остальныя войска Усть-Ижорскаго лагеря находились во время прибытія Его Высочества: 1-й понтонный баталіонъ на р. Невѣ, при своихъ понтонахъ, а артиллерія, какъ полевая, такъ и полигонная, на батареяхъ 2-й артиллерійской позиціи.

Выйдя на валгангъ артиллерійскаго полигона, Его Высочество приказалъ дать сигналъ для производства взрыва сближенныхъ горновъ, заложенныхъ съ цѣлью обрушенія контръ-эскарпа временнаго форта, находящагося противъ артиллерійскаго полигона, что и было тотчасъ исполнено вполнѣ удачно. Послѣ взрыва горновъ Великій Князь, стоя подъ убраннымъ флагами и зеленью навѣсомъ на валгангѣ артиллерійскаго полигона, выслушалъ, по разложеннымъ на столѣ чертежамъ, доклады о произведенныхъ опытахъ стрѣльбы по разнаго рода фортификаціоннымъ постройкамъ. По окончаніи докладовъ приказано было дать сигналъ для открытія огня боевыми зарядами изъ батарей 2-й артиллерійской позиціи, по лѣвому фасу временнаго форта, для окончанія производства обвала въ немъ, начатаго до смотра. Всего дѣйствовали по позиціи обороняющагося 7 осадныхъ и 10 полевыхъ орудій. Одновременно съ открытіемъ артиллерійскаго огня открытъ былъ и ружейный огонь съ предложенныхъ начальникомъ офицерской стрѣлковой школы станковъ для ночной стрѣльбы въ крѣпостной войнѣ.

По окончаніи стрѣльбы Великій Князь подошелъ къ поставленнымъ на валгангѣ артиллерійскаго полигона двумъ морскимъ скорострѣльнымъ пушкамъ системы Гочкиса и выслушалъ докладъ объ ихъ устройствѣ, сдѣланный офицеромъ морской артиллеріи, командированнымъ, по желанію военнаго министра, изъ морскаго вѣдомства вмѣстѣ съ двумя комендорами, для производства опытовъ стрѣльбы изъ этихъ орудій по разнаго рода фортификаціоннымъ постройкамъ, съ цѣлью опредѣленія значенія скорострѣльныхъ орудій въ крѣпостной войнѣ. По выслушаніи доклада объ этихъ орудіяхъ, Его Высочество приказалъ произвести изъ нихъ стрѣльбу на время, въ теченіе одной минуты, изъ каждаго,

при чемъ орудія эти дѣйствовали по головамъ двойныхъ перекидныхъ сапъ.

Послѣ сигнала »отбой« Великій Князь проѣхалъ въ экипажѣ къ временному форту, и по дорогѣ къ нему знакомился съ работами по инженерной атакѣ этого форта, доведенными въ нынѣшнемъ году до вѣнчанія гласиса. Затѣмъ, остановившись близъ послѣдней параллели, прошелъ по дну ея въ овальную траншею, а оттуда въ вѣнчаніе гласиса. Здѣсь Его Высочество осматривалъ обвалы, произведенные въ ружейномъ и главномъ валахъ лѣваго фаса форта артиллеріею и въ контръ-эскарпѣ этого фаса — минами. Обвалъ, только-что сдѣланный минами, былъ очень удаченъ, такъ какъ, заваливъ часть рва, онъ устроилъ какъ бы готовый переходъ черезъ этотъ ровъ. Перейдя черезъ него, Августѣйшій Главнокомандующій прошелъ остальную часть вѣнчанія и вышелъ на гласисъ лѣваго фланга бастіона къ устроенному здѣсь возвышенію, убранному флагами и зеленью.

Въ это время войска, назначенныя для атаки и обороны форта, начали уже подходить къ нему и занимать назначенныя имъ мѣста, а Его Высочество осматривалъ въ подробности самый фортъ, послѣ чего приказалъ начать крѣпостной маневръ, по составленному предположенію, заключавшемуся въ атакѣ и оборонѣ форта. Картина, представленная этимъ маневромъ, была чрезвычайно эффектна. Пороховой дымъ застилалъ какъ самый фортъ, такъ и весь районъ, на которомъ были расположены контръ-апроши обороняющагося, а среди этого дыма двигались на штурмъ съ криками »ура« подъ звуки барабановъ и горновъ войска, направленныя на фортъ съ фронта и въ обходъ его по оврагу. Въ это же время густые клубы дыма поднимались надъ батареями второй артиллерійской позиціи атакующаго и слышенъ былъ неумолкаемый гулъ густыхъ артиллерійскихъ и дробныхъ ружейныхъ выстрѣловъ.

По окончаніи маневра Его Высочество направился въ экипажѣ по дорогѣ, вновь проложенной на протяженіи около $1^1/_2$ версты къ инженерному полигону. Дорога эта пролегаетъ близъ возведенныхъ въ нынѣшнемъ году двухъ батарей для полевыхъ и крѣпостныхъ орудій, по которымъ производилась въ началѣ смотра стрѣльба изъ батарей второй артиллерійской позиціи. Проѣзжая мимо этихъ батарей, Его Высочество осматривалъ про-

изведенныя въ нихъ, какъ въ теченіе лагернаго сбора, такъ и въ началѣ смотра, пораженія и затѣмъ подъѣхалъ къ разнаго рода блиндажамъ, построеннымъ въ теченіе нынѣшняго лѣта для производства надъ ними опытовъ стрѣльбы изъ 8-ми-дюймовой мортиры. Отъ блиндажей Великій Князь направился къ расположеннымъ близъ инженернаго полигона разнаго рода искусственнымъ препятствіямъ, осмотрѣвъ по пути примкнутую и отдѣльную каменныя стѣнки, возведенныя въ теченіе нынѣшняго лѣта, для производства надъ ними въ будущемъ году опытовъ разрушенія пироксилиномъ.

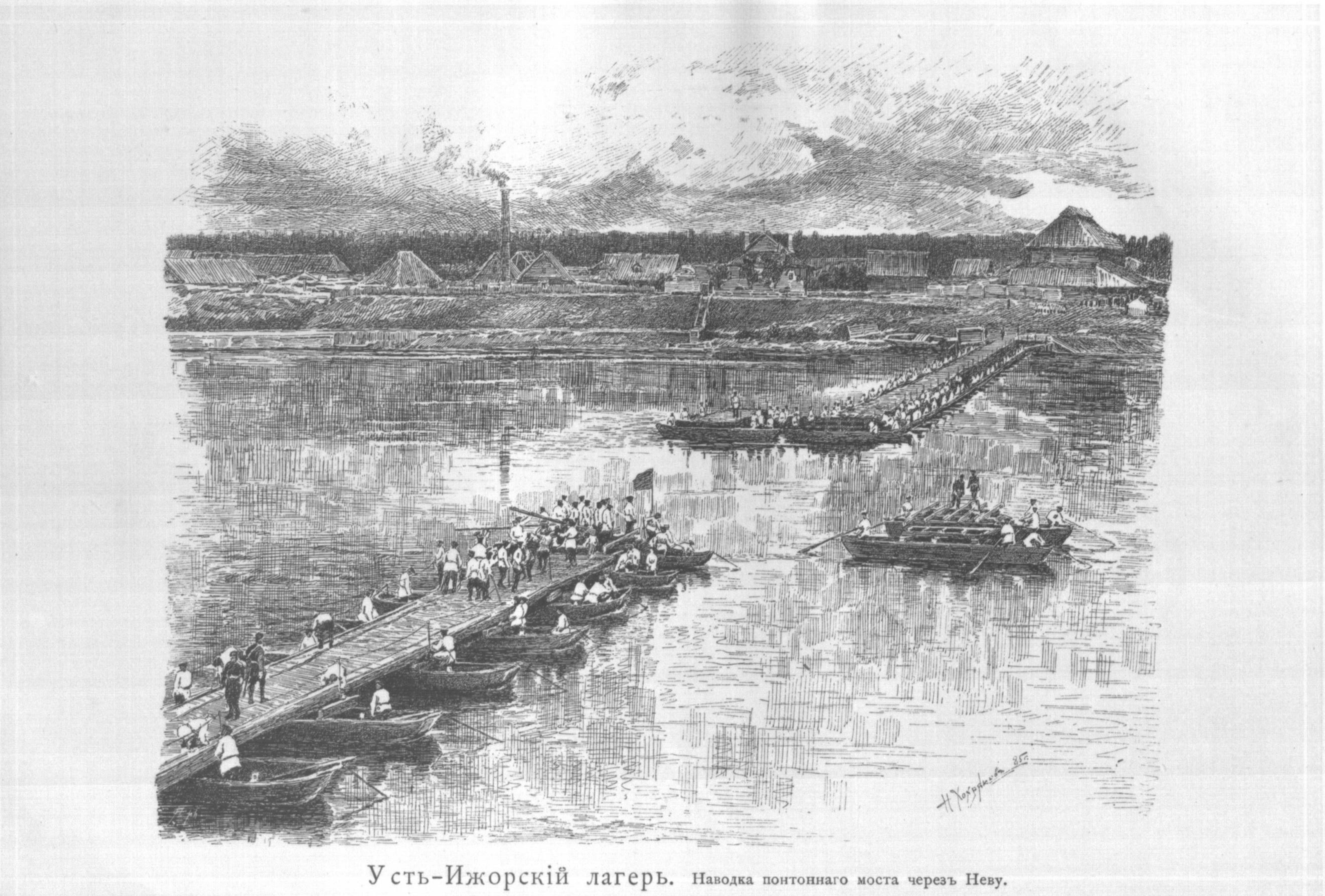
Осмотрѣвъ пораженія, произведенныя въ искусственныхъ препятствіяхъ, Великій Князь проѣхалъ къ мѣсту мостовыхъ работъ саперныхъ баталіоновъ, а оттуда во вновь устроенное лагерное офицерское собраніе, осмотрѣлъ его и расположенныя въ немъ модели различныхъ фортификаціонныхъ построекъ, изготовленныя нижними чинами. Подобныя этимъ модели вводятся въ настоящее время, на основаніи новой »Инструкціи объ обученіи инженерныхъ войскъ«, во всѣхъ ротахъ саперныхъ и понтонныхъ баталіоновъ и служатъ прекраснымъ средствомъ для зимняго обученія нижнихъ чиновъ показомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Его Высочество осмотрѣлъ полевыя работы саперныхъ баталіоновъ и прибылъ въ лагерную рощу на берегъ Невы, къ мѣсту понтонной наводки. Остановившись подъ убраннымъ зеленью и флагами навѣсомъ, Великій Князь приказалъ начать наводку моста. По недостаточности личнаго состава понтонеровъ, нельзя было производить наводку моста черезъ всю Неву, а потому пришлось сдѣлать половину моста заранѣе, и только другую, ближайшую къ лѣвому берегу рѣки, навести въ присутствіи Великаго Князя. Ширина Невы на мѣстѣ понтонной наводки—142 саж., а быстрота теченія—до 6-ти фут. въ секунду. Не смотря на такую быстроту теченія, наводка моста производилась паромами, хотя по уставу наводку паромами полагается производить при быстротѣ теченія, не превышающей 4-хъ футовъ. Условія для наводки были трудныя, въ особенности вводъ въ линію моста послѣднихъ паромовъ на срединѣ рѣки, гдѣ, вслѣдствіе стѣсненія теченія понтонами, вышеупомянутая быстрота значительно увеличивалась; не смотря однако на это, наводка половины моста паромами продолжалась только 27 минутъ.

Во время наводки Его Высочество осматривалъ проложенныя близъ мѣста наводки переносныя желѣзныя дороги: однорельсовую Лартига и двухколейную Декoвиля, по которымъ производились въ присутствіи Его Высочества посадка и передвиженіе людей съ полнымъ снаряженіемъ, а также нагрузка, передвиженіе и выгрузка разнаго рода интендантскихъ и инженерныхъ грузовъ. По окончаніи наводки Великій Князь прошелъ по мосту на правый берегъ рѣки и обратно и затѣмъ произведена была разводка моста паромами, внизъ по теченію, съ отдачею верховыхъ и низовыхъ якорей на буи. Разводка продолжалась только 7 минутъ и представляла очень красивое зрѣлище. За наводку и разводку моста понтонеры осчастливлены были благодарностію Его Высочества.

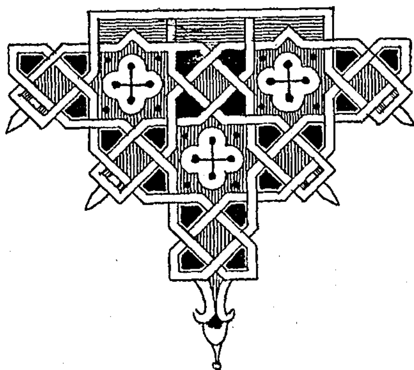
Тотчасъ вслѣдъ за отплытіемъ паромовъ поданъ былъ сигналъ для производства взрывовъ. Всего взорвано было въ присутствіи Его Высочества 20 подводныхъ минъ, въ 1½ и 2 пуда пороха каждая, отчасти по одиночкѣ и отчасти по двѣ и 4 каменомета, въ 1½ пуда пороха каждый. Взрывы эти удались вполнѣ. Сначала сдѣланы были послѣдовательно взрывы подводныхъ минъ, поднявшіе громадные столбы воды, широкимъ основаніемъ которыхъ служили окружавшіе ихъ снизу, въ видѣ облачнаго кольца, клубы бѣлаго дыма; затѣмъ послышались четыре послѣдовательныхъ выстрѣла, какъ бы изъ громадныхъ орудій — это заговорили каменометы, выбросившіе черные облака дыма и массу камней, долетавшихъ почти до противоположнаго берега рѣки, при чемъ камни эти, падая разновременно одинъ за другимъ въ воду, производили множество шипучихъ, острыхъ фонтановъ. Это была одна изъ картинъ самыхъ эффектныхъ.

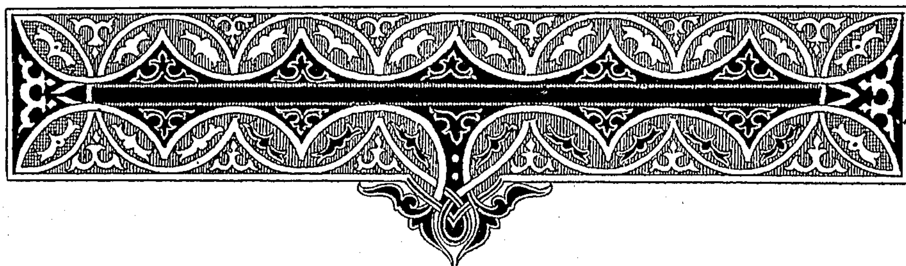
Взрывами подводныхъ минъ и каменометовъ окончился смотръ Августѣйшаго Главнокомандующаго. По окончаніи смотра и слѣдовавшаго за нимъ завтрака, Его Высочество, покидая лагерь, осчастлививъ своею благодарностью начальника лагеря и командировъ частей, проѣхалъ въ экипажѣ къ мѣсту полевыхъ работъ сводного отъ пѣхоты баталіона и сводной кавалерійской команды и, осмотрѣвъ ихъ въ подробности, направился черезъ Колпино въ Царское-Село. Проѣзжая по шоссе вдоль лагеря, Великій Князь еще разъ благодарилъ выстроенныя развернутымъ фронтомъ войска. Громко и радостно отвѣчали они на похвалу Авгу-

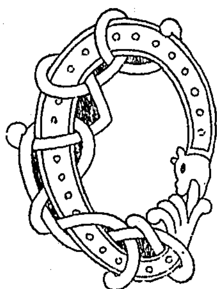
Усть-Ижорскій лагерь. Наводка понтоннаго моста черезъ Неву.

стѣйшаго Главнокомандующаго и единодушнымъ »ура« провожали удалявшійся экипажъ. Радостныя, оживленныя, загорѣлыя лица саперъ и артиллеристовъ свидѣтельствовали, что заслуженная ими похвала Великаго Князя обратила только-что окончившійся смотръ въ праздникъ для нихъ, а милостивое вниманіе Августѣйшаго Главнокомандующаго, къ произведеннымъ ими работамъ и занятіямъ, несомнѣнно въ высшей степени благотворно подѣйствовало на нихъ и придало новыя силы по подготовкѣ къ боевому, не легкому экзамену — къ войнѣ, успѣхъ которой находится въ такой близкой, прямой, непосредственной зависимости отъ мирной дѣятельности войскъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ба завершившіяся путешествія Великаго Князя въ 1884 и 1885 годахъ, нѣкоторая часть которыхъ была исполнена совмѣстно съ Великою Княгинею, заняли слишкомъ два мѣсяца времени; сдѣлано было 11.000 верстъ, изъ нихъ желѣзными дорогами не болѣе 3,000 и посѣщено однихъ только городовъ 35, въ десяти губерніяхъ. Приложенная къ 1-му тому карта пути изображаетъ достаточно наглядно, какъ великъ и разбросанъ районъ, осмотрѣнный Его Высочествомъ, представляющій изъ себя почти $^1/_4$ часть Европейской Россіи. Оба составленные маршрута поѣздки были выдержаны вполнѣ, безо всякихъ отступленій; несостоявшееся посѣщеніе Новой-Земли въ сущности въ маршрутъ не входило, за то посѣщена Мезень.

Главная цѣль поѣздокъ несомнѣнно достигнута: Его Высочествомъ были осмотрѣны въ подробности 30 управленій уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, 3 полка, 10 отдѣльныхъ баталіоновъ, 8 резервныхъ ротъ и 28 командъ. Если прибавить къ этому, что Великій Князь обошелъ въ 37 мѣстахъ казармы, то очевидно, что ознакомленіе съ обстановкой было полное. Результаты произведенныхъ посѣщеній и осмотровъ войскъ выразились по отношенію къ войскамъ, входящимъ въ составъ Высочайше ввѣреннаго Его Высочеству округа, въ особыхъ приказахъ, *) а впечатлѣнія о войскахъ и учрежденіяхъ Московскаго военнаго округа,

*) Томъ I стр. 97, томъ II стр. 190.

Великому Князю не подчиненныхъ, составили предметъ особаго Всеподданнѣйшаго доклада, о результатахъ ознакомленія съ которымъ Государя Императора объявлено было приказомъ по военному вѣдомству отъ 10-го іюля 1885 года.

Главнымъ предметомъ, какъ сказано, было ознакомленіе съ мѣстными войсками, съ этимъ органическимъ основаніемъ мобилизаціи нашей арміи въ случаѣ военнаго времени, основаніемъ, которое, въ нѣкоторые періоды государственной жизни, является со всѣми правами на исключительную важность; хорошее состояніе мѣстныхъ войскъ въ мирное время — залогъ успѣховъ на войнѣ. Осмотры, произведенные Великимъ Княземъ были такъ характерны, такъ разнообразны, касались такихъ глухихъ и разбросанныхъ пунктовъ всего нашего сѣвера, что составляютъ исполненіе цѣлой программы для изслѣдованія этой особой, самостоятельной и неизмѣримо-важной отрасли военнаго дѣла.

Во время совершенія поѣздокъ достигнуты и другія, не менѣе значительныя въ военномъ отношеніи цѣли; во первыхъ ознакомленіе съ состояніемъ различныхъ путей сообщенія, съ глухими грунтовыми дорогами, съ Маріинскою системою и бассейномъ сѣверной Двины, во вторыхъ личное обозрѣніе Великимъ Княземъ нашей сѣверной границы по берегамъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана. Множество замѣтокъ, сдѣланныхъ по пути, при обозрѣніи обширнѣйшаго района, и немалое число набросковъ, снятыхъ съ пунктовъ сѣвернаго побережья, могущихъ имѣть военное значеніе, доставили цѣнный матеріалъ для освѣженія »Военно-статистическаго обозрѣнія Петербургскаго военнаго округа« *).

Безконечнымъ рядомъ чередовались посѣщенія училищъ, школъ, больницъ, богадѣленъ, остроговъ, учрежденій правительственныхъ, земскихъ, частныхъ, — учрежденій самыхъ разнообразныхъ значеній и размѣровъ; многія изъ нихъ, какъ и тѣ города, въ которыхъ они имѣются, не только не видали никогда никого изъ Особъ Царствующаго Дома, но не могли быть посѣщены, вслѣдствіе разныхъ причинъ, даже ближайшими начальствующими лицами.

Нагляднымъ воспоминаніемъ о путешествіяхъ будутъ служить какъ учрежденныя въ честь Ихъ Высочествъ школы, богадѣльни,

*) См. т. I, стр. 109.

часовни и стипендіи во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и именованіе бухтъ, улицъ, набережныхъ, бульваровъ и проч. именами Ихъ Высочествъ.

Путешествія дали возможность не только обозрѣть многія святыни и древности, какъ Владиміръ, Ярославль, Ростовъ Великій, Кирилловъ монастырь и Соловки, но и ознакомиться съ экономическимъ положеніемъ края, при посредствѣ многихъ выставокъ и постоянныхъ бесѣдъ съ мѣстнымъ людомъ. Населеніе посѣщеннаго Великимъ Княземъ сѣвернаго края, столь безгранично преданное Государю Императору, имѣло счастіе видѣть Августѣйшаго Его брата и засвидѣтельствовать ему ту безграничную любовь, которая, всегда отличая русскаго человѣка, служила и будетъ служить живою связью между Престоломъ и народомъ.

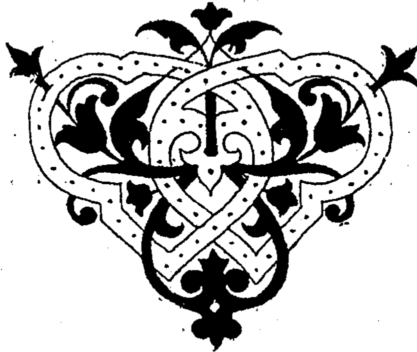
Но путешествія 1884 и 1885 годовъ еще не дали тѣхъ результатовъ, которые были намѣчены и должны служить матеріаломъ для освѣженія только что упомянутаго »Военно-статистическаго обозрѣнія Петербургскаго военнаго округа«. Часть округа — Балтійское побережье, которому, нѣтъ сомнѣнія, въ будущемъ предстоитъ еще крайне важное значеніе, осталась неосмотрѣнною. Къ ближайшему ознакомленію и изученію этой окраины — можно надѣяться — послужитъ путешествіе Его Высочества въ текущемъ 1886 году.

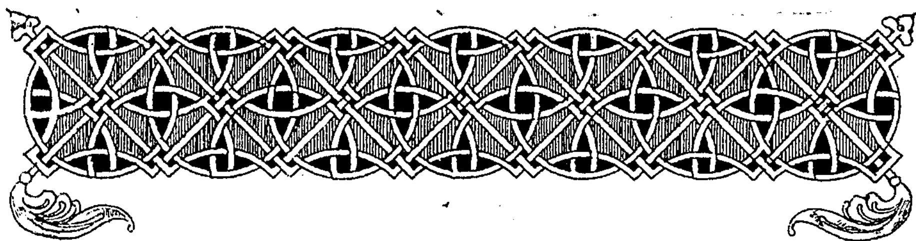

Оглавленіе.

стр.

стр.

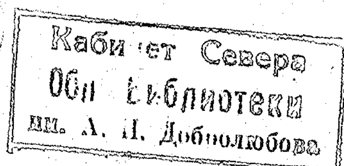

Оглавленіе рисунковъ.

Типографія
Эдуарда Гоппе
Вознесенскій пр., № 53.